

В. Ткачѐв

РЕЛЯТИВИСТСКАЯ МЕХАНИКА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД ПО-СТАРОМУ

Минск
ИООО «Право и экономика»
2008

УДК 53(075.3)
ББК 22.3
Т48

Рецензенты:

В.А. Сидоров, кандидат технических наук,
доцент Белорусского национального технического университета;

Л.Р. Уварова, кандидат химических наук

Т48 **Ткачёв, В.Г.** Релятивистская механика: новый взгляд по-старому. / В.Г. Ткачёв. – Минск: Право и экономика, 2008. - 346 с. – ISBN 978-985-442-608-2.

В книге проводится планомерный разбор таких малопонимаемых явлений, как гравитационное взаимодействие, расширение вселенной, заодно разбирается физическая природа времени и структура физического вакуума.

С единой платформы рассмотрены понятия гравитационной силы и инертности тел – как силы их своеобразного сопротивления. Такая рассмотренность позволила провести параллель меж гравитационной постоянной и постоянной Хаббла. Что привело к космологической картине, не привлекающей понятия "тёмная энергия" для объяснения ускоренного разбегания галактик. Плюс разбегание описывается новой физической формулой, выводимой из представлений о вселенской расширительности как повсеместной прибываемости вакуумного пространства.

УДК 53(075.3)
ББК 22.3

© Ткачёв В.Г., 2008

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2008

ISBN 978-985-442-608-2

Предложения и замечания просим направлять
по адресу электронной почты: vg_tkachyov@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Пункт 1. <i>О связи психики и физики</i>	4
Пункт 2. <i>Квантово-механический уровень и психика</i>	4
Пункт 3. <i>О природе гравитации</i>	8
Пункт 4. <i>Следствия из нового понимания гравитации</i>	21
Пункт 5. <i>Дополнительные формы нового понимания гравитации</i>	31
Пункт 6. <i>Пять постулатов новорелятивистской физики</i>	54
Пункт 7. <i>Новорелятивистские постулаты в полезной укороченности</i>	146
Пункт 8. <i>Теоретизационные комбинации на базе новорелятивистских постулатов (с космологическими следствиями, от стр. 271)</i>	146
Пункт 9. <i>Значение новорелятивистской теории для современной физики</i>	338
Пункт 10. <i>Подстраховки автора</i>	344
Пункт 11. <i>Психофизика как неизбежная замена физики</i>	345

НЕПРЕДВЗЯТОСТЬ ФИЗИКИ

1. В разговорах о психике постоянно всплывает понятие эфирной составляющей нашего человеческого бытия. Всплывает так или иначе, ежели разговоры достаточно полны, неусечённые. Наука же физика занимается жизнью как физической составляющей бытия человека: как, мол, сия составляющая организована в её основах? Но чем больше эта наука роется в тех основах, тем больше и она (а не только психология как наука) утыкается в "соседку" физической составляющей – эфирную составляющую. Ну, эфирную, или нефизическую, или надфизическую, или подфизическую, – всё равно, как с позиции физики-науки то обозвать, главное, что сия наука волей-неволей утыкается в нечто этакое, давая интерпретации чему ей не избежать. Волей-неволей, потому что подобной утыкаемостью у неё венчается следование своей внутренней логике, и перестать этак утыкаться – для физики-науки означает изменить самой себе. (А что до внутренней логики, то она есть у всякого процесса – имманентно ему присуща, – и, значит, есть и у процесса этой науки.)

Что ж, не дадим физике как науке совершить такую измену самой себе, произведём те назревшие интерпретации, насколько сил достанет. Нам ведь, в неусечённой занимаемости человеком как психикой, оказывается по пути с физикой – благодаря характеру её нынешнего этапа, только что обрисованному. Отсюда и появляемость сего раздела, какой бы странностью она ни выглядела в книге по психологии. (Подразумевается мой труд "Введение в психотехнику". Его физический раздел составил содержание книги, которую держите в руках. – Прим. автора.)

2. Но сначала стоит пойти несколько дальше в заявках. Заговорив о наличие некой сакраментальной переплетённости психики с физикой. Из чего и намечаются корреляции физики как науки с психологией (как наукой).

Тут как? С подачи шаманизма представляется, что психика каждого одним своим концом "завязана" на физику (ну, физичность). С подачи же оккультизма видим другой её конец витающим в "эфирностях" – как том, что по своей определенческой сути "управляет" физикой, потому что "подложено" под неё. Значит – психика может непосредственно изменять физику? Ну, не только опосредованно, через руки да инструменты? Должна мочь, если так вот, по сказанному, "витают в эфирностях одним своим концом"! С этим стоит разобратся в русле психологической науки. Оно, конечно, "эфирности" гипотетичны. Скорее даже отвергаемы наукой. Но дело ортодоксальной науки – отвергать, а наше – разбираться. Что с существованием "эфирностей", что с посылкой нематериальности человеческой психики, подвизывающейся в материалистической философии (ведь именно этой посылке противоречит "завязан-

ность" одного конца психики на физику, где-то требующая говорить о психике как о материи).

Физика как наука официально занимается физикой как составляющей бытия человека, но столь в том уже преуспела – за счёт своего квантового раздела, что неофициально уткнута в стоящее за физикой, что бы там ни стояло. То стоящее мы и обозначили собирательным словом "эфирности". И наша как физиков уткнутость в них – прежде всего в смысле выйденности на их вмещиваемость в экспериментальное изучение физики мира. Налицо ведь диффузная деструкция ими проникающих в них физических экспериментов! Ну, когда они, кажущаяся произвольным образом, от раза к разу изменяют результаты одного и того же – затрагивающего их! – эксперимента, пробно взявшегося из множества способных затрагивать. Так что в конечном счёте непонятно, какие же, собственно, результаты даёт этот эксперимент. Отчего же изменяют? Никого же больше не присутствует при скрупулёзных повторах таких экспериментов, кроме нас самих? Так может, мы сами – как физическое явление! – и есть причина? Ну, психикою, как экспериментаторы, в тех затрагивающихся "эфирностях" неосознанно пребываем, вот и брыкаемся, как процесс того не замечая? Чем получится, что физика-наука и психология уже чисто практически пересечены на современном этапе. А не только философски, как то было на этапе, только что закончившемся. Ну, заканчивающемся, по крайней мере. Так что физику, похоже, не обойтись без выступаемости психологом, и даже круче – психотехником, а психологу – физиком. Иначе в их науках начнётся белиберда.

Для "правоверных" физика и психолога это всё звучит странно. Чтоб звучало не так уж странно, подчёркиваем то, что неявно уже было сказано: дабы их двум наукам именно практически пересекаться, надо не просто, а закритически далеко исследовательски залезать или в психику, или в физичность. Как минимум, в одну из двух, если уж не в обе сразу!

Говорить же о критерии этакой закритической далёкости, значит повторять где-то уже наговоренное. Но повторим – специально для непонятливых "правоверных".

Итак, ежели закритически далеко в психику, то это до обнажённости себе человека как психоявления, замешанного на физичности. А там всего полшага до уровня залегания в нём психопертурбаций, выступающих сменой формы его внешнего физического окружения. Опыт шаманизма достаточно такое демонстрирует – только специально отворачивающийся не видит!

Ну, а в физичность закритически далеко, то это в смысле, что в самые основы физического мира – как поля приложенности произвольных физвоздействий человека. Имеется в виду практическое залезание – материальным щупом каким-нибудь. Например, пучком элементарных частиц высоких энергий.

С тем, что там дальше пойдут щупы уж квазиматериальные. Таким залезанием оказываемся на уровне глубины (квантовомеханический уровень!), где с удивлением (и недоверием!) в каком-то смысле обнаруживаем самих себя – как психику. Ну, то есть, экспериментально затрагиваемое (теми материальными воздействиями как щупами) мирозначимое столь уже тонко, что психика испускателя тех воздействий оказывается способной выступить уж напрямую его затрагивающей (в непостижимости пока сути того!). Напрямую, а не только через сами те воздействия. Эта "прямота затронутости" самопроизвольно и подмешивается (некими искажительностями результатов!) в имеющуюся "непрямоту затронутости" (как затронутости традиционного вида, которая через материальные рычаги эксперимента). По крайней мере, такое нами всерьёз утверждается, с предложением физикам-экспериментаторам попытаться на себе проверить. Точнее, утверждается даже большее! Человек как психика способен без материального посредника затрагивать и макротела, а не только элементарные и виртуальные частицы (имеется в виду, не забывать, материальная затронутость, а не какая-то там идеальная, духовная). Ещё б такому не быть: зачем человеку материальный посредник, ежели он – как психика – сам в некотором роде материя?! В том смысле хотя бы, что будучи психикой, имеет физическое тело (ну, выступает им). Что же касается частиц, то, по-видимому, он так затрагивает не частицы, а сам уровень их реализации, из чего чисто явочным порядком получается, что затрагивает и сами частицы. Вот тут и "собака зарыта"! На уровне их реализации (уровень флуктуаций их формы!) наше психоприсутствие, видать, имманентность, отчего затрагиваемость эл. частицы у нас самопроизвольна. Что называется, и не заметишь, как ты её, ничтожную, уже затронул (в её пред тобой свистопляске)! Тем у физиков – как ординарных людей! – всяк раз и получается спонтанная (читай: бессознательная и стохастичная) затронутость экспериментов, где привлекаются подобные частицы – в качестве именно объекта. Всяк раз получается, и всяк раз – разная, в силу находимости при свойстве стохастичности. То есть, эксперименты такого сорта принципиально не хотят, так сказать, показывать закономерность. Другое дело – макротела: чтоб любое из них материально психозатронуть, требуется вполне направленно и достаточно долго тянуть специфическое психоусилие – в своей сомкнутости с означенным уровнем флуктуаций частиц, так что без сознательных навыков тут не обойдёшься. Вот физические эксперименты с макротелами как объектами и оказываются независимы от психики экспериментаторов (речь об отсутствии лишь непосредственной зависимости, не спутайте под конец).

А что до проверки на себе, предложенной нами физикам-экспериментаторам, то это в смысле, чтоб как-то варьировать им своё непосредственное психоприсутствие в закритически тонком физическом экспери-

менте, пробно производящемся в достаточном числе повторов. Может, удастся уловить какие-то закономерности. В смысле зависимости экспериментального результата от характера той варьируемости. Правда, физик-экспериментатор может поначалу не вполне понимать, что́ значит "неопосредованное психоприсутствие" его в эксперименте над эл. частицами. Тогда у него возможность стартовать просто "методом тыка".

Но... ни психологи не торопятся становиться шаманами – с привлечением физиков порассмотреть выдаваемый психофизический продукт, ни физики не торопятся превращать свои опыты в опыты заодно ещё и психологические (в смысле прибавки психотехнической составляющей к составляющей физикотехнической). Так что время, когда физические законы (как продукт науки-физики) "всплывут" в психологии, для психологов ещё впереди, как впереди для физиков – "всплывшестъ" психоприёмов в тонких физических экспериментах.

Надо, однако, сказать, что физики во все века меньше думали о незаметной привносимости своей психики в физичность, нежели психологи – о выступаемости физичности подоплёкой психики как механизма, выстраиваемого в себе человеком. Так потому, что рядом с психологией всегда маячила парапсихология, тогда как рядом с физикой никакой "парафизики" не подразумевалось и в помине. Да, и в сей проводимости сравнительной параллели – лучше бы говорить о психологистах, нежели о психологах: психология ведь наука молодая, какие уж там, в былых веках, психологи!

В силу сказанного, для науки как целого сейчас актуальней будет недумание именно физиков в таком назревшем направлении. Отсутствие у них дум о психике как агенте, способном к неопосредованной ничем трансформации физичности. Ну, то бишь, что вид физичности есть, помимо прочего, поле ничем не опосредованной психовыраженности человека. По крайней мере, ничем материальным, если только саму психику не считать материей.

Итак, неопосредованная присутственности психики в ходе чисто физических процессов! Лишь в самое последнее время физики слегка о чём-то таком задумались. Не открытым текстом, но всё же. Просто вынуждены были к тому передовой своей когортой, что в лице представителей квантовой механики. Ибо это именно в последней психика ординарного экспериментатора наконец уже заметно трансформирует ход эксперимента – сама по себе, в смысле, без посредства его рук как того, чем она командует. Но, повторяю, задумываются о таком физики пока именно что слегка! В сущности, это у них всего лишь задумываемость того типа, что, мол, хорошо бы о таком задуматься. Дальше этого фактически не пошло, если отбросить шелуху-говорильню (в десяти смысловых формах сказать одно и то же – не значит, в сущности, сказать больше, чем было сказано в первый раз: девять остальных шелуха).

Осталось повториться в знаковых моментах – в порядке лёгкого резюме. Физичность, как она нам предметно предстаёт (ну, представание в качестве видимой совокупности предметов), есть плод и непосредственной нашей психовыраженности, а не только опосредованной, через руки да инструменты, предметы трансформирующие да переставляющие. К примеру, чтобы переставить стул руками с места на место (опосредованная психовыражаемость!), его сначала надо психофизически поиметь именно стулом (в порядке своей непосредственной психовыражаемости!). И поскольку физик в своих экспериментах выступает психикой, хочет того иль нет, то эксперименты те им как ею неизбежно и неогнимо подсижены, а в том числе, значит, подсижены и непосредственно. А не только опосредованно, через материальную ткань эксперимента в качестве передатчика подсидки (примером чему может быть случай, когда, скажем, внутренняя предвзятость экспериментатора незаметно от него трансформирует саму постановку опыта, через искажаемость, скажем, расстановки приборов влияя на него ещё до его прямого начала). Подобные искажительности науковедение давно ощутило, чего не скажешь об искажительностях первого вида (ну, проистекающих от непосредственных психоподсидок). Просто недостаточная материальная глубина экспериментов позволяла физикам не замечать такую свою психоподсиживаемость их хода. В смысле, что неучитываемость такой подсидки не сказывалась на результатах такого рода экспериментов. Приучив считать, что несказываемость будет всегда.

Итак, какой должна быть физическая картина мира, чтоб соответствовать "ненаучной" идее о встроенности психики человека в материю? Причём, всю окружающую, а не как-то там менее! Общие черты такой мирокартинны мы и хотим – для физиков – привести в этом разделе.

3. Основная уместная посылка: в природе нет сил, а есть лишь незамечаемые перемещения, создающие иллюзию действия силы.

Например, в купе вагона на столике – шарик для пинг-понга. Поезд трогается, шарик катится по столику в сторону, противоположную ходу поезда. Если вы, как пассажир купе, движения вагона не заметили, в объяснение шарикопокатившести скажете: "На шарик подействовала сила". На самом же деле ничего на него не подействовало: он как был, так и остаётся на месте, а это просто вагон вместе со столиком начал из-под него выкатываться.

И в том же духе касательно всего, где в сием мире естества на что-либо, в нашем понимании того, действует отвлечённая сила.

Из всех следствий данной посылки за неимением времени затронем только одно. Зато главное, на наш взгляд. А именно, обскажем то, чем оборачивается сия посылка для такого понятия, как сила притяжения Земли. Коль заведомо нет никакой силы, что же есть на месте гравитации, а лучше сказать – что скрывается под её личиной? Да некое "хитрое" движение, некая ненаглядная

нам и непрерывная перемещаемость Земли – такая, что каждая точка её поверхности набегает на предметы, находящиеся на перпендикуляре, восставленном из неё к той поверхности. Земля как бы разлетается во всех направлениях, и меж тем фигурирует остающимся на том же месте и сохраняющимся как целое телом (касательно остаюшести на месте – это не считая её движения по орбите, естественно). Как такое может быть? А вот как. Видимая Вселенная расширяется. Факт, давно фигурирующий в космологии и астрофизике. Лично я выразился бы тут корректнее: не расширяется, а псевдораздувается. Именно "псевдо", ибо ей некуда раздуваться, кроме как в саму себя. Что она такое, эта "раздуваемость"? А в каждой точке видимого нам трёхмерным пространства непрерывно и равномерно прибывает всё новый и новый его объём. А лучше бы сказать: из каждой точки пространства, существующей как пересечение трёх взаимоперпендикулярных прямых, да со стороны направления, перпендикулярного каждой из этих прямых (четвёртый перпендикуляр, для людей пока виртуальный!), появляется всё новая кубатура того пространства. Ну, и поскольку всё равно, вы ли бежите в безветренную погоду, или на вас, стоящего, дует ветер, – в любом случае вас равно обдувает воздух, – то соответственно и всё равно, выбранная ли точка земной поверхности устремляется в пространство по нормали, восставленной из неё к той поверхности, или на ту точку набегает "ветер пространства". В нашей жизни имеет место как раз второе – касательно всех точек земной поверхности, чем получается пресловутое "и волки сыты, и овцы целы": Земля и летит сразу во всех направлениях, какие только можно – как перпендикуляры – восставить от её как шара поверхности, и сохраняется единым трёхмерным телом. Естественно, подобное движение нам – с нашим "плоским восприятием" – слабо заметить как таковое. В видимом же отношении оно как раз и оборачивается тем, что материальные предметы падают на Землю одновременно со всех её боков, будто она их тянет к себе. Вот касательно Земли и пошёл гулять миф о её "силе притяжения".

Откуда же берётся такой "ветер пространства"? Если бы пространство одинаково нарастало со всех боков двух взаиморазнесённых шаров, то они бы относительно друг друга положения не меняли. Но в том-то и дело, что материальные тела выступают экраном для такого нарастания пространства – как-то там застыт "жерло" четвёртого перпендикуляра, из которого "валит" новое пространство. Ну, то есть, ежели в точку нашего пространства что-то приходит по линии четвёртого перпендикуляра, из неё, точки той, исходящего вдобавок к трём обычным, пересечением которых она является, то это неявно значит – приходит из "глубины" той точки, чтобы её собой занять (а не подкрадывается с какого-либо её бока, чтоб начать её занимать). Именно из глубины её, несмотря что никакой глубины по определению своему она иметь не может! И

вот если точку ту занимает какое-либо материальное тело, то материальность его как раз и экранирует её такую "глубину".

Скажем пространнее: если точка, из которой "валит" новое пространство, расположена в геометрическом центре материального тела (ну, новое пространство притекает ведь из всех точек уже наличного пространства, и вот одну из них попросту заняло материальное тело – так, что его геометрический центр совпал с нею), тогда то, что составляет материальность того тела, неизбежно оказывается "перед" жерлом, которое в той точке открыто: оказывается явочным порядком – просто за счёт того, что занимает вокруг точки весь объём. Ну, в смысле, оказывается "перед" жерлом по отношению к нам, в нашей сколько-то отстоящести от того тела. И особо подчёркиваем употребляемость кавычек: они бы были неуместны, только если бы линия от нас к жерлу, проходящая через материальность того тела, была самым четвёртым перпендикуляром. А это не так, отчего материальность того тела – в своей окружаемости той точки – лишь как бы перед жерлом по отношению к нам...

Итак, то, что составляет материальность тела, имманентно экранирует поставляющее пространство "жерло", занимающее точку геометрического центра того тела. И "поток" нарождающегося пространства, в спешащести его к нам, как-то там огибает этакий экран (вынужден!), так что, в общем, получаются какие-то возмущения того "потока". С тем, что какое-то "количество" пространства – из того, что непременно попало бы к нам, остаётся из-за экрана там, откуда оно для нас берётся. И вот если рядом два материальных тела, то автоматически получается, что одно в сторону другого они взаимно затрудняют пространствоприрастание. Ну, друг друга экранируют в пространственной окрест них разрастательности. То есть два экранных эффекта, с затуханием распространяющихся во все стороны, суперпозиционируют в промежутке между телами, так что там наблюдается двойной экранный эффект. Нет, суперпозиционируют они и в прочих областях, но в области между телами суммарный экранный эффект наибольший. То же, что экранные эффекты распространяются с затуханием, понятно: чем дальше от экрана, тем сказываемость его меньше.

Сказать иначе, если я материально рядом с вами, то в направлении вас я затрудняю Вселенной пространственное "разбухание". И точно так же и вы тогда по отношению ко мне. То есть между двумя материальными телами всегда зона "тени", которую они друг на друга наводят. Пространства прибавляется в той зоне меньше – сравнительно с другими вокруг тех тел, и тем меньше, чем ближе тела друг к другу. Ибо чем ближе они, тем двойная "тень" такая меж ними насыщенней. И что получается? Мы с вами друг к другу стоим лицом. Со спины у меня за секунду приросло сколько-то пространства, а со стороны лица – на сколько-то меньше того, потому что вы помешали. Значит, за спиной у

меня через секунду пространства больше, чем перед лицом, – на величину разности приростов. Ну, а коли больше, то это фактически значит, что я придвинулся к вам, оставив за спиной определённое пространство в лице той разности (это пройденное пространство: недаром же говорят, что идти значит оставлять за собой пространство!). Итак, придвинулся, коль оказался сзади некий объём, равный той разности. И всё точно то же вы могли бы сказать о себе – по отношению ко мне. То есть мы специально не идём друг к другу, но всё так располагается, всё в пространстве так "поворачивается", будто идём. Квазиидушь! Сама Вселенная нас сводит – без спроса являя взаимоприближающимися.

Но не всё так просто! Да, вселенная как целое расширяется, но в силу её огромных размеров расширительность, приходящаяся на участок меж вами и мной, находящимся в одной комнате, мизерна. Ну, размер её несравним с нашими как макротел размерами (другое дело тут для микрочастиц, типа так называемых элементарных, но это отдельный разговор). Эту приходящуюся на пространство комнаты расширительность легко посчитать, используя постоянную Хаббла, сделайте это сами. Не важно, какая она точно, важно что если её недодать – насколько мы взаимно угнетаем пространственный прирост в промежутке меж собою, то и не заметно будет. В смысле, что никакой заметной глазу приблизившести вас ко мне, а меня к вам. Почему же карандаш упадёт на пол, если я его в той же комнате выпущу из рук? Ну, то есть, упадёт на Землю? Как материальные объекты они ведь тоже почти рядом, Земля с карандашом, а меж тем падение то свидетельствует, что за счёт вселенского расширения их снесло друг с другом заметно для глаза: примерно на метровое расстояние за пол-секунды! Накладочка? Нет, потому что снос их, фоново определяясь параметрами вселенского расширения, дополнительно ещё определяется и характером блокировки ими того расширения. Особенность же сего характера в том, что всякое мат. тело выступает своеобразной линзой в лаве происходящей из-за него недоприрастаемости пространства. Если можно так выразиться! Подобно как плоско-сферический кусок стекла выступает тем же во вселенской световой лаве, собирая лучи света в одну точку за собою, называемую фокусом. Вы или я как тела – очень слабые "линзы", а вот Земля – как тело массивное – уже достаточно сильная, что и заметно на карандаше. Где же тогда лежит "фокус" Земли как "линзы недоприроста пространства"? Очевидно, в точке её геометрического центра. Экранирует прирост материя, а Земля – это много-много материи, и вся она работает на тот геометрический центр, отсюда и эффект! В общем, идея та, что слабый светопоток Солнца на уровне земной поверхности с помощью линзы способен зажечь спичку, а "раздуваемость" пространства, метрически ничтожная в сравнимом с вами по размерам объёме, с помощью массивности Земли, как бы собирающей пространствен-

ную "недораздутость" со всей округи, способна прямо-таки швырнуть вас на земную поверхность, к ней прижимая со значительным давлением в несколько десятков кГ. Сбор же такой осуществляется Землёй проекционной сводимостью "недораздутости" округи в своём геометрическом центре.

Эффект линзы для мат. тела возможен потому, что оно в "потоке" прибывающего пространства есть экран "хитрый". Что вообще есть экран? Некая ограниченная площадь, в абрисе себя не пропускающая что-то в каком-то направлении. Так вот, мат. тело как "площадь в потоке прибывающего пространства" в известном смысле не ограничено! Просто чем далее от своего центра, тем менее оно выступает экраном, но всё равно выступает. Эта выступаемость уходит в метрическую бесконечность, бесконечно же в порядке того уменьшаясь, но никогда не сходя на нет. Именно это – принципиальная непрекращаемость экранности с расстоянием – и позволяет быть реализованным известному принципу мгновенности дальнего действия гравитационных сил! Заодно обрачиваясь тем, что поле сбора пространственной недоприбытости паче чаяния оказывается безбрежным! И, стало быть, обещает достаточно весомый сбор. Делая небесмысленной притязательность тела на роль "линзы".

Итак, Земля по возможности не допускает в наш мир новое пространство. А каков механизм такой недопускаемости? Другими словами, какова механика действия вещественной материи как "заслонки" прибывающему пространству? Ну, по-видимому, такая материя попросту турбулирует квазипроцесс прибываемости – как проходящей в её пределах. Или скажем образней: прибываемость пространства в своей осуществляемости "сквозь" материю оказывается протурбулированной! И поскольку турбулировать – значит портить, то в результате – недоприбытость. Вот и всё.

Необходимо, однако, разобраться с характером турбулируемости. Что выяснили? У Земли в пределах её метрического абриса – свойство по возможности не допускать в наш мир нового пространства. Замешанное на способности турбулировать его, пространства, прибываемость. Способности, имманентной материальности земного вещества. В результате прибываемость пространства внутри метрического абриса Земли выступает перманентной протурбулированностью. Причём закритической, то бишь несовместимой ни с какой прибытостью. Вот что нам стало ясно. Но дальше! Эта перманентная протурбулированность, оказывается, турбулирует прибывание за пределами абриса. Другими словами, заабрисное прибывание перенимает турбулентность у внутриабрисного. Ну, оказывается сначала протурбулированным вблизи абриса, затем эта ближняя турбулентность турбулирует (уже с меньшей силой, разумеется) следующий "слой" прибывания, более удалённый от абриса, и так по цепочке "слоёв" до бесконечности. Это стилизованно, конечно, говоря. Чем получается, что любое мат. тело, даже самое махонькое и немассивное, имеет

дело с пространственным приростом буквально по всей Вселенной, а не с какой-то лишь частью его, что приурочена к той вселенской части, которую оно, тело, метрически занимает. Или сказать – имеет дело с приростом пространства как чем-то целым, благодаря имеемости дела с приростом пространства как чего-то целого.

Итак, всякий вещественно-материальный объект – "бельмо на глазу" огульновселенской пространстворазбухательности. Локальный её стягиватель!

В развитие этой темы каждая точка пространства может быть страктована как точечное отверстие, из которого сферически валит пространственный поток, вливающийся в уже наличное пространство. А каждая точечная вещественно-материальная масса – страктована как уменьшитель точечного отверстия при своей совпадаемости с ним. Ну, то есть, частичный его закупориватель, а потому и уменьшитель. Отчего уменьшен и сферообразный пространственный поток из того отверстия. Тем самым можно говорить, что означенная точечная масса сферно кособочит общую пространственную прибываемость относительно своей точки. Ну, сферическим образом кособочит, а не как-либо менее затейливо! Общая же пространственная прибываемость – в смысле общего плода многих точек пространства, а не одной той закупоренной точечной массой вещества. И кособочит её та масса относительно себя именно сферическим образом, отчего получающаяся скособоченность прибываемости нам незаметна. Всесторонняя скособоченность – так её вдобавок можно назвать.

Окрестная – к планете – "недораздутость" пространства, наличная из-за присутствия в нём той планеты, проекционно вполне сводима в геометрический центр последней. Ежели планета однородное тело, а вообще – в её так называемый центр масс. И вот сведённость этакая и может быть страктована как сферическая скособочившесть планетой общей пространственной прибываемости относительно своего геометрического центра.

Наговоренное немного перекликается с общей теорией относительности, где гравитационное притягивание тела объяснительно "замешивается" на понятии искривления тем телом пространства вблизи себя. Но именно, что перекликается лишь немного! Просто некая отдалённая параллель, которую мы специально ради Эйнштейна лишь и создавали – чтоб была у нас хоть какая-то с ним перекликаемость, коль он в глазах большинства авторитет в таких вопросах.

Итак, только ради Эйнштейна "с натяжкой" вводили понятие о "всесторонней скособочиваемости" вселенской пространствоприбывательности всякой вещественной массой. "Искривляние" и "скособочиваемость" – вот коррелирующие понятия из русского языка, задающие искомую параллель. А без поиска последней, так оно достаточно бы было образно сказать лишь как бы о

собираетелъстве телом в свой центр – со всей диффузной просачиваемости в нашу явь нового пространства – задержки из-за себя той просачиваемости. Массивное тело бесспорно кумулирует (из неограниченной окрестности своей – в точку своего центра) эффекты уменьшения им диффузной прибываемости пространства в точках той окрестности. Из всей Вселенной кумулирует, если иметь в виду эффекты и исчезающе малые. Потому что сколь угодно далеко стопорит прибываемость – до исчезающе малой эффективности стопорения. И кумулирует не специально, а просто явочным порядком всяк раз получается, что скумулировано – благодаря автоматической проецируемости недоприбытий пространства на место, в которое недобрибытие как связанный с телом процесс, что называется, упирается, то бишь в точку центра того тела.

Сказать иначе, фактически наличествует некая "преломляемость" – центром масс планеты! – недоприбытостей пространства, порождённых планетой в точках своей округи. И это значит, что центр масс физически способен представлять всё содеянное планетой. Ну, произведённое ею над уходящим от неё во все стороны в безбрежность пространством. Всё сотворённое ею с этой физпространственной безбрежностью.

Теперь пойдём дальше. При наличке пары тел, находящихся в виду друг друга, пространство относительно каждого из них прибывает уже не "сферически кособоко", а кособоко по-настоящему, то бишь кособоко в заметности. Ведь между телами пространства прибывает меньше, чем в прочих местах, это и оборачивается пусть не полностью, но в значительной степени односторонней его прибываемостью относительно каждого из тел, давая право говорить о тривиальной (ну, линейной) скособоченности прибываемости как целого.

Так что если мат. тело одно-одинёшенько в пространстве, то сферический поток новорождённого пространства, квазиистекающий из его центра масс, оказывается приуменьшен, но симметрично того центра. А вот если в пространстве пара тел, то у каждого из них такой сферический поток можно считать приуменьшенным асимметрично центра масс – из-за влияния соседствующего тела.

Итак, мат. тела – затрудняемости пространству прибывания в наш мир. Плюс естественным образом взаимовыявляют друг друга как такую затрудняемость (делая её асимметричной). А если нет рядом другого тела? Выступает ли тогда затруднённость как-то отобразившейся в пространстве? Ну, как-то отмечающейся на нём? Другими словами, наводимая планетой всесторонняя трансформированность прибываемости пространства как вселенского сферического потока – она хоть как-то запечатлена в "общей массе" пространства? Похоже, да: в виде некоего градиента пространства относительно планеты! В самом деле, дальше от планеты пространства постоянно прибывает больше,

ближе к ней – постоянно меньше. Это означает, что планетное тело вокруг себя фактически образует некую виртуальную пространственную лауну. И хоть и виртуальную, но позволяющую более дальнему пространству "напирать" на тело – равномерно со всех сторон. В этой равномерности – камень преткновения, потому что из-за неё то "давление" не может быть замеченным на теле – за счёт отозвавности последнего на его наличие движением. Но, похоже, такое "давление" есть! Можно назвать его пространственностатическим квазидавлением, по аналогии с давлением гидростатическим, наличным к телу при погруженности того в воду.

А теперь ещё раз о "сферической кособокости прибывания пространства", наличной относительно тела. Слишком это непривычно звучит, а потому повторно пройти будет нелишним.

Вселенская прибываемость пространства "окружно скособочена" каждым из имеющихся в мире тел. Соответственно и пространственная новопривышность из момента в момент путешествует окружно скособоченной, именно так оказываясь "влитой" в уже наличное вокруг пространство. Только в этом смысле пространство как целое локально "искривлено" в районе тела, как то вменяется ему Эйнштейном. Это, как ясно, не настоящая кривизна, ибо так скособочено – значит лишь, что по всякой восставленной из поверхности тела линии дальше от тела его больше, нежели ближе к телу. В смысле его "количества", если можно так выразиться. Такие линии восходят из всякого мат. тела, как иголки из морского ежа. Ну, составляют бесконечное множество, суммарно давая сплошноту пространственной скособоченности – в её "завернувшестности" вокруг того тела.

Сказанным создаётся лишь виртуальный градиент пространства в окрестности мат. тела. Ну, виртуальное пространственное "больше-меньше" по каждой из восставленных из тела линий. Ибо чуть только успеет пространство подале от тела больше увеличиться, чем поближе к нему, как оно уже – такое – включено в общий строй вселенского пространства, тем теряясь как объект, который можно с чем-то сравнивать. То бишь этакое "больше-меньше" постоянно растворятся в пространственном строе Вселенной, теряя способность быть замеченным "среди" остального пространства. Но, правда, так же постоянно возникает новое "больше-меньше", если можно так выразиться, – поэтому пространственное "больше-меньше" в районе всякого тела – оно "ни есть, ни нет", вот как напрашивается сказать. Ну и? Окружная скособоченность прибывания умудряется всё же как-то оказываться отметившейся на пространстве? А именно, через существование виртуального градиента пространства – при том, что существование это уж элемент реальности, а не виртуальность?

И пройдемся ещё раз по корреляции с Эйнштейном, в силу принципиальности вопроса. В отличии от Эйнштейна, у нас не искривлённость всего про-

странства в районе взятого мат. тела, а нечто вроде круговой скособоченности лишь новоприбывшего пространства в том районе. В смысле, что круговую деформацию тем телом прибывания пространства при желании можно понятию приравнять к такой скособоченности. Скособоченность то получается постоянная, но виртуальная, поскольку работает следующая "механика": новоприбывшее пространство сразу же "сливается" с имеющимся, тем автоматически теряя кособокость себя как новоприбывшего целого, задававшуюся характером его прибывания, однако кособокое прибывание, как ни в чём не бывало, продолжается – оно непрерывность, на смену "слившемуся" новоприбывшему неизменно ставящая точно такое же, отчего "сливаемость" никак не может до конца победить прибываемость – в её "круговой кособокости", а мы – из-за отсутствия этого "до конца" – имеем теоретизационное право говорить хотя бы о виртуальной кособокости свежеприбывшего пространства. О ней как круговой постоянке с центром в лице всякого мат. тела. Такое пространственное статус-кво, связанное с пробным мат. телом, может быть названо квазиискривлённостью пространства телом (что означает возможность смоделировать то статус-кво искривлённостью пространства в районе того тела). Может быть названо так при факте имеемости пространством некой общей кривизны – уже настоящей, а не модельной. Общей кривизны, за счёт которой оно "свёрнуто" в суперсферу с неким очень большим радиусом (а корректнее бы говорить – квазирадиусом, ибо за этой "сферой" – неизвестно что, если вообще что-то).

Новое пространство просачивается сразу по всему объёму нашего мира. В выступаемости, таким образом, того объёма некой суперплоскостью. И вот, при желании позволительно говорить о квазиискривлённости этой суперплоскости в районе всякого мат. тела. Я недаром заговорил о плоскости и искривлении. Представьте обычную плоскость, сквозь которую к вам что-то притекает – всегда перпендикулярно ей. Затем в эту плоскость вставлен задерживатель того чего-то – экран тому притеканию, экран некой конечной площади. Так вот хитрость в том, что в описаниях и расчётах последствий можно "не замечать" тот экран! Вести себя так, словно его нет, взамен наделяя ту плоскость определённой искривлённостью в месте экрана. Такой, чтоб то притекающее, проходя сквозь те искривлённые участки, не попадало в область прямо за экраном. Ну, меньше попадало. Результат расчёта тогда будет тот же, что и в адекватном случае, когда учитывается экран в его площадности. Будет, если правильно подобрать ту имитирующую экран искривлённость плоскости. Правильно, то бишь, имитировать экран складками плоскости, в которой он расположен! Нечто такое и проделал Эйнштейн, сам не понимая, что именно это делает.

Нечто такое, но не напрямую то же, однако. Поскольку в вопросе гравитации всё аналогизируется несколько иначе, чем в разобранный примере. Глав-

ный отличительный момент: из того, что за условной плоскостью, поступает материал самой плоскости! Ну, продлительность её, прибавки к ней, её расширяющие, – если говорить обезличенно. А нечто в плоскости – как инородная часть её – затрудняет эту прибавляемость (речь об условно уплотнившемся мат. теле, как ясно). Но и здесь можно "не замечать" такого экрана, а заодно и квазипотоки плоскости, что порождаются "избытком" её как поверхности в одних своих участках при "недостатке" в других, когда "избыток" и "недостаток" эти есть плод работы экрана. Можно, специально для расчёта выдумывая изгибаемости плоскости в окрестностях экрана и имитируя ими сказываемость течения её как поверхности на "встроенных" в неё инородных частях. Ну, проделанное с ними течением – заменять сказываемостью на них плоскостного изгиба: "встроенная" в плоскость инородная часть не может ведь сойти с неё как поверхности, а потому вынуждена бывает идти в изгиб и, проходя его, двигаться по отношению к экрану иначе, чем получилось бы у неё без того изгиба. Иначе, причём именно так, как двигалась бы под действием порождённого экраном квазитечения поверхности. Вот такая зарисовка уже на ступень ближе к тому, что проделал Эйнштейн в ОТО.

Вообще-то Эйнштейн, насколько мне известно, не отвечает, как возникает именно передвижение одного мат. тела к другому в порядке их гравитационного взаимодействия. Локальная искривлённость пространства – это просто предрасположение к такому передвижению, но сама по себе она ещё не сила, которая может тела толкать. "Рельсы" в лице пространственного искривления проложены, но чем-то надо ещё по ним тело и толкать, – так образно можно выразиться. В ОТО же лишь указывается, что тела продолжают себе двигаться по инерции, а новые рельсы – в лице локальных пространственных искривлённостей в районе тел – являют эту инерционную переместительность движением тех тел друг к другу. На мой взгляд, это форменная отмашка! Ибо надо уж заодно и допускать, что отсутствия механического движения для тела в природе не существует. Это во-первых, а во-вторых – инерционное движение имеет ведь свойство гаситься: сила, приложенная к телу в направлении, противоположном его инерционному движению, то движение гасит, сводя со временем на нет. Но сколько ни толкай камень в гору (то есть – сколько ни гаси его "инерционное" движение к центру Земли), как только ты перестанешь это делать, он меняет направление и катится с горы вниз, как ни в чём не бывало.

Что же делать нам в русле ОТО? Разве что считать пространство средой, деформация которой увлекает объекты, в ней "плавающие" – мат. тела. Но всё подобное – шибко вымученно, слишком явно как подгонка под наличный факт. Ведь сразу встаёт вопрос: откуда берутся деформации, и почему возникают именно они как природное явление? Вопрос без ответа в ОТО! Подоб-

ными подгонками занимался ещё сам Ньютон. Оговаривая действие эфира как своей первоначальной идеи: мол, есть эфир с его прониканием в "поры" мат. тел тем более, чем ближе те тела в виду друг друга расположены, когда чем больше его в телах, тем более они составляют некое невидимое целое друг с другом, и тем – на видимом уже уровне – стремятся друг к другу. Не утверждаю, что именно такую подогнанность родил Ньютон, но построениями в этом духе он занимался, и я точно знаю, что вводил понятие особых пор у мат. тел, – вот я здесь за Ньютона и довожу такие построения до их возможного логического конца, более него понимая, что такое эфир.

По Эйнштейну же в общем получается, что мат. тела взаимодействуют теми локальными искривлённостями пространства, которые они – каждое вокруг себя – произвели. Не знаю, понимал ли сам Эйнштейн это! На его месте я бы разводил тут логику так. Вспучивания суперплоскости нашего пространства меж лицевыми поверхностями мат. тел, смотрящими друг на друга, взаимокompенсируются (ну, нейтрализуют друг друга, тем давая "суперплоскостную гладь", потому что одно из них проистекает от правого тела, а второе – от левого, и если тела вспучивают суперплоскость всегда одинаковым манером – например, по часовой стрелке, то именно нейтрализация и получается: левое – по отношению к нам – тело будет – в промежутке между телами – загибать суперплоскость в направлении, эквивалентном низу для хода обычной плоскости в трёхмерном пространстве, а правое – в том же промежутке будет загибать суперплоскость "вверх"). Так что ясно, взаимокompенсируются, а вот позади тех тел соответственным вспученностям компенсироваться нечем, они остаются и "стремятся" обратно превратиться в гладь (ибо только при ней у суперплоскости наименьшая поверхность), тем "толкая в спину" каждое из тех тел, то бишь – по направлению друг к другу. Повторюсь что не знаю, как видел подобный механизм сам Эйнштейн, мне же он видится так, для примера. Но именно что для примера, ибо мало ли какие механизмы можно сконструировать с помощью понятия пространства как "сырья", чтоб мат. тела вели себя по ним друг с другом так же, как ведут благодаря дисбалансу пространственного прироста, который друг для друга неспециально порождают! В этом как раз хитрость мироздания, которое даёт нам возможность и имитационной его постигаемости, а не только настоящей.

Кстати, худо-бедно подвизуются в науке и другие теории гравитации, не одна эйнштейнова. Самые разные, и объединяет их, вместе с эйнштейновой, как раз только одно: все они лишь моделируют тяготение – каждая на своей основе, – и похоже, что только замес теории на прирастательности пространства способен освободить тяготенье от модельности. В натурфилософском отношении отображая его реально.

В этой связи стоит заострить момент, которого вскользь уже касались. А именно, что не говорится в ОТО ничего внятного о механизме локального искривления пространства мат. телом, а значит о том, на основании чего такое может быть. С чего вдруг? Почему материя должна пространство именно искривлять? Какие экспериментальные данные указывают на это? Хотя бы отвлечённые, составляющие лишь физическую аналогию, от которой можно было бы оттолкнуться в сторону именно пространстоискривительности как свойства тел? На всё это я не находил в ОТО ответа.

Но хватит эйнштейниады! Вернёмся к собственно нашим построениям. В которых только и осталось, что чётко резюмировать: для объяснения значительности гравитационного эффекта меж такими телами, как, например, Земля и человек на ней, вполне достаточно привлекавшегося нами соображения геометрической суммации. Затруднившись телом прироста пространства в некой отстоящей точке своей окрестности – она автоматически проецируется в точку центра этого тела как недоданность ёй пространства. И так буквально по всем точкам окрестности, в том числе и сколь угодно далёким. Составляющим, стало быть, бесконечную множественность. Вот откуда большая "притягательная" сила центра планеты – из такой множественности! То есть проекция – вот ключевое слово. Для понимания выступаемости мат. тела своеобразной линзой.

И ещё один "штырь" торчит в вопросе. Тела ведь падают на Землю ускоренно. А пространство прибывает во Вселенную равномерно. Откуда тогда берётся ускорение (читай: движенческая неравномерность) вместо логически тут напрашивающегося равномерного падения тел друг на друга? Очевидно оттуда же, откуда и на равномерно вращающейся центрифуге возникает ускорение, прижимающее вас к спинке кресла. Мне так думается, ежели изъясняться в физической аналогии и "на пальцах".

А наглядность идейной сути нашей базовой гипотезы даёт ещё одна аналогия. Если на поверхность раздуваемого мыльного пузыря попадают две соринки, они по мере его раздувания приближаются друг к другу и неизбежно сливаются в один конгломерат (если были достаточно близки изначально, разумеется). Я это ещё в детстве заметил – просто потому, что когда сливаются, оболочка пузыря в месте слияния не выдерживает их веса и он лопается. А казалось бы, по мере раздувания соринки должны разноситься! Именно так считает наше подсознание, и в детской безотчётности я просто пытался дуть сильнее: мол, уж это-то заставит их разнестись. А соринки в ответ лишь ещё быстрее сближались! Заставив меня с удивленьем сделать вывод, что это именно раздув пузыря их сближает...

Соринки разносились бы, если б взаимно не мешали тому участку эмульсии, что между ними, участвовать в образке новых частей мыльной поверхности пузыря. Но нет, заметно бывает прямо на глаз, что между ними участок поверхности утоньчается менее активно, чем в прочих местах. Чем автоматически и получается, что их сносит друг с другом, друг к другу толкая. Какая сила толкает? Ну, в наиболее непосредственном отношении – движутся они под действием силы поверхностного натяжения утоньчающегося слоя мыльной эмульсии (сила такая как сопротивление утоньчению слоя), ну а в конечном счёте – толкает их сила сокращаемости ваших лёгких, что вдувают воздух в пузырь. Равно как и вас бросает на Землю сила лёгких Брахмы, что раздувают материальную Вселенную (я уж тут шпарю без кавычек – надоело; также "сила" мы тут говорим по инерции – сил-то ведь как таковых нету!).

Хорошая ещё геометрическая образность найдена нами. Как известно со времён Ньютона, сила гравитации убывает обратнопропорционально квадрату расстояния до притягивающего вас тела. То есть, как бы растекается по площади, коль замешаны именно квадраты в формуле. По площади, надо полагать, сферы, окружающей то тело, сферы с радиусом, равным вашему удалению от того тела. "Размазывается" по ней, по той площади. Увеличили вы своё расстояние до тела, гравитация его растекается по сфере с бóльшим радиусом и поверхностью, уменьшаясь по величине соответственно этой большей своей растёкшести, а не соответственно большей своей растянутости по линии от тела до вас. Такая образная интерпретация... А квадраты в формуле и должны быть, согласно нашим разводимым представлениям. Понятие "экран" всегда связано с поверхностью в нашем мире. Когда Земля удаляется от вас в два раза, площадь, которую она как экран согласно абрису своему проекционно покрывает в направлении вас, уменьшается на уровне вас в четыре раза. Сказать иначе, начинает видеться вам Земля как диск с площадью, в четыре раза меньшей. Соответственно в четыре раза слабее проявляется на вас и "экран разбуханию пространства", что залегает в абрисе Земли. Из-за чего вчетверо меньше притягивание вас планетой, которое прямопропорционально выраженности выступления её таким экраном.

Что-то "из той же оперы" умственно ухватил ещё К. Э. Циолковский – великий человек русской культуры. В одной из его самиздатовских книжечек (кажется, "Грёзы о земле и небе") я встретил следующее толкование, почему сила притяжения убывает не линейно по мере удаления тела от планеты: дескать, сила та "расходится" в пространстве, что между телом и планетой. Эх, были люди! Меня это восхитило, поскольку сам подспудно тогда чувствовал то же. Так что могу в том направлении от себя добавить. Всё это подобно, как капля водорастворимого красителя расходится по стакану воды, ежели его туда капнуть: чем больше разошлась, тем блёкше окраска, пока вся вода в стака-

не не станет равномерно окрашена в каком-то наиболее блёклом (и окончательном!) варианте... Ну, в наиболее непосредственном отношении гравитация "растекается"-то по сфере, но пространство здесь – как набор бесконечного числа сфер, вложенных друг в друга...

Итак, называемое нами "силой тяготения" есть дериват увеличивающести видимой Вселенной в её объёме. В связи с чем читателю требуется чётко уяснить: ежели есть два определённо-разнесённых мат. тела, то чтобы каждому из них не менять своего положения в непрерывно меняющемся пространстве, они должны устремляться друг к другу, сближаясь. Таков уж расклад прибываемости пространства в их общей округе, что если они останутся в состоянии покоя по отношению друг к другу, то не останутся в прежних своих соотносённостях с прилегающим пространством. И тем самым – в прежних своих положениях по отношению к пространству вообще! И поскольку именно "не менять своё положение относительно пространства" им вменяет первый закон Ньютона (именно это, оказывается, а не что-либо другое, ежели смотреть в корень!), то они и не меняют, взамен устремляясь одно к другому. А мы, по ненаглядности нам этой картины, заявляем: мол, взаимопритягиваются. Если же не даём тому "притяжению" уменьшать расстояние меж телами (например, ставя жёсткую перемычку меж ними), то каждое из них оказывается ускоренно перемещающимся относительно пространства как мирового целого – по прямой, соединяющей его с соседом, и в направлении от него. Причём величина такого ускорения больше у того из тел, у которого масса меньше. И ускорение это вполне чувствуется: например давлением земли на подошвы ваших ног, когда вы на ней стоите. На то оно и ускорение, чтоб чувствоваться (в смысле, осязательно проявляться как приложенность)! А вот "притяжение" вас Землёю как раз не чувствуется – в смысле отсутствия ощущения приложенности к вам тяги, когда вы на Землю без помех падаете. Так что, хоть оно и притяжение, а не тянет! Такая вот хитрость, означающая что никакого притяжения фактически нет: просто некая нетривиальная происходящая так называется, в недостающей словесной адекватности.

4. Не так давно племянник прислал письмо. Пишет что прочёл в "Nature" статью, где автор плачется, что нынешние измерения гравитационной постоянной показывают её уменьшившись со времён Кавендиша (как первого её измерителя). Надо полагать, имеется в виду разница в значениях, до конца не покрываемая ошибками измерений – Кавендиша и нынешних, в их налаженности друг на друга, тех ошибок. Ну, разброс значений Кавендиша не перекрывается с разбросом значений экспериментаторов нынешних.

Так вот, плакаться тому автору было нечего – гравитационная постоянная и должна уменьшаться со временем! Ведь квазирадиус Вселенной непрерывно растёт, а значит, относительное увеличение её объёма за единицу вре-

мени – всё меньше и меньше, ежели объёмно прибывает она в том же темпе. Говоря предметно, пусть к чему-то неизменно прибывает килограмм в секунду – тогда вначале, когда вес этого чего-то десять килограмм, за секунду оно увеличивается на одну десятую, но потом, когда вес его уже сто килограмм, увеличивается за секунду лишь на одну сотую. Вот так и здесь у нас. Означая, что в каждой точке Вселенной объёмная прибываемость её всё менее заметна по мере роста прибытости. Всё менее сказывается на мат. телах, то есть. И поскольку эта сказываемость есть их взаимопротяжение (а лучше сказать – их взаимоустремляемость, чисто явочным порядком получающаяся), то константа, что определяет посчитанную величину притяжения, должна уменьшаться. Видать, двести лет, прошедших со времён Кавендиша, оказываются уже достаточными для уменьшенности, способной заметиться нашими средствами.

Кстати, насколько мне известно, Дирак тоже почему-то считал, что гравитационная постоянная должна уменьшаться со временем. Пишу "почему-то", поскольку не вникал, почему именно. Вопрос этот оставляя пока открытым, не премину добавить, что лично я Дирака зело уважаю – больше чем остальных физиков двадцатого века. Одно "море Дирака" чего стоит как концепция! Ведь то первая (!) попытка разобраться в природе физического вакуума, первая в современной физике, по крайней мере. Попытка разобраться в его внутреннем наполнении, если хотите. Уже одна такая постановка вопроса дорогого стоит!

Но вернёмся ещё к письму племянника. Перепоём уже наговоренное. Как я понял, автор статьи жалуется фактически на то, что современная точность измерений гравитационной постоянной столь велика, что уже, пожалуй, невозможно отличие полученного её значения от значения Кавендиша объяснить одной лишь погрешностью измерений последнего. То есть: погрешность у Кавендиша пусть велика, но конечна; суть его измерительной установки и её технологические параметры – известны, так что измерения те можно сейчас повторить и тем вполне оценить порядок его погрешности; и вот: если брать постоянной Кавендиша крайне возможное по малости значение из его измерительных разбросов, а постоянной современной – наибольшее значение из разбросов у нынешних измерительных конструкций (ну, делаем всё возможное, чтоб значения постоянных перекрылись), то и тогда оказывается, что значения не перекрываются. Вывод: за время, прошедшее с конца восемнадцатого века, когда работал Кавендиш, гравитационная постоянная успела видимым образом уменьшиться. Вот автор статьи и плачется, не зная, куда физтеоретически девать сей факт, а племянник смеётся: по твоей, дескать, гипотезе о природе гравитации – и должна та постоянная уменьшаться со временем. Да, должна, и тем, строго говоря, постоянной не является! По нашим представлениям, гравитация есть прямой дериват разбухания материальной Вселенной как замкнутого самоё на себя пространства, и если темп разбухания (ну, интенсивность

пространственного "наддува" Вселенной) не меняется, то сказываемость его на более разбухшей Вселенной меньше, нежели на разбухшей менее, и такая меньшая сказываемость и является нам меньшей гравитационной постоянной. То бишь со времён Кавендиша материальная Вселенная успела пространственно разбухнуть настолько, что где-то на пределе мы уже могли это заметить.

А необходимая физическая аналогия, поясняющая уменьшаемость гравитационной постоянной со временем, всё та же: надувайте резиновый шарик, не меняя силы выдоха, и тогда чем больше вы его раздуете, тем труднее будет вам, глядя на его поверхность, заметить его раздуваемость. Темп расширения той поверхности уменьшается по мере её увеличения, и компенсировать его можно было бы лишь увеличением темпа наддува шарика, а этого нет, коль силу выдоха держите постоянной.

С удовлетворением также отмечаем, что наша гипотеза о природе гравитации хорошо соответствует известному принципу эквивалентности гравитационной и инертной масс. Точнее, надо говорить о сверх-хорошем соответствии! В том смысле что гравитационная – в подспуде тоже инертная, согласно нашим построениям. Ну, замаскированная инертная, так сказать. Ведь ничего кроме движения в образовании тяготения не участвует – согласно нашей идее о природе гравитации, – а мера отзывчивости тела на попытку изменения его движения и есть его инертная масса. То бишь о чём мы? Обладаемость мат. тел тяготением, проявляющая нам их гравитационные массы, когда они находятся в виду друг друга, выступает у них просто второй формой наведения изменённости движения друг другу, где первая форма наведения – это когда тела незамысловато наталкиваем руками на пространство. Первая и вторая формы, с тем что вторая есть форма, обратная к первой, если можно так сказать. Ибо в порядке неё само пространство толкается на тело (насколько понятие "толкать" применительно к такой штуковине, как пространство). Само пространство на тело, а не тело на пространство, как это бывает обычно. Та и другая толкаемости – обратная и прямая формы одного явления, называемого нами изменением состояния движения у тел. Соответственно, гравитационной и инертной как "видам" массы просто нет в физтеории нужды быть эквивалентными. Что можно – ради смеха – обозвать их сверх-эквивалентностью.

В общем, **средство "толкать пространство" сродни у тела средству сопротивляться толкаемости по пространству**. Два эти средства у тела – как две стороны у одной медали. То бишь просто две формы одного содержания.

Физ. явлением же, позволяющим (и приглашающим!) говорить о сверх-эквивалентности, выступает одинаковость "ощущений" у тела что при действии на него гравитационной силы, что при действии силы инерции: в обоих случаях тело находит себя ускоряющимся, но без испытываемости давления на тот из двух своих боков, что смотрит против направления наличной ускоряе-

мости. Плюс находит так себя без испытываемости давленья и на остающийся бок, если только ничто стороннее и нисколько не мешает – через посредство тела! – каждой из тех сил ускорять его.

Для конкретики примеры. Если сидите на открытой движущейся платформе, то стоит ей резко затормозить, как кубарем с неё покатитесь, нисколько однако не ощущая, чтоб что-то толкало вас под смотрящий против хода качения бок. Слетать вас заставила сила инерции, придав по отношению к платформе ускорения. И схоже действует и грависила, если оторвать вас от земли, подержать и отпустить: придаётся вам той силой ускорение к земле, и тоже без толкающего давления на какой бы ни было участок вашей как тела поверхности.

Итак? Обладаемость мат. тела свойством изменять своё движение из-за попадаемости в поле тяготения – есть просто реализуемость природой противной формы изменения движения у тел. Противная форма измененья движения как отношений с пространством! Где прямая форма – это когда что стороннее наталкивает тело на пространство. Так что – две формы одного и того же содержания, вот что имеем.

Обрисованная же "сверхэквивалентность" гравитационной и инертной масс выступает принципом, атрибутивным нашей идее о природе гравитации. Отсутствие – согласно сей идее – нужды рассматривать эквивалентность таких масс объявляем их сверхэквивалентностью, исключительно в угоду привычному слэнгу релятивистской механики. Гравитационная и инертная проявляемость массы мат. тела – просто две стороны одной "медали" в лице участия его в таком физическом явлении, как меняемость состояния движения.

Теперь о мгновенности дальнодейтвия гравитационной силы, по поводу которой так переживал Ньютон и последователи. Она как несуразность при теории всемирного тяготения снимается разводимыми нашей гипотезой представлениями. А именно, нет никакой тут силы, а потому нечему и дальнодействовать – в неразрешённой наукой-физикой мгновенности того. Сказать иначе, в плане взаимодействия тел, которое мы называем гравитационным, взятое тело никак не воздействует на другие – в смысле передаваемости воздействия как чего-то материального. А что же тогда? А просто оно так получается, что воздействует! Ну, воздействие на них есть помимо него, того тела, – это перманентная расширительность содержащего их пространства, пространства как чего-то целого. А взятое тело лишь заслоняет их от неё – то и оказывается его воздействием на них. Заслоняет, тем неспециально заставляя срабатывать в связи с ними – как некий фактор! – наличку вселенской пространственной целостности, а боле ничего не делает. Но боле ничего ему и не надо делать – хватает этого.

Итак, воздействие в частичной избавляемости от другого воздействия, вот что имеет место! То есть не прямое, надставленное воздействие. Лишь как щелчок рубильника, запускатель. Прямое воздействие и такое – не одно и то же. Такое воздействие – физически лишь фантом воздействия, а не воздействие, поскольку всё определяется не его физической природой, а физической природой того воздействия, которое им нейтрализуется. Ну, фактом присутствия последнего – в его физической природе. В нашем случае – пространственной расширительностью в её целостности. Ну, в смысле, свойством целостности у расширительности. Наличие последней – как вселенского целого – делает присутствие взятого мат. тела воздействием на другие мат. тела только в метафизическом, а не физическом смысле. А нет физически воздействия, нечему и передаваться, нечему же передаваться, не выступает несуразностью и мгновенность сказываемости присутствия того тела на всех других телах: физически непередающееся может оказываться передавшимся и мгновенно. В общем, то фантомная передача, а с фантома и взятки гладки, как говорится.

В аналогии будь сказано, вы можете несколько не быть героем – сами по себе, но внешние обстоятельства так поворачиваются, что оказываетесь поставленными в геройское положение. Ничего героического не совершив – тем не менее герой! Всё необходимое свершилось вокруг вас жизнью помимо вас. От вас же требовалось только присутствие. Так и тут у нас – каждое мат. тело выступает именно таким "героем".

Ну или оговорим всё это немного в другом ключе. Есть экран, значит обязательно есть то, против чего он направлен. Ибо не было бы, бессмысленно было бы говорить об экране. И это нечто, против коего экран направлен, так же обязательно чему-то адресуется. Просто адресатом автоматически оказывается тот, кто поставил вопрос существования против себя экрана. Означенное нечто должно дойти до поставившего сей вопрос, иначе оценить состояние последнего он будет не способен. Ну и ясно, что "поведение" экрана по отношению к адресату зависит от характера того чего-то, не пускать что к адресату экран тот предназначен. Каков же характер этого чего-то в нашем случае? А хитрый! Мат. тело ведь экран для вселенской расширительности. В смысле, что последняя как раз есть то, против чего экран в лице тела направлен. А такое означает, что появление тела в какой-либо точке Вселенной сразу экранирует все другие её точки (ну и мат. тела, которые в них расположены), ибо **вселенская расширительность в любой из тех точек та же самая, а не какая-то другая.** То есть говорить, что тело-экран скажется на прочих точках вселенной не сразу, это значит отказывать вселенской расширительности в праве выступать чем-то целым, что фактически означает отвергать её (ну, отказывать ей в существовании).

Да что там, этак сказать даже мало. В этой связи уместно выразиться даже вот как: говорить о конечной скорости передачи гравитационной силы – значит самому вселенскому пространству отказывать в праве выступать чем-то целым!

То есть уместно ещё одно построение. Пространственно разбухает вся мат. Вселенная, как целое, и каждое мат. тело своим появлением образует частичный заслон разбуханию именно этого целого. А это фактически должно значить, что передатчиком гравивоздействия мат. тела на другие тела выступает эфир – тот самый, который "содержит" в себе материальную Вселенную, – и именно потому выступает, что содержит её в себе. Или даже усугублённой выразимся: передачей служит просто факт наличия эфира как чего-то целого, имманентная способность его выступать именно чем-то целым в своей охватываемости заведомо всех материальных объектов Вселенной. То есть передачи в обычном смысле нет (ну, в физическом), а просто срабатывает эфир – фактом целостности его в своём наличии. Ну или сказать на ступень обезличенней, срабатывает то, посредством чего материальная Вселенная имеет возможность фигурировать для нас чем-то целым. Срабатывает равно для всех её точек, потому что все они равно находятся при его факте. Отсюда и мгновенность сказываемости мат. тела как экрана на любой точке Вселенной! Ну, появившести его или изменившести им своих массных характеристик.

Фактическая мгновенность дальнего действия гравитационной силы – как теоретическая неоггибаемость – чрезвычайно заботила Ньютона. Что особенно отражалось в неофициозе – в частных письмах, к примеру. Вот что он в этой связи писал в одном из них: "Мнение, что тяготение есть основное свойство, присущее материи, что любое тело может действовать на другие тела на расстоянии через пустое пространство без посредства чего-либо, что могло бы перенести действие и силу от одного тела к другому, – такое мнение мне кажется полным абсурдом, и я уверен, что ни один человек, способный рассуждать о философских вопросах, не может прийти к нему. Тяжесть есть следствие какой-то причины, действующей непрестанно по известному закону... решение вопроса о том, материальна ли эта причина или не материальна, я оставляю моим читателям". Что ж, мы как "читатели" решили этот вопрос: причина полуматериальна, если можно так выразиться. Ну или полунематериальна, что то же самое. Так потому, что в ней замешан эфир как пограничье материи. Не был бы он вообще замешан – причина прозывалась бы материальной, был бы замешан только он – прозывалась бы она нематериальной, а так – резонно маркируется как полуматериальная. Ибо эфир – в порядке её наличия – всё-таки только замешан, а не всё на себя берёт. Да что там – замешанность его тут лишь в том, что он просто маячит, а остальная причинная роль отведена ваку-

ум-пространству. Другое дело, что последнее само не шибко-то материально (и спасибо ещё, что можно сказать хоть так – в свете последних физнаучных веяний, согласно которым вакуум всё ж из чего-то да "состоит", а именно – из виртуальных частиц, так что оказывается нелишёнкой смысла заикаемость о каком-то подобии его материи). Так, повторяю, и набегает условная маркировка при причине тяготения: полуматериальна. Что же касается "посредника", без коего Ньютон не мыслил явления гравитации, то он, конечно же, подразумевал какой-то частный материальный посредник, несущий именно гравитационную специфику мироздания в ряду подобных посредников, несущих другие его специфики. И тут ошибался! Такого посредника как раз и нет, и в этом беспрецедентная мощь и хитрость тяготения. Но вообще посредник, как мы видели, есть – то сама Вселенная, как целое! Так что, получается, по большому счёту мы не расходимся во взглядах с пробандом этих дел: непосредничество как "полный абсурд" не используем.

Мечта о частном специфическом физпосреднике не стыковалась с мгновенным дальнодействием гравитации, отсутствие же такого посредника не стыковалось с общим строем науки-физики тех – да и наших! – дней. Ведь аксиомой ещё для Галилея было, что сила передаётся телу физическим (читай: материальным) воздействием на него другого тела. Или, говоря другими словами, что-то произойти с мат. телом может только через материализующееся воздействие на него другого мат. тела. А тут воздействия нет (ну, упорно не наблюдаем частный материальный посредник – гравитационное поле, ежели выразаться по-современному), а тяготение есть! Как это понимать? В этом противоречии была ментальная трагедия Ньютона. Что же здесь даёт наша теория? Ну, у нас означенная аксиома вроде не нарушена: воздействие тела на тело есть, но "хитрое": в виде избавления от уже имеющегося воздействия чего-то другого. Причём вторая "хитрость" та, что этим "другим" выступает сама Вселенная! Ну, её пространственный прирост – как нечто предельно охватное. Такой прирост как штука вполне материальная. Или нет? Ежели да, то бывшее аксиомой для Галилея в конечном счёте не нарушается и здесь, но ежели нет... в общем, решайте сами, как пресловутые ньютоновы читатели. Что же до меня, то заявляется только одно: в вопросе тяготения всё так, как мною наговорено, что бы оно ни означало в его соотнесённости с наличным состоянием физической науки. Ибо оно у меня плод видения, а не умствования. Видение такое: одно тело со своей стороны частично затеняет другое от некоего макровоздействия, непрерывно приложенного к нему, тому другому телу, со всех его сторон, причём макровоздействия с предельно возможной для природы величиною "макровости". Вот вам и тяготение, гравитационная тяга, – как результат возникающего нарушения круговой уравниваемости макровоздействия.

Итак, гравитационное воздействие тела на тело – это воздействие через воздействие на воздействие: все тела заведомо подвержены вездесущему воздействию прирастаетости пространства, в котором находятся, с тем что само присутствие тела в пространстве выступает воздействием на ту прирастаетость, тем автоматически оказываясь воздействующим на все остальные тела.

Вот что значит правильно понять, что есть что: всё сразу становится на свои места – в этих мучивших науку "трагедиях" типа отсутствия частного посредника у гравитации или мгновенности её дальнего действия.

Как выступает экраном мат. тело воздействует на другие тела непрямо, а в частном посреднике – как том, что надо сперва изыскать – нуждаются только воздействия, задуманные прямыми.

Ну, то есть, в воздейственной непрямоте, которую, среди прочего, представляет и тяготение как воздействие тела на тело, необходимая опосредованность имеется неспециальным образом. И потому искать специального посредника в подобном – чем, "засучив рукава", занимались Ньютон и последователи, – это, что называется, искать масло в масле: естественно, не найдёшь.

Тяготение само по себе посредничество, а потому ни в каком посреднике не нуждается! Посредничество – между телом и телом – цельного "комка" вселенского пространства в его имманентной – и перманентной! – разбухательности. И если бы эта штуковина посредничала с конечной скоростью, она не была бы "комком", вот в чём хитрость. Другими словами, Вселенная не была бы Вселенной.

Нельзя не коснуться и истории вопроса о природе гравитации. Или о причине тяготения, как говаривали во времена Ньютона. Уж очень она забавна, история эта, да мы её вскользь уже и коснулись, затронув вопрос мгновенности дальнего действия. Теперь же коснёмся прямо, тем более что мы со своими идеями – её венец, этой истории.

Ну, прежде всего сам Ньютон. Вот что он писал: "Эта сила происходит от некоторой причины, которая проникает до центра Солнца и планет без уменьшения своей способности..." Ну, ещё бы так тому не быть, коли сам центр всякого материального тела как раз и является источником этой "силы" – ей и "проникать" туда не надо! А далее Ньютон напоминает свойства силы тяготения и заканчивает своим знаменитым: "Причину же этих свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю". И тем не менее, в частном письме Бойлю "измыслил" гипотезу об эфире (как "тонком" проникателе в своеобразные поры мат. тел). Чем ближе мат. тело к центру тяготения, тем больше "тонкие" частицы эфира заполняют означенные поры того тела, что и заставляет его падать на тот центр (стремиться к центру Земли, например). Так эта "сырая" гипотеза Ньютона описана в одной научно-

популярной книжонке. Что ж, в русле разводимых нами идей можем констатировать, что в самом грубом приближении такое верно. А именно, хотя бы введена к работе базовая посылка – связь проявляемости эфира с центром тяготения. А всё остальное – ладно уж. Тем более, что в порядке перекликаемости с заявленным возможно наговорить кой-чего посущественней. А именно, в промежути между мат. телами оно, можно считать, эфира проекционно больше, чем в прочих местах, в частности – за теми телами. Ну, в смысле, эфирная проекция больше в таком месте – сам эфир с физикой не смешивается. Проекционно эфира там больше, и соответственно меньше пространства как эфировой производной (потому и больше там проекция эфира, что он "потратиться" на пространство не успел – в некой части от заявленного к тому в том районе; а лучше сказать на ступень неспецифичней – не сумел: часть того его, который должен был в том районе превратиться в пространство, не сумела так реализоваться)...

Ну, а на ступень менее грубое приближение сделал французский физик восемнадцатого века Лесажа. Он прибег к помощи "сверхтонкой материи". Некие "тонкие" частицы носятся в пространстве во всех направлениях, толкая встречающиеся на их пути обычные тела. Эту информацию я почерпнул у известного популяризатора науки Р. Подольного. Вот что он пишет об идее Лесажа далее: "Два тела притягиваются друг к другу постольку, поскольку они защищают друг друга от части этих толчков: каждое тело получает меньше ударов с той стороны, которой оно обращено к другому, вот так и возникает сила тяготения". И дальше резюмирует: "Есть немало способов опровергнуть эту гипотезу. Вот только один из них. Любая планета, в том числе и Земля, должна бомбардироваться со всех сторон корпускулами Лесажа. Поскольку она движется в пространстве вокруг центрального светила, то количество встреч с гипотетическими частицами больше у той части планеты, что обращена в сторону движения. Поэтому столкновений, которые тормозят планету, больше, чем таких, которые её подгоняют. Должно происходить постоянное замедление движения планет". Вот тут-то ты и не прав, Рома! Всё бы так, ежели бы не маленькая деталь: корпускулы-то "тонкие". А ты вменяешь им вести себя как обычные "грубые", вроде молекул разреженного газа, в толще которого проносится планета. Нет, на то она и "тонкость" у корпускулы Лесажа, чтоб в своём поведении та была инвариантна от скорости планеты – и величины её вектора, и направленности. Планета ведь относится к "грубым" объектам, значит – другая епархия, событийно не вполне наложенная на епархию "тонких" объектов. Последние, так сказать, витают в ином измерении, нежели то, в котором подвизуется физическая скорость планеты, вот эта скорость и не может заставить их чаще ударять планету в лоб, нежели в спину. Тем более, что есть прецедент: скорость света ведь по отношению к мат. телам одна и та

же, даже если тела те имеют друг к другу относительную скорость, неравную нулю. Одна и та же, несмотря что состоит свет из частиц, даже и не вполне "тонких" (имеем в виду световые кванты). Вот как я защищаю Лесажа! Уж не знаю, как он защищался сам... Но вернёмся к Подольному (я не зря потратил бумагу на упоминание его имени: этот парень сыграл большую роль в моём становлении как физика). Он заканчивает здесь вот так: "И тем не менее в разных вариациях и модификациях идея Лесажа умирала и воскресала на протяжении и девятнадцатого и даже двадцатого века. Таился в ней некий соблазн, ..." Ещё бы ему не таиться! Каждый исследователь интуитивно чувствовал, что идея Лесажа – шаг в правильном направлении, отсюда и соблазн. Если же идею, обыгрываемую в наших построениях, считать-таки тоже модификацией идеи Лесажа, то мы пошли дальше всех модификаторов: работать на гравитацию заставляем не эфир в каких-то там частицах, а "просто эфир". Я только дивлюсь: как у людей сильна приверженность ума физичности! По её образу и Лесаж, и Ньютон соответственно "тонкую материю" и "эфир" не смущаясь берут состоящими из "частиц". Будто это им материальная субстанция какая-то. Её образ и подобие нахально узрели в эфире. Ан нет, он не такой как мысленности, он присутствует просто, а не частицами, – ежели б присутствовал ими, не был бы как раз эфиром – тем нечто с суперсвойствами, которые мы ему вменяем.

И последнее из нужного в этом пункте. Оппонент может поинтересоваться, а как же это Эйнштейну удалось – довольно близко к опыту – посчитать смещение перигелия орбиты у Меркурия, ежели он в ОТО руководствовался не совсем адекватными природе (так скажем!) представлениями о тяготении? Отвечу хитро, по-еврейски: а как Птолемею удавалось исчислять – и довольно точно! – движение планет, исходя из принципиально неверной посылки (ну, посылка вращаемости их, в конечном счёте, вокруг Земли – вместо вращаемости наряду с нею вокруг третьего объекта)? И Птолемея – не единственный пример подобного в истории науки. Иные неверные посылки имеют свойство давать адекватный практический выход. На то, кстати, и было введено в науке понятие "квази". Означающее, что в принципе не такой, но ведёт себя как он. Каков разбираемый агент в его физическом принципе – хрен его знает, но функционально он – по внешним своим проявлениям – такой же, как вот этот вот известный физический агент: тогда и ладно, можно пользоваться тем неизвестным агентом, в смысле что характер выстраивания отношений с известным агентом переносить на имения дел с тем неизвестным и смело пользоваться получающимся – в районе быта, где неизвестный фигурирует. Так что локальная искривительность пространства в районе мат. тела, с подачи Эйнштейна "работающая" в науке, суть квазипричина тяготения мат. тела! Равно

как движения планет вокруг Земли с приспособленными птолемеевскими эпициклами суть квазиорбитальные движения их вокруг Солнца.

5. К чему мы пришли в базовом отношении? Что ни много ни мало, а можно говорить о "ветре пространства" как порождении целиком всей Вселенной. До чего же трудно соображается человеком закритически простое: все знают о том, что Вселенная расширяется, но никак не сподобятся сделать ещё пол-шага в умозаключениях и сообразить, что это как раз означает наличие подобного "ветра". Именно "ветер пространства" гонит материальные тела навстречу друг другу, ибо область между ними оказывается частично экранированной от него ими. Ну, в смысле, "ветер пространства" на сферическое мат. тело налетает сразу и равно со всех сторон, то есть "поток" его перпендикулярен каждой точке той сферы. Такую стилизацию уместно употребить, среди прочих возможных! А когда две подобные сферы подойдут достаточно близко друг к другу, то первая получается заслоняющей собой от "ветра" ту сторону второй, что обращена к ней, и точно такую же получается вторая по отношению к первой. Чем оказывается, что "ветер" тот больше работает с тыла сфер и меньше – с их фронтальностей, смотрящих друг на друга, а в результате сферы сближаются. И не как-либо, а в увеличивающемся темпе, то есть пребывают в сближающем разгоне. Что сближение будет разгоном, понятно: если у этих наших тел имеется некая скорость сближения, а "ветра", тем не менее, достаёт на то, чтобы каждое из них со спины "подхватить" и "нести", то этакой переноске не что-нибудь, а общелогические законы вменяют оборачиваться прибавкой к скорости сближения. Другими словами, неспособность "ветра" добавляться к сближающему движению, имеющему телами, означает его неспособность их нести, – согласно законов общей логики. Так что добавляется, и значит – увеличивает скорость сближения, а это и есть сближающий разгон.

Или обскажем всё по-другому. Что значит, что у каждого из двух смотрящих друг на друга тел пространства сзади прибывает больше, чем спереди? Значит, что эти тела – каждое – каждый следующий миг как бы заново начинают двигаться по направлению одно к другому. И поскольку начать двигаться обязательно значит испытать ускорение, а тела те, так сказать, постоянно начинают двигаться (ну, всё начинают и начинают, без конца, – вселенское пространство ставит их в положение такого начинающего!), то и получается "задним числом", что они непрерывно под действием ускорения, несмотря что пространство прибывает сзади каждого из них равномерно. Вот так всё происходящее можно "объяснить на пальцах"! Это где-то подобно происходящему с телом, когда оно равномерно вращается на верёвке: такое тело тоже каждый следующий миг как бы заново начинает двигаться по линии верёвки к точке её крепления, заново начинает из-за изменившейся верёвкой азимута. Отчего по

сумме мигов и оказывается при определённо великом центростремительном ускорении.

Плюс тут ещё одно. Поскольку квазитолкающий напор пространства увеличивается – из-за увеличения эффективности взаимозаслона у тел по мере их сближения, – то и темп увеличиваемости их скоростей должен возрастать. Другими словами, тела должны не просто равноускоренно падать на Землю, а падать с ускорением, увеличивающимся по мере их приближения к ней. Этакое и подтверждают разновысотные измерения ускорения свободного падения: оно на уровне моря больше, чем, скажем, на Эвересте.

Ещё раз. То, что с тылов на разнесённые мат. тела "дует" несущий их друг к другу "ветер пространства", даёт увеличиваемость теми телами своих скоростей сближения, а что "ветер" как сближатель усиливается по мере сближения тех тел, оказывается увеличением темпа увеличиваемости скоростей их сближения, то есть – увеличением ускорений падения их друг на друга.

И пора уже сказать, что в сути своей "ветер пространства" – это псевдоветер, и оттого парусность к нему тел не определяется никакими их параметрами. В том числе – даже и их массой! Ну, тем в свойствах тел, что мы называем его массой. Несмотря что масса – самый сакраментальный параметр тела. Так сказать, его квазиразмер! Зато в силу выступаемости массы квазиразмером получается другое: чем меньше она у тела, тем меньший псевдоветер способно оно поднять позади соседствующего с ним тела. Меньше масса – меньше квазиразмер, соответственно и взаимодействие с прирастающим пространством – пожиже, а именно это взаимодействие определяет силу поднимаемого телом псевдоветра!

Телесная масса покоя – это количественная выраженность свойства вещественной материи экранировать прирастание пространства. Прирастание то как некую имманенту Вселенной.

Итак, мера при свойстве экранировать вход дополнительного пространства в мир, вот что есть масса покоя у мат. тела. Речь о входе с "торца" линии, восставленной перпендикулярно к каждой из трёх взаимоперпендикулярных линий, что задают метрику пространства в точке залегания экранирующей материи (пересекаясь в этой точке). Соответственно, массу покоя можно назвать и мерой при свойстве материи сдвигать пространство. Сдвигать через заставляемость его невидимым образом передвинуться в себе, если хотите, насколько движение как понятие уместно в отношении такой штуки, как пространство. В самом деле, ведь недопустить в мир какое-то "количество" пространства, которое в него, так сказать, уже шло, это фактически и будет сдвиганием уже наличного в мире пространства – пропорционально недопущенному "количеству" нового.

Можно также сказать, что масса покоя – это показатель переносимости веществом свойства уменьшать в своей локали огульновселенский квазипоток пространствоприбывательности. А если эти строки читает правоверный математик, считающий "четвёртый перпендикуляр" принципиальной невозможностью, то не беда: с тем же успехом здесь можно вести речь о четвёртом квазиперпендикуляре. Или заговорить о виртуальной перпендикулярности (линиям длины, ширины и высоты у мира) того направления, с которого привходит нам возможность ещё больше их увеличить, эти мировые длину, ширину и высоту, – больше, чем в самом принципе могли только что. Пускай дополнительное пространство приходит с какой-то виртуальной стороны, если вам так будет легче, но главное, что оно появляется и на сём замешаны эффекты нашего повседневного быта, а не какая-то там жизненная отвлечёнка.

Однако четвёртый перпендикуляр как раз практически возможен. Если знаете один важный психометодический штрих его возведения. А именно, если согласитесь сами им выступить. Психостановиться этим перпендикуляром (а не как-то там вообразать его!) – тогда-то он и будет у вас восставлен. Хитрость в том, что больше ему неоткуда взяться, как из вас самих. Свой внутренний мир в него превращайте! Как психика подсоединяйтесь к воображённой точке пересечения трёх привычных взаимоперпендикулярностей, и соглашайтесь как внутренний мир фигурировать четвёртой – в качестве новоисходящести из той точки. Соглашайтесь фигурировать такой исходящестью, куда бы та исходящесть ни шла, поначалу нарочно не вдаваясь, куда же она идёт (а то испугаетесь). Как внутренний мир фигурировать четвёртой, а не чтоб она фигурировала во внутреннем мире! Ерунда, что сначала эта исходящесть будет геометрически, а значит где-то и прстранственно неоформленна, – главное что она появилась как таковая.

Итак: внутренне "накрутить" себя да оттого ощутить во внешнем окружении (то есть не рискую сказать даже, что это будет ощущаемость в окружающем пространстве!) некую добавочную вроде как ёмкость – вот вам и восставка четвёртого перпендикуляра. Поначалу. Это уже потом возможно допереть, что эта ёмкость способна содержать линию, способную подойти под прямым углом к каждой из трёх привычных взаимоперпендикулярностей. По отношению к ним четвёртая непроявленно "содержится" в точке их пересечения – так сказать, тонет в ней. Так что попросту "тоните" психикой в этой точке следом, ныряйте в неё, психорасталкивая её виртуальное наполнение. Тоните, тем вытягиваясь в некую ни на что не похожую линию.

Итак, знать что четвёртый перпендикуляр невозможно вообразить, – разве что потом, – а поначалу им как психика можешь только быть! А то прозелиты его восставки неизменно совершают одну и ту же ошибку: сразу требуют от него быть фигурантностью своей сферы зрительных представлений. Сказать

шире – фигурантностью в вас. Тогда как поначалу это сами вы должны быть некой фигурантностью по четвёртому метрическому направлению. Сначала этим направлением психостань, а потом только, когда пообвыкнешь им бывать, уж сможешь как-то там с ним соотнестись, тем самым противопоставляя себе. С тем что последнее как раз и оказывается появившестью его как объекта в твоей сфере умственных представлений.

Так что, кажущееся таким естественным стремление "для начала вообразить" четвёртый перпендикуляр – неявно инфантильно, им прозелит незаметно лишает себя психотехнической возможности просто выйти на него, как таковой. Стать психикою на него как сам принцип. А без такой ставшести – вместо него неизменно воображается его фикция. Но коль уж станешь, то постепенно у тебя он берёт себе и пространственно-воображённую оформленность.

В некоторых психотехнических моментах излагательно повторимся, поскольку они важны. Вначале ты – как психика, остающаяся от воображённости трёх взаимоперпендикулярностей – всецело отдан перенесению четвёртой и не можешь внутренне дистанцироваться от неё, то бишь выделить её в себе (читай: зрительно вообразить её). Так и не надо, на первых порах это только "зарубит" то перенесение. Не жми, постепенно в психике выработается необходимая творческая ёмкость, посредством неё психика "наплывёт" на то перенесение, и оно само выделится в твоём внутреннем мире – в качестве элемента, элемента среди прочих. Что означать будет твою способность не только психобрать четвёртый перпендикуляр, но и воображать его. Приобретешь им, первоначально ошуренным лишь как дополнительный пространственный принцип, уже и геометрической для тебя оформленности. Физический мир получает тем новую наполненность – как то, что ты ошуренчески (субъективно? объективно?) имеешь вокруг телесного себя в пространстве. Начинаются всяческие нестандартные феномены с временем. Ну, происходит для тебя начинает что-то с тем свойством человеческого бытия в мире (или лучше сказать – бытия в жизни?), которое люди называют временем. Начинаются такие феномены, или во всяком случае, ощущаешь себя способным в них участвовать, ставшим на изготовку к ним. И перестаёшь быть человеком в привычном смысле слова.

Но вернёмся к нашим объяснительностям. В пространстве Вселенной, за которым стоит эфир, мат. тело в чём-то аналогично камню в жидкости. Вода из-за гравитационного поля Земли окружно сдавливает погружённый в неё камень, ну и пространство из-за своего разбухания квазисдавливает на поверхность находящихся в нём тел: притормаживая разбухание пространства в своём районе, материя тех тел провоцирует такую квазисдавленность себя – со стороны других районов, в которых новое пространство поступает исправно. Плюс не

удивлюсь, если так квазисдавлена не только поверхность, но и внутренность трёхмерных тел, – в разбухании ведь замешана четвёртая мировая мера, а со стороны неё есть возможность прилагаться сразу ко всему объёму тела (как определённовеликому участку некой квазиплоскости, рядом с которой находишься).

Однако подчёркиваем: пространство – оно это за счёт своего непрерывного разбухания получается квазидавящим на телесно находящуюся в нём материю, а не само по себе, как вода в случае гидростатического давления (вода ведь на погружённый камень давит просто своим присутствием в качестве чего-то весомого). Не спутать.

Если во всём окружно прилегающем к телу объёме пространство прибывает в одинаковой мере, то оно на то тело и квазидавит одинаково со всех возможных в том объёме сторон, и тело покоится, но стоит ему оказаться в области действия материальной массы, как это равновесие нарушается: со стороны той массы квазидавить на тело пространство начинает меньше. Вот тело и устремляется к той массе – под действием несбалансированности "давления"... То есть это у нас объяснительный – к явлению гравитации – замес уже на вспомогательном понятии пространственностатического квазидавления, а не на вспомогательном понятии несущего тело псевдоветра пространства. В таком замесе сила тяжести может считаться следствием эффекта, который уместно обозначить как "эффект Казимира на макроуровне". Что есть эффект Казимира? Два отполированных металлических диска, хорошо притёртых друг к другу, оказываются друг к другу прижимаемы вакуумом – тем сильнее, чем меньше зазор меж ними (то бишь – чем лучше притёртость). Объяснение квантовомеханостное: недостаток вакуум-пространства между дисками притесняет там разгул флуктуаций, образующих виртуальные частицы, – как разгул, характерный для открытого вакуума. Тем самым, с тыльных сторон дисков "плотность" виртуального "газа" из тех частиц получается большей, нежели со сторон лицевых, чем те диски и прижимаются друг к другу. Но далее! Диска можно расположить "лицами" друг к другу, не притирая, на расстоянии в несколько сантиметров, – тогда между ними действует только гравитационное притяжение, которое тоже вполне можно видеть следствием большего "давления" виртуальных частиц с тыловых сторон. Ведь вакуума с дисковых тылов прибывает больше, чем с лицевых их сторон, тем самым создавая перепад "давления виртуальности" по линии "тыл – лицо".

Итак, перепад давления элементарных недочастиц (именно так можно назвать, на наш взгляд, виртуальные частицы). А давление такое, в свою очередь, можно назвать давлением мировиртуальности (которое очень даже реально, как оказывается!). Вот она, причина тяготения тел друг к другу! И различие с настоящим эффектом Казимира то лишь, что причина перепада тут иная. Ну,

причина постоянной большести числа виртуальных частиц с тыльных сторон дисков. При настоящем эффекте Казимира – квантовомеханическая причина, если можно так выразиться. В случае же гравитации как "макроуровневого эффекте Казимира" – причина мегамеханическая: обусловливаемый вселенской расширительностью прирост вакуума, больший позади дисков, нежели меж ними, являет своим результатом то относительно избыточное количество виртуальных частиц, что необходимо для прижимаемости дисков друг к другу.

Итак, пространственостатическое квазидавление. Оно, получается, двух родов. Первый – когда пространство самим по себе квазисдавливает находящуюся в нём вещественную материю. То есть, квазисдавливает её просто своим присутствием. Что есть эффект Казимира. И второй – когда квазисдавливаетость вещественной материи обусловливается не просто окружным к ней присутствием пространства, а разрастанием последнего в таком своём присутствии (с условием прессируемости того разрастания той материей). Оттого у меня лично под сомнением: а не назвать ли сей второй род пространстводинамическим квазидавлением?

А как с лучом света, отклоняющимся в сторону звезды при прохождении в поле её тяготения? Имею в виду пресловутый замер, сделанный во время полного солнечного затмения 1919 года и фактически принёсший Эйнштейну Нобелевку! С наших позиций тут тоже всё просто. То обыкновенный снос волны потоком среды её распространения. Боковой снос. "Голое" пространство и есть ведь та среда, по которой распространяется световая волна, а Солнце как массивное мат. тело вблизи своей поверхности создаёт "поток" такой среды, уже достаточно сильный, чтоб видимо сместить световую волну.

В самом деле, поскольку со стороны материальной массы пространства к вам недоприбывает, а со всех прочих сторон прибывает его в обычном количестве, то вполне и можно говорить о вашей фактической приближаемости к той массе. Ведь начинать двигаться вперёд, значит делать меньше пространства перед собой, с одновременным деланием больше его за собой, так? Ну, в смысле, уменьшать "количество" пространства перед собой, сопряжённо увеличивая его "количество" за собой, да? Ну, так и тут то же самое, с той лишь разницей, что за вас это делает мат. масса, возле которой находитесь. Или сказать – для вас это делает (если только передним направлением вам считать направление от себя к ней). Тем самым и оказываетесь приближающимся к той массе, эту её вам сделанность подтверждая. А не станете приближаться – например, соединив себя жёсткой перемычкой с той массой, то начнёте испытывать "напор" пространства – со стороны спины, ежели лицом вы повёрнуты на массу. Другими словами, начнёте испытывать все симптомы своей ускоренной надвигаемости на пространство – спиной вперёд, то есть по направлению от массы, и потому с давленьем на живот, – несмотря что никакой попытки дви-

гаться не предпринимаете. (В том-то и фишка: можно не предпринимать попытку освежить лицо – набеганием на воздух, но и без набегания его освежить – когда в лицо вам, неподвижному, подует ветер.) Ну, а станете-таки приближаться к той мат. массе, так это будет значить, как ясно, что подчинились тому "напору" пространства, который подвизался за вашей спиной: такой "напор" знаменует "стремление" пространства как целого передвинуть вас в себе тем образом, чтоб осталась неизменной ваша вписанность в него. То есть подчинились, значит позволили пространству как вселенскому целому охватывать ваше тело прежним образом. Вот такая это штукавина, напор-то на вас пространства как "напор пустоты"!

Прошу читателя решить, можно ли всё это обсказать ещё и таким образом: Солнце вокруг себя наводит виртуальный градиент пространства, последнее же естественно стремится везде уравниваться в своей присутственности, то бишь ликвидировать любой в себе градиент, даже и виртуальный, что и оборачивается неким его виртуальным потоком – направленным по тому ликвидоподлежащему градиенту (и идущим в направлении Солнца, коль ближе к Солнцу пространства виртуально меньше); вот световой луч и чувствует этот "поток", давая нам его увидеть.

Единственное отличие, что световолна не экранирует пространствоприроста, а потому и не тянет к себе ту мат. массу, мимо которой пролетает. То бишь имеет место не взаимотяга, как в случае двух мат. тел, а тяга односторонняя.

Для летящего мимо Солнца луча со стороны Солнца пространства недоприбывает, если сравнивать с противоположной стороной, а нам, смотрящим на этот луч "с торца", сие является тем, что он сместился к Солнцу – сколько успел, когда мимо пролетал. То есть фактически – изогнулся в направлении Солнца. На самом же деле изогнулся не он, а пространство в тамошней своей локали изогнулось из-за массивности Солнца – заявлено было Эйнштейном. Луч же в своём "прямоточном ходе" лишь следует этому искривлению – куда ж он, нафик, денется из пространства. Что ж, такие мысли – это лучше чем ничего, как говорится. Но если уж совсем на самом деле, то пространство локально не изгибается из-за материальной массы: куда ему искривляться, оно и так, сколько положено, искривлено согласно проекту Вселенной – выписывает суперсферу с очень большим квазирадиусом. И никаких локальных доискривлений этой плавной искривлённости в районах мат. тел нет. **В районе материального тела пространство не искривляется, а квазисдвигается.** Ну, момент за моментом оказывается таким, будто сдвинулось в самом себе в предшествующем моменте. Вот что на самом деле!

Смотрите. Если с обеих сторон вежи пространство должно прибывать одинаково, но с одной постоянно прибывает меньше, чем с другой, то это и

есть фактическая сдвигаемость его в самом себе, столбящаяся вехой, – даром что в прямом отношении оно всё ж не сдвигается (в смысле налички настоящего его течения – одним своим участком относительно других). Итак, фактическая сдвигаемость, до заметности глазу проявляемая световым лучом, использующим пространственный участок вехи для прохода (разумеется такого, когда упоминавшиеся её стороны будут для луча правой и левой, а не задней и передней). Эта проявляющая роль луча основывается на том, что у факта движения любого мат. объекта – обоюдный генез (так выразимся). Всё равно, или пространство в своей фактической сдвигаемости – определённо направленной! – "набегает" на неподвижный в нём предмет, или тот столь же выраженно набегает на пространство, так сказать покоящееся в самом себе. И тогда и тогда – результат один: предмет относительно нас-наблюдателей оказывается передвинувшимся по пространству. В первом случае, правда, это только для тех нас, что стоят вне означенной "области возмущения" пространства в лице его квазисдвигаемости в самом себе. Такая позиция возможна, более того – она естественна: ведь недоприбытие пространства, порождаемое вашим телом как чем-то целым, начинается как раз там, где тело кончается. То есть тела вашего в свою область не включает (а наличествует лишь впритык к нему). А далее то, что недоприбытие это тем выраженной, чем ближе к вам. То есть пространства ближе к вам прибывает меньше, нежели дальше от вас, – вот этим-то и оказывается, что по отношению к вам оно фактически сдвигается – слева направо, в непрерывности того (если рассматривать происходящее справа от вас). И если тогда справа же от вас находится какой-либо мат. предмет, то вам он из-за всего этого предстанет приближающимся: отсчёт свой, в неявности себе того, как раз ведёте от того – фактически сдвигающегося относительно вас – пространства, в коем предмет расположен, тем самым принципиально не замечая сдвига, отчего предмет и является вам сдвигающимся в сторону, противоположную тому незамечаемому сдвигу, то есть справа налево, а значит – приближающимся к вам. Физическая аналогия всему этому та, повторю, что бывает всё равно, вы ли набегаете на воздух и вас освежает искусственный ветер, или воздух действительно ветром налетает на вас-стоящих, точно так же освежая, – в обоих случаях вы равно перемещающиеся в воздушном объёме.

Итак, пространство непрерывно пребывает значительно сдвинутым (перманентно восстанавливающаяся сдвинутость!) в районе Солнца из-за массивности последнего, и светолуч обнажает этот – поддерживающийся Вселенной! – сдвиг, представляя нам сколько-то изогнувшимся в направлении Солнца, когда пролетает мимо него.

Ну, естественно стремясь не поиметь боковой смещённости относительно пространства, луч следует этому сдвигу, только и всего. А Солнце, тем са-

мым, выступает для нас мироэлементом, искажающим зрительную картину мира.

Ладно, можно считать, что в порядке первого наскока выговорились. А теперь стоит чётко определиться в этих наших объяснительных – к явлению гравитации – концепциях. До сих пор были две официально обозначенные концепции. Одна – концепция пространственного псевдоветра, производного от неодинаковости прибывания пространства за и между мат. телами, расположенными друг напротив друга: тела те всегда автоматически подхвачены таким псевдоветром, и друг на друга несутся им. И вторая концепция – пространственостатическое квазидавление, со всех сторон равно действующее на расположенное в пространстве одиночное мат. тело – из-за убывания с расстоянием экранируемости тем телом пространственной разбухательности Вселенной. "Давление" такое считали обуславливающимся виртуальными частицами элементарного уровня – как невидимыми составителями вакуумпространства. Расположенность тел друг напротив друга нарушает окружное равнодействие такого "давления" на каждое из них: квазидавить разрастающееся пространство начинает больше им в спины, тем и придвигая их друг к другу. Такие вот концепции.

Но по большому счёту, так они являются одною. Две формы одного содержания! Соль которого – в понятии квазипотока пространства как виртуальной материи. Что здесь значит "квази"? Что потока как такового нет, но всё перманентно у пространства (ну или – в пространстве) так складывается, как будто есть. Всё в пространстве оказывается происходящим так, как если бы было там у него что-то вроде потока.

Прежде всего наличествует суперсферический квазипоток пространства – в лице разрастательности всевселенского пространства одинаково каждой своей точкой. В каждой точке пространства непрерывно появляется дополнительное пространство, что по совокупности точек и даёт право сказать: всё так, будто во вселенский объём "поток" пространства исходит из некоего суперобъёма. Тем как бы оказываясь суперсферическим, если вселенское пространство аналогизировать со сферой.

А кроме, имеется бесчисленное множество сферических квазипотоков пространства – в исходящести каждого из точки в лице какой-либо вещественно-материальной массы. Здесь сферический – в смысле что по виду не простой линейный, а сложенный из бесконечного множества линейных, исходящих во все стороны света от каждого вещественного тела как центра условной сферы.

Откуда берутся эти сферические квазипотоки? Ну, когда во вселенский квазипоток прибывающего пространства, да вкрапляется где-либо тело, из-за

своей вещественной материальности обязанное оказываться его уменьшителем, то вокруг того тела создаётся статус-кво, что пространства прибывает тем меньше, чем к нему ближе, тому телу. Из-за чего можно говорить, что пространство как бы оттекает от тела вовне – по каждому из возможных направлений. Вот это статус-кво и обозначаем как сферический квазипоток пространства, идущий от тела. Или сказать даже – из тела исходящий.

Итак, от каждого тела – как центра условной сферы – во все стороны как бы оттекает пространство – как виртуальная материя. И тем самым – фактически сдавливает его (потому что незаметно являет тело со всех сторон стремящимся в самоё себя, или сказать – невидимым образом дѣлает его этак стремящимся!). А любой вещественно-материальный объект, соседствующий с тем телом, являет приближающимся к нему. Перманентно ставя при факте очередной приблизившести как возникнутости "задним числом". Или сказать – явочным порядком наводя тому объекту факт очередной его приблизившести (и так факт за фактом – в непрерываемости). Соответственно, вот вам и пространственностатическое квазидавление, которое испытывает каждое тело в своих отношениях с пространством нашей Вселенной, вот вам и псевдоветер пространства, сносящий тела друг с другом без проявляемости их инертности (ну, в недаваемости им проявить свою инертность за счёт той сносимости как своего движения).

То есть что? Квазиотток пространства от тела, порождаемый взаимодействием последнего с мат. вселенским разбуханием, встречается с соседствующим телом и оборачивается для него псевдоветром, несущим его на то первое тело. Вот такая штука! Означающая, что "поток" пространства, выступающего невещественной материей, суть нечто, понятийно обратное вещественно-материальному потоку: последний, встречаясь с телом, несёт его в сторону своего распространения, "поток" же пространства "поступает" противным образом – оборачивается для тела, на которое накатил с некой стороны, перемещаемостью его именно в ту сторону. То есть, попадающиеся по пути тела перемещает встречу себе.

Помогают это понять следующие соображения. Пространство, по отношению к пробному телу в нём, локально квазисдвигается в самом себе в направлении от вас – как породителя той квазисдвигаемости. Так? Тогда пробное тело компенсационно сдвигается в направлении к вам, по первому закону Ньютона естественно стремясь оставить неизменной свою позицию в пространстве. Ведь последуй оно за сдвигавшейся пространственной локалью (в направлении, то есть, от вас), оно бы сдвинулось вместе с нею по отношению к пространству как целому, а останься на месте – стало бы иметь пространство изменившимся к себе в некой локали. Сдвигаясь же в направлении к вам, оно как раз нейтрализует для себя эту его изменяемость: меняет его для себя в про-

тивоположной локали, тем и попадая в позицию, словно ничего к нему в пространстве не происходит. И поскольку вы находитесь за пределами той локальной квазисдвигаемости пространства (так как порождаете её), то эта компенсационная сдвигаемость пробного тела по направлению к вам оказывается его к вам приближаемостью.

Сказать иначе, первый закон Ньютона составляет стремление тела сохранить неизменной свою вписанность в пространство. Свои отношения с ним как вселенским целым. Даже можно сказать – свою провзаимодействовавшую с ним таким.

И переизложим всё, для верности. Пространство в некой своей локали как бы плывёт по отношению к пробному телу – в направлении от вас по линии, вас с тем телом соединяющей, да? Соответственно, первый закон Ньютона вынуждает то тело сдвигаться в противоположном направлении по той же линии: сдвиг части пространства к телу – это некая дополнительная набранность его с одной стороны того тела, которую то может компенсировать лишь такой же набранностью пространства с противоположной своей стороны, что способно сделать только своим в неё движением (по отношению к пространству, которое занимало перед началом движения, при условии что то пространство остаётся в покое относительно всего мирового пространства как целого). Лишь проделав это движение, тело "сможет сказать", что в целом у пространства к нему ничего не изменилось.

С псевдоветром разобрались. Достаточно полно. Что провоцирует в той же полноте высказаться и о квазидавлении на тело, наличном со стороны разрастающегося пространства. Как добавить полноты? А переизлагать наговоренное, хоть сколько-то меняя ключ. Есть сферический квазипоток пространства от тела? Значит, бедное тело, по первому закону Ньютона стремясь остаться неподвижным относительно пространства, с равной силой пытается улететь сразу по всем возможным в пространстве направлениям, и тем в итоге застывает на месте, никуда не улетаая. Как ясно, то не просто у тела застывшесть, а застывшесть в так называемом силовом равновесии, когда любое определённонаправленное его устремление двигаться нейтрализовано обратнонаправленным его устремлением. То есть что? Равноустремляясь сразу во все стороны, мат. тело тем само прессирует себя со всех сторон. Что и обозначили как то, что тело квазисдавливается пространственно разбухающей Вселенной.

Переизложить же это более образно, получится следующее. Сферический квазипоток пространства, оттекающий от тела, наводит "большешть присутствия" пространства дальше от того тела. То есть получается, что пространство как бы нависает над телом – окружным образом. И бедное тело "стремится убежать" от этой нависаемости (и тем привести свои отношения с пространством в порядок: чтоб оно окрест него было по-старому однородным, без флюк-

туаций). Но коль нависнешь со всех сторон, то и бежать тело норовит сразу во все стороны! Ну, понятно: пространство "нависает" справа, соответственно тело норовит убежать влево, но поскольку и слева – точно так же пространство "нависает", то тело тем же макаром норовит убежать и вправо. И так по всем возможным парам противных направлений, в сумме оказываясь самопрессирующим "поведением" тела.

Итак, при каждом одиночном мат. теле наличествует всеокаружной квазипоток пространства. Который не смещает тело потому лишь, что равно "давит" на него со всех сторон. Выступая уравновешенным всеокаружным квазипотоком. Теряя же свою уравновешенность, он вполне исправно сносит тело, с одной из его сторон оборачиваясь бóльшим на него "давлением", чем с противоположной. Такая потеря происходит, когда он перекрывается с другим уравновешенным квазипотоком (что бывает, когда к породившему его телу подносят другое тело, находящееся при своём уравновешенном квазипотоке). И что же будет значить, что тело сносится (к другому телу) неуровновешенным всеокаружным к нему квазипотоком? А то и будет значить, что даёт пространству себя нести, то есть остаётся неподвижным по отношению к нему – ценой своей приближаемости к тому другому телу.

Сближаемость мат. тел можно трактовать и иначе. Когда одно из них подносишь к другому, то та часть окаружного квазипотока первого, что со стороны поднесения, попросту подхватывает второе и несёт к первому, поскольку оно, второе, не находится в центре симметрии того квазипотока, как первое. Другими словами, порождающийся первым телом окаружной к нему квазипоток заведомо обещает быть неуровновешенным к подносимому второму телу – как раз оттого, что уравновешен к первому.

О квазипотоке пространства в связи с телом добавим ещё следующее: в наличие квазипоток, как бы оттягивающий часть приповерхностного к телу пространства, делая его пространством неприповерхностным. Можно даже сказать, что происходящее попросту есть квазиоткачка пространства от тела! Уменьшающая его прителесное "количество". И неспециально производимая самим телом (ведь онó же, а не кто другой, не допускает новое пространство в свою округу, и чем ближе к своим границам, тем выраженной, – вот мы в этом и видим фактическую откачку).

А что хотим сказать, присовокупляя к понятию откачки "квази"? Да что откачки – как таковой – в качестве процесса нет, но есть, тем не менее, откачанность как плод её! И если недалеко от того тела поместить другое, то из промежутка меж ними "откачивают" оба, тогда как позади за собой каждое, можно считать, "качает" в одиночку (потому как соседнее помогает здесь "качать" в заметно меньшей степени, нежели в промежутке). Тем самым, взаимопритяженье тел объяснить теперь имеем право так: перманентная собирае-

мость природой пространства больше за телами, нежели в промежутке между ними, оказывается фактической придвигаемостью тел друг к другу. Поскольку придвинуться вам к объекту, лежащему перед вами, это – чисто житейски! – и значит ведь оставить за собой больше пространства, чем только что было (а перед собой – соответственно меньше, чем было). Впрочем, это мы уже где-то повторяемся.

С некоторой теоретизационной натяжкой всё тут можно переизложить ещё вот как. Ежели одно тело помещено в виду другого на некотором расстоянии, то пространственный "поток" – как воплощаемость квазиоткачки от себя пространства первым телом – в своей неизбежной набегаемости на второе в каком-то смысле всё же предстаёт тому виртуальным пространственным ветром. И как таковой "ветер" не давит на его наветренную сторону (на то он и виртуальный, чтоб в ключе реальности не воздействовать!), но наработывает себя – ну, дополнительное количество того, чем он там вообще выступает – с его подветренной стороны, того второго тела (на то он и ветер, чтобы в результате его что-то было всё же перенесено!). В нашем случае "то, чем выступает ветер", суть вакуумный объём, соответственно с подветренной стороны второго тела – непрерывная наработка дополнительного объёма, неизбежная вытягиваемость которого в некую продлённость оказывается фактической смещаемостью того тела в подветренно-наветренном направлении. То бишь к первому телу. С которым происходит аналогичное, ежели рассматривать его со стороны второго тела.

Или можно даже проще. Без привлечения понятия виртуальности. Пробно взять мат. тело, так оно – при порождаемом им окружном к себе градиенте прибытости пространства. Подносимое же к нему другое имеет некую протяжённость по этому градиенту, тем самым со стороны его, смотрящей на первое, прибытость пространства меньше, чем с противоположной, тыловой его стороны. Что и можно интерпретировать, как квазиперекачку первым телом пространства с лицевой стороны второго на его тыловую сторону. Квазиперекачку такую как физ. явление, заставляющее второе тело двигаться к первому. Ну, чисто явочным порядком раз за разом оказываться чуть придвинувшимся к нему.

А привлечь понятие виртуальности снова, то квазиперекачка пространства с лицевой стороны тела на тыловую – это повышаемость давления виртуальной материи на тело с той тыловой стороны. Ведь вакуум-пространство – как раз такая материя. Составляемая виртуальными элементарными частицами, число коих увеличивается с тыловой стороны – из-за квазиперекачки, а с лицевой стороны – по той же причине уменьшается. Что в слагаемости и приводит к толкаемости тела в тыло-лицевом направлении. Только вот, из-за виртуаль-

ности своей материя такая и толкаемость продуцирует виртуальную! То есть "хитрую", которая увеличивает скорость тела без подвергания его настоящему (ну, ощущаемому) давлению со стороны, противной стороне, в которую направлен вектор увеличивающейся скорости. Другими словами, давление есть, но реализуется не толкающим соприкосновением виртуальных частиц с телом – как большей выраженности на тыловой его стороне. Материя виртуальна, так и давление её на тела – давление именно виртуальности.

Вот такая возможна теоретизационная зарисовка – на базе понятия виртуальности. Привлечение этого понятия в физнаучных объяснительностях – лишь пол-шага отступления в них от привычных вещественно-материальных отношений. Ментальность, навеянная последними, довлеет у человека, потому и решается он поначалу лишь именно на пол-шага: сохраняем и понятие давления, и понятие частиц материи – как его породителей. Только что частицы берём уж виртуальными, а потому и продуцируемое ими давление на тело должны признавать "хитрым". Нет, лучше уж наши объяснительности без привлечёнки виртуальности (ну, которые замешаны были на первом законе Ньютона). Ими, похоже, наша человеческая ментальность делает необходимый полный шаг.

То есть получается, что категория виртуальности – в физнаучности категория "костыльная". Костыль, он что? Позволяет передвигаться по-старому, несмотря что возможность к тому утрачена. Ну, продолжать ходить – несмотря что утратил такую возможность, – а не начинать летать. Вот и у нынешней науки: привлечёнка виртуальности позволяет не отказываться от "ходьбы" – в лице использования понятий частиц и давления от них. Привлечение этих понятий в фоне понятия виртуальности впервой произошло при объяснении эффекта Казимира, а далее и мы поступили сходно в вопросе гравитации – просто чтоб удобно (для ортодоксальных читателей) обозначить параллель тому эффекту, которую у гравитации усмотрели.

И стоит добавить, что виртуальность, как все костыльные категории, внутренне противоречива. Отчего понимать, что теоретизировать на её основе допустимо только с особым самоконтролем. Ну, например, ежели вакуум-пространство – виртуальная материя, то возможно его течение, да? Не квазитечение – как происходящее от тела, затрудняющего разрастательность вселенскому пространству, а именно течение? Вот тут-то и надо быть осторожным! Это вам не вещественная материальность, вакуум-пространство-то, и не стоит "совсем серьёзно" находить его текущим. Ну, в смысле, находить его текущим в полной подобности текущести какого-либо газа. Движение виртуальных эл. частиц друг относительно друга – это можно теоретизационно взять, но лишь настолько, насколько само понятие движения (а заодно уж и взаимо-

относительности!) подходит к таким штуковинам. В касаемости их им – как раз некая неопределённость. Какая же именно – оставляю решать читателям.

В силу сказанного и последнюю излагательную грань конструируем не на базе виртуальности: пробное тело, с ростом расстояния от себя убывающе придерживая прибывание пространства, наводит в своей округе градиент его прибытости, оказывающийся фактической сдвинутостью пространства в той округе, устойчиво переходящей из момента в момент при плавной сходящести на нет вдали от тела. Попадая в ту область, вещественная материя на такую сдвинутость пространства компенсационно реагирует, тем выступая без видимых причин ускоренно приближающейся к пробному телу (ибо именно такое приближение оказывается у ней созданием себе противной сдвинутости пространства).

Вот теперь, разобравшись, можем перейти к вопросу чёрных дыр. К ним как следствию из ОТО, обнаруженному после Эйнштейна. Горизонтом событий чёрной дыры называют некую очерталь относительно её центра, за которую не способен выйти свет (если он под неё попал или там родился). Как это соотносится с нашими воззрениями? Ну, более-менее соотносится! Строго говоря, никто не знает, что́ под сферой Шварцшильда. Вещественноматериальное может, например, занимать весь объём, очерченный гравитационным радиусом небесного тела. Такое – просто в порядке первой стадии коллапсирования того тела. Тем самым в сфере Шварцшильда не остаётся места для чистого пространства. Хотя, "чистым" ведь пространство нашей Вселенной вообще нигде не бывает, даже в межгалактической пустоте. Что-то из вещественной материи там да есть, в смысле что вкраплено. Так что для анализа вообще годен и этот случай – с "неоставшестью места для чистого пространства". И всё ж для простоты возьмём случай, когда вещественноматериальное занимает объём, меньший описываемого сферой Шварцшильда, но ещё не бесконечно малый – и такое вообще может быть, в качестве одной из последующих стадий коллапсирования мат. объекта. Так берём, чтоб меж тем материальным и горизонтом событий чёрной дыры было пространство, не дающее особых помех свету. Тут оказывается, что квазипоток пространства, возбуждаемый тем материальным по линиям, восставленным от своей поверхности, на участке от той поверхности до горизонта событий имеет квазискорость не меньшую, чем скорость изнутри дыры атакующего тот горизонт луча света. Ну, луча, испускаемого вовне с поверхности того материального – перпендикулярно сфере Шварцшильда как поверхности. Вот оно как всё выглядит по-нашему! Световая волна, благодаря фронтальному сносу из-за означенного "потока", стоит на месте, – с точки зрения наблюдателя, не входящего в сферу Шварцшильда. А что, стоящие волны физикам хорошо известны! И даже надо сказать сильнее: стоящестъ есть свойство, которое обязана обретать волна, если она таки волна.

И коль скоро свет есть волна, то получается мало сказать, что стояществу ему не заказана, надо говорить об обязательности её ему, – только вот найти бы условия её у него возникновения. Вот мы их и нашли! Возникает там, где сказываемость недоприроста пространства критически выражена. Ну, в смысле, где фронтальный квазинапор пространства на луч – критически велик (с тем что порождается сей квазинапор разностью прирастаетости пространства вдоль по линии луча). А вспомнить понятие псевдоветра, то всё прозвучит вот как: светолуч, стремящийся выйти из сферы Шварцшильда по перпендикуляру к ней, не силует преодолеть встречный псевдоветер пространства, порождаемый мат. наполнением чёрной дыры.

Согласно нашим наработкам, всё это можно обсказать в другой форме. Дескать, срабатывает квазиоткачка приповерхностного – к тому срединному вещественно-материальному конгломерату – пространства в пределах сферы Шварцшильда. Из-за неё светолуч, стартовав с поверхности конгломерата в направлении горизонта событий, до последнего добратся всё никак не может: перед его фронтом постоянно оказывается – как дополнительное – означенное приповерхностное пространство, только что "перекачанное".

Приведём, с подробностями, ещё одну зарисовку происходящего. Пусть за некоторое время световой волной цуг, испущенный из недр чёрной дыры, покрывает – ежели считать по переднему "торцу" его как лучевого отрезка – пространство до горизонта событий. Но со стороны заднего его "торца" – из-за действия чёрной дыры – пространства за то же время недоприбыло столько же (сравнительно с тем, что должно было прибыть, не будь там чёрной дыры). Чем получается, что свет пространство исправно покрывал, но несколько относительно чёрной дыры не сместился, поскольку вместе с пространством, по которому распространялся, де факто оказался сдавшим назад – к центру дыры – на величину своей распространившести. То есть что? Свет от чёрной дыры исправно убегает, а она его так же исправно догоняет, хотя в смысле движения себя как тела и не гонится за ним: догнавшесть наступает просто благодаря тому, что перманентно дыра как бы всасывает в себя то самое пространство, по которому распространяется свет. Или скажем вот как: присутствие в том месте чёрной дыры просто застает Вселенную непрестанно так распределяться своим пространством, что расстановка предметов в ней оказывается та, в которой чёрная дыра – перманентно догнавша тот луч (ну, цуг, ибо луч догнать нельзя – из-за принципиального отсутствия у него заднего конца). А радиусом сферы Шварцшильда оказывается расстояние, которое передняя волна цуга, испущенного из её центра, успевает пройти за время, за которое чёрная дыра на пределе ещё способна пространственно его скомпенсировать, то расстояние. Больше уже не смогла бы – хоть и за соответственно большее

время, потому что скорость света относительно пространства та же на любом расстоянии от центра чёрной дыры, тогда как её способности компенсировать (нейтрализовав "засосом" в себя пространства) его перемещение относительно того центра – убывают по мере удаления от него, того центра.

Не спутать, однако, стоящую волну со стоячей. Последняя фактически есть один из случаев интерференционной картины – так сказать, предельно возможный её случай, но и только. Первая же – производное явления под названием "движение среды перенесения". Если бросить в реку камень, по поверхности пойдёт круговая волна. Так вот та часть её фронта, что движется против течения – параллельно ему, может оказаться несмещающейся относительно тебя, стоящего на берегу. Если скорость речного течения достаточно велика. То и будет стоящая волна – для тебя. Но не для массы речной воды: относительно неё та волна исправно бежит – с той же скоростью, какую имела бы относительно стоячей воды озера (брось вы в него точно такой же камень, и точно так же).

Ещё раз. В случае стоячести – волна неподвижна и относительно того агента, который волнуется (если, скажем, волна на глади озера – то относительно воды). А в случае стоящести – не неподвижна относительно такого агента: движется как обычно.

Для порядка приведём пример стоячих волн. Волнение от колеблющей воду доски доходит до пирса, отражается от него и идёт назад, тем налагаясь на самоё себя (интерференция!), и оттого поступательно останавливаясь и относительно воды (ну, водной поверхности), и относительно пирса. Остановка такая понятна: волнение, противоположно наложенное на самоё себя, в одну сторону тогда за единицу времени проходит ровно столько, сколько в противоположную, а значит – фактически стоит.

Так что и у света не будем путать стоящую и стоячую волны. Последняя, ежели у света её так можно экспериментально добиться, фактически суть крайний случай его интерференции. А первая – явление сугубо относительное. Относительно нас, пребывающих за пределами горизонта событий чёрной дыры, световолна безусловно стоит, то бишь не идёт к нам, а значит – и не доходит до нас от той дыры как небесного тела. Потому-то мы ту световолну и не воспринимаем (читай: не видим чёрную дыру). И относительно материи чёрной дыры она, думаю, тоже стоит. А вот относительно пространства – движется, причём с характерной световой скоростью. Как то и положено свету. Пространство, значит, приоритетный определитель светоскорости! И даже надо сказать круче – единственный настоящий её определитель. Поскольку остальные, как видим, могут давать сбой, зануляясь. К таковой роли вакуум-

пространства для света – мы подробнее вернёмся позже, когда читатель будет больше поднаторевшим в разводимых нами идеях.

Но как же одинаковость скорости света относительно любого мат. предмета – из всех наличных во Вселенной на разбираемый момент, в каком бы состоянии движения они ни прибывали? Об этом выскажемся, но сначала разберём, как такую неизменность светоскорости примирить – для световолнового цуга, уходящего от небесного тела по нормали к его поверхности – с наводимой тем телом квазиперекачкой пространства из-под заднего "торца" того цуга – под его передний "торец"? Она что же, не сносит цуг назад, тем замедляя его относительно нас, рассматривающих то небесное тело? Или хотя бы относительно самого того тела? То есть фронтального сноса световой волны квазисдвигающимся в самом себе пространством – нет? Нет, и залогом тому – так называемое гравитационное красное смещение, как опытный факт. На уходящую от него световую волну мат. тело влияет лишь тем образом, что увеличивает её длину – для наблюдателя, к которому она летит от того тела, при неизменности расстояния между ним и телом. Точно как длина увеличивается для нас, ежели волна испускается телом, достаточно быстро уходящим от нас (это, так сказать, обычное красное смещение, негравитационное). В русле нашей идеи тяготения напрашивается утверждение, что оба красных смещения есть одно и то же: влияемость "набегающего" пространства на непосредственный испускатель световой волны. Совсем конкретно говоря, на "выстрел" возбуждённого атома, волнуящий светоносную среду. Такой "выстрел" – переход электрона с временной высокой орбиты на постоянную низкую, переводящий атом из возбуждённого в нормальное состояние и испускающий порцию света. И "выстрел" это потому, что подобное движение элемента электронной оболочки атома "бьёт" по границе вселенского пространства с эфиром, вспучивая её и тем полагая начало световой волне. Что же касается "набегания" пространства, то в разбираемых случаях (ну, гравитационного и обычного красных смещений) оно возникает разным путём касательно тела, но это – несущественная разница, ибо главное, что оба раза оно присутствует и одинаково срабатывает.

Итак, утверждение, что оба красных смещения есть одно и то же: влияемость "набегающего" пространства на непосредственный испускатель световой волны. Всё действительно так! Ведь естественное состояние мат. тела в пространстве района Солнца – увеличивающееся-ускоренное падение на Солнце, но происходящее без испытываемости ускорения. Ускорением обладает, но не испытывает его! Такого вот сорта удаляемость от нас тела, ежели находится оно меж нами и Солнцем, к которому мы как наблюдатели неподвижны, причём удаляемость то – без испытываемости видимого удаляющего воздействия.

А это заставляет подозревать, что не тело взаимодействует с пространством, а пространство с телом! То есть что пространство района Солнца активно, и способно предъявить собой свету те условия, в какие ставит свет по отношению к пространству тело, удаляющееся от нас со светоиспусканием в нашу сторону (имеется в виду, что последнее – это уже вдали от Солнца, дабы теоретически не портилась картина). Сказать короче, идущий от Солнца свет заставляет краснеть для нас особый режим тамошнего пространства.

Итак, околосолнечное пространство пребывает во внутреннем режиме, имитирующем удаляемость от нас всякого тела, расположенного в нём меж Солнцем и нами с неподвижностью (вместе с нами) относительно Солнца. И свет, идущий к нам от такого тела, реагирует на этот режим уменьшением для нас своей частоты. Как, впрочем, и свет от самого Солнца.

Логику разводить здесь возможно и вот ещё как. В случае уходящести от нас тела (как случае непрерывной ставящести им меж собой и нами дополнительного пространства) можно считать, что между нами и смотрящей на нас стороной его, самим по себе стоящего касательно нас, непрерывно возникает новое (ну, дополнительное) пространство. И точно то же происходит с телом, зафиксированным в гравитационном поле звезды (ну, находящимся в состоянии покоя относительно неё): организуемая звездой "перекачка" пространства от ближнего к ней конца тела – к дальнему и оказывается появлением дополнительного пространства за тем дальним, то есть меж ним и нами (мы ведь расположены за телом ещё дальше от звезды – в наблюдательной неподвижности относительно неё). Значит, можем считать, что это тело самочинно уходит от нас в сторону звезды – в "неподвижном" зато уже пространстве. И, стало быть, должно давать нам негравитационное красное смещение у света, им испускаемого в сторону нас. Теоретизационный круг замкнулся! Такая вот демонстрация обратимости в отношениях пространства с пребывающими в нём телами.

Также ясно, что ежели наблюдаете достаточно быстро уходящее от вас и притом достаточно массивное тело, то приходящий к вам его свет оказывается при удвоенном красном смещении, так сказать. Одно из-за его ухода от вас, а второе – из-за его гравитации.

Какова физическая конкретика влияния "набегающего" пространства на "выстрел" возбуждённого атома? Такого атома, содержащегося в теле, на которое "набегает" пространство, а? Ну, скорость убегания от нас тела вычитается из скорости того элемента атома, что "бьёт" по пространственно-эфирной границе, отчего "удар" получается более вялым и возбуждает более пологую – читай: более красную – световую волну. Так потому, что атом поверхностного телесного слоя свой "удар" по границе всегда направляет в сторону, куда смотрит тело. (Ну, в смысле, проводит за счёт именно этой стороны, из чего, одна-

ко, нисколько не следует, что пространственно-эфирная граница именно в этой стороне и лежит, – не стоит "покупаться"! Тут подобно, как с кормы корабля бросаете камень – против хода того корабля: водная поверхность вовсе не лежит тогда в направлении броска, но камень её таки достигает, тем прилагая к ней сообщённую ему вами скорость, уменьшенную вычетом из неё скорости корабля.) Убегающее от нас тело "смотрит на нас" – в смысле, что атомам поверхностного слоя своего задника оставляет открытым пространство только в нашу сторону, прочие собой от них заслоняя. Вот "удары" атомов в эту сторону и происходят. Ну, в смысле, за счёт использования этой стороны и реализуются.

А в силу обратимости, показанной нами, то же в сущности происходит с возбуждённым атомом тела и в гравитационном поле (когда мы в том поле – дальше от того тела, ежели отмеряюще соотноситься с порождающим поле телом).

Это мы невзначай даём оригинальную версию происхождения эффекта Доплера! На наш взгляд, вполне жизненную, несмотря что эффект Доплера для света привычно объясняется разницей времён у тел, испускающих на нас свет: одно неподвижно к нам, другое от нас удаляется, отчего ход времени его испытывает релятивистскую изменяемость – относительно нас и неподвижного к нам тела, – изменяемость, приводящую в конечном счёте к изменению для нас частоты испускаемого им к нам света (сравнительно со светом той же природы, испускаемым на нас неподвижным к нам телом). Тело же, удаляющееся в испускаемости на нас несветовых волн, физикой как наукой видится удлиняющим цуг тех волн, что начинается с него и упирается в нас, но с оставляемостью числа волн в цуге тем же, что было бы в нём на момент его к нам дотянувшестии после испущенности тем телом в своей относительно нас неподвижности. Отчего, как ясно, длины составляющих цуг волн должны увеличиваться.

Итак, сильное гравитационное поле звезды заметно увеличивает длину испускаемых ею на нас световолн. Однако скорость световолны относительно нас не меняет – оно тут так же бессильно, как бессильно её к нам поменять обычное убегание от нас испускающего свет тела. Почему же гравитационное поле не в силах? Точно как и обычная удаляемость от нас светоиспускателя – почему не может? Потому что свет распространяется не в пространстве как некой толще, а по границе последнего с эфиром, как мы уже указывали в своё время. Распространяется так, представляя собой "возмущенческие выпячиваемости" пространства в эфир, организованные в волну. Но ведь что бы в пространстве ни происходило, а граница его по эфиру остаётся всё тою же, то бишь принципиально "не замечает" происходящестей в пространстве как

"толще", что и оборачивается неизменностью скорости света касательно элементов той "толщи", коль скоро он всецело связан именно с границей.

Гравитационное же поле здесь – то в смысле гравитационного квазиполя. Ведь "сдвигаемость" пространства, которая выглядит для нас силовым полем, на самом деле лишь как бы силовое поле, и посему имеет право пройти лишь в статусе квазиполя. Если очень уж захочется именно понятие поля привлечь для характеристики пространства как округи вещественной материи, организованной в тело.

Итак, выпячиваемости пространства в эфир, которое в оных (и из-за оных!) оказывается некими по характеру возмущённостями своими. При имеюности такими возмущённостями-выпяченностями свойства провоцироваться одно другим, тем как явление скользя по пространственно-эфирной границе. Возмущённость пространства в локали своей "выпяченности" – это замутившее его как чего-то, только что бывшего прозрачным (так скажем, имея в виду, что и замутившее и прозрачность здесь – понятия условные). То есть своею выпячиваемостью пространство изменяет заодно и свой вид: в локали выпяченности оно не то, как всюду (не то, как на ровном месте, так сказать). Ну, не совсем уже такое, во всяком случае. Впрочем, тут трудно сказать, то ли это выпячиваемость заставляет пространство возмущаться, то ли локально-возмущаемость в самом себе оборачивается у пространства выпячиваемостью (ну, атрибутивно выражается в ней). Но это и не столь важно – главное, что локально выпячивается и возмущается, в сопряжённости.

Для теорподстраховки обо всём об этом стоит выразиться пообтекаемей: материя в лице вакуум-пространства выпячивается в эфир по своей границе с ним, при автоматической у тех выпяченностей организуемости в волну по той границе. Волну, оказывающуюся для нас светом.

Вернёмся, однако, к смысловой линии, от которой отклонились. Возврат такой означает задание вопроса: как выкрутиться из того, что фронтального сноса световой волны пространством – нет, а чёрные дыры меж тем – невидимы? Так отсутствие подобного сноса – это что касается гравитационных квазиполей несколлапсировавших мат. тел. У сколлапсировавших же подобные поля критически велики, что позволяет всё тут объяснять квантованием: фронтальный снос световой волны отсутствует, пока вдруг (!) не возникает сразу в предельном своём выражении, превращающем ту волну в стоящую, и такое, по нашей идее о гравитации, должно происходить в пределах сферы Шварцшильда. В смысле, что именно там и больше нигде. Пространственный "поток" там обладает иным качеством – квазискоростью, не меньшею скорости света! Эта квазискорость делает качественно другим захваченное "поток" пространство (ну, пространство, подлежащее ему, – так сказать, участвующее в нём). Другим, в чём-то не худшим, нежели вещество мат. тел. А уж по-

следнее, двигаясь встречь свету, его как раз увлекает (читай: притормаживает!), что доказал ещё в девятнадцатом веке Физо – своим знаменитым опытом. Так что если свет – в своём скоростном постоянстве относительно пространства – покрывает за "квант времени", прошедший с момента его испускания телом, пространства на "квант длины" больше, чем того – за его как лучевого цуга задним "торцом" – недоприбыло за это же время, он отрывается от означенного тела, и далее идёт как ни в чём не бывало, то есть для всех имеет свою "фирменную" скорость. А то тело стоит на грани бытия чёрной дырой, но ещё не чёрная дыра. И наоборот: когда – из-за критической плотности небесного тела – изошедшему из него свету не удалось в своём движении – за тот же условный временной квант – и на один квант длины (ну, условный пространственный квант) опередить порождаемое тем телом недоприбытие пространства, он как волна продолжает существовать, но останавливается, не отрываясь от того тела: наличествует волновым цугом, задним концом упёртым в породивший его атом (ну, в породившее его место тела, ибо какие уж там могут быть атомы, при таких-то высоких плотностях). А тело выступает тогда чёрной дырой – наислабейшей из возможных, в случае если уже за два временных кванта, прошедших с момента испускания света, недоприбытие пространства опережается светом на один квант длины.

Но это в зависимости, что считать такими квантами. Выше квант времени молчаливо не исключался как нечто такой величины, за которую свет успевает покрыть несколько квантов длины. Тогда анализ будет именно таким. Но, похоже, всё несколько по-другому. Обратимся к историзму. Задавшись вопросом, до каких расстояний справедливы эффекты, рассчитанные ОТО, физики – общим строем своей науки – были вынуждены упереться в понятие кванта длины. Как того, что ставит предел таким расчётам. И из чего естественным образом выходит понятие кванта времени – ежели тот квант длины разделить на скорость света. Тем самым получается, что за квант времени свет может покрыть только один квант длины. Вот при использовании таких пониманий квантов – анализ будет другим. Наислабейшей из возможных чёрная дыра оказывается, ежели её горизонт событий определяется одним квантом длины. Ну, в смысле, за временной квант свет покрывает квант длины, выйдя из центра чёрной дыры, но и недоприбытие пространства, провоцируемое этим центром, умудряется за это время оказаться квантом длины тоже. И свет тем самым остаётся в дыре. Но если он распространяется вовне, выходя из точки, на квант длины отстоящей от центра, то за квант времени чёрная дыра там не справляется организовать пространственный недоприрост величиною в квант длины. Просто потому, что воздействие вещественной массы на пространство тем

слабее, чем дальше от её центра. Свет же за квант времени там квант длины проходит, чем и оказывается вырвавшимся из дыры.

То есть что? Горизонт событий чёрной дыры в анализе такого рода определяется величиной того её радиального отрезка, на уровне последнего кванта длины которого дыра на пределе ещё способна за квант времени обеспечивать недоприбытие пространства в квант длины. А будь отрезок всего на квант длины больше, уже не могла бы (на уровне последнего кванта длины отрезка тратя целых два кванта времени на поставку пространственного недоприбытия в квант длины). Другими словами, от центра чёрной дыры до её горизонта событий вмещается лишь число квантов длины, равное числу квантов времени, необходимых свету для дохода до горизонта по выходе из центра.

К понятию же упомянутых квантов физики пришли, повторяю, вынужденно. Что называется, нехотя. Оттого эти понятия существуют в современной физике полуофициально, как я понял. Потому поначалу и выражался "условный квант длины" и "условный квант времени".

Но далее. Брать по Эйнштейну, то в районе чёрной дыры пространство локально искривляется максимально возможным образом. Ну, то есть, до смыкаемости в суперсферу, и горизонт событий чёрной дыры выступает верхней границей этой локальной самоё на себя замкнутости у пространства. Этаким "пространственным мешком"! А брать по-нашему, то опоясанное сферой Шварцшильда выступает "пространственной ямой", в которую и западают световые лучи. Ну или сказать – виртуальной лакуной в пространстве. Строго говоря, каждое мат. тело выступает подобной "ямой". Дело лишь в глубине её! Просто чёрная дыра оказывается "ямой" критической глубины, настолько глубокой, что даже наилучший в мире прыгун – свет не может из неё "выпрыгнуть". А из "ямы" в лице окрестности любого несколлапсировавшего тела – "выпрыгивает" как ни в чём не бывало, тем не давая нам сообразить факт её существования...

И наконец то ещё, что по Эйнштейну в сфере Шварцшильда "пленённый" свет наворачивает бесконечные круги – вокруг плотных материальных образований, ежели они ближе к горизонту событий дыры оставляют ему достаточно свободное пространство для этого. А по-нашему, так там разлитое море стоящего света.

Выступает ли тело чёрной дырой – зависит от его плотности, а не массы. Оно может быть сколь угодно массивным, и не быть чёрной дырой (ежели иметь в виду его всё). Плотность должна стать критической – в сторону увеличения. Это понятно: масса, например, Сатурна во много раз больше массы Земли, но сила тяжести на его условной поверхности примерно равна земной – всё из-за больших его размеров при своей массе, то есть из-за малой плотности.

Если мат. тело при сохраняемости критической плотности увеличивает массу, – ну, увеличивается в размерах, не теряя плотности, – то сфера Шварцшильда при нём увеличивается. Что означает, что световолновому цугу – в его стоящести при том теле – позволительно быть длиннее (имеется в виду его стоящестъ при "упёртости" задним своим концом в то тело). Образно говоря, вооружённое большей массой тело критической плотности "не боится" отпустить от себя свет подальше: мол, всё равно поймаю-удержу... Тут подходим к главному, из-за чего и начали этот абзац: а если масса увеличивается за счёт увеличения плотности при старом размере, то произойдёт простое увеличение сферы Шварцшильда, только что описанное, или нечто более существенное? Плотность тела тогда ведь уже закритически большая, а не критически большая! Тем болей, что годится и случай, когда масса тела не увеличивается, а плотность растёт, – тело попросту дальше коллапсирует, уменьшаясь в размерах. Так что же будет? Ну, поскольку у виртуального потока пространства, порождаемого материальной массой, не скорость, а квазискорость, то всякое может быть: имею прежде всего то, что квазискорость та окажется больше световой. Мало ли, речь ведь о том, что внутри сферы Шварцшильда, а это область нетривиальная! Если при критической плотности тела световолны, нормальные к его поверхности своими фронтами, стоят на нём, как иглы, то при закритической получается, что они заотсутствуют – свет "взлететь" с места испускания там не в силах. Тогда в сфере Шварцшильда царит крошечная тьма, а нам в теории надо говорить о внутреннесветлых чёрных дырах и внутреннетёмных чёрных дырах.

Заканчиваем пункт коротким резюме. Окружающее вас и планету пространство – из-за дисбаланса в своей прирастаемости, порождённого "вкрапленностью" в него вас и планеты – буквально швыряет вас на планету. Ведь недоприрастаемость его меж вами и планетой, сравнительно бóльшая, чем в прочих местах округи, есть – де юре – приближаемость вас к планете, вот вы, если только вас ничего специально не держит, и оказываетесь падающим на неё, дабы, так сказать, тому "де юре" имелось соответствующее "де факто". В виду планеты да со Вселенной вокруг вы чисто явочным порядком оказываетесь прибиты к планете, в смысле что вы и она сами по себе не движетесь друг к другу, но пространство за вас совершает ваш взаимоподход: Вселенная как пространственная целостность всё так, фигурально говоря, поворачивается, что "задним числом" постоянно оказываетесь при всё новой сближенности, пока не соприкоснётесь.

6. Если достаточно вникнуть в "тонкие" составляющие своего человеческого бытия, напрашивается целая система физнаучных постулатов.

Постулат первый. Нет отвлечённой силы как действенности на тело, а есть лишь сохраняемость телом своего положения – в пику начинающему смещаться окружению.

Сказать иначе, нет действия на тело отвлечённой силы, а есть лишь начинаемость смещаться у его окружения.

Ну, то есть, нет отвлечённой силы как действенности на тело, а есть лишь смещаемость как минимум одной из ипостасей (ну, форм общей явленности) дего окружения, перманентно по отношению к телу начинающаяся и незаметная ему как таковая. С тем что тело сохраняет своё положение – в пику тому начинающему смещаться окружению. И с тем ещё, что отвлечённая сила есть сила, в своём действии на тело не порождаемая соприкосновением с ним другого тела.

То есть что? Первая вводная – ваша как мат. тела начинаемость перемещаться относительно той части своего материального окружения, с которой пребываете в непосредственном контакте (ну, непосредственно воздействуете: она на вас, вы на неё). Вторая же вводная в том, что начинаемость та ваша – под действием невидимой силы, а не в порядке непосредственного контакта (то есть контакта через соударение) с каким-либо мат. телом (из до того не состоявших с вами в таковом контакте). И вот тут постулируется, что ваша начинаемость перемещаться такого типа – всегда есть лишь сохраняемость вами своего состояния движения на фоне несохраняемости своего той оговоренной частью вашего окружения.

То бишь в случае, если состояние движения мат. объекта изменяется не воздействующей соприкасаемостью с ним другого мат. объекта, не валить всё на "действующую силу", а искать принципиально пока незаметную смещаемость его окружения (в том числе, возможно, происходящую вместе с тобою). Причём искать её как что-то начинающееся.

Итак, если на вас действует отвлечённая сила, то надо искать некую неявную вам пока ипостась окружения, пребывающую в непосредственном контакте с вами и просто-напросто начинающую относительно вас тогда смещаться.

В общем, это постулат иллюзорности сил в природе. Так он может быть обозначен. О нём уже было в начале третьего пункта.

А здесь лишь добавим, что речь фактически шла о поле. Как базовом понятии в современной физике. Ну, в смысле, так называемом силовом поле. Вот уж где понятие, сродни понятию инстинкта в биологии! То есть "отмазочное". Вроде есть и всё необходимое объясняет, а копнуть глубже, так ни фи́га не объясняет!

Все поля, короче, есть фикция. И как такое может быть, мы скрупулёзно продемонстрировали на примере гравитационного поля. Это не значит, однако, что прочие физические поля фиктивно подменяют собой что-то подобное

тому, что подменяется гравиполем! Нет, каждое поле этак подменяет нечто своё – из реестра физических и метафизических явлений. Так называемое электромагнитное, например, как понятие заслоняет представления об области многократно перекрывающихся колебаний невещественной материи, имеющих свойство происходить и распространяться на границе той материи (как субвозмущённого эфира) с эфиром невозмущённым. Предлагаю читателям подумать, чем в этом смысле является чисто магнитное поле, без "электропримесей". Ну, пространство меж полюсами подковообразного магнита, что́ оно такое?

Постулат второй. Нет гравитационной массы в природе, есть только инертная.

Другими словами, природа реализует лишь один способ проявляемости мат. тел в качестве масс – инертный. И не в том смысле, что гравитационного способа нет, а в том что он – лишь завуалированный инертный.

Так что постулат Эйнштейна об эквивалентности гравитационной и инертной масс у всякого мат. тела – становится просто лишним. Ну, так сказать, растворяется в этом нашем постулате – как блеклый цвет в насыщенном. Постулат Эйнштейна – это пол-шага, мы от него сделали ещё пол-шага, и получился шаг. И написано о нём тоже уже достаточно – в предыдущих пунктах.

Постулат третий. Время есть неразличаемые мерности мира, имеющиеся – в их приложенности к нам – сверх различаемых. Точнее, не сами такие мерности, а ощущенчески нефиксируемые происходящести за счёт них. Ну, движения, чем-либо составляющиеся в таковых мерностях. И речь об отсутствии лишь прямой ощущенческой их фиксации, а ощущенческая фиксация типа "вообще" – присутствует, как раз и оказываясь пресловутым "ощущением бега времени", каждому знакомым.

То бишь, не только нет отдельно пространства и отдельно времени, но нет даже пространства-времени, а есть лишь протяжённость, в трёх начальных её мерностях – как переносителях движений – фиксируемая нами. В трёх начальных, называемых пространственными, поскольку именно они составляют вакуум-пространство! С остающестью нефиксируемой в остальных – вплоть до ментальной даже нефиксируемости. А тем более, значит, те мерности будут выпавши из прямой ощущенческой взятости – как фиксируемости позабористей ментальной. Тем оказываясь непрямо-ощущенчески взятыми (ибо вообще психонезафиксированной мерность в принципе не может быть – коль есть как предъявленность психике).

Этакая непрямота ощущенческой взятости мерностей оказывается твоею ощущаемостью своей неоощуцаемости их (как наполненностей движения-

ми). Или сказать – ощущаемостью себя в неспособности их ощутить. Вот эта ощущаемость и оказывается тем, о чём мы говорим, что ощущаем время.

Ощущение времени, стало быть, на поверку оказывается ощущениеезаменностью. Наличной вместо реализуемости прямого ощущения. То есть, лишь намечательностью – нашей себе – ощущаемости чего-то, но не ощущаемостью того чего-то! Отчего то нечто допустимо назвать только обнаружительно ощущаемым нами. Чему соответствует заявка, что называемое нами временем – в физическом отношении есть суррогат.

Итак, человек способен на ощущение своей неоощуемостью чего-то, способного ощущаться. И когда в качестве такого "чего-то" выступают работающие – касательно нас! – мерности мира, что свыше трёх, "ощущение неоощуемостью" и оказывается нашим ощущением времени.

Прямоощущенчески нефиксируемая статья пространства (здесь оно в смысле протяжённости – как более общего понятия на его понятийной базе) есть, повторюсь, его дополнительные – к трём обычным для психик нынешних людей – мерности, и в первую очередь, конечно, четвёртая. Все движения, что происходят на их основе, автоматически оказываются в прямом отношении незамечаемыми человеком, и потому как воплощение мироизменений являются ему бегом фантома под названием "время".

В отличие от настоящих ощущений, время фактически есть лишь ощущенческое томление (в смысле томления в сфере ощущений). Что-то вроде стояния в ощущенческом предбаннике! Ощущение своей ощущенческой несостоятельности по какой-то предъявленной миром статье.

Так что наш третий постулат – недостающие пол-шага вперёд по отношению к Минковскому, сделавшему свои пол-шага от категории времени к категории пространства и создавшему монстрика под названием "пространство-время".

За счёт времени, исчезающего у вас как ощущенческий фантом, пространство для вас приобретает дополнительные свойства, да и вся недолга. Точнее, дополнительные пространствоподобные свойства приобретает для вас мир. Это вообще говоря. А если поконкретней, то взамен фантома времени мир является вам дополнительными своими мерностями – в их обслуживании движения объектов.

Фактически, в постулате скрыта мысль, что "время" есть суррогатная категория физики как науки. Костыльная категория, образно говоря. Уместно будет тут даже схохмить: время есть вре́менная категория физики-науки! И длится эта временность до тех пор, пока человек не разобрался с некой своей душевной слабостью. Ничего не поделаешь, физики всего лишь люди, и мы вышли на тот рубеж физической науки, где это уже сказывается. На рубеж, то есть, который требует от физика побыть в каком-то смысле сверхчеловеком.

Иначе физика как наука будет топтаться на месте. Постоянно в разных формах будут воссоздаваться физнаучные построения, неявно хромающие одним и тем же образом. Отражающим тот факт, что физики – создатели теорий (в том числе и теорий постановок опытов!) занимаются своей наукой как обычные люди. Нет, на нынешнем этапе уже необходимо, чтоб физики как люди создавали построения своей науки с компенсационной учитываемостью своей "людскости". Именно это мы и пытаемся здесь проделать (пока только в зачатке, конечно). Становясь в разводимых физнаучных построениях над своею обычночеловеческостью.

Далее по поводу третьего постулата – более частно и усугублённой. Это необходимость, ведь из всех постулатов он наиболее психологичен, а физика как наука такое плохо терпит. Вот сим продолжением текста и пытаемся помочь ей стерпеть.

Время как нечто аналогичное характерному шипению радиоприёмника, подключённого к несущей частоте, но не разворачивающему то, что та частота несёт. Каждый из нас – пока именно такой "радиоприёмник" пред своим огульным бытием. Что-то из последнего уже разворачивает, но чего-то – ещё нет, тем не менее будучи к нему подключённым.

Но когда "подключён, а не разворачиваешь", то субъективно такое себе выражаешь ощущением своей пробегаемости мимо. Вот откуда образ бега в том, что мы называем временем! Для каждого суть времени как понятия – в его беге, и последний не что иное, как твоя психопробегаемость мимо некой статьи своего существования (в порядке самовосприятия фиксируемая в некоем расплывчатом ощущении). С тем что твоё существование – здесь в смысле бытия, наводимого через физику.

Так что время – субъективная нами себе выражаемость принципиальной незамечаемости какой-то активности из своего бытия. Некой присутственности в нём. Причём выражаемость невольная! В том смысле, что процесс такого незамечания без спросу чем-то там берёт да оборачивается в нашей субъективной сфере.

Итак, некая присутственность в нашем существовании, как таковая остающаяся незамеченной. Из-за нашей психонедостаточности. Но замечаемая всё ж вообще – в силу насильственной себя нам являющести! Ну, то есть, замечаемая через феномен невольной нашей замечаемости её собой незамечаемости. Этакую-то "замечаемость своей незамечаемости" и называем личной ощущаемостью времени.

А брать на ступень въедливей, то время – невольная отмечаемость (нами себе) невоспринимаемого аспекта пространственности. В смысле невольной отмечаемости движения чего-то, коим метится та невоспринимаемая аспект-

ность. Метится в порядке задействованности (ну, используемости) её тем движением. В порядке осуществляемости его через неё. И просим здесь не спутать пространственность с пространством: первое – наша намеренная употребляемость понятия, на ступень более расплывчатого, нежели понятие пространства.

Плюс можно взять ещё вьедливей. Ощущаемость времени – не просто наша ощущаемость своей невоспринимаемости движения, наличного за счёт добавочной мировой меры, а такая ощущаемость, слитая с потенциальной нашей готовностью работу той меры таки воспринять. То есть – слитая с шумами холостого хода такого возможного воспринимания. С включённостью его в тебе, но не поехавшестью, так сказать. Которая – в порядке твоего самовосприятия – тоже оборачивается неким ощущением, плюсоющимся к первому. Вместе они и оказываются тем, о чём мы говорим, что ощущаем время.

Как уже отмечали, эта ощущаемость субъективно оформлена в ощущаемость какой-то бегущести. Предстоящей, если вчувствоваться, бегущестью чего-то у тебя внутри. В самой психике. Своеобразная бегущесть! Не как бегущесть чего-то конкретного, а бегущесть как таковая, бегущесть сама по себе (и сама в себе!). То бишь та, имманентностью к которой присутствует неясность в самом принципе, бегущесть чего и бегущесть куда имеет место. Но имеет и тебя касается! По поводу неё у тебя только ощущение, что тебя внутрипсихийно куда-то относит, во что-то не пуская. Куда и как – неясно, ещё раз будь сказано. Просто отталкивает и отталкивает, всё дальше и дальше, и всё в одну сторону, хотя классифицировать ты эту сторону (ну, соотнести её с другими) как раз не можешь. Такая вот субъективноощущенческая, ежели "вслушаться" в себе во всё это. Можете – каждый – развить её, такую, вслед за мною: все мы ведь люди, а значит, одинаковы и в этом аспекте, до какого-то предела...

Ежели строго, то субъективистика это лишь субощущенческая. Поскольку ни один из пяти официальных ощущенческих каналов в явном для нас виде тут не работает. То, что мы называем ощущением времени, приходит к нам (ну, образуется в нас) каким-то общедиффузным манером. Потому и не может быть классифицировано в качестве настоящей ощущенческой! С физиологической точки зрения имея право проходить лишь в качестве субощущения. А то даже возможно, что это самое "ощущение времени" – и вовсе суть квазиощущение! То бишь, нечто даже не субощущенческое, а ощущениеподобное: нечто, выглядящее как ощущение, ведущее себя в нас как ощущение, но таковым по природе своей фактически не являющееся. Психосымитированность ощущения! Ну, а пять упомянутых каналов, будь сказано ради отсутствия криво толков, суть зрение, слух, обоняние, вкус и комплексный тактильно-проприоощущенческий канал (ответственный прежде всего за осязание – в по-

рядке задействованности мышечной части проприоощущенческой, слитой с рецепцией давления, а также температурной, болевой и прочими "фонообразными" рецепциями).

Так что время, вполне возможно, суть фантомное ощущение, в которое воплощается психоэнергетическая недостаточность человека. Этак вполне допустимо сказать!

Просто у каждого не хватает жизнотворящей ёмкости, чтоб помимо восприятия физики в её складываемости нами в мир (ну, в предметную картинку, способную и зреться, и осязаться!), смочь ещё и достаточно отрешаться от той складываемости. Складываемости, проходящей по привитой нам во младенчестве и поглощающей нас ограничительной схеме. И цель – преодолевать эту поглощающую, психооставляя себя и на что-то другое, помимо обрисованной психоскладываемости себе привычного предметного мира (ну, мира предметов).

Впрочем, не всё так плохо. Были описаны лишь первая и вторая компоненты – из складывающих ощущение времени. А под ними есть и третья, наличие которой несколько улучшает обстановку. Речь шла о чём? О неофициальной психоотворачиваемости нашей от некоего нестандартного пространственного смещения. Но полной психоотвернувшести тут, в принципе, не получается, – что-то как-то да доходит до тебя от этакого базового объекта отворачиваемости. И эта дошедшесть, в её а-ля ощущенческой оформленности, оборачивается тебе какой-то непрерывной и неменяющейся происходящестью с тобой, закритически смутною. Тем оказываясь третьей (самой внутренней) компонентой в нашей испытываемости феномена времени. Поступает третьей компонентой в эту испытываемость, или сказать – вшивается в неё третьим "слоем".

И надо отметить, что насильно доходящее до нас при означенной психоотвернувшести – оно фактически тоже оказывается бегущестью чего-то непонятного, касающейся нас. Только что ощущающейся уже не внутри тебя, а снаружи. И исправно оказывающейся "бодрым голосом в общем хоре".

То есть время – как что-то ощущаемое – есть продукт недоощуцаемости, к которой (вместо полноценной ощущаемости!) человека приводит его психоэнергетическая недостаточность. Недостающесть развёрнуто "просечь" некую происходящесть – из составляющих его существование, – отчего та "просекается" лишь в виде являемости нашей себе факта "чего-то где-то происходящесть, когда в самом принципе не ведаю, чего и где". И даже нет – понятие "происходящесть" в некоторой степени неявности содержит в себе понятие "время", поэтому лучше будет сказать – некой случаемости. Чего-то где-то случаемости, в принципиальной неясности, чего и где. При некоторой ясности,

однако, что то случаемость, имеющая место относительно нас в связи с пространством.

Тут уместно добавить, что образ бега, на котором замешано у нас квазиощущение времени, не является единственно возможным. Вжиться в гештальт времени поглубже, так возможно получить квазиощущение постоянной напираемости чего-то на нас неизвестно откуда. Непрерывной подступаемости и берущести, так сказать, за глотку – сразу со всех сторон. Это как раз психофизическая слабость наша являет себя нам! Активно отказывая в некосвенной восприятости дополнительной пространственной мерности, на которую – в её работе на движение – мы в безотчётности невольно замахиваемся.

Но, повторяюсь, косвенная восприятость такой мерности будет, даже если вы её и не захотите. Если нечто уж предъявлено восприятию, то оно обязательно будет воспринято – так или иначе. Нет психосилы на прямое восприятие, то будешь воспринимать хоть отсутствие у себя той восприятости, но что-то в связи с тем предъявленным да будет восприниматься!

Итак, полностью увильнуть от восприятости чего-то себе через жизнь предъявленного – невозможно при включённом восприятии. А оно у человека постоянно – в произвольности того – включено, если только он не йогин в медитации, достаточно далеко зашедшей. Пускай, значит, самым неожиданным образом, но воспринимаешь-таки предъявленное своему восприятию. То, перед чем его невольно поставил. Так уж мы устроены. И работа дополнительной мерности пространства – тут не исключение, раз уж мы именно перед ней поставлены – как задействованностью в личном бытии. Хоть восприятивно смутное, но что-то у нас от работы этой да присутствует – под маркой времени: частью как продукт самовосприятия, но частью, в глубине, таковым продуктом даже и не являясь.

Но напрямую не замечаем движенья, происходящего в мире за счёт психонеосвоенной нами мерности! И вот тут необходимо отметить, что при обычном (ну, видимом) перемещении материального предмета – до некой степени всё как раз наоборот: замечаем нами его фактический в лице того покой. Ведь предмет тот, согласно следующему, четвёртому постулату, прежде всего эфир, а эфир – весь относительно всего себя – всегда стоит на месте. Всегда стоит, ежели подходить к нему по самому большому счёту! Потому-то и является нам в нашей субъективности, что перемещение того предмета происходит через посредничество времени (читай: фикции!), ибо только через посредничество фикции может быть то, чего фактически нет. Ну, чего нет согласно более высокой инстанции подхода.

Что ж, одинаково не замечаем и необычного движенья, происходящего за счёт психонеосвоенной нами мерности мира, и фактичности покоя обыч-

нодвигающегося предмета. Две стороны одной медали, которую являет нам наша психика! Являть такую "медаль" – навязано ей текущей эпохой (в смысле, что так уж последняя воспитывает нас).

Возможен ещё вот какой вариант объяснительной стилизации. Незамечаемое движение пространства меняет глазам не видимое, но существующее обрамление нашего предметного окружения: не успели, что называется, предметы побыть для нас на фоне одного пространства, как стали расположенными на фоне другого – нового, сменившего старое (ну, оттеснившего его от нас). И так непрерывно, потому что пространство непрерывно же "течёт" – из-за вселенской расширительности. В новом же пространственном обрамлении предметов мы вынуждены воспритивно восстанавливать их прежнюю конфигурацию, что и делаем, значительно тратясь на подсознательном уровне. От того, однако, постоянно отворачиваясь – будто ничего и не восстанавливали. Поскольку никаких пространственных изменений вокруг нас вроде нет – согласно бытующему в нас суждению, подкрепляемому прямой воспритивностью (которая на самом деле – недовоспритивность). То есть – в воплощение такой логики незаметно заставляем себя невидимое новое пространственное обрамление считать прежним, отчего его фактическая непрежнесть и предстаёт (ну, умудряется вопреки нам предстать хотя бы этим!) – предстаёт какой-то смутной невидимой набежавшестью на нас чего-то, которая с другой стороны выступает чего-то такого же от нас убежавшестью, а уж мы всё это вместе и называем себе временным феноменом. То есть "бегущность" как свойство при времени – мы провоцируем сами, того не понимая, что провоцируем! Сами, перманентно утверждая себе отсутствие присутствующего пространственного смещения, несущего новое пространственное наполнение нашему предметному быту. Так что она вот чем оборачивается, непрерывная-то необходимость привыкать к тому же предметному расположению при новом (ну, в новом) пространственном обрамлении, когда "в упор не видим" той новизны.

Скажем ещё так. Как-то (сами не ведая, как!) ощущаем, что в лице пространственного окружения нечто от нас уходит, в слитой с тем ощущением недопираемости, что именно. Во что же ещё может такое ощущенчески оформиться, как не в "убегание чего-то от нас сквозь нас", которое мы и понимаем временем?

Ощуренность лишь самого факта чего-то для нас происходящести – при неоощуриваемости, что конкретно происходит: чем такое способно нам предстать, кроме как некою вроде как бегущностью чего-то рядом с нами, коли понятие "происходящесть" маркирует наиболее неспецифическую форму движения, а понятие "бег" есть самый ходовой (потому что опредмеченный) образ движения?

Окрест что-то неуловимо меняется, то бишь – движется от одного вида к виду другому, а это для подсознания, с его простотой, значит: что-то куда-то бежит. Тогда чем, как не бегом, будет для нас характеризоваться время, ежели именно под временем мы понимаем подобные неуловимые окрестные изменения?

Итак, что-то такое невидимое вокруг нас происходит. Или даже сказать – нечто невидимое с нами происходит, в привлекаемости окружной пространственности. И из-за нашего неправильного внутреннего поведения по отношению к тому – оборачивается в нас чем-то, что мы, не особо задумываясь, называем ощущением времени. Которое на поверку – ощущение лишь обозначительное, то есть имеет лишь фигуральное отношение к категории "ощущение". Такие дела...

Что́ это за "происходящестъ с нами", теперь, однако, известно: непрерывная разрастаемость окружающего нас пространства, как движение недоматерии на базе дополнительной – четвёртой – миромеры!

То есть что? Упоминавшаяся третья, самая внутренняя составляющая пресловутого "бега времени" – это недоэкстрасенсорная ощущаемость каждым вселенской разрастаемости пространства, только и всего. Недоэкстрасенсорная – в смысле умудряющегося в нас остаться от полноценной – но подспудно в неразумии отбрасываемой! – экстрасенсорной ощущаемости той разрастательности. Внутренне отбрыкиваемся от разрастательности – из-за подсознательного недержания себя в экстрасенсорном качестве! И не забывать, что такая "внутренняя отбрыкиваемость" тоже как-то там у нас психоотображается (а именно, ощущается в порядке неизбежного самовосприятия), и отображённость та поступает одной из складывающихся компонент в огульное ощущение времени. Оказываясь в нём самой внешней компонентой. С тем что в нём уже присутствует компонента упомянутой недоэкстрасенсорной ощущаемости.

Наговоренное об недоэкстрасенсорной ощущаемости объясняет всем известную однонаправленность временного бега: вселенское пространство ведь неизменно только прибывает, вот такая неизменность, хоть как-то да воспринимаемая нами (ну, воспритийно отображаясь в нас), и оборачивается ощущенческой "анизотропностью" в нашей создаваемости себе феномена времени.

Когда Вселенная своим вакуум-пространством начнёт ужиматься, неуловимо изменится и огульное ощущение времени у человека! Внешняя его составляющая (в лице нашей восприятости себя психопробегающим мимо чего-то, невидимо происходящего с пространственностью) останется тою же, а изменение – оно за счёт изменившеи внутренней составляющей, что в лице экстрасенсорной восприятости происходящего в жизни по линии четвёртой миромеры. Сейчас живём в экстрасенсорном ощущении пространственного

подъёма, тогда будем жить в экстрасенсорном ощущении пространственного падения (которое прошу не спутать с ощущением падения в пространстве).

Загвоздка в чём? В недержании каждым из нас себя экстрасенсом! В смысле получения психикой ощущения от мира (или лучше бы сказать – от жизни?) непосредственно, а не посредством какого-либо из пяти органов чувств. Такое возможно! Чтó бы о том ни говорили. Ибо эта наша – в порядке выступления телесной плотью – находящесь в физическом мире есть попросту надевшись на себя – нами как душами – так называемых плотных оболочек, которые тем самым – как элемент фактически себя! – и способны мы ощуивать без какого бы то ни было посредничества. В частности, не посредством органов чувств. А просто прямо! И поскольку каждая такая "оболочка" – какая-либо грань мирозначности, как ясно, то отсюда вам и пожалуйста... Итак, загвоздка в недержании каждым из нас себя экстрасенсом. Оттого и испытываем пресловутый временной фантом – вместо ощущаемости нарастания вокруг нас пространства. Узнать же о наличии этого нарастания – как того, что человеческую экстрасенсорность сильнее всего тормозит, да узнать, во-вторых, что ты, хочешь того или нет, а экстрасенс (хоть как-то там – куцым образом – да воспринимаешь же это нарастание как природное явление, что мы уже описывали, – а глазами его, между прочим, не ощутишь – имеется в виду самим по себе, а не по результату типа разбегания галактик), значит сделать по жизни половину сакраментального шага, располагающую сделать пол-шага ещё: напрямую (а не косвенно, повторяю, через галактики) заметить пространственную прибываемость в районе себя (ну, своего тела). То есть в экстрасенсорности, и так уже имеемой, окончательно утвердиться! Дабы не быть чем-то подобным пассажиру, испытывающему тошноту по пролётах самолёта через воздушные ямы. Лётчик тошноты в подобных обстоятельствах никогда не испытывает: сигналы вестибулярного аппарата о провале в яму синхронно дополняются (подкрепляются, объясняясь!) зрелищем того падения – оно зрительно выявляется по отношению к земле, а ещё лучше – облакам. Пассажир же такого зрелища лишён, участвуя в полёте пассивно (то бишь видя лишь внутренность кабины). Потому его и тошнит от сигналов вестибулярки: последние, так сказать, зависают в нём сами по себе, ничем не объяснённые, не обоснованные, тем приобретая статус дезординарности, имеющей право вызывать реакции типа тошноты. Пресловутое наше "ощущение бега времени" – в чём-то такая вот тошнота! Смешанная с одиноко "зависшими" ощущениями непосредственной касаемости пространства. С ними как продуктом работы неспецифического ощущенческого канала.

Нечто подобное тошноте в самолёте – у нас как пассажиров Вселенной! Абсолютно – в воспрятийном плане – избавиться от пространственного при-

роста мы не можем, а дать, коль так, себе труд в восприятийной адекватности иметь его – мы не даём. Тем оставаясь именно лишь "пассажирами" Вселенной. У которых "захватило дух" от её пространственной расширяемости, в ощущенческом плане себе отмечаемой лишь крайне неспецифически (а значит – непонятно, раздражающе). Тогда как надо бы каждому быть пилотом корабля под названием "Вселенная"!

Итак, нет "текущего" времени, а есть психонексигуемости неких мерностей пространства как переносящейся движения. Всё из-за недостающей на них психоненергетической ёмкости. **Нексигуемость мерности, с чем-то за счёт неё обязательно происходящим в мире, как раз и оборачивается субъективным ощущением времени – взамен ощущаемости той происходящей как чего-то объективного.** Субъективным ощущением, то бишь – фактически ненастоящим! Которое мы к тому же априорно увязываем с последовательностью событий. Весьма априорно! Как раз ошибаясь, что при априорности часто водится. Суть ошибки и попытаемся показать в следующем блоке.

К чему мы пришли? Что время есть ощущенческая фикция. Ну, непрерывно реализующаяся ощущенческая несостоятельность наша, тем самым венчающаяся фикцией. В последнюю оборачивается невосприятость воздействующей на нас дополнительной метрической статьи, исходящей из эфира к трём привычным пространственным. Ну, в смысле, привходящей к ним – в порядке налички у невозмущённого эфира специальной демонстрации себя через вакуумное пространство.

На деле есть только миропротяжённость и движение (как смена предметом позиции в той протяжённости), время же, повторяю, фикция. Просто психоненергетический феномен, который сдуру наделяют физической самостоятельностью.

Так что фактически времени нет. Прекрасно. Что же тогда есть "на его месте"? Неужели ничего? Отвечаем: есть длительность! Именно только она, ежели в строгом смысле, связана с последовательностью событий. Время (в его для нас "бегущести") и длительность (как нечто "содержащееся" во всяком предметном движении, а с другой стороны – составляющее его или по крайней мере – дающее ему состояться) суть разные вещи. У Ньютона в "Началах..." проскальзывает однажды фраза: "время или длительность". То есть как гений, он не мог не заметить несовпадаемость этих вещей! Почувствовал, что во времени что-то есть в узком смысле слова, и потому интуитивно пошёл на отмечание того чего-то – хотя бы вводом синонима. Мы же говорим уже об отдельном понятии, выделяя длительность в качестве "внутреннего субстрата" времени, а всё остальное в нём отбрасывая как шелуху. Выразаться в химико-

технологическом духе, так длительность суть "вытяжка" из времени, и мы её производим!

Повторюсь, что только с длительностью связана последовательность событий. А не с тем, что стоит за ощущенческой фикцией, называемой нами "бегущее время". Другое дело, что ощущение длительности (как ощущение из ряда сакраментальных, подвижующееся среди множества наших экстрасенсорных ощущений) присутствует четвёртой компонентой в огульном ощущении времени – единственно неотвлечённой и самой внутренней. И только благодаря тому связь огульного ощущения времени с последовательностями событий, которую каждый – в подспудной заведомости того – считает наличной, не есть связь фиктивная. Другими словами, ощущение времени в строгом смысле слова должно "состоять" из одной этой четвёртой своей компоненты.

Движение чего-либо знаменует последовательность событий. Ну, в смысле, присутность его суть реализуемость её. И почему у Зенона "движенья нет"? Потому что в апории "Стрела" для доказательства его отсутствия он пользуется фикцией.

Приведём эту апорию. В хорошем пересказе, почерпнутом из одной научно-популярной книжки. Пересказ этот – в следующем абзаце.

"Живём мгновениями. Ну, а коли так, значит, в любое определённое мгновение летящая стрела находится в определённом, единственном положении. Она находится в данном месте точно так, как если бы она покоилась здесь всегда. А значит, её никоим образом нельзя отличить от другой стрелы, которая действительно покоится в данном месте. А коли нельзя отличить движущуюся стрелу от покоящейся, значит, никакого движения и не существует..."

Что тут скажешь? То лишь, что мгновение – виртуальность. То есть проходит в качестве категории, неизвестной ещё Зенону. И провозглашать его реальностью – значит вдаряться в фикцию! Провозгласить мгновение реальностью – значит остановить время для предмета, рассматриваемого в том мгновении. Это выражаясь по-старому. А говоря по-новому, это значит неспециально (читай: хитро!) лишить его, предмет тот, длительности. Меж тем, всякий предмет имеет протяжённость и длительность, что называется, по праву рождения. Ну, по праву своей вошедлости в мир. То есть, имеет их имманентами своего наличия в мире. Есть предмет – есть у него они! (При принципиальной невозможности решить, которая из них первичней, как невозможно это проделать для курицы и яйца – как понятий.) То есть длительность – нелишаемое, так сказать, свойство у предмета. Когда в самом принципе его нельзя её лишить! Поскольку он имеет её попросту в порядке распространяемости на него длительности самого мира.

Если забрать у мира длительность, то летящая стрела, не имея тем длительности, в самом деле будет идентична покоящейся – в неимеющести тою

длительности тоже. Ибо неимеющность стрелою – как предметом – длительности означает невозможность её участия в какой бы то ни было последовательности событий, и в этом – в этой фактически дырке вместо себя! – летящая стрела абсолютно идентична покоящейся. В том смысле, что летящая не имеет полёта, а покоящаяся – покоя (как непокидаемости определённого места). А имеют – одинаково обе! – ничего неимеющность.

Другое дело, когда стреле – как предмету – в длительности не отказывать. Тогда-то и возможна длительность стрелы в лице одной последовательности событий с её участием (последовательность, составляющая её летящую), и длительность стрелы в лице другой последовательности событий с её участием (последовательность, составляющая её покоящуюся). То есть две формы реализации (ну, исползуемости) стрелою своей длительности. Важные здесь нам из вообще бесконечного множества возможных форм.

У Зенона же в апории со стрелой, повторяем, незаметная как раз аннуляция длительности. Ну что ж, коль ты её для предмета фактически убираешь, то у него и действительно "движенья нет"! Вот только убравшись такая – принципиальная невозможность! То есть курьёзное заключение об отсутствии движения у тел в природе – это просто неправомочно-обобщительная трактовка: возможность человека прекратить для себя реализуемость длительности у выбранного тела (прекратить путём предельного укорочения контакта с тем телом) – не означает, однако, прекратившись той реализуемости как чего-то в мире. Это относится ко всем формам реализуемости, а значит – и к важной для нас форме в виде участия стрелы (как тела) в поступательном перемещении.

Зенон первым обнаружил у человека упомянутую возможность. Но из того, дорогой Зенон, что ты – как человек – всегда при ней, и тем для тебя – по твоему желанию – реализуемости длительности у выбранного тела нет, а тем нет и его движения – как формы той реализуемости, ещё ничего особенного не вытекает: это всё только для тебя, ничуть не означая, что движения у выбранного тела вообще не стало...

Итак, время, как мы уже говорили, есть ощущенческая фикция (если не иметь в виду самую глубинную составляющую в нашем огульном ощущении времени). Ощущенческая фикция, в душевной слепоте объяснительно представляемая нами к движениям предметов. Отчего любое движение чего бы то ни было – как что-то объективное – выступает при фактическом свойстве считать у нас эту фикцию: открой только ему такую возможность! Как только открываем, оно автоматически оказывается представляющим нам (собою) то, что Ньютон интуитивно назвал длительностью. А уж последняя есть "мысль бога" по отношению к материальному миру. Ну, та первейшая его мысль, на которой держится этот мир. Мысль, специальное содержание кото-

рой как раз и заключается в имени мира, развёртывании его. Это не моя постигнутость: с "мыслью" у "чего-то невообразимо огромного" увязывали время продвинутые ацтекские шаманы доколумбовой Мексики, – я же только нахожу, что так, пожалуй, будет верно – в отношении последовательностей событий нашего мира. Будет верно, являя приемлемо искажающий уровень неизбежного стилизационного упрощения...

Мы не заботимся о легитимности текста. А о том лишь, чтоб сподручней довести читателю ментально ощущенный смысл. Оттого выступают годными буквально всякие средства – был бы только от них результат! В том числе, годится и используемость категорий оккультизма – как средство. Использовали их в своё время, чтоб передать смысловую суть экстрасенсорики, использовали и в предыдущем абзаце – для несколько иной передачи. Грамотный читатель-физик вполне, на наш взгляд, способен будет понять, что хотим ему там слово очертить, а только это для нас и важно.

Теперь удобно вернуться к тому, с чего начали этот блок. Если длительность мира проявляется одушевлённому предмету через статью миропротяжённости, им ещё не освоенную (ну, в смысле, через происходящее за счёт этой статьи), то бишь он, помимо прочих способов сотыкаемости, сотыкается с длительностью и через неосвоенную мерность мира, то у него как раз и возникает "ощущение времени", в его характерной замешанности на некоем "беге", – вот и всё.

Когда же удаётся настрополить себя, чтобы прямоощущенчески (а не косвенными, намечательными и тому подобными ощущениями) замечать у мира случающееся через четвертую меру (как четвертую составляющую его "мерности вообще"), то время у тебя "останавливается" – во всяком случае, в первом приближении. Привычные же бытовые движения предметов остаются, тем не менее. Но наличествуют как-то странно. Этакой воплощённой виртуальностью. Присутствуют в отсутствии, – по-другому и не скажешь! В общем, наличествовать-то наличествуют, но как бы вне времени, – а ведь время для нас – всё, потому касательно их и ощущение, что как бы отсутствуют. Что отсутствуют, несмотря что таки присутствуют! Ну, там, движения автомобилей или веток на деревьях из-за ветра. Именно они поразили меня своей "вневременностью", когда впервые вошёл в это чудное психосостояние, находясь на одной из площадей Серпухова летом 1982 года. То как раз состояние, в котором воспритийно имеешь дело с длительностью предметов самой по себе, вне её войдённости во время как ощущенчески нечто более рыхлое, нежели она (воспритийно оно ведь есть она, но только заляпанная твоей ощущенческой иллюзируемостью из-за неправильных – ну, неполных! – отношений с огульной миромерностью как содержательницей случаев).

Можно сказать, что за счёт охвата (ну, психоосвоения) ещё одной мерности мира (раньше прочих это будет четвёртая!) происходит расширение контакта с длительностью. Означающее, что в некотором смысле (и до некоторой степени) начинаешь видеть течение времени (ну, того, что люди так называют). Именно что видеть уже, а не как-то там "ощущать бегущест", как это характерно для обычного человека (который – из-за своей психонесостоятельности – ощущенчески маскирует себе сакраментальную временную суть). Описать широкой публике подобное психосостояние – трудновато: примерно так же возможно, как доведение зрячим до слепых видимой картины мира.

Из собственного опыта могу сказать, что длительность не воспринимается как "бег чего-то". Ощущение с неё получается понетривиальней (вроде как видишь её присутствие – как то, на чём покоится движение предметов бытового окружения; этого уже касались в двух предыдущих абзацах). Потому, когда начинаешь ощущенчески останавливать время, в своём огульном ощущении времени оказываешься атакующим лишь три первые составляющие (ну, три внешние). Тем неспециально (а потому – не мешая себе боязнью "проколоться" и тому подобным!) ощущенчески обнажаешь для себя в мире длительность (если удачно проатакуешь те составляющие).

Итак, субъективно останавливать время – значит неспециально приобщаться к прямому восприятию того, что в жизни происходит за счёт четвёртой миромеры. А также то ещё, что чем успешней субъективно останавливаешь (а только субъективно это и можно, кстати сказать, поскольку время в его бегущести – лишь психофеномен, а не физическая самостоятельность), тем явнее – вместо того временного бега! – прорезается для тебя в мире длительность (в её наличке для последнего как таковой).

Так что – совет физикам-экспериментаторам: культивируйте психотехнический приём "субъективная остановка времени".

Что же касается обычных бытовых движений предметов, то порочнопривычно воспринимаем их через "призму" временного фантома, что замешан на "беге" чего-то непонятного, – "призму", которая истинность воспринятости тех движений нарушает. Подобно как стеклянная призма смещает – как видимость – местоположение предметов, когда на них через неё смотришь.

И когда от того фантома в ощущенческой сфере избавляешься, появляется неожиданная чистота воспринятости тех бытовых предметных движений, которую недвусмысленно чувствуешь у себя наличной потому именно, что удалось наконец видеть (ну, вроде как!) присутствие времени, тем не давая последнему – как маячащести "за кадром"! – исказительно подмешиваться в воспринятость тех движений. Как исказительно? Ну, как-то так притупляюще к их

ходу, предметов-то. Размывающе к нему. И осмутняюще (от слова "смутность").

Постулат четвёртый. Всё материальное – прежде всего эфир. Не в эфире, а эфир!

Нет, можно, конечно, сказать, и что оно в эфире, коль им выступает в порядке смысловой изначальности себя. Но это уже только в том смысле, в каком о каждом из нас уместно выразиться, что он находится в самом себе.

Итак, материальное выступает эфиром прежде всего остального, чем там ещё оно является. То есть в сүти своей выступает эфиром, а потом уже всем прочим – как надстроенностью над той сүтью.

Сказать по-иному, всё материальное имеет в своём устройении эфирную подоплёку. Структура любой материальности несёт эфирную печать, образно будь сказано. В этом смысле две самые непохожие материальности (ну, два непохожих материальных образования) суть одно и то же. А не одно и то же они лишь в том смысле, что представляют разные степени возмутившести эфира в самом себе. Ну и разный характер той возмутившести – в пределах одной её степени.

Наталкивает на четвёртый постулат, как это ни банально, тот факт, что электромагнитная волна как волна, призванная распространяться в пустоте, проходит через любое вещество. В пустоте – читай здесь, что по среде со свойством абсолютной незаметности, ибо распространительность волны без переносящей среды противоречит самому понятию волны; среду с таковым определяющим свойством мы пока и называем эфиром. Так вот, произвольно взять конкретное вещество, то оно поглощает электромагнитное излучение одного участка частот, но обязательно пропускает – хоть сколько-то! – излучение другого участка частот. Частоту пропускания, то есть, всегда можно подобрать, имея дело с веществом как принципом! А значит, оно для электромагнитной волны – среда. Такой вывод, во всяком случае, ничуть не менее правомочен, чем остальные возможные здесь с тем же уровнем общести. А значит – вполне годится для постулата. То есть, это мы "бросаем кость" оппонентам: усмотрите здесь иной вывод, равноправомочный с нашим, так пожалуйста, берите его постулатом, а мы вот выбираем этот. А что не делали его, вывод этот наш, физики до сих пор, так то из-за его излишней наглядности, если можно так выразиться. Я так думаю.

Итак, общие соображения, не находящие более правомочных того же уровня общести, толкают нас на заявку: **вещество попросту есть возмущённый эфир, и прохождение электромагнитной волны через вещество – попросту явление прохода волны через возмущённый участок положенной ей среды распространения.**

Общая закономерность: чем меньше длина волны, тем легче последняя проходит через возмущённый участок среды, в которой, согласно своей природе, призвана распространяться. Во всяком случае, это что касается поперечных волн, к коим принадлежат и электромагнитные. Ещё бы тому быть не так, ведь волна большей частоты – "жестче" по своей "структуре". Недаром в классе электромагнитных волн так и говорят о гамма-излучении: жесткое излучение. Ну, а любую жесткую структуру труднее трансформировать, нежели мягкую той же природы, ежели речь о том же трансформирующем агенте. Труднее трансформировать, а значит и ослабить. То есть пробойность у неё больше. И поскольку волны электромагнитного класса в этом не исключение, пертурбациям среды распространения подобной волны – тоже труднее как бы то ни было отобразиться на её структуре и повлиять на её ход, ежели она короче, то бишь менее размазана в той среде при своём там беге. Ну, а вещественные предметы – как раз и есть области пертурбаций такой среды: разные пертурбации, в зависимости от плотности вещества предмета и прочих свойств этого вещества. Вот почему гамма-излучение и проникает всюду лучше прочих, как нам известно из опыта. А начните колобродить воду, так распространению мелкой ряби по ней этим труднее воспрепятствовать, нежели проходу пологой волны.

Скорость света в материальных телах меньше, чем в пустоте. Также опытный факт, хорошо объясняющийся в русле нашего постулата. В самом деле, ведь согласно последнему, так разные вещества есть вихрево-разновозмущённые участки эфира, где возмущённость замкнута сама на себя и тем удерживается в определённых границах. А возмущённая область среды не только в части поглощает волну, в той среде распространяющуюся, но и замедляет её бег. Так что прозрачное стекло, например, и должно проделывать с видимым светом как то, так и другое. И проделывает! Если на заданной дистанции его перед лучом света поставить, то к финишу тот придёт и слабейшим, и позднее, нежели в случае без стекла. Аналогичное сему возможно воссоздать на поперечных волнах, что не так кондовы, как свет с его заоблачными скоростями (лишающими нас наглядности замедления) и прочими штучками примабалерины материальной Вселенной. Я думаю, что заставь мы волну, идущую по поверхности озера, пройти через участок той поверхности, где вода вихрево турбулируется, то она в заданное место озёрной глади тоже придёт "и слабейшей, и позднее", нежели без прохода такого участка (будучи испущенной из старой точки). Где "слабейшей" – значит менее высокой.

А как же, спросите, опыт Майкельсона – Морли, согласно Эйнштейну доказавший отсутствие эфира в мироздании? Что ж, возьмёмся за Майкельсона с Морли.

Ребята эти сконструировали огромный интерферометр с двумя взаимоперпендикулярными плечами. По тем плечам – вперёд-назад – проходили когерентные пучки света – по одному на каждое, которые затем налагались друг на друга и интерферировали, а интерференционную картину можно было наблюдать в специальную зрительную трубку. И вот если скорость света относительно интерферометра (читай: Земли) зависела от движения Земли по орбите, это можно было обнаружить, согласно расчётам. Ну, одно плечо устанавливалось по ходу орбитального движения Земли, второе соответственно оказывалось перпендикулярным тому ходу, отчего времена прохождения плеч светом должны были оказаться разными: вдоль и поперёк своего хода Земля своим движением не должна бы одинаково влиять на свет (изменять его ход относительно своей поверхности). То есть изменяла бы по-разному, а разность времён должна была дать определённую интерференционную картину. Которая призвана была измениться, ежели плечи поменять местами, развернув интерферометр на 90° . Это согласно расчётам, которые здесь не привожу: они довольно просты и каждый может ознакомиться с ними в учебнике. Здесь лишь подчеркнём, что поворот плеч обещал изменить интерференционную картину, если наводилась она именно неодинаковостью хода света по плечам из-за хода Земли по орбите (а не какой-либо другой причиной – например, разностью плечевых длин в силу несовершенства конструкции).

Какие вообще теорварианты лучевого хода по плечам видятся здесь возможными? Исчерпывающего анализа сего физики до сей поры не дали. Я, по крайней мере, не встречал. А ведь такой анализ – первая ступень на подходе к тем мироустроенческим выводам, что придётся делать из результата эксперимента! Во всех анализах обыгрывается только "эфирный ветер". С упущением возможности Земле своим орбитальным ходом менять скорость света и относительно эфира. А не только относительно себя самой – за счёт эфирного ветра. Скорость Земли передаётся светоисточнику в интерферометре, и кто отметил ему возможность прибавлять её к эфирной светоскорости или вычитать из неё – в зависимости от того, по ходу движения Земли в эфире смотрит источник, или против хода?! Источник что, не может провзаимодействовать с эфиром?! Ни из какой теории весомо такая невозможность не вытекает, насколько я знаю. Посему анализ должен быть таким, каким далее мы его приводим.

Видятся возможными четыре теорварианта. Первый: ни эфирного ветра из-за орбитального движения Земли не возникает, ни изменённости у света скорости относительно эфира (подразумевается испускаемый Землёю свет). Второй: эфирный ветер (ну, явление смещаемости Земли относительно эфира в своём орбитальном ходе) есть, изменённости эфирной светоскорости – нет. Третий: эфирного ветра – нет, изменённость эфирной светоскорости – есть. Четвёртый: и эфирный ветер Земля вызывает своим движением по орбите (то

есть меняет свою скорость относительно движущегося по эфиру света), и эфирную скорость (ну, скорость относительно эфира) у испускаемого со своей поверхности света тем своим движением меняет.

Легко сообразить, что интерференционная картина призвана меняться во втором и третьем вариантах, и не призвана – в первом и четвёртом.

Что происходит во втором, реализуемость которого в природе как раз подразумевалась Майкельсоном с Морли, когда задумывался их опыт? В плече, ось которого совпадает с направлением орбитального движения Земли, свет сначала идёт по тому движению, а потом, то же плечевое расстояние, против него – за счёт отражаемости от зеркала в конце плеча. Ну, и в первой фазе Земля, продвигая в эфире то зеркало по ходу света, заставляет тем свет проходить расстояние большее, чем плечевая длина, ибо пока он, стартовав с зеркала в основании плеча, покроет по эфиру ту длину, концевое зеркало успеет в эфире отодвинуться (и свету придется ещё немного пройти, чтобы его достичь). А лучше скажем так: зеркало в основании плеча испускает свет по ходу Земли, эфир его тут же подхватывает, а Земля с зеркалами убегает вперёд от участка эфира, где этот подхват совершился, так что свету, идущему к плечеконцевому зеркалу, надо его догонять, и он к нему тем запаздывает. Во второй же фазе наоборот: продвигаясь в эфире, Земля надвигает в нём плечекорневое зеркало на свет, идущий от плечеконцевого, так что лучу выгорает, преодолев всю длину плеча (ну, промежуток между зеркалами), пройти тем по эфиру расстояние, меньшее длины плеча. Времена же хода туда-обратно обсчитываются по простым школьным формулам и суммируются.

Так же обсчитывается ход света и в поперечном плече (ну, перпендикулярном только что обсчитанному плечу, а значит – и направлению орбитального движения Земли). Только там светолуч гуляет иначе (ежели есть светоносный эфир и перемещаемость Земли по орбите оказывается и в нём перемещаемостью, не забывать). Там эфирный ветер "дует" на свет не "в лоб", а сбоку, соответственно успевая сместить его поперёк плеча тем больше, чем дальше он отошёл вдоль по плечу от испустившего его зеркала, и в итоге луч соединяет зеркала в виде косо́й к ним линии. Отклонённой в сторону, противоположную ходу Земли по орбите, если смотреть на ту линию со стороны испустившего луч зеркала. Такая соединительная линия длиннее наикратчайшей, тем самым расстояние меж зеркалами свет оказывается прошедшим за большее время, чем было бы, не будь эфирного ветра. Ну, в смысле, длина плеча – это расстояние по перпендикуляру между плечевыми зеркалами, и проходя плечо во всей его длине не по перпендикуляру, тем в эфире свет проходит расстояние большее, нежели та длина!

Сказать иначе, от испускающего зеркала луч уходит в эфир, а оно точку его к себе "прикрепления" тянет вбок, уходя туда по отношению к эфиру, тот

луч содержащему, тем наклоняя последний к себе и противоположному зеркалу. При такой механике времена прохода светом плеча совпадают туда и обратно, и их легко математически выразить в исходящести из простого треугольника сложения скоростей: сложение скоростей света и Земли относительно эфира (как известных здесь постоянных!) даёт скорость света относительно интерферометра, вот её по теореме Пифагора через эти постоянные и выражаем, а с помощью той выраженности, зная длину плеча, уже выражаем и время преодоления его светом. Затем это время удваиваем, как ясно. Ну, и получающееся время оценочно оказывается меньшим за время, получавшееся для луча в продольном плече. Что наложением лучей должно создать определённую интерференционную картину – из способных изменяться поворотом плеч интерферометра.

Это всё с тем, что точно подобное происходит и в третьем варианте – на иной явленческой основе. Тогда в продольном плече корневое зеркало – как зеркало испускающее! – добавляет орбитальную скорость Земли скорости света по эфиру, а вот концевое, захватив свет и далее обратно его испуская (что и есть светоотражение, как я понимаю!), эфирной скорости свету убавляет – на ту же величину орбитальной скорости. Причём скорость относительно эфира здесь везде у света выступает и скоростью относительно интерферометра (ну, Земли). Поскольку Земля (и мы сами, и прочее вселенское материальное!) в этом варианте с эфиром "слита". О таком, по крайней мере в принципе, можно думать: для его реализации Земля должна различать эфир (ну, контактировать с ним, соответственно соотноситься) лишь в порядке своего светоиспускания – как "нянька" свету, но не для себя самой. Лишь светоиспусканием как гранью своего существования, и не больше! Почему б такому и не быть, в принципе? Коль скоро эфир, в его гипотетичности, штука такая заведомо непонятная! В общем, этим явлением свет призван был бы проходить туда-обратно по продольному плечу за то же время, что и во втором варианте, поскольку скорость эфирного ветра во втором равна изменениям эфирной светоскорости в этом нашем третьем. Та лишь разница, что время достижения концевого зеркала в третьем равно времени достижения корневого (в обратном ходе от концевого) во втором, а время достижения концевого во втором – времени достижения корневого в третьем. То есть перемена мест слагаемых, не меняющая суммы.

В поперечном же плече происходит следующее. Любое испускающее зеркало (что корневое, что концевое – как испускающее отражением!) устремляет свет по плечу с двумя скоростными составляющими относительно эфира – продольной, равной стандартной эфирной светоскорости, и поперечной – равной орбитальной скорости Земли. Ну, то есть, вектор продольной совпадает с продольной осью плеча, а вектор поперечной ему перпендикулярен. Эти

составляющие дают результирующую светоскорость в эфире – большую за стандартную скорость света относительно эфира (как скорость, которую свет имеет в эфире сам по себе, то есть испускаясь источником, покоящимся относительно эфира), но меньшую всё ж за светоскорость в продольном плече в направлении от корневого зеркала к концевому. Вектор же такой результирующей светоскорости, началом находясь на поверхности испустившего свет зеркала, наклонён своим концом в сторону движения Земли по орбите. Штука абстрактная, тем не менее прочерчивает направление светолуча (читай: светопучка!), выходящего с того зеркала на противоположное. Со вторым вариантом разница – там пучок поперечного плеча в своей исходящести с зеркала наклоняется от него в сторону, противоположную ходу Земли по орбите. А вот степень наклона одинакова в двух вариантах! Откуда одинаково и время двустороннего прохода пучком поперечного плеча. И если вспомнить, что оно одинаково у вариантов и для продольного плеча, то они (не забывая, второй и третий) оказываются экспериментально неразличимы (во всяком случае, что касается возможностей эксперимента Майкельсона – Морли).

И вторая пара так же неразличимых вариантов: первый с четвёртым. Брать четвёртый, так все изменения хода света относительно Земли, что наводятся эфирным ветром, оказываются компенсированы той изменяемостью его хода относительно эфира, что наступает от "толчка" со стороны его испускателя в интерферометре (в момент толчка, как ясно). То толчок, организуемый испускателем в силу перенимаемости им орбитальной скорости Земли.

Подробнее, что происходит. В продольном плече, в порядке первой ходовой фазы, такой толчок задаёт лучу эфирную скорость большей, чем стандартная, на величину орбитальной скорости Земли, и эта его эфироскорость оказывается у него и скоростью относительно интерферометра. Но с тем только, чтобы эфирный ветер тут же сделал её (ну, скорость относительно интерферометра) меньшей на ту же величину орбитальной скорости. То есть – сделал скорость луча (ну, светопучка) относительно интерферометра и Земли равной стандартной скорости света относительно эфира.

И дальше в опыте всё в том же духе: скорость светового пучка относительно Земли после, так сказать, виртуальных своих пертурбаций, подобных только что описанным, реально оказывается с таким вот стандартным значением. Неизменно и везде! Например, в поперечном плече, пусть тоже в первой половине хода светопучка: "толчок" испускателя является боковым к пучку, и линию его распространяемости, опёртую своим основанием на корневое зеркало, склоняет в сторону хода Земли по орбите, однако эфирный ветер тут же и настолько же склоняет её в противоположный бок, так что она оказывается несклонённой (ну, фактически и не склонявшейся).

В первом же варианте, так ни отклонений пучка не возникает – обоих видов (ну, направлений), ни обоих видов лобовых ходовых его изменений, так что в каждом плече пучок всё время при прямооте хода и при стандартной своей скорости в эфире, которая автоматически и его скоростью относительно Земли является. Как помним, такая же по значению скорость относительно Земли у пучка и в четвёртом варианте – тоже в обоих плечах, и тоже всё время эксперимента. И направления её в каждом из плеч по этим вариантам совпадают. Только что в четвёртом значение и направление у неё всяк раз штука, что называется, деланная (ну, плод "подковёрной борьбы", знаменует установившееся силовое равновесие), а в первом – сразу дающаяся нам на руки. Это не позволяет, однако, отличить варианты друг от друга экспериментальными наработками Майкельсона – Морли. В каждом из вариантов светопучки взаимоперпендикулярных плечей одинаково не дают (при налагаемости друг на друга) той интерференционной картины, которая способна измениться из-за разворота интерферометра. Ну, в смысле, какую-то дают, но неспособную меняться разворотом. А всё, не забывая, из-за одинаковости хода света в плечах (в смысле, относительно их).

Какие же, однако, у эксперимента получились результаты? Ну, изменений интерференционной картины Майкельсоном с Морли фактически не было обнаружено. То есть эксперимент по обнаружению влияния хода Земли на скорость относительно неё света – с отрицательным результатом. Это указывает на реализуемость в природе либо первого, либо последнего варианта из разобранных нами. Не знаю точно, отдавали ли себе отчёт Майкельсон и Морли в существовании дубля. Подозреваю, что нет, понимая результаты только как отсутствие эфирного ветра. Как, возможно, даже и Эйнштейн не отдавал себе в таком отчёта. Во всяком случае, в читанных мною текстах я не встречал приведённого здесь анализа. Об "эфирном ветре" и влиянии скорости излучателя на скорость света говаривалось всё порознь, а не в смычке.

Итак, при аналитической полноте приходится выбирать из двух вариантов. Я выбираю, конечно, первый. Ни "ветра" в эфире, ни "подталкивающего" световую волну влияния источника! Ибо против возможности "подталкивающего" влияния теоретически срабатывает суть явления, называемого "волна". Что и выбраковывает четвёртый вариант.

Поясняем. Волновая природа у света таки первична, несмотря на принятый ныне корпускулярно-волновой дуализм. Ведь корпускулярность света получают, деля его – как волновое явление – на порции (ну, кванты), а уж каждый квант объявляют корпускулой. Это удобно, да, для объяснения ряда световых явлений, но базовой сути света менять не имеет права. Станьте на пирс при хорошем накате с моря: будете ощущать периодические удары, пирс сотрясающие. Так это что, регулярно подходят и о него ударяются "макрокор-

пускулы" воды, или всё же приходят с ним в контакт элементы волнового цуга? Полагаем, что в первичном смысле пирс периодически сотрясается всё-таки цугом равноразнесённых водяных волн. Когда есть распространяющееся по воде колебание, то оно сопротивляется запрещаемости ему распространяться, исходящей от стоящего на его пути пирса: подобное сопротивление и оказывается ударом воды по пирсу, а в результате – череда подобных ударов, поскольку в сторону пирса распространяются не одна, а множество (цуг!) вспученностей воды (ну, водной поверхности). Вспученностей, где-то там вдали возникших – каждая индивидуально, но под перманентным действием одной и той же причины. Такой причиной может быть ветер, например.

Итак, факт волновой природы света. Свет – прежде прочего волна, а единственное, что делает её испускатель, так это баламутит среду, её переносящую. И скоростные его характеристики, меняясь, изменяют лишь характер того взбаламучивания. Но не его продукт! В том смысле, что могут поменять форму возбуждаемой волны, но не её содержание. А скорость волны – это как раз элемент её содержания... Наглядность даёт одна хорошая аналогия. По глади озера скользит катер, а матрос с палубы бросает в воду камни – по ходу катера, всегда одинаковые и всегда одинаковым образом. Чего добьёмся увеличением хода катера? Увеличения скорости волны, порождаемой камнем, относительно стоячей воды озера? Нет, добьёмся лишь увеличения частоты той волны. Скорость катера прибавляется к скорости камня, и удар последнего о поверхность воды превращается из плюханья в резкий щелчок, порождающий мелкую зыбь, только и всего. А если матрос кидает камни против хода катера, то увеличенность хода последнего сделает волны от камня более пологими, чем были (скорость камня относительно воды, полученная им от толчка руки матроса, уменьшится вычетом из неё дополнительной скорости катера, и камень будет лишь плюхаться в воду, вызывая пологую волну). Чем вам это не синее и красное смещения в доплеровском эффекте, получаемом за счёт использования космического корабля? Если последний поворачивается к вам кормой и даёт ход, то возбуждённые электроны атомов нити накаливания, которая в лампочке на той корме, в лице своих переходов на более низкую орбиту являются – каждый – "уронившесть" в эфирную "воду" некоего "камня" с направлением на вас, а значит, против хода корабля, – вот вам и красное смещение, поскольку из "скорости броска" атома скорость космического корабля вычитается, делая её меньше, и атом "баламутит эфир" вяло, отчего и волна в нём (ну, то есть, световолна) получается положе (ну, краснее), чем обычно у такого рода атомов в таких условиях (ну, в условиях корабельного отсека).

То есть что? Доплеровский эффект мы действительно наблюдаем у света – испускаемого если не космическими кораблями, то другими космическими объектами, и можем этот эффект смоделировать на других (помимо света) поперечных

волнах – типа водяной на поверхности озера. У которой тогда же (ну, в сопряжённости с тем моделированием!) наглядно демонстрируется независимость скорости, измеряемой к озёрной поверхности, от скорости относительно той поверхности у её материального испускателя. Что предрасполагает думать о реализуемости природой и независимости скорости света от скорости его мат. излучателя в пространстве. Вот для опыта Майкельсона – Морли мы и выбрали трактовочный вариант с такой независимостью. То есть первый против четвёртого, в котором такой независимости как раз нет.

Ещё раз. Коль свет волна, то не должен – относительно среды распространения – зависеть в своей скорости от испускателя, "буферясь" в том той средею. Как мы это продемонстрировали на аналогии. Соответственно и выбираем – из двух оставшихся – тот вариант трактовки, где не зависит, уверенные в волновой природе света, а прилагающееся там к независимости отсутствие "эфирного ветра", вроде бы указывающее на отсутствие переносящей свет среды, так необходимой ему для этой независимости, надо как-то "скушать" – как внутреннее противоречие этого варианта. Ну, теоретизационно ассимилировать, что мы и сделаем чуть ниже, сначала коснувшись четвёртого варианта – на тот же предмет внутренней противоречивости.

Действительно, четвёртый – как другой соответствующий результатам вариант – по-своему тоже внутренне противоречив. И тоже в неявности того на первый взгляд. А именно: есть "ветер", значит есть эфир – как переносящая среда; но если есть переносящая среда, то у скорости прохода по ней вызываемого в ней волнового явления – не должно быть зависимости от скорости вызывателя, как мы уже демонстрировали на аналогии; зависимость же такая, согласно сему варианту, как раз имеется! Пусть, кто хочет, попытается преодолеть эту внутреннюю противоречивость четвёртого варианта, как мы собираемся преодолеть подобную у первого варианта. Тут охотнику придётся перечёркивать волновую природу света, а поскольку мы в ней уверены, то и не трагизироваться на возню с означенной противоречивостью, работая лишь с первым вариантом.

Так что хитрость в среде, в которой светоиспускатель – лишь вызывает свет, а не то, чтоб он его ей от себя передавал. Откуда и независимость светоскорости от скорости испускателя... Другими словами, в лице испускаемости света мат. телом – лишь возмущаемость некой среды тем телом, то есть производство её возмущённостей, а не имение им дела с готовыми возмущённостями – в лице какого-либо воздействия на них, и потому состоянием своего движения (как тем, что как раз определяет характер его воздействия на что-либо другое) тело не определяет состояние движения света, отдавая сию прерогативу той среде. Будь иначе, то бишь производи тело свет в виде отделения

каких-то своих частей, которые в совокупности становятся его, света, линией (то есть состои свет из настоящих корпускул, которыми стреляет в мир то тело), тогда наоборот – скорость его не могла б не зависеть от скорости источника.

Но возвращаемся к первому варианту. Для порядка повторяясь в уже сказанном – по возможности неспецифичней. Независимость – для стороннего наблюдателя – скорости испускаемого от скорости испускателя – атрибут волновой природы испускаемого. Точнее, такая независимость есть атрибут наличия у испускаемого переносящей среды, но поскольку среда колебательное воздействие на неё передаёт по себе волною, то мы и говорим об атрибутивности той независимости волновой природе. И так как свет несомненно волна, то мы попросту вынуждены выбрать первый вариант теоретически возможной происхождения в опыте Майкельсона – Морли – там как раз подобная независимость. (А что до сути колебательного воздействия на среду, то и здесь пригодится на будущее более неспецифический подход: такое воздействие – попросту возмущаемость среды в какой-то её локали. Возмущаемость, соответственно порождающая средовозмущённость, распространение которой – средою по себе – как раз и оказывается волною.)

Но встаёт, как уж отмечали, внутреннее противоречие первого варианта. Требование обязательного присутствия переносящей свет среды – при факте вроде бы необнаруженности эфира как такой среды (мол, отсутствие эфирного ветра указывает на отсутствие эфира!). Из чего выходим поиском такой среды специально как чего-то, способного существовать без оборачиваемости нам "ветром" в нашей двигаемости по пространству. То есть, не отказываемся от посылки существования светопереносной среды, а попросту ищем ту её форму, что адекватна результату эксперимента. Ищем вопреки кажущейся невозможности найти. И поначалу – вроде как взамен "зарезанного" тем майкельсоновским результатом эфира. В поиске сразу отставляем новомодные штучки-дрючки типа "сам себе среда". Которые есть просто благовидное уклонение, позволяющее "и волкам быть сытыми, и овцам целыми". И свет без переносящей среды как бы не оставляет, и светоносный эфир упраздняет, тем "не нарушая" результата опыта Майкельсона – Морли. Это, конечно, не путь, вот мы и искали настоящую светопереносную среду – только уж в необходимой – для такого как свет суперклиента – её особенности сравнительно с прочими природными средами. Особенности, из-за которой стоит говорить не столько о переносящей среде, сколько о переносящем явлении. То есть подходить на ступень шире! И вот в русле такого подхода нашли нужное – оно оказалось чем-то замешанным на эфире. Пока выразимся так. С добавлением, что эфир сей – уже "другой". Ну, как понятие более близкий к тому настоящему чему-то, что есть

в этой связи в природе, – сравнительно со старым эфиром. Теоретизационно менее инфантильный, нежели тот изначальный эфир теоретиков от физики семнадцатого-восемнадцатого века. Благодаря этой его неинфантильности как раз и выходит, что одинаковость замеров по плечам интерферометра, получившаяся у Майкельсона с Морли, оказывается более неспособной трактоваться как его отсутствие.

Пройдёмся ещё раз. Нет переносающей среды, тогда между испускателем и испускаемым нет посредника, который скорость первого в акте испускания "берёт на себя", тем аннулируя для второго. Ну, ассимилирует в себе, к испущенному не допуская. В порядке первого варианта, который мы вынуждены были выбрать, свет нуждается в таком посреднике. Но вариант запрещает последнему производить из себя "ветер", сказывающийся на ходе света относительно Земли. Ну, в смысле, и чтоб сам из себя его не производил, и чему бы то ни было не давал производить (например, движению материальных тел в виду себя). Не отдавал, стало быть, чтоб себя тому их движению в качестве "сырья" для такого производства. Подобного (ну, исполняющего запрет) посредника свету мы нашли! Взяв старый в новом обличье. Хотя, если честно, от старого – образца восемнадцатого-девятнадцатого веков – осталось фактически одно название: эфир. Да и то древнее (Ньютон ведь его не выдумал, а просто почерпнул из эзотерики былых веков, будучи не чужд оккультизму, – так что всё его новаторство – во вводе старой оккультной истины в современную физику; ну, в попытке ввода...).

Заново найденная среда, а точнее, получившееся у нас под понятием эфира, тянет больше на понятие квазисреды. Поскольку свет несколько (!) уже не предстаёт по-старому, теоретически негибко – в виде идущести в некой "сплошной среде", которая его "со всех сторон окружает". Тем не менее, новый посредник вполне исправно "берёт на себя судьбу" зачинающегося луча, слито с актом его возникновения отделяя от производителя (то бишь испускающего мат. тела со всеми его скоростями и прочими характеристиками). Отделяя и тем определяя его скорость всецело своими внутренними характеристиками. А теперь можно выразиться и "в лоб": **такой переносчик света – граница раздела меж пространством и эфиром.** Подобный характер светового переносчика автоматически снимает вопрос эфирного "ветра" для движущихся в пространстве материальных тел.

Майкельсон и Морли, сколько нам известно, верили в "эфирный ветер" и чаяли его обнаружить. Эйнштейн же с радостью подхватил отрицательный результат, трактовав его как отсутствие эфира вообще. На мой взгляд – опрометчиво! Отсутствие эфирного ветра – по законам логики это ведь не обязательно "нет" эфиру. Это может быть сначала "нет" нашим представлениям об эфире. Тем самым, по которым эфир связан с понятием эфирного ветра. Ну, в

смысле, согласно которым движение мат. тел по эфиру обязано оказаться для них таким "ветром". Не знаю, отдавал ли Эйнштейн себе отчёт в существовании этой логической ступени. Возможно, что и отдавал, но пересилил подспудный еврейский прагматизм: мол, так проще будет.

Меж тем, базовая часть того, что в то время понимали под эфиром, незаметно для понимавших была продуктом "плоскопараллельного" мышления. Попытка мат. тела своим движением в физическом пространстве вызвать на себя "эфирный ветер" – аналогична попытке движением по полу наехать на потолок. Сколько ни двигайся в плоскости пола, на потолок не набежишь ни на йоту. Как, впрочем, и не отбежишь от него. Вот что должны были понимать физики того периода! А уж заодно и то, что попытка мат. тела сменой направлений и скоростей своего физпространственного движения по-разному набегать на эфир (ведь только изменение набегания на него меняет "эфирный ветер", если тот дует на тело из-за набегания) – аналогична попытке метаемостью по полу изменить характер своей соотносимости с потолком. Сколько ни меняй направление и скорость движения в плоскости пола, продвигаемости на потолок это тебе не откроет, равно как и продвигаемости от потолка.

Пребывая в эфире, движешься, тем не менее, не в нём, а вскользь него. Фактически, то есть, не пребываем в эфире, а как бы пребываем. Выступая лишь прикоснутыми к нему! Задвигавшись в пространстве, надвигаешься не на эфир, а неявно уходишь по касательной к нему. Перемещаешься постоянно только по касательной, вне зависимости от направления своего пространственного движения. То есть хитрая штука: относительно эфира движешься – это есть, да, ещё бы такому не быть, ежели брать вообще, но это виртуальная относительность, а фактически, так соотношение своё с ним не меняешь. Поскольку всегда он не вокруг тебя, а лишь пред тобой – как некое целое, у которого ни начала, ни конца...

Итак, как бы ни дёргался в своей выступаемости мат. телом, соотносённость "ближе-дальше" постоянно остаётся у тебя с эфиром тою же. Тем самым – к эфиру мы всё время как бы стоим, каким бы образом пространственно ни двигались. И даже боковую свою соотносённость с ним через пространственное перемещение изменяем лишь номинально: пространственно передвинулись – тем с эфиром вроде как пересоотнеслись, в смысле что "вдоль" него сколько-то переместились, но это только в заявку принципа, потому что из того места, куда попал, эфирное целое остаётся для тебя точно таким же, что было и в старом месте, – никакой разницы фактически нет.

Ещё раз. В каком бы направлении ни передвигался в пространстве, равно движешься не в эфире, а вдоль эфира, если можно так выразиться. Постоянно вплотную примкнут к нему, но не вошедш в его толщу. Ещё бы быть тому не так, коли все наши перемещения в пространстве проходят в пределах трёх

взаимоперпендикулярных линий, а "толща" эфира залегает в направлении, задающемся линией, восставленной из точки пересечения тех трёх – перпендикулярно каждой из них.

Итак, эфир не даёт нам, материальностям, скользить в своей толще, в себя, так сказать, не пускает, а постоянно держит перед собою, да всегда ещё и одинаковым образом, – вот как должны быть расставлены приоритеты. Правда, с тем, насколько для эфира уместно понятие толщи, вопрос открытый. Возможно, придётся говорить лишь о квазитолщине его, или ещё что. Для нас непреложно пока одно: есть граница, отделяющая пространство с материей от эфира, некая квазиповерхность их соприкасаемости. Которая есть соприкасаемость возмущённого эфира (читай: самоотторгнувшегося до превратившести в пространство и – далее – в вещество как виды материи) с невозмущённым.

Свет – тоже материя. Самая невыраженная форма материи. Самая нематериальная материальность, если можно так сказать, – но всё-таки материальность. Тем самым и он, как всё материальное, движется только вдоль эфира – скользит по нему. Нелишне здесь как раз отметить, что с самого начала раздела мы ни разу не позволили себе выразиться типом "свет распространяется в эфире". А неизменно употребляли предлог "по". И вот теперь дошли до момента изложения, где это должно быть специально отдифференцировано. Свет распространяется по эфиру, и это не одно и то же, что "в эфире"! По эфиру в том смысле, что не в толще эфира, так сказать, а по поверхности его – волною той поверхности. С тем что для нас то не поверхность, конечно, а некая квазиповерхность, или даже псевдоповерхность, – уж как там сподручней окажется выразиться.

Итак, свет, как всё материальное, движется вдоль эфира – скользит по нему. Посредством чего "засвечивает" его нам как целое. Иначе будь сказано, намечает его нам как таковое. Нам как "ходячим материальностям". А засвечивает – то в смысле что делает явным, каким-либо образом заметным, – именно это в современном русском обозначают жаргонным словечком "засветить". Вот уж, как говорится, дальше некуда: "свет засвечивает"! И тем не менее, это так: засвечивает, и не только в означенном переносном смысле слова, но ещё и в самом прямом (потому что он свет!). В прямом, то есть даже чисто зрительно (помимо прочего) нас ориентирует касательно формы эфира как вселенского целого, проявляя глазам его квазиграницу с вакуум-пространством.

Так что если хотите знать, как он выглядит, эфир тот, да где он, то вот вам ответ: "свет засвечивает" его нам – как целое, и этак выявленного эфира только слепой не видит! Ещё бы быть тому не так, коли "место жизни" света – эфирно пограничье с нами.

Просто до сих пор вы не соображали, что видите в лице света – как вселенского целого. Ну, ежели нарочито воспринимать его в целом – так сказать, весь имеющийся вокруг и в мире. Попытаться ощутить как вселенский принцип. Теперь, с нашей подачи, соображаете: мировой свет (ну, мировая световая совокупность) суть туника, покрывающая невидимый эфир и тем являющая нам его "форму" (образно будь сказано).

В самом деле, ведь главное обыгрываемое свойство эфира – что он для нас везде и всюду, так ведь и у света главное наблюдаемое свойство – быть для нас везде и всюду (как принцип присутствия, сама по себе его возможность). Покажите мне место пространства, где было бы заказано возникать свету. Не покажете! Ещё бы свету не возникать где угодно в пространстве, ежели заведомо в любой точке последнего у света "под рукой" эфирова поверхность (ну, граница пространства с эфиром) – как его, света, виртуальное место существования. "Под рукой", то есть на расстоянии всего лишь кванта длины – как "толщины" пространства по линии четвёртой миромеры.

Входим в тёмную комнату, щёлкаем выключателем, и она наполняется светом. Так принято выражаться. А что значит? Вряд ли кто вразумительно скажет! Ну, мол, наполняется, так и пусть её наполняется! Посему придётся сказать нам: такая "наполняемость" комнаты светом в подспуде означает, что в темноте она как объём была до краёв заполнена поверхностью эфира. Не эфиром, как вы наверняка подумали, а именно что его поверхностью! Именно так можно интерпретировать то, что эфир "подключён" к "глыбе" вселенского пространства со стороны четвёртого перпендикуляра! Ведь такая подключёнка являет пространство чем-то вроде плоскости, то есть низводит его глубину до статуса поверхности, которой эфир на любом её участке равно касается (к которой он равно примкнут на любом её участке). Вот что имелось в виду, когда заявлялось о "до краёв" заполненности объёма комнаты эфировой поверхностью! Подобные отношения пространства с эфиропверхностью и дают тёмной комнате возможность по щелчку выключателя оказываться "заполненной" светом – как "конькобежцем" по той поверхности, её нам через призму пространства выявляющим.

Всмотритесь днём в пространство. Впервые в жизни, мы ведь не привыкли всматриваться в пустоту! Всмотритесь, и до вас дойдёт, что пространство прямо-таки лучится светом – это эфир бликует перед нами! Тотально бликует своей поверхностью, предоставляя её световой волне. Своей границей с пространством как таковым, которая, тем самым, для нас везде в толще последнего. Бликует, стало быть, эфир не просто, а во всём своём могуществе – всеохватности и всеявности. Вот уж где уместно – о всех о нас – воскликнуть словами из известной басни: "слона-то я и не заметил!"

Сказанное аналогично тому, как поверхность воды на озере "играет барашками волн", делаясь оттого хорошо нам заметной. Так и эфиру квазиповерхность замечаем через световые волны как физ-явление.

В общем, **свет – знак эфира для человека**. Его, света, существование и распространение всецело связаны с эфиром. Ну, прежде всего с ним. Но поскольку мы как мат. тела набежать хоть сколько-то на эфир не в состоянии, как не в состоянии фактически сдвинуться и "вдоль" него, то и свету – из-за любой нашей двигаемости по пространству – скорость для нас изменять не от чего – в своей распространительности за счёт эфира. Вот он её и не меняет! Никак и никогда пред нами.

Другими, более обтекаемыми словами: эфир как монополярный "изготовитель" свету скорости – неизменно постоянен в своей явленности нам, отчего и скорость световая при любых наших движениях – для нас всё та же.

На понимание наших – как мат. тел – отношений со светом хорошо ещё срабатывает следующее представление: как тело передвигаясь, выступаешь вроде бы как тащим с собой и светопереносящую среду! Всю! Другими словами, если убегаешь от светолуча, то автоматически его за собой подтягиваешь – ровно на столько, на сколько убегаешь, а если на светолуч набегаешь (имеется в виду – в лоб, а не сбоку), то точно так же его – за счёт использования разобранной нами условной среды его распространения – от себя отодвигаешь. Ещё бы нет, ежели ты как мат. тело и есть та светопереносящая среда! Поскольку ты, хоть и возмущённый, но всё ж эфир! То есть, где бы ни находился, куда бы ни передвинулся, от светопереносящей среды – как вселенского целого – ни на йоту не отделяешься, продолжаешь (для света, во всяком случае!) быть им. Иными словами, в одном месте пространства представляешь светопереносящую среду в точности так же, как в любом возможном другом. Принципиально неотлично.

Скажем ещё и так: поскольку набежать на эфир (или фактически сдвинуться к нему как целому) мы не в состоянии, то и свету – изменением для задвигавшихся нас своей скорости – сигналить не о чем (о том, например, много ли мы там набежали, мало ли...). Ну, а нет вынуждения выступить с таким сигналом, он и не выступает, в смысле что знай себе для нас остаётся при старой скорости. Именно это явление должно наталкивать на факт наличия эфира, а вовсе не пресловутое присутствие "эфирного ветра" в мироздании. Ну, то есть, именно такая неизменность – как имеющую у света – в начальном приближении доказывает то наличие. И именно его, явление такой неизменности, как раз обнаружил опыт Майкельсона и Морли! А они, бедняги, ещё страдали, что получили, мол, отрицательный результат.

Что же имеем? Углублённой логикою вынуждены были взять результаты Майкельсона – Морли как понудитель пересмотреть понятие эфира, а не отметить теоретически эфир. И успешно получилось пересмотреть, заодно высветлив очередную иронию людской судьбы: физики прошлого чаяли наличие эфира доказать через феномен изменяемости светом относительно нас своей скорости, а обнаружили обескураживающую неизменность её пред нами, но как раз это и упирает в наличие эфира, если правильно последний понимать. На предмет, что он собою означает. Тут правильность в том, что мат. тело, перемещающееся в пространстве по некому направлению, точно так же не приближается к "толще" эфира и не удаляется от неё, как когда перемещается по любому другому направлению. Из возможных в той нашей себе мироявленности, которая психопривычно трёхмерна. То бишь "эфирного ветра" нет, а эфир – есть. Жив, курилка! Не могу в этой связи удержаться от эмоций. Господи, насколько же всё зависит от того, как "повёрнуты мозги" у человека! Эйнштейн в результатах Майкельсона – Морли узревает доказательство отсутствия эфира в мироздании, я – наталкиваемость на факт его присутствия. Вернее, на соображение необходимости некой переносящей среды в явлении распространяемости света, которая с той исключительностью свойств, что вполне позволяет трактовать её в качестве эфира (коль последний определенчески и есть исключительный агент, знаменующий мирозданческую сакраментальность). Впрочем, бросим оппонентам "кость примирения": сей "новый эфир" совсем не то, чем был старый, уровня девятнадцатого века. Тому поделом, что от него – с подачи Эйнштейна – отказались, коль ему неявно вменялись свойства обычного мат. объекта (понимание его в таком роде – как раз и подвигло Майкельсона и Морли искать то, чего невозможно найти).

Однако что же это получается? Мало что эфир энтот невидим, неслышим, необоняем и неосязаем, то есть никаким образом прямо не ощущаем, так он даже и косвенно – через явление "эфирного ветра" – проявляться не желает, – тогда зачем он нам такой вообще нужен? Действительно, зачем в теории нужно то, что никак на практике нам себя не проявляет – в привычнофигурантном смысле этого понятия? То бишь, чего в житейском-то смысле слова и нет, – так получается. Зачем оно в теории? Ну, если оно всё-таки есть – хотя бы в самом общем смысле слова, то затем нужно, что оно просто есть! То бишь вопрос не в том, нужно или нет, а в том, есть или нет. Оттого что нечто кажется нам ненужным, оно ещё не перестаёт быть, – вот в чём хитрость.

Так есть или нет? Ну, прежде прочего тут важно соображение, что непроявляемость чего-то ни на чём – может быть проявляемостью его на всём. Так учит нас диалектика. Сразу и равно на всём, что его абсолютно и маскирует. Нечто, так массивованно присутствующее, что кажется отсутствующим! То

есть недаром, быть может, я оговаривал, что непроявляемость себя нам у эфира – то лишь что касается привычнофигурантности понятия "проявлять", неправомерно монополизировавшей у нас это понятие, вообще более нетривиальное.

Есть или нет эфир, сейчас пока за пределами экспериментального разрешения (детскость теоретических построений, вменяющих эфиру оборачиваться для нас "ветром" при нашем перемещении в пространстве, была чуть выше продемонстрирована нами, так что необнаруженность того "ветра" ничего не доказывает в отношении эфира). Значит, остаётся только постулат! В ту или другую сторону, и с невозможностью уклониться от одной из сторон. Или – или! И что бы там ни говорил Эйнштейн, отсутствие эфира в мироздании он фактически постулировал! Считая что отменяет "на законном основании". Так вот, он постулировал отсутствие, а мы – с равным пока на то правом! – постулируем присутствие эфира. В опоре на логику вокруг результата Майкельсона – Морли, даром что он был опорой и для Эйнштейна. Только и всего. Постулируем в порядке осознанности имеющегося касательно нас, людей, вынуждения: постулятивно выбрать из двух возможных. Но обязателен лишь выбор, а право на "полярность" постулата – за нами! Почему же ещё и в общем (а не только в силу результата Майкельсона – Морли) склоняемся к неэйнштейновской "полярности", то постепенно высветлится ниже.

Ну, раньше прочего на выбор работает то, как у нас "повёрнуты мозги". В некий начальный период жизни у каждого в умственном подспуде идёт борьба сил, а результатом её и оказывается индивидуальная "повёрнутость". С которой затем ходишь уж всю дальнейшую жизнь, если что-нибудь – ну очень сильное! – не переповернёт мозги. Благодаря определённой их "повёрнутости", выбор чего бы то ни было осуществлён у нас бывает задолго до того, как ты его осознаёшь, тот выбор. Потому ходим с большим количеством наметившихся выбранныхостей, и не знаем этого. Вот она какая штука, эта бессознательнозаданная ментальная определённоповёрнутость наша... Так вот, мои мозги "повёрнуты" тем образом, что доблестью предстаёт видеть простое, невидимое как раз из-за своей простоты. Потому подспудно всегда в башке и маячилось, что у материи буквально всё – косвенно указывает на присутствие эфира. Умственное узревание такой указки философски так же мало уязвимо, как и узревание обратной, и дело не в доказательствах той или другой из них, а в том только, "греет" тебя, к примеру, первая или "не греет". Меня "греет"! Для меня материя – собою как фактом! – прямо-таки тотально упирает познание в понятие эфира. И то пресловутое "никак себя не проявляет", что у эфира по отношению к нам, норовит пониматься наличествующим из-за того только, что у материи буквально всё с эфиром связано. Ведь всё есть ничего, как учит нас

диалектика! Вот ничего и не проявляется нам – "всё" слишком округло, ни малейшего у него выступа, чтоб нас зацепить эфиру или хотя бы нам самим за него зацепиться. Образно будь сказано...

Тут напрашивается аналогия с рыбой в воде. Зачем вода как понятие вообще нужна рыбе, ежели она для рыбы везде, а рыба в ней – всегда? Субстанция воды всегда при рыбе – тем пресловутым "общим множителем" во всех её рыбьих делах, на который в них можно сократить (именно потому, что он равно во всех, никакому делу не даёт исключения). Вот и сокращают рыбы – век живут в воде, и не знают о её, как таковой, существовании. Из-за своей вездесущести для рыбы вода оказывается тем "общим знаменателем", на котором неизменно (и принудительно!) замешаны заведомо все рыбьи дела, – такой знаменатель позволительно перестать замечать, дела от того не перестанут идти по-прежнему. Вот и перестали рыбы замечать – его как некий естественный предел, в который они упёрты...

То есть что? Если допускаем, что мы в эфире – как та рыба в воде (ну, или около того), то тогда с подачи Эйнштейна сподобились рыбьей слепоте на воду. А такого очень хотелось бы избежать – даже как сколько-нибудь обоснованного о себе предположения. Ибо оказываемость его правдой – слишком серьёзная наша неадекватность. Серьёзная настолько, чтобы бояться даже её тени, не то что её самой. Ведь если проход по жизни неадекватным самой её основе – недостаточная серьёзность (ну, нечто, ещё допускающее легкомысленного к себе отношения), то что тогда достаточная?

Итак, даже лишь возможность налички у нас "рыбьей слепоты на воду" – это уже непреемлемость. Стоящее избегания. Такая "слепота" означает, что мы описательно сократили свои дела на эфир – как всегдашний даровой их всех элемент. Так что в расчётах дел мы его – как нечто специальное – не учитываем, словно его и нет. Наша тут беда, что не можем участвовать в деле, столь общем и охватном, чтоб эфир проходил его элементом, равным хотя бы одному из прочих его элементов, тем проявляясь нам частно, а не обще. Ну, а не можем, так взяли да отвернулись – уж неведомо когда, плюс недавно эту отвернувшись с помощью Эйнштейна ещё и застолбили. А меж тем, пока не произведён опыт более существенный, чем у Майкельсона – Морли, отказ от эфира в порядке миропостижения – "висит в воздухе". Забегая вперёд, скажу, что это должен быть опыт, как-то зацепляющий понятие времени. А у Майкельсона – Морли что? То, на основании отсутствия чего вменяли отсутствие эфиру, увязано с последним в поверхностной продуманности. Увязывали в недостающей широте подхода, сами того не замечая. Отсюда привязали к эфиру фикцию. Надо же такое, фактически уподобить эфир чему-то вроде газа, выполняющего Вселенную, и тем родить понятие эфирного ветра! Для девятна-

дцатого века простительно, но не теперь, когда в ментальность человека прочно входят теория множеств Кантора и Больцано, теория логических типов Бертрана Рассела, риманова геометрия и геометрия Лобачевского – Бойи (да и геометрия Римана, которая суть не то же самое, что риманова геометрия, как должен бы знать читатель), а понятие многомерных пространств выступает научной законностью хотя бы в математике. Если что из перечисленного к моменту опыта Майкельсона – Морли и имелось, то в стойкую ментальность тогдашних учёных явно не входило. А Эйнштейн, хотя и был знаком с римановой геометрией и геометрией Римана (именно это, я думаю, подвигло его "кривить пространство"), на момент активного своего творчества не располагал постоянной Хаббла как застолблённостью опытного факта вселенской расширительности.

Но продолжим смыслоразворачивание "тотального упора познания в понятие эфира понятием материи". Заявленного мною в порядке перечисления общих предрасполагаемостей к принятию "проэфирности" природы за факт. Тут получится ещё сказать следующее. Вещественная материя откуда-то взялась, так? Она ведь не бог, который "никогда не возникал, а потому никогда и не исчезнет". Значит, взялась! Вот то, из чего – и откуда – она взялась, и есть эфир. Как без этого обойтись, когда самим своим существованием материя на такое наводит?! Можете не называть то эфиром, но ведь всё равно что-то там умозрительно маячит. Так пусть это что-то и называется себе эфиром! **Эфир есть непроявленное состояние материи.**

Оппонент сразу воскликнет, что подобный ход – просто оттяжка. Ибо, мол, откуда тогда взялось то, из чего взялась материя? Э, нет, не оттяжка, потому что ему, этому чему-то, из чего бы то ни было братья вовсе и не надо было: оно для нас – как материи – отсутствует. Отсутствует, но есть. Как хотите, так и понимайте! Где вообще сказано, что мы в состоянии понять заведомо всё, что есть? Эфир – элемент пограничья нашего существования (ну, земного бытия), потому традиционная человеческая понимательность при встрече с этой штуковиной даёт сбой. Из-за которого описательность эфира и тянет лишь на следующие слова: того, из чего происходит материя, нет так, что оно есть, потому что оно есть так, что его нет! Его отсутствие для нас-материальностей – в неимеемости нами права на то, чтоб нас заботила его судьба (в частности, его происхождение), его же присутствие для нас – во всём остальном. Соображать что-либо по поводу его истоков-концов – всё равно что делать "точные", до последнего возможного знака после запятой, вычисления при работе с приближёнными числами...

Ещё, разве что, добавить можно, что "отсутствует, но есть" означает, что имеется просто "дырка" от присутствия! Снова как хотите, так подобное и понимайте! И в том-то и подлость (она же и вызов!) нашего существования, что

всё вот это наговоренное может быть не просто логической казуистикой, а тем, что имеет физическое наполнение. И закрывая глаза на это "может", делаем дурацкий необратимый поступок. Современный физик не вправе себе такое позволить, это вам не прошлые вальяжные века.

В общем, на наш трезвый (читай: не-"революционный") взгляд дело обстоит так: эфир *может* быть, несмотря на то, что он "не нужен". А коли может, то пусть теоретически и будет, пока точно не докажется, что всё-таки отсутствует. А то цена за преждевременную теоретическую его заотсутствованность – неадекватно велика. Цена, которую скрыто платит ныне огульная физическая теория. Неприметно делающаяся инфантильной, если можно так выразиться. "Ненужность" эфира это приманка, подсовываемая мирозданием физике как науке, и на неё не следует клевать.

Выразимся даже совсем нелицеприятно. Эфир – с подачи практицистов типа Эйнштейна – современной физической науке не нужен так же, как не была нужна субнаучной культуре времён Птолемея гелиоцентричность ближнего мироустройства. Зачем, если употребление эпициклов даёт хорошие результаты! А оно – повторюсь – нельзя в таких делах спрашивать: "зачем надо?" Единственно нужна спрашиваемость: "есть или нет?" и беспристрастная отвечаемость на это.

Тем более, что на поверку эфир предстаёт очень даже нужным в физтеории – даже и такой, перманентно непроявляющийся. Эта нужда постоянно норовит всплыть, стоит той теории коснуться базовых природных явлений. Да только из-за того, что теоретически "работающие на эфир" природоявления именно базовы (читай: составляют "не просящий есть" фон), нужда в эфире как теорэlemente представляется несрочной, посему физика как наука и терпит неудовлетворимость такой нужды. А зря терпит, непервосрочность-то обманчивая! Одного из означенных базовых явлений – в лице факта существования вещественной материи – мы уже касались в этой связи. Коснёмся и другого, коорое "вопиет" на ступень откровенней, на наш взгляд. Это природоявление пространственного прироста. Бóльшая же вопиющест в том, что добро бы наличное пространство народилось когда-то там при Большом Взрыве, да так и осталось. Мало ли что тогда нарождалось, знамо дело – сингулярность! Но пространство прибывает и сегодня. А всяких там сингулярностей нет. Откуда тогда оно к нам прибывает, из чего оно берётся? Намёк ясен? Прирастает материальной Вселенной новым пространством пусть не совсем уж прямо, но указывает на факт наличия эфира. Ну, на наличие чего-то такого, напрямую не фиксируемого, но что превращается в новое пространство. А уж мы это нечто и называем эфиром. Итак: **то, в чём "залегает" пространство, есть эфир.** Как, впрочем, актуальной выступит и фраза, что **эфир есть то, чем "подстигается" пространство.** И точка.

Просто тут против нас хитрость мироздания. Эфир в каком бы то ни было нетотальном отношении – непроявляющийся. Проявляется только тотально, но за тотальность никак зацепиться не возможно – отдифференцированно по отношению к ней. В смысле, практикою зацепиться. Осязаемо демонстрирующей её присутствие, той тотальности. Дифференцированно, то есть, проявляющей: когда с чем-то одним из этого мира она вот такая, а с чем-то другим – вот этакая. Причём первое и второе можем по заказу менять (называя это экспериментом). Именно на подобном физнаука повадилась строить свои доказательства наличия. А тут-то этого и нет. На то и тотальность, что она со всем – одинакова! И так, нет. А может, и в принципе не может быть. Во всяком случае, для доказуемости подобного рода тут придётся как-то по-особому изворачиваться. Мирозданье, наверно, подтрунивает над нами: вот вам эфира тотальность – кушайте, если сможете.

Что ж, нам как материальностям сам себя эфир избирательно на самом деле не проявляет – из-за своей, как мироагента, тотализированности, зато через посредника в лице света – свою тотальность прямо-таки вопиюще демонстрирует. Если сообразишь, что свет как мировое целое что-то там собой тебе являет (а не просто так болтается!), и что именно.

Покончим на этом с физтеоретизационной стратегией и снова займёмся физтеорией более специальным образом. Ведь с "доказательством" отсутствия эфира мы разобрались. Он по возможности реабилитирован. Что называется, хорошо нам: свет у нас имеет особую среду распространения, то бишь передатчика, благодаря факту которого – ну, и особенности его при этом своём факте! – легко объясняются всякие исключительные свойства у света. Например, независимость его скорости от скорости испускателя из опыта Майкельсона – Морли. А каково было Эйнштейну? От среды для света – в лице эфира – он ведь "революционно" отказался! Что ж, было трудно, видать, однако вывернулся. Свет, мол, сам себе среда. Прямо об этом не заявляется, – может, Эйнштейн и не думал даже такого, – но фактически утверждается именно оно, когда распространение света объясняется поочерёдной всплёмкиваемостью взаимоиндуцирующихся электрического и магнитного полей, которым, мол, вполне достаточно друг друга для распространяемости... И так, свет сам себе среда. Как ни глупо, это прошло! А всё потому, что у световой волны среда в лице эфира исключительная (вот уж где в буквальном смысле слова: другого чего такого же, как эфир, просто нет). Исключительность эта её – в абсолютной ненавязчивости, так скажем. Что даёт возможность спекулировать вокруг присутствия этой среды: понимание мира прекрасно потерпит, если в том понимании то присутствие фигурировать фактически и не будет. Потерпит, не

лишился бы только в том понимании свет свойств, что при нём благодаря такой особой среде его перенесения. А тут как раз Эйнштейн интуитивно выкрутился снова: постулированием вернул те свойства свету обратно! А то ведь свет их было лишился – на момент упразднённости эфира.

Итак, Эйнштейн перенял у упразднённого эфира все исключительные свойства и передал их свету. А точнее, символизировал их светом. Так можно образно выразиться – в порядке обобщения произошедшего в физтеории. Ну, в смысле, Эйнштейн наделил свет исключительностью свойств, проистекающих у того из связи с эфиром, и это помимо эфира, в принципиальном, то есть, недаянии объяснительности, откуда у света эти свойства (на то он и постулат как инструмент наделения!). Это получилось как в средние века: победивший на турнире рыцарь забирал себе доспех побеждённого, заменяя, естественно, имена собственные, которыми части того доспеха назывались у хозяина (было такое обыкновение у рыцарей – давать имена важным элементам своего вооружения). В итоге: в боях работают оружие и доспех – всё так же и всё те же, но словно бы не те, поскольку – под другими именами! Хорошо, что свет есть знак эфира, как мы уже отмечали и показывали, – благодаря тому Эйнштейну и сошла с рук эта "обокравшесть" им эфира: он ведь отдал всё украденное свету, а последний для нас, людей, всё равно что эфир, потому что – единственный видимый его представитель. Всё равно мы эфир никак, кроме как через посредничество света, не воспринимаем, а потому эфирова "одежка" исключительности пришлась тому впору.

Перейдём теперь к понятию систем отсчёта. У Эйнштейна в СТО – эфир упразднён, а значит – и абсолютная система отсчёта, которую он являл миру согласно тогдашним о нём, об эфире, представлениям. Эйнштейн, однако, не воспринял это следствие как потерю, а наоборот – подхватил, заявив о принципиальной отказываемости от абсолютной системы отсчёта. Мол, отсчётность вещь сугубо относительная! Но это – официальная позиция его теории. А фактическая? За актом отмены эфира в СТО идёт постулат об одинаковости скорости света относительно любых систем отсчёта. Но ведь это – постулат абсолютности скорости света, ежели называть вещи своими именами! Ну, постулат скоростной абсолютности света. Постулат абсолютной независимости скорости света от систем отсчёта, когда он, так сказать, всегда сам себе система отсчёта, которая – благодаря этому "всегда" – автоматически оказывается системой отсчёта абсолютной. Свет у Эйнштейна получился чем-то вроде трактора, который не зависит от дорог, потому что сам себе дорога – в лице гусеницы. Во хитрец! Уж не знаю, была то у него хитрость специальная, или ненарочная. Если последнее, то это случай, когда в народе говорят: правая рука не знает, что делает левая. А она тут же убирает то, что ставит правая. Абсо-

лютности отсчёта нет, но да здравствует абсолютность отсчёта, – вот что получилось!

Ещё раз. Скорость света инвариантна заведомо от любых систем отсчёта потому просто, что у Эйнштейна свет сам неявно является системой отсчёта, пред которой прочие бессильны. То есть, как полная инвариантность скорость света проистекает от абсолютности у системы отсчёта, которую – в лице себя – свет себе являет, с эйнштейновой подачи.

Эйнштейн фактически постулировал отсутствие эфира – в том числе и как системы отсчёта с имманентной абсолютностью, а затем – в лице постулата неизменности относительных скоростей света – выдал фактически обратный постулат: позволение свету не иметь никакой относительности, ну, скоростная его ко всему одинаковость, это ведь реализованность абсолютной отсчитанности как прецедент для мира. Вот что получилось! А что фактически постулировал отсутствие эфира – это мы уже разбирали: такой постулат автоматически получается в воплощение слишком поверхностной трактовки отсутствия "эфирного ветра" в опыте Майкельсона – Морли.

В излагаемых СТО везде звучит словосочетание "постоянство скорости света". Как уже могло стать ясно читателю, недостаточно сильное это словосочетание. Слабо – а значит где-то и неадекватно – передающее то, что налично в мироздании в связи со светом. **Абсолютность скорости света – вот как надо говорить!** Так и будем далее. Тем более, что к скоростному постоянству относительно любых материальных элементов Вселенной – постоянству такому как статье световой абсолютности, – прицепляется и максимальность световой скорости для природы – вторую статью абсолютности светосвойств. Эта статья и у Эйнштейна и у нас – следственна от первой. Ведь первая преобразование Галилея заменяет для мироздания преобразованием Лоренца, а тогда сохранение импульса во всех системах отсчёта соблюдается лишь при вводе в формулу импульса лоренцева множителя, что приводит к необходимости массу частицы, движущейся с некой скоростью относительно наблюдателя, видеть возрастающей для него на величину того множителя. Который заставляет её возрастать до бесконечности – по мере подхода относительной скорости частицы к скорости света. Что и указывает на невозможность преодоления мат. телом скоростного порога света. То есть – на предельность светоскорости для материальных объектов. Да это такое вытекает и попросту из общих соображений, по которым свет – как самый "тонкий" материальный объект – и должен ведь быть самым резвым. (Только просим во всём этом не забывать, что независимость светоскорости от скорости светоиспускателя

перетечь в преобразование Лоренца способна лишь по принятии условия однородности и изотропности пространства с однородностью времени.)

Итак, абсолютность скорости света – это, в одном целом, её заведомая одинаковость для всего материального и предельность её по величине – из возможного для всего материального.

Распространяющуюся световую волну эта абсолютность фактически делает абсолютной системой отсчёта. То есть это "камень в огород" правоверных физиков: не нравится вам эфир как абсолютная система отсчёта, то в качестве таковой будете вынуждены принять распространяющуюся световую волну, а остаться совсем без абсолютной системы отсчёта – мирозданье вам не позволяет!

Подробнее. Наличие в теории преобразования Лоренца СТО трактует как отсутствие абсолютной системы отсчёта. Принципиальную невозможность её для мирозданья! Эта точка зрения принята и официально, так сказать, застолблена. Но что в реальности? Реальность как раз та, что огульная физ. теория абсолютную систему отсчёта имеет. В том смысле, что чисто явочным порядком реализует, закрывая на это глаза.

Судите сами. Свет – явление материальное. Ну, в смысле, световая волна – материальный объект. А базовой натурфилософской посылкой является то, что любой мат. объект может быть взят за систему отсчёта. Стало быть, не заказано это и для световой волны. Вот и берём последнюю – ну, её распространяющийся фронт! – за систему отсчёта, и система эта автоматически оказывается абсолютной. Коль ни один мат. объект относительно неё не способен поменять свои скоростные характеристики, будучи способным сделать это относительно любой другой системы отсчёта. Не способен, как то было показано Майкельсоном с Морли, и вызвало к жизни (давая возможность вывести!) преобразование Лоренца, ныне трактуемое как абсолютизация относительности.

Лоренц вывел своё преобразование как то, что позволяет уравнению электромагнитной волны иметь одну и ту же форму во всех возможных инерциальных системах отсчёта. И случилось это ещё до опыта Майкельсона – Морли. Но последний был произведён, и в отталкиваемости от его результатов Эйнштейн повторно вывел лоренцево преобразование. То есть, Лоренц опирался на постоянство формы уравнения – как условие, и тем пришёл к своему преобразованию, Эйнштейн же обратил внимание, что можно опереться на постоянство скорости света – как факт от Майкельсона – Морли, и прийти к преобразованию точно такого же вида. Отлично! Только вот не обратил Эйнштейн заодно вниманья, что эта-то его опора – ну, световое скоростное постоянство перед множеством возможных и.с.о., фактически вменяет миру принцип абсолютности отсчёта. Как то мы немного выше обнажили.

То есть наша логическая посылка: преобразование Лоренца смогло появиться потому лишь, что в мире молчаливо присутствует абсолютная система отсчёта. Именно на основании этого присутствия преобразование движения вынужденно принимает форму преобразования Лоренца, далее – из-за неоглядываемости назад – видимого как безраздельное царствование относительности между системами отсчёта, не оставляющее места системе отсчёта абсолютной.

Итак, СО, связанная с фронтом световой волны, как абсолютная СО. О которой надо добавить, что она даже сверх-абсолютна, если можно так сказать. То есть, в своём свойстве абсолютности она сверхдостаточна. Нивелирует все мат. объекты, не позволяя им выделиться друг перед другом. Но свойства абсолютности это её всё же не лишает. Ну, в смысле, всё же сохраняет при ней абсолютность как реализованный принцип, потому как в логистике "очень большой" – всё равно прежде всего "большой". Сохраняет, попутно наказывая нам искать СО с исключительностью свойств, делающих её абсолютной, но уже без сверхдостаточности в этом.

А что можно услышать от "правоверных" физиков – по поводу световой волны как СО? Что просто договорились под систему отсчёта брать только массные мат. объекты. А то немассная (типа фотона, не имеющего массы покоя) не позволяет привязать к себе измерительные приборы (типа линейки и часов), а потому заведомо неоперациональна. Невозможность же привязки всячески демонстрируется мысленными экспериментами. Тут остаётся лишь сказать, что перебор экспериментов – не доказательство: всегда маячит возможность более "крутого" эксперимента, в котором окажется-таки возможным привязать. То есть постоянно под рукой довод о некачественности мыслителя, ставящего мысленный эксперимент. Надо бы доказать специальную теорему – о принципиальной невозможности означенной привязки. Тогда другое дело. Но думается, доказать её не удастся: такая доказанность противоречила бы той аксиоме натуральной философии, что любое материальное возможно увязать с другим материальным. Другими словами, доказанность невозможности привязки может быть, похоже, только доказанностью нематериальности световой волны.

На самом же деле неоперациональность другая. Оно ведь что? Даже будучи привязанными, приборы будут показывать одно и то же – касательно отличающихся (с нашей точки зрения) объектов. То есть неоперациональность – в упоминавшейся нивелировке. Ежели СО мат. объекты друг от друга не отличаются, то она – практически не годна. Ну и бог с ним! Неоперациональность не лишает СО статуса СО. Говорится о такой: "неоперациональная СО", – да и вся недолга! Это подобно, как пустое множество в теории множеств: из-за своей пустоты множеством быть не перестаёт.

И коль зашла уж речь о поиске несверхдостаточной АСО, то в порядке первого в том шага стоит кой-чего добавить по поводу первой статьи свето-

вой абсолютности. Та статья, если помните, в неизменности световой скорости ко всем наличным материальностям при любых их физических характеристиках. Вот тут-то и надо сказать, что главная характеристика любой материальности – скорость её относительно "неподвижных" звёзд. Она же и скорость её относительно пространства, как ни дико пока это звучит, – я к тому, что дальше, по мере чтения, это начнёт звучать для читателя не так дико. А сейчас пока пусть привыкает. Ведь и в самом деле: коль всякой своей возмущаемостью эфир превращает себя в материю (ну, являет себя ею), и вселенская вакуумная протяжённость – результат начальной степени его возмущаемости, то вакуум тогда, в его складываемости для нас в пространство, не пресловутая пустота – в смысле налички самой по себе "дырки от бублика", а нечто вполне материальное – хотя бы по большому счёту, и стало быть – имеющее все натурфилософские права на то, чтоб любой другой материальности от него отсчитываться.

Световая волна "не замечает" материальные тела. Они для неё – каждое! – просто эфир! А как ни двигайся эфир в лице мат. тела, из самого себя ему не выскочить! Поэтому-то, так вот ориентируясь на эфир как целое, свет и инвариантен к скорости мат. тела, – как бы любое из тел ни двигалось, оно для него фактически стоит. Вот какая хитрость!

Или скажем так. Твоего телесного движения для света не существует – он распространяется в эфире как чём-то целом, а телесный ты – лишь возмущение в том целом, его собой не отменяющее (а даже наоборот – как бы подчёркивающее).

Только что о свете выразились: "распространяется в эфире". А не по эфиру, как говаривали обычно. Противоречие? Нет, просто взяли один раз по самому большому счёту: вспомнили, что всё – эфир. То есть, что и эфир – эфир, и вакуум-пространство – эфир, и мат. тела – эфир (тем являющийся тремя последовательными степенями возмущившести в самом себе, где упомянутая первой – нулевая возмущившесть).

Когда мы, как мат. тела, своею поступательной перемещаемостью пытаемся повлиять на результат разводимой нами измеряемости скорости света, это аналогично пытаемости наступить на свою тень. Ведь ты эфир, по которому электромагнитное излучение "гуляет" как волна, поэтому сколько бы ты ни переместился ему навстречу, автоматически берётся им момент-положение этой твоей новой позиции: имеет право, ведь в новой позиции ты эфир ничуть не по-иному, чем в старой. Итак, сколько бы и как бы ты ни перемещался – навстречу излучению или от него, оно автоматически достраивается на моменты-положения всё новых и новых твоих позиций, от которых, как ни в чём не бы-

вало, заново в своём движении переотсчитывается по стандартной (читай: неизменной) схеме. Будто только что начало иметь с тобой дело, чем неспециально аннулируется старая его отсчитанность, отчего нам и бесполезно пытаться менять позицию с целью "поймать" излучение такой переменной (ну, сдвинуться к нему и тем самым хоть как-то встрять в него). Вот так это всё выглядит – в порядке "объяснения на пальцах".

И у Эйнштейна и у нас – абсолютность скорости света. Но у нас она – объяснённая, потому что производность от факта эфира. Объяснённая вплоть до механизма, как она получается, та абсолютность. Даже надо сказать круче: объяснённый опытный факт, добытый Майкельсоном с Морли. А у Эйнштейна она – постулированность, то бишь в объяснительном отношении самодовлеет. Существенная разница!

Перепоём. На смыслопосыл присутствия у света скоростной абсолютности как свойства – и Эйнштейна и нас подвизуют два экспериментальных факта от Майкельсона – Морли: независимость у света скорости по отношению к "неподвижным звёздам" от скорости по отношению к ним у его испускателя, и отсутствие "эфирного ветра". Но подвизуют по-разному! Для нас они просто результаты эксперимента, обобщающей трактовкой коих объяснительно выходим на понятие "нового эфира". У Эйнштейна же два те факта попросту используются смысловой наводкой для составного, абсолютизирующего свет постулата. То есть, только-то и пользы было в том эксперименте, что подвиг Эйнштейна сделать правильный постулат, а точнее – не сделать совсем уж неправильного постулата, потому что в полном смысле правильный – это всё ж постулат существования "нового эфира". Ибо разве это корректно – постулировать обнаруженный экспериментом факт? Другое дело, повторяюсь, у нас: обнаруженные экспериментом факты принимаются и объясняются понятием "нового эфира" – как постулируемого элемента мироздания. В наукотворческом отношении такое – гораздо корректней.

То есть на нас, в отличие от Эйнштейна, получаются работающими общие соображения. Ну, постоянство скоростной соотносимости света с материей, делающее его скорость абсолютной, оно по законам логики имеет право вытечь лишь из факта существоваемости абсолютной системы отсчёта, по которой свет в своей скорости только и определяется (пусть хоть и в неявности того: система отсчёта абсолютна, а соотносимость с подобной ухватить всегда бывает затруднительно – дальше ведь за ней ничего не стоит, то бишь отсутствует оттеняющий фон). Так вот, у нас оно этак и вытекает, то постоянство! По-нашему, то именно в такой незаметной скоростной своей определяемости (по абсолютной системе отсчёта) свет и имеет возможность заведомо "слать"

любую другую систему отсчёта. То есть следуем законам общей логики! Эйнштейн же у света видел только само такое "посылание", без заведомости. Не желая видеть того, что за ним стоит, каждым подобным "посыланием". Если же того не видеть, надо вменять свету бесконечно "слать" всё новые и новые предлагающиеся системы отсчёта, а поскольку персонально "послать" – значит как-то всё-таки соотнестись с той персоною, то отсюда вам и абсолютизация относительности как кредо Эйнштейна!

Итак, абсолютность скорости света, как свойство природы, имеет логическое право существовать только при наличии в той природе некоей абсолютной системы отсчёта. Ещё бы, подобное может породиться только подобным! Если у скорости света заведомая инвариантность, то это означает лишь, что его ход как физическое явление имеет свойство стоять над всеми возможными системами отсчёта, кроме связанной с тем, что организует ему такое свойство. Именно у этой последней системы отсчёта – качество крыть все прочие возможные системы: за счёт того, надо полагать, что она сразу везде и нигде, в отличие от любой из этих "прочих возможных". Это как выразился Джек Лондон в одном из своих рассказов: "Рулетка сама по себе система, а потому все другие системы (Имеются в виду системы игры. – Прим. автора.) против неё бессильны, в противном случае математика – чушь". То есть постулированием всеинвариантности световой скорости Эйнштейн фактически (и в незаметности того себе!) вводил в мир абсолютность отсчётности. При официальной заявляемости, что именно от неё отказывается. Обладеть! У нас же наличка в мире абсолютной системы отсчёта есть законный дериват наличия постулированного эфира. При том, что такая постулированность – пока для людей неизбежность: ведь отказываясь от эфира в мироздании, ты тоже лишь постулируешь его отсутствие там (коль опыт Майкельсона – Морли – как доказательство отсутствия – аннулирован), но постулируешь с той уже разницей, что делать такое – мало смысла, коли затем, вынуждаемый результатами Майкельсона и Морли, ты абсолютность, которую эфир привносит в мир, через посредство понятия света завуалированной пропостулируешь обратно, как то и получилось у Эйнштейна.

Выступать абсолютной системой отсчёта – имманента эфира. Как присутственности в мироздании. Ну, в материальной Вселенной или хотя бы при материальной Вселенной. Действительно, коль по самому большому счёту только он и есть, эфир-то, в лице всего сущего, то тем он вынужден быть сам себе системой отсчёта, а это сразу делает сию систему абсолютной. Свет же распространяется монополюно по эфиру, и тем самым только с ним и считается, а потому и выступает естественным проявителем абсолютной системы отсчёта – через абсолютное, так сказать, поведение, непозволительное больше никаким другим материальностям. Никаким, потому что других проявителей

такой системы среди них нет, – по крайней мере, естественных проявителей. Присутствие в мире абсолютной системы отсчёта – первейшее логическое следствие нашего четвёртого постулата, поскольку эфир – именно его объект.

Как Эйнштейн мог не сделать вывод, что инвариантность света по скорости от материи – выражаемость именно наличия в мире абсолютной системы отсчёта, с которой свет только и считается?! Ну подумаешь, требовалось несколько неповерхностное рассмотрение! Но нет, вместе с водой выплеснул и ребёнка, как говорится. Отменой эфира заодно отменил и абсолютную систему отсчёта – как то, мол, чем выступал эфир. Неправомочный ход! Ведь вполне же могло быть, что абсолютная система отсчёта лишь являлась нам через эфир (ну, что там под ним тогда подразумевалось), тем не будучи его атрибутом. А будучи имманентой самой Вселенной, например. И пришёлся он не ко двору (ну, нечто, понятийно вырванное из Вселенной под его именем), так то ещё не резание абсолютной системы отсчёта. То бишь отменой эфира Эйнштейн обязан был искренне (а не для проформы... хотя, он и для проформы того не делал!) поискать другого наводчика миру абсолютности отсчётности. Но не искал, ослепился полнотой отнятия у систем отсчёта права определять световую скорость. А меж тем, такая полнота сама завуалированно есть такое право! Ну, вынужденно оказывается таким правом, да ещё и в абсолютном ранге, поскольку нет конкурентов. Чем не абсолютная система отсчёта? Как говорится, дорогой Альберт, ты её в дверь – она в окно!

Для желающих развернём сказанное даже подробнее. Что определяет скорость света в её числовой конкретике, ежели все системы отсчёта постулятивно в этой роли забракованы? Такой ведь вопрос сразу начинает смутно маячить, чего не учитывал Эйнштейн! И единственная тут возможная для него "отмазка" – это что сам свет, мол, и определяет. Прекрасно, значит именно он – в механизме этой определяемости – и являет абсолютную систему отсчёта! Именно абсолютную, коль скорость эта у него определяется одною на все случаи жизни. Абсолютную, о которой сможем сказать больше, ежели вникнем в тот механизм определяемости. А то пока сказанность о сей системе сугубо обозначительная. Вникаем: этакая система, дающая конкретное числовое значение всеинвариантной скорости света, должна как-то содержаться в характере его движенческого существования (ну, существования, возможного единственно через движение), – вот что по общей логике получается. А начинаем раскручивать сей характер, так неизбежно натываемся на физические явления, организующие свету ход, то есть на то фактически натываемся, что свету скорость определяет физика Вселенной (а не он сам). То есть, от существования некой абсолютной системы отсчёта, которая помимо самого света как физ-явления, мы, получается, всё равно толком не уходим. Как ни стараемся. Физика мира – вот такая абсолютная система, как минимум! Ну, в смысле, обязан-

ная ею быть, коль существует свет с его свойством скоростной инвариантности. Вот уж действительно – что в лоб, что по лбу! Не эфир, так физика мира, – но абсолютность всплывает.

Теоретизационно лишать мироздание абсолютной системы отсчёта – это, в неявности, отказывать Вселенной в фигурировании чем-то целым. Ибо как некое целое она автоматически – по общим логическим законам – напрашивается как раз на роль абсолютной системы отсчёта. И поскольку Вселенная сведена у нас к эфиру – по самому большому счёту ежели на неё смотреть, отталкиваясь от четвёртого постулата, – то на эфир эта вселенская абсолютно-отсчётная роль и переходит. На "новый", разумеется.

Ладно, резюмируем эту сравнимость нашего и былого (коль на последних страницах ею, так или иначе, всё занимались). По Эйнштейну, так свет фактически сам себе среда и сам себе система отсчёта. Казалось бы, всё упрощено и это хорошо, но на поверку оказывается, что это лишний ход! Зачем свету предельная свобода как что-то специально наводимое в теории (зачем, то есть, ему прерогатива движенческой отсчётности лишь перед одним миро-агентом, роль которого самому ему предлагают), ежели он и так имеет подобную отсчётность в виду факта эфира как монопольного своего переносчика?! Нет, понятно, – эфир тогдашний не подходил по ряду других своих свойств, но вместо того, чтобы избавиться от них, попытавшись непротиворечиво пересмотреть понятие эфира, автор СТО "зарубает" его целиком. Тем самым "вместе с водой выплёскивает и ребёнка", как мы уже отмечали. Из-за "зарубания" вынужденный отказаться от того, что эфир нёс свету (в смысле свойств) как абсолютная система отсчёта. Не стал искать Эйнштейн и другого кандидата на роль абсолютной системы отсчёта, хотя общая логика и это позволяла, как мы тоже уж отмечали. И, значит, вынужден был специально "ребёнка" того возвращать, постулатом – то есть ментально-силовым уже путём! – награждая свет свойствами, которые тот и так имел в теории – благодаря исключительности среды его перенесения в лице эфира. Имел, ежели только сообразить, что означает для света эфира абсолютность (досада лишь, что во времена Эйнштейна физики не шибко-то это соображали, в смысле что соображали нечто другое на месте этого... но, может, такое и к лучшему, а то не появилось бы поучительного эйнштейновского физнигилизма).

Так что же такое эфир? Ну, скажем, то в Брахме, что остаётся за вычетом материи! А точнее, наиболее близкая нам – как мат. телам – часть того, той разности. А то в ней наверно есть и более "тонкие", нежели эфир, части. И соответственно более отдалённые (в переносном смысле слова) от нас-

материальностей. И ясно, что речь об эфире "чистом" – ещё не превратившемся ни во что материальное.

Это всё, конечно, ежели выражаться в философско-физическом смысле, да ещё и самом общем. Но надо и так, помимо прочего! С такой предельной общести и начинаем этот блок смыслопосылок.

Плюс это мы выразились по-древнему. А можно ведь и по-современному. Вселенная – паче всяких сомнений – суть бесконечное множество полей, бесконечным же числом способов суперпозиционирующих друг с другом (и речь о силовых полях, естественно, а не площадных... хотя и площадных тоже...). Итак, поля, поля, поля, а реализованные способы их суперпозиций тоже составляют бесконечное множество. Где мощности первого и второго множеств, похоже, тоже бесконечны! Ну, в смысле, имеют предельно возможные в теории множеств величины, – будь так сказано, ежели задаться высказаться в предельно возможной корректности. Плюс далее то, что всем сказанным задан контекст, в котором естественно напрашивается ввод понятия квазиполя. Как чего-то того, к чему может быть сведено каждое из означенных полей. Квазиполем-то и оказывается эфир (невозмущённый). Квазиполем при означенном бесконечном множестве физических полей. Ну или сказать – за означенным бесконечным множеством.

Это эфир настоящая реальность, хоть мы его и не видим. А разные формы его вихрения, являющиеся нам соответственно разными веществами, суть фикции, несмотря что их-то, вещества те, мы как раз видим. Фикции, насколько форма есть фикция сравнительно с содержанием.

Ну, то есть, это всё в смысле, что в обычном своём человеческом состоянии не имеем свойства видеть "чистый эфир" – эфир в фазе предельного спокойствия. Имея свойство видеть лишь разные формы его вихрения, то бишь некие уже степени его беспокойности.

Наш мир – материя с пустым пространством – есть возмущившийся (в конечном счёте – в виде завихрения) и тем самоотторгнувшийся эфир. Причём в лице материи степень его самоотторгнутости на ступень больше, нежели в лице пустого пространства. Ну, просто пространства. Ну, вакуума.

Эфир несоотторгнутого состояния имеет границу с состоянием своей самоотторгнутости. То бишь в первую очередь – с пустым пространством. Ну, с тем, что мы так называем.

Так что "голое" пространство – тоже возмущённый эфир. А значит – где-то тоже материя. Даже до такого – дикого на первый взгляд! – утверждения мы должны дойти, если безотклонительно следовать четвёртому постулату и новизне понимания эфира в нём. Это, разумеется, в развитие несчитаемости пространства просто умственной фикцией современного человека (типа таких умозрительных образований, как "точка", "линия", "плоскость"). В развитие

изначальной теоретической берущести его как чего-то всё-таки физического. Ну, зачаточно-физического и всё такое, но тем не менее именно физического! Когда "пространство" (ну, "вакуум"!) и "объём" как понятия – не совсем синонимы. Тогда-то и возможно в теории сделать назревший сакраментальный переход к тому, что оно, пространство, суть некая наполнительная смыслогрань материальности, среди прочих её граней. Похоже что оно – именно таково, потому что свет распространяется именно по пространству, а волна по фикции распространяться не станет. ("А как же ваше утверждение, что свет распространяется по эфиру?" – спросит оппонент. Что ж, по эфиру – тоже! Поскольку распространяется по границе пространства с эфиром, а значит – по тому и другому сразу.)

Итак, пространство тоже возмущившийся эфир. А другими словами, пространство тоже материя, только "пустая". Ну, зачаточное состояние материи. Или, если хотите, место для материи, с тем что быть таким местом само по себе означает тоже представлять некую материальность. В пространстве материя может находиться, и от одного того оно в некотором смысле самó уже материя! Воплощение такой возможности – занимания материей места, оформление этой возможности во что-то – в лице структуры (ну, через засуществовавшую некой конструкции, способной к присутствию, пусть даже и невидимому), – такое тоже есть некая вышедшая на материальный уровень.

В общем, место для материи надо создать прежде самой материи, и созданность такая – тоже где-то уже материя, в принципиальном хотя бы отношении. Место для материи как специальная "конструкция", зачаточно выступающая уже материальной. Вот что такое пространство. Тогда как в совершенно невозмущённом эфире материя находиться не способна – может только граничить с ним, но не занимать его, как она поступает с пространством.

Тут допустимо, кстати, теоретизировать и в обратном ключе: вакуум-пространство не как "место для материи" (благодаря тому "для" самó не лишённое материального статуса), а как "дырка" от материи, некую зачаточную материальную статью имеющая как раз из-за "от".

Итак, пространство тоже возмущённый эфир – в дополнение к тому, что эфиром, только на ступень более возмущённым в себе, выступает и вещество. И это при том, что любым самовозмущением эфир превращается в материю. Всем этим как принцип делается возможным то, что материальная Вселенная увеличивается в качестве вихревой составляющей Вселенной как огульной эфирности. А заодно и недовихревой, ежели рядом с веществом иметь в виду и вакуум-пространство. Увеличивается, огульно (в разностепенности) дозавихряясь. Этакое вот неделимое макрособытие.

Прирост пространства, составляющий известную от Хаббла огульно расширятельность мат. Вселенной, есть продолжающееся самоотторжение эфира.

Самоотторжение до субвихревой фазы (ну, недовихревой). Когда в такую "недовихревую сплошноту" оказываются вкраплены эфировихри как состоящие из разных веществ мат. тела. То есть материальная Вселенная суть некий макровихрь в эфире (он же и макровихрь эфира), существующий как алгебраическая и геометрическая сумма мириадов меньших вихрей – с их недовихревым обрамлением, и макровихрь этот – всё ещё раскручивающийся и тем вовлекающий в себя всё новые квазиконцентрические слои невозмущённого эфира.

Эфир через посредство дополнительной мерности вездесуще пронизает пространство, но это не одно и то же, что заполнять его, как то с ним делает материя. Эфир как бы заполняет, но не заполняет! Квазизаполненность пространства эфиром, то есть. Это что касается невозмущённого эфира, его отношений с начальновозмущённой своей стадией в лице пространства. Ну, вакуума.

Эфир находится "под" материей, равно как и "над". Насколько этаким "под" позволительно будет считать позицию в направлении, для нас, ментально трёхмерных, уходящем в точку пересечения трёх взаимоперпендикулярностей, да не просто, а под прямым углом к каждой из них. Ну, таким образом "тонущем" в той точке! Поступая "к нам" из оной, эфир превращается в дополнительное пространство нашего мира (как будто бы он сам не наш мир, однако!). Поступает же за счёт некой первичной степени своей завихряемости, как я это понимаю и уже указывал. Ну, посредством её. Это поступание – что-то подобное выдавливаемости быстросхватывающегося клея из тюбика: как выдавился "на свет божий", так тут же застывает, и это уже не клей, что в тюбике, с текучестью и прочим, а его продукт – некая твердышка, которую неискушённый и не проассоциирует с клеем (настолько они непохожи).

Можно ещё сказать, что эфир – к веществу – находится в направлении, задающемся его, вещества, глубиной. Ну, в смысле, направление то намечается возрастанием той глубины. Вот только, что это значит – "глубина вещества"? Глубина то не обычная, на манер глубины моря-океана, а особая, то бишь – квазиглубина. Возрастание которой есть "хитро" надстраиваемая прямая линия: от вещества как мультимолекулярной цельности – к какой-нибудь из него отдельной молекуле, затем к одному из атомов той молекулы, потом к ядру того атома, далее к одному из протонов того ядра, а там – одному из кварков того протона (или что там ещё в материи есть, на ступень более мелкое, нежели протон). Удалось все эти отрезки составить в одну линию, хотя бы ментально? Эта линия и приводит к "местозалеганию" эфира – как чего-то, что будет дальше по ней, когда она настолько далеко продвинется, что вообще "из вещества выйдет". То есть – эфир так "глубоко" в веществе, что тем

вышедш из него – в оказываемости как бы под ним. С выступанием его квази-подстилкой.

То, что мы наговорили, означает лишь бледной тенью наметить положение, к которому вас приводит провозглашаемое "четвёртое направление". Но пусть хоть так! Разве что ещё добавим наметки в зацепке за предлог "над". Эфир по отношению к материи – в равной степени и над нею: в смысле, аналогичном вкладывавшемуся в уже обрисованное "под нею". То есть, это не обычное "над", как у потолка по отношению к полу, а особое, когда для понимаемости той особы полезно проделать следующее: представьте материальную Вселенную (которую мы, в обычном своём состоянии, единственно только и знаем), затем представьте её всю заполненную веществом – обязательно всю, без остатка: благодаря такому понятие "над веществом" принудительно исчезает, так сказать, вытесненное им из Вселенной как принципиальная возможность, – а дальше заставьте-таки себя от него, такого всеприсутного, хоть чуть ещё отстраниться – хоть куда-нибудь, но обязательно отстраниться: исполненность такого и обернётся искомым "над". Это не "над", конечно, а некий иной уже выход из той вселенской вещественной глыбы (ибо все настоящие "над" она в себя заведомо включает!), но иначе как через "над" он из-за привычки для нас пока не мыслится. Это ж крайне непривычное пока человеку отстранение! И даже лучше будет сказать – психонепривычное. Вот сами собой и привлекаются привычные образы, лишь бы каким-то подобием обладали.

Так что вот он какой, вопрос "местозалегания" эфира по отношению к материи. Эфир касательно неё – в положении обычного "над" и обычного "под", но сразу обоих! Совмещённость двух несовместимых обычных демонстрирует необходимое необычное. Это совмещённость в том смысле, что они равно есть его проекции, того суперположения. И так можно выразиться о нём.

Говорить же о протяжённости "толщи" эфира – дело праздное. Мы принципиально не можем того знать. С такими уж свойствами эта штукавина, эфир, согласно характеру его постулирования нами. В его лице ведь постулировали нечто запредельное, а с такой штуки и взятки гладки, как говорится. Радуйся, что запредельность маячит хоть как таковая, а уж исследовать "наполнение" её – против того она "упирается всеми четырьмя"... В общем, протяжённость "толщи" той может и мала быть – до степени чистой условности, и велика до бесконечности. Или даже то и другое сразу – в их диалектическом единстве и борьбе как противоположностей. Да и не всё ли равно – с точки зрения нашей материальной практики? На материальностях эфир любой "толщины" горазд

сказываться одинаково, так что и не заметишь разницы (за счёт материальных индикаторов). С им его качеством остаётся только пользоваться.

А "толщина" пространства? Живём ведь в его суперсфере (ну, "сделанной из него" суперсфере), которая "висит" в эфире (в смысле невозмущённого его состояния).

Другими словами, какова толщина суперсферы материальной Вселенной? Не спутать – толщина, а не диаметр! Мыльный пузырь может быть десятисантиметровой величины, но эмульсионная плёнка его сферы – микроны толщины. За счёт направления, как принцип открываемого четвёртым перпендикуляром, пространство – одной из своих сторон – изгибается до полной смыкаемости с самим собою – за счёт выхода на себя с противоположной своей стороны, тем оказываясь организованным в структуру, могущую быть названною суперсферой. Так какова толщина этой нашей суперсферы? Другими словами, как далеко простирается вакуум-пространство по четвёртой миромере? Ну, в предельном случае суперсфера – толщиной в квант времени. Если кто из уже наговоренного нами не допирает, что толщина такой штуковины для нас, психоограниченных, имеет временную размерность, тому станет то ясно из текста последующих пунктов, а пока примите на веру, что так оно и есть: "толстится" пространство в направлении, которое в ощущенческом плане как таковое у нас не проходит: ощущается только чисто обнаружительно – субъективным временным феноменом (наличка которого означает, что на ощущенческом плане у людей намечен некий околоощущенческий подплан)... Итак, толщиной в условный квант времени. Но даже если случай не предельный, и суперсфера толще временного кванта, принципиально дела это не меняет: она автоматически должна тогда распадаться на пространственные "слои" – каждый "толщиною" именно в квант времени, и существующие как бы независимо друг от друга. Так, что ваш переход с одного на другой означает телесное исчезновение в первом с таковым появлением на втором. Как тут не вспомнить продвинутый шаманизм – с провозглашаемыми им "другими мирами", что "параллельны" нашему. Провозглашаемыми, причём, в смысле практики, быта, а не простой умозрительности! Поскольку миры подразумеваются материальными, как и этот "наш", и в принципе позволяющими нам телесно в них попасть.

И то ещё, что точно как воздух внутри и вне сферы мыльного пузыря, так и эфир внутри и извне суперсферы нашего пространства. Пока иметь в виду такую картину. Так считать – в первом приближении годится.

Эфиру образца девятнадцатого века вменяли быть абсолютно твёрдым телом. Как же, он среда, в которой распространяются световые волны, а волны это поперечные, значит способны проходить лишь в среде, где возможна деформация сдвига, а такое – только в твёрдых телах. Нет чтоб сообразить, что свет может быть и волновым явлением на какой-то границе раздела! Как волна

на поверхности озера, тоже поперечная. Её – в поле гравитационной силы – делает возможной граница раздела воды и воздуха. По границе – вот по чему распространяется свет, а ни в каком не в теле, ни в какой не в сплошной среде! Можно было бы долго честить физиков того времени за тупость, если б не знать, что кавалерийское седло, например, до его современного вида изобретали аж четыре тысячи лет. Ещё даже римляне ездили на каких-то вшивых понках.

Материя, в наименее грубом своём обличье в лице пространства, выпячивается – от какого-либо "удара" по её квазиповерхности – в эфир, с которым граничит той квазиповерхностью. Тем призывается срабатывать своеобразное "поверхностное натяжение" вакуума (коим, не забывая, то "выпячивающееся" пространство у нас заодно является). Призывается срабатывать – в виде стягиваемости выпяченности. Тем последняя исчезает – ценой, однако, появляемости такой же по соседству: возвращаясь в плоскость квазиграницы вакуума с эфиром, составляющие вакуум виртуальные частицы набирают квазиинерцию (коль уж они какая-никакая, но материя!), тем проходя за ту плоскость дальше и уступая место эфиру, чем взамен выпяченности появляется в вакууме ложбина, в сопряжение с которой по соседству получается новая выпяченность – её в компенсацию заставляет возникнуть всё то же "поверхностное натяжение" вакуума. И так далее, то есть на квазиповерхности вакуума начинает наблюдаться бегущая одиночная волна. Поперечная! Цуг таких и оказывается светом, бьющим вам в глаза от фонарика. Этого мы уже касались. А здесь разве что добавить, что из-за своей выпячиваемости в "горб" (всё-таки какой-то ход, а значит и возмущаемость!) пространство, похоже, в качестве затравочно возмущённого эфира сколько-то довозмущается: не до уровня вещества, конечно, но всё же как материальность становится чем-то более насыщенным, нежели было в личине "просто пространства". А физики соответственно заговаривают о так называемом электромагнетизме – как чём-то в определяемых теми "горбами" локалях... Итак, выпячиваемости пространства в нисколько не возмущённый эфир – как "довозмутители" эфира, уже сколько-то возмущённого в его, пространства, лице.

Вот, а поскольку "толщина" нашего пространственного "слоя" предельно мала (имеется в виду протяжённость его в четвёртой мерности мира), то в любом месте материальной Вселенной – в любой, то бишь, точке вселенского пространства – не составляет труда достать до эфира: он везде практически рядом, что и делает возможным свету возникать везде же. Правда, тут может встрять оппонент: мол, ежели "толщина" вакуум-пространства предельновозможно мала, то оно "с горбом в эфир" будет нарушившим эту предельновозможность? Ну, к "толщине" пространства ведь прибавится "толщина" горба! Что ж, тогда, возможно, надо говорить о световолне как изгибательном колы-

хании самой "плёнки" вакуум-пространства, расходящемся из какой-то точки (где зародился свет). Так "колыхаться" той "плёнке" есть возможность (ну, в смысле, есть куда!) – она ведь "подвешена" на эфире, вот в эфир и изгибается. Мы, однако, не придаём большого значения этим построениям (а значит, и не шибко настаиваем на них – что касается их конкретики). Ведь это всё – пресловутые "объяснения на пальцах", то есть – лишь расстановка качеств. Лишь выговаривание принципа, разведение же конкретики в его пределах – задача другого уровня.

Так что свет предстаёт явлением, "засвечивающим" материи эфир, равно как и материю эфиру. То просто две стороны одной медали. А всё потому, что световая волна – равно на поверхности их обоих, материи и эфира. Точнее, на квазиповерхности, на обоюдной их квазиповерхности. Это если пространство – как вакуум – не забывать считать материей, самой блёклой её форме.

Гравитация – "двигатель" поперечной волны на озёрной глади. Именно она ограничивает выбухание "горба", гонит его вниз, чтоб по набравшей инерции составляющая его вода пошла вниз и дальше, тем образуя впадину на той глади. А у нас здесь что выступает таким "двигателем"? Ну, этого вопроса мы неназванно уже касались – немного выше, когда распространялись о "поверхностном натяжении" вакуума. Сейчас кой-чего добавим. Вселенское пространство "раздувается" в эфир (в первом приближении так сойдёт сказать), и есть граница того раздува, по которой действует некая стяжка (ну, самостягиваемость пространства), противодействующая раздуву. Подобно самостягиваемости у плёночной сферы мыльного пузыря – за счёт сил поверхностного натяжения вещества той сферы. Эта же самостяжка пространства сказывается и на микроуровне – в районах тех его микровыпячиваемостей в эфир, посредством которых строится световая волна. У закритически мелких волн на водной глади, кстати тут сказать, поверхностное натяжение воды (то бишь капиллярные явления) выходят на первое место в качестве силы, против которой работает деформирующая воду сила падающего камня, создавая волну, – выходят на первое место, так сказать затеняя гравитационную силу...

Итак, силы самостягиваемости у вакуум-пространства как целого! То бишь силы, благодаря которым и вся мат. Вселенная сподобляется выступать чем-то целым. О природе же этих сил пока не теоретизирую. Только специально заострю, что это вовсе не гравитация держит мат. Вселенную единым конгломератом, как молчаливо (и наивно!) подразумевается у нынешних физиков. Гравитация – лишь следствие существования вакуум-пространства, и конечная причина именно в нём, в вакуум-пространстве.

Впрочем, пару слов скажу-таки (ну, о природе самостягиваемости у вакуум-пространства). Дело в том, что эфир не хочет возмущаться! Именно так

звучит эта истина, ежели выражаться в антропоморфном ключе. "Не хочет", и возмущается вынужденно – в участках своей максимальной отставленности от центра Вселенной. То есть там, где он "кончается", и именно из-за того, что "кончается"! Такие участки составляют некий сплошной его слой, окружающий вселенский центр. Так что сопротивляемость эфира возмущению – вот причина самостягиваемости вакуум-пространства, позволяющая ему существовать неким одним "конгломератом", а в конечном счёте – и самой мат. Вселенной выступать чем-то целым.

Сказать полнее, возмущённости эфира как процессу (или квазипроцессу?) внутренне присуще что-то вроде инертности. Ну, в смысле, существование эфира невозмущённым – как квазипроцесс вроде как инертно. Из-за чего эфир и противодействует возмущающей его силе (ну, агенту). Сопротивляется, то есть для статия эфира возмущённым действительно требуется некая сила – само по себе такое не выйдет.

Теоретизационно тут можно зайти ещё дальше – конкретизацией понятия возмущаемости до понятия завихряемости. Завихряемости, наделённой неким внутренним сопротивлением. Которое на базе, скажем, внутреннего трения – как свойства у хоть чуть завихрившегося эфира. Ну, то есть, как атрибута вихрения.

Другими словами, у затравочно завихрившегося эфира имеется что-то вроде вязкости. Почему нет? Ведь хоть сколько-то, хоть в недо-варианте завихрившийся эфир – это уже материя, а последняя – в лице, скажем, жидкости – вполне обладает вязкостью. Так что, оно вполне корректным будет говорить о квазивязкости вакуума! Коли последний – вспомним! – как раз и есть недо-завихрившийся эфир. Тут добавим, что внутреннее трение в невихрево возмущающемся эфире, являющееся причиной его вязкости, возникает на базе, надо полагать, соприкасаемостей и сцепок условных его наполнительных элементов, которые повелось называть виртуальными эл. частицами.

Что же получается? Из-за своей квазивязкости вакуум-пространство стремится "рассыпаться" – сойти обратно в состоянье невозмущённого эфира. Аналогично тому, как рано или поздно успокаивается взбаламученная жидкость – из-за вязкости своей. Скажем шире: материя стремится перестать выступать материей! И выступает (ну, всё ещё наличествует!) потому только, что продолжает действовать вызвавшая её причина – некий эфирозмутитель. Что это за возмутитель – будет у нас в восьмом пункте.

Вспомним теперь другое: невозмущённый эфир суть нечто, имеющееся так, что его нет. Правда, и отсутствующее тогда так, что оно есть. Касательно такой штуки, как эфир, только этак вот белибердяшно и возможно выразиться – согласно смыслу, который люди по сложившемуся психоканону вкладывают

в понятия "есть" и "нет". И только самовозмущение проявляет эфир в настоящей имеюществия (настоящей согласно всё той же неявной людской смыслов-ложенности в понятие "есть").

Я извиняюсь, ежели здесь где повторяюсь: невозможно непрерывным потоком выдавать новое, не зацепляясь нисколько за старое.

Пока эфир нисколько не вихрится в самом себе (ну, относительно самого себя), то ничего материального нет. Есть только предрасположенность к материальному – как некая метаматериальность, но её строгий критик может не считать. Коль скоро "есть" для него – это всегда то, что подтверждено – так или иначе – материей (так уж мы настраиваем свою психику от младенчества – с подачи родителей и прочих воспитателей). Так что, получается, эфира в одном из двух смыслов действительно нет, вот Эйнштейн и сказал, что нет, – никого не обманул!

В другом же из двух смыслов обманул, однако. В этом другом смысле эфир как раз есть. И он, этот другой, теперь всё больше актуален. Эпоха такая! Уж даже официальная физика довольно настойчиво говорит о так называемых виртуальных частицах – как том, что в незаметности нам есть в вакууме. А лучше сказать – в незаметности нам составляет вакуум. Это элементарные частицы, которые "исчезают прежде, чем успевают до конца народиться". То есть вакуум вроде пустота, но пустота эта теперь нечто, а не ничто! Нечто, а не просто так! Вот это "не просто так" официальной физики и есть – неявное пока ей – теоретизационное приближение её к эфиру. То есть шаг по направлению к метаматериальности! А дальше будет больше, как говорится. Современная физика всё больше и больше становится физикой вышеупомянутого другого смысла (по которому эфир таки есть), всё больше и больше самовынуждаясь к тому, пусть даже и в незамечаемости пока той самовынуждаемости как таковой. А что делать, иначе ведь застой! Так что эйнштейновский "обман" всё больше и больше актуален.

Преобразование Лоренца и опыт Майкельсона – Морли были до Эйнштейна. Он ничего не делал, кроме как трактовал. И тем правомочно – в виду его – пытаться трактовать эти научные добытости снова. Что мы и делаем. Выводы получаются в основном те же (абсолютность световой скорости, например), но природа соответствующих выводам физических явлений – совсем не такую, какую мыслилась она Эйнштейну. Сказать иначе, физический механизм, приводящий к составляющим те выводы свойствам мирозданья, у нас определился совсем иным – сравнительно с эйнштейновским.

Взять хотя бы, что у нас абсолютность светоскорости – просто производное четвёртого постулата. Дериват организуемости свету хода эфиром, в

имманентности последнему – как системе отсчёта – абсолютности. У Эйнштейна же та абсолютность светоскорости – отдельный постулат, а постулированность не предрасполагает к постигательству того аспекта природы, что приводит мирозданье к взятому за постулат, в данном случае – физических основ исключительных свойств света. Отсюда неизбежно разнятся у нас и конечные соображения о физприроде света. Точнее, тут и разниться-то нечему: у Эйнштейна те соображения – лишь символично-намечательны (он же ими, повторю, фактически не занимался, положившись на постулат).

Или скажем обо всём этом так. У нас – трактуемость отсутствия эфирного ветра, оставляющая эфирную среду для света, однако такую, от которой истекает заведомая инвариантность световой скорости от материальных систем отсчёта; у Эйнштейна же – трактуемость отсутствия эфирного ветра, влекущая отказ от эфира как светопереносной среды, когда свет "в отмашку" наделяется – да ещё и в невысказываемости того наделения! – свойством самому быть себе средой, а исключительные его свойства из опыта Майкельсона – Морли – прямо столбятся через постулаты (в отличие от первого свойства – самим себе выступать средой, окзывающемся непрямым постулатом).

Но почему же СТО сопутствовал успех, несмотря на её отказ от эфира, в чём-то неадекватный мирозданию? Да как раз благодаря этому отказу! Поскольку отказался-то Эйнштейн от "старого" эфира, а "новый", в неявности того самому себе, как раз провозгласил – не называя по имени, а просто всем строем СТО, просто самим тем строем. И единственное, что мы совершаем, так эту неявность делаем явностью.

Хитрость в чём? Что свет – монополист прямого контакта мат. Вселенной с невозмущённым эфиром, и тем автоматически получает право последний собою представлять (для нас, во всяком случае). В частности, выступать абсолютной системой отсчёта для мат. объектов мира, чем негласно (ну, фактически, ну, явочным порядком) у Эйнштейна и проходит – из-за его постулатов. То есть что? Эфир как некая суперсреда, некий супернаполнитель в мирозданьи есть, но с неожиданным свойством – терпеть отставляемость себя в сторону в человеческих расчётах: свет его сказываемость на природе теоретизационно вполне представляет, ежели только расчётно используется со свойствами, которые эфир ему даёт. Этим ненарочно Эйнштейн и воспользовался: чисто постулятивно наделил свет теми именно свойствами, а эфиру дал отставку, – и "дело в шляпе"!.. Итак, проводи расчёты, используя свет как обладатель таких именно свойств, и получишь результаты, словно "новый эфир" использовал. Вот что я вкладываю в заявление, что свет имеет от природы право представлять эфир на практике.

У меня есть одна оригинальная обсказанность всего этого. Вот она. Абсолютность скорости света Эйнштейн вынужден был вводить в физику постулатом. Поскольку результаты опыта Майкельсона – Морли "потратил" на упраздняемость эфира. Мы же используем их как раз на утверждение эфира – такого, из существования которого благополучно вытекает та же абсолютность световой скорости. Так что изящней?

Кстати, Эйнштейн плакался о всё никак не создающейся общей теории поля. Так вот, такое "общее поле" есть (ну, обнаружено – хотя бы умозрительно) – это "новый" эфир, трактовочно к экспериментам вводимый нами. Ну, в смысле, его можно теоретизационно трансформировать в то искомое "поле". Можете эту нашу обнаруженность взять бесплатно.

Будь я официальный физик, я б назвал эфир предельно неспецифическим силовым полем. И то же самое – полем некой единой виртуальной силы. Когда хотя бы малейшая оспецифичиваемость той силы означает направленную потерю ею виртуальности – через устанавливаемость собою некой конкретной грани реальности, в лице физического силового поля определённого характера.

Повторимся, в который раз, что отказавшись от эфира, Эйнштейн, однако, перенял всё, что даёт эфир свету. Потому-то и смог "родить" о нём, свете, постулаты, правильно отражающие действительность. У нас же абсолютность скорости света может считаться даже предсказанием, логически вытекающим из теоретических построений при четвёртом постулате. Предсказанием! Которое благополучно подтверждается результатом опыта Майкельсона – Морли. Ну, начинает подтверждаться, – лучше так скажем. Ведь Майкельсон и Морли только начали перебор всяческих наших физических позиций касательно света, различия которых нивелируются абсолютностью его движения. Начали в лице первых двух: нас как испускателей света вдоль своего движения со скоростью 30 км/сек (считая за нулевой фон все прочие наши скорости, куда входит, к примеру, скорость перемещения вместе с Солнцем по галактике), и нас как испускателей света поперёк своего движения на той же скорости. Упомянутая же скорость 30 км/сек – скорость орбитального движения Земли, несущей нас и наши приборы, – если кто того не знает.

Итак, скоростная абсолютность света выступает у нас предсказанием. Логическим производным из наличия постулированного эфира. Именно на такие идеи срабатывает это наличие – благодаря новизне понимания того, что постулируется под именем эфира. На идеи, повторяю, абсолютизации световой скорости, дающие парадоксальное "поведение" света касательно нас как материальных тел.

Тогда даёшь Нобелевку, как говорится! В самом деле: предсказание теории есть, и есть эксперимент, это предсказание подтверждающий. Что из того, что сначала был эксперимент, а потом предсказание! Это означает лишь, что результаты того эксперимента век с четвертью "пролежали в кладовке". Точнее, использовались, но неадекватно, — навряде забивания гвоздей увесистым калькулятором. А мы этому "калькулятору" наконец дали причитающееся использование.

Ладно, без шуток. Опора на факт "нового эфира" действительно предсказывает скоростную абсолютность света. И опытом Майкельсона — Морли она в самом деле начально подтверждена. Но... именно что только начально. Для полной же подтверждённости её таким путём — потребуется бесконечное число экспериментально перебранных вариантов. Это во-первых. А во-вторых, доказательство посылки через отрицательный результат опыта (ну, через необнаруженность в опыте чего-то, что в соответствии с той посылкой и не должно быть обнаружено) — такое просто не котируется в физике как науке. Разведи Эйнштейн теорию, из которой вытекало бы, что луч света вблизи абриса Солнца не должен отклоняться, и обнаружся это при полном солнечном затмении в 1919 году, хрен бы за это дали Нобелевку! (Формально-то её дали ему за другое, но фактически за это, или я ничего не понимаю в людях.)

Сколько уж сказано, но об абсолютности системы отсчёта, связанной с "новым эфиром", мы всё равно ещё самоудовлетворительно не выговорились. Так выговоримся.

Прежде всего — она абсолютна естественным образом, а не как-либо! Естественным — именно благодаря своей увязанности с эфиром. Который на роль абсолютной отсчётности "западает" автоматически — как супернаполнитель природы.

Далее. Это некое внутреннее свойство эфира задаёт световую скорость пределом скоростей физического мира (или сказать — пределом физической скорости). Ставя колебания эфировой квазиповерхности — как световую волну — в ранг прима-балерины мира. Что это за свойство? Да наличка предела перемещаемости эфира относительно самого себя (или сказать — перемещаемости эфира в самом себе). Ну, то есть, "частей" его относительно друг друга.

"Старый" эфир при играемости роли абсолютной системы отсчёта был слишком овеществлён, если можно так выразиться. Ну, в переносимости собою этой системы был слишком овеществлённым понятием. Как понятие, то есть, слишком близким к понятию вещества. Оттого и "лишился головы". Ну, "овеществлённость" та его стала физикам мешать, пусть даже и не осознаваемая как таковая. Это главная (и скрытая!) причина отмены эфира, а вовсе не неявка его нам "ветром" в эксперименте. Последнее только повод для отмены, охотно воспринятый без должной проанализированности.

Тут напрашивается выразиться таким манером: преобразование Лоренца как то, что между системами отсчёта возникает из-за абсолютности световой скорости, фактом своего наличия заставляло или отменить эфир (и далее всё равно фактически использовать его, только "не называя по имени"), или на ступень поубавить его "вещественность". Стихийно так сложилось, что пошли физики по первому пути.

Мы же "вспомнили" о пути втором. У нас – реанимация светоносного эфира как абсолютной системы отсчёта для физического мира, но уже на новом уровне представлений о самом эфире. Как кажущемся фиктивным блоке мироздания. Из природы которого объяснительно вытекают все известные свойства движения света и материальных тел.

А в порядке первого пути эфир, как необходимое физике понятие, начально отменил Эйнштейн – через СТО, и отменил как раз в форме, выступающей неявным утверждением того понятия – как единственно и могло только быть, и что мы уже всячески демонстрировали выше. Ну, отменил в увязке отмены с постулатами абсолютных световых свойств, а такая увязка не проявлено и есть утверждение эфира (только "нового").

Постулат пятый. Поступательное движение любого мат. тела – это всегда движение эфира в самом себе. При самом большесчётном подходе к мирозданию, конечно.

Некое внутреннее свойство эфира задаёт световую скорость как предел скоростей физического мира, и фактически сей предел есть форма выраженности предела интенсивности у перемещаемости эфира в самом себе. Ну, то есть, какой-либо его "части" относительно "остального" его. Это мы уже недавно отмечали. Но теперь далее. Внутреннее свойство эфира, задающее такой предел его переместительности в самом себе, может быть обозначено как квазивязкость.

Пусть есть некая выделившаяся в эфире часть, начавшая в нём поступательно двигаться. Ну, локальная самовозмущаемость эфира выступает во всём этом как выделитель. Тогда из-за наличия у эфира определённой "вязкости" та часть рано или поздно подходит к такой величине своей скорости, на которой той "вязкости" уже не хватает, чтоб поддерживать ту часть в качестве выделенности. То есть последняя попросту сливается с эфиром обратно, переставая существовать как таковая (так что и о скорости её говорить теряет смысл).

Такие "выделившиеся части" – эфировороты. Ну, то есть, эфир выделяется в своих частях за счёт локального кругового вихрения. Оно ведь – наиболее представительская форма его самовозмущаемости! Итак, эфировороты: элементарные или составные. Элементарные предстают элементарными частицами материального мира, а составные – его макротелами. Насколько я информирован, все элементарные частицы, известные поныне, имеют спин. В моих

глазах это базовое доказательство "эфироворотности" их природы, частиц тех. С тем добавлением, что имеемость элементарной частицей спина – это не вращаемость её – уже готовой – вокруг своей оси, как наивно мыслится физикам ныне, а попросту фиксируемость нами "делаемости" частицы эфировращением. Фиксируемость самости по себе той эфировращательности, которая "содержит" эту частицу. Фактически и являясь нам ею, как таковою. То есть обнаружение спина элементарной частицы – это попросту неизбежная фиксация явления берущести себе эфиром формы, формы в лице конкретнолокальной своей завращавшести в себе.

Так что, благодаря конечности величины квазивязкости эфира, никакой эфироворот не может сохранить себя на некоей критически большой скорости своего перемещения в эфире. Это базовая смыслопосылка, вокруг которой далее у нас всё будет крутиться. Так сказать, вихрь размывается своею поступательною скоростью, и на этом явлении всё замешано.

По части же понятия "эфироворот" – пойдём дальше. Поскольку реален только эфир – в последней инстанции подхода к миру, – то мат. тела, получается, обладают лишь реальностью формы (будучи эфирными вихреформами, бесконечными в своей множественности). Реальны, то бишь, лишь настолько, насколько реальна форма конька у куска глины помимо него, того куска (ну, когда такую фигурку из него слепить). Впрочем, это пока аналогия лишь первого приближения. Там дальше у нас пойдут приближения большей степени.

А связь с ирреальностью у формы рукотворной глиняной фигурки, затронутая приведенной аналогией, станет ещё пронзительней, ежели добавить следующее: по большому счёту они одинаково "просто кусок глины" – что глиняная фигурка, сделанная мастером, что природный кусок глины того же веса и объёма (ну, тот же кусок глины дикой, а не культурной формы, то бишь). То, о чём принято выражаться "бесформенный кусок глины", на самом деле тоже имеет некую вполне фиксированную форму – только что естественную, а не искусственную. Я всё думал, чем же они отличаются, первая от второй-то? Вторая сложнее? Да нет, природные куски бывают весьма забористых форм – математически описать такую уж никак не легче, чем форму того же рукотворного конька, к примеру. Тогда чем же? А энтропия формы конька меньше, чем то у природной формы такого же куска глины, – только этим отличаются формы. Но это лишь к слову, потому что ничего не меняет: пусть энтропия формы природного куска больше, но форма-то у него всё же есть – точно как и у окультуренного куска, а это главное.

То бишь, форма есть просто бесплатный (потому что принудительно наличный!) атрибут куска глины как реальности – этакий привесок последней, реальный в смысле лишь падения на него её "отсвета".

Тем самым, мат. предметы допустимо считать просто некими образами, которые "протягиваются" через эфир, когда в нём передислоцируются. Ну, в смысле, возникают в лице всё новых и новых участков эфира. Реализуются за счёт всё новых и новых его участков, покидая старые как свой носитель. Так что получается: эфир свежий, сменившийся, а образ всё тот же.

Теперь о механизме "размывания" вихрей – их передвигаемостью в эфире. Эфиру (в лице пространства как своего форпоста в природе) всё труднее – по мере возрастания скорости пробного тела – догонять в себе то тело, в смысле что заново воспринимать (подтверждая!) его вихревую форму – в компенсацию происходящих её смещений. И вот, когда два мат. тела норовят понять взаимоотноительную скорость, превышающую световую, Вселенная заставляет их выступать друг для друга "просто эфиром", теряясь одно для другого в качестве формы. Заставляет на столько, сколько того надо, чтоб скорость та оказывалась (ну, оставалась) хоть чуть да меньше световой. Эта происходящая отражает собой то правило, что **эфир в самом себе не может сдвигаться выраженнее некой заданной величины, определяющейся его квазивязкостью**. То есть эфир – через посредство своей неразрывающейся целостности – "ведёт счёт" необходимости подобной ограничиваемости материальных тел – как своих вихрей. Автоматически тем к ним выступая "системой отсчёта в последней инстанции".

То есть что? Среди систем отсчёта для мат. образований естественным образом выделяется одна – вытекающая из самой их происхождения, тех образований. От характера своего происхождения им ведь никогда и никак не отвертеться – оно всегда с ними! Мат. образования в любой своей активности отсчитываются от того, от чего произошли, то бишь от своего "корня", и корень этот – эфир. Причём корень такой для тел – не что-то прошлое, послужившее им и отмершее, а их сегодняшность, вполне выявляющаяся, ежели вооружиться самою последнею инстанцией подхода к ним.

Повторимся. Ежели в первом теоретизационном приближении, то какая-либо выделенная часть эфира в принципе не может относительно "остального" его сдвигаться выраженной той её сдвигаемости, что оборачивается нам перемещаемостью материального – в лице той части – объекта со скоростью, минимально меньшей за световую (а если совсем строго, то за скорость той световой волны, что "летит" тогда рядом с этим сверхбыстрым мат. телом). Минимально же меньшей – здесь в смысле, что какой бы промежуток времени вы ни взяли, та выделенная эфирова часть покрывает за него расстояние, всё ж на квант длины меньшее, чем покрыл свет (тут, как ясно, чем больший промежуток времени берёте для сравнения скоростей, тем ближе к световой оказывается скорость мат. тела, ассимптотически приближаясь к ней при устремлении то-

го промежутка к бесконечности; другими словами, "квант скорости" как понятие оказывается некорректным, в отличие от "кванта длины" как понятия). Свет – тоже материальный объект, самый начальный, потому-то именно он и задаёт подобную рубежную скорость. Сдвигайся та выделившаяся часть со световой интенсивностью, то оказалась бы распавшейся как выделенность. Принудительно влившейся обратно в эфир – с потерей свойств чего-то выделенного в нём. Или, что то же самое, оказалась бы выделенной за счёт всего эфира.

Когда два мат. тела достаточно разогнались одно относительно другого, то, выражаясь антропоморфно, эфир вспоминает, что в лице каждого из тех тел – он сам, должный блюсти определённые внутренние ограничения. Ограничения, заложенные в самой его природе, а значит – без которых он просто не существует (и в той своей заложенности в нём – ограничения замешаны в первую очередь на квазивязкости, как части той эфировой природы). Коли б взаимоотноительная скорость тех двух тел превысила световую, то это, в описанном раскладе, означало бы прекращение самого существования эфира: он неявно перестал бы быть эфиром! В том смысле, что "вышел бы из самого себя", но океан ведь не может излиться из себя, ежели изливаться ему некуда, кроме как в себя же, – а именно таким "океаном" является эфир!

Заостряем. У устремившихся друг к другу мат. тел "лишняя" часть перемещаемости автоматически замыкается на весь эфир, тем как бы отнимаясь у них. Эфир имеет такую техническую возможность, потому что любые части его, любым образом в нём разнесённые, по большому счёту составляют с ним – и друг с другом – одно целое.

Итак, двигаясь в себе частями, эфир как целое ни при каких обстоятельствах "не забывает" учитывать эти части, в смысле что "не выпускает их из виду", не выпуская из себя как целого.

И под конец надо добавить следующее: требование перемещаться "минимально медленнее света" относится к частям эфира, выделившимся в нём в качестве вихрей, с тем что "остальной эфир", относительно которого то перемещение как раз происходит, это затравочно возмущившийся в себе эфир, ставший оттого физическим вакуумом.

Но это мы всё не касались главного, для чего был понадобился пятый постулат. Главная нужда в нём – объяснить такое фундаментальное свойство мат. тел, как инертность. Вот наработками в сей бок далее и займёмся.

Главная наработка в том, что пространство – как начальная степень возмущённости эфира – есть некая совокупность эфирных недовихрей. То бишь эфир вихрится, но каждый раз незамкнуто, когда эфироворот "уже почти был,

но так и не стал", – вот эфирная этакость и оказывается зачаточной материей в лице пространства. Пространство как мириады таких "возникающих почти до возникнутости, а затем распускающихся" микроэфироворотов. Современные физики их уже приметили, по крайней мере ментально, – в лице того, что обозвали виртуальными частицами (надо полагать, элементарными при том). Превращаясь в виртуальные частицы, эфир – атрибутивно тому – "спускается" к вещественным предметам "с высот четвёртого измерения".

Надо сказать, пространство как недоматерию можно попросту увидеть. Ну, как-то там ощутить "эфирным зрением". Собственно, это обычная шаманская практика, хотя и не каждый шаман понимает, что он видит. Имею в виду особое человеческое ощущение или квазиощущение, по привычке выстраивающееся в ключе зрительной модальности (ну, аналогично её наполнителям). Мне лично такое пару раз смутно удавалось (не специально, конечно, – то был бы скорей всего самообман – на базе ощущенческой "накрученности" себя в сторону ожидаемого, – а удавалось по наитию, когда того совсем не ждёшь, а оно само приходит, как говорится). На месте привычной пространственной пустоты становится вдруг что-то вроде вязкого киселя. Причудливо мерцает, выступая тобою и не тобою сразу. Это зачаточно организованные энергии вакуум-пространства играют для тебя. Но такое – доказательство из области парапсихологии, а потому для "серьёзной" науки вовсе и не доказательство. И привожу его потому только, что каждый может попробовать: ежели быть в психоподспуде соответственно настроенным – благодаря почерпнутому в тексте знанию, то может получиться – не боги ведь горшки обжигают, как известно. А получится, так вся научная "серьёзность" отступит для вас на второй план, кто бы вы ни были. Тем и окажется, что вроде бы не доказательство, а доказательней не бывает. То есть в чём хитрость? Чем больше наличных физиков освоит намеченную психопроцедуру, тем более доказанной для современной физики окажется "вещественность" пространства, несмотря на недоказывавшесть.

Вот так. Ну и чем же тогда окажется движение законченной материальности – в лице мат. тела – через такую зачаточную материальность в лице пространства? А движением в абсолютной – благодаря её всеприсутности – среде, которая способна оказывать сопротивление движению! И, значит, в виду которой мат. тело движение своё имеет реальноотносительным.

Реальноотносительным? Ну, любое установление скорости мат. тела относительно невозмущённого эфира – виртуальность. Или: любая относительность мат. тела к такому эфиру по скорости – виртуальна. Когда у относительности способность иметься лишь как таковою: она перманентно неизменна, как то тело по скорости ни поверни. А всё из-за "залегания" невозмущённого

эфира там, куда ведёт пресловутый четвёртый перпендикуляр. Скоростные же отношения с пространством у тел – другое дело. Всё-таки оно – зачаточная материя, не то что полностью невозмущённый эфир. Свою скорость к такой штуковине мат. тело уже способно выстраивать разную. Вот это и понимаем как реальноотносительность.

То есть от эфира как абсолютной системы отсчёта нам, так сказать, мало проку – всё равно не можем от него реально отсчитаться. Другое дело – пространство: касательно него как-то там это уже можем. Только сообразить как! То есть пространство представляет эфир как абсолютную систему отсчёта, – вот что получается. Сам по себе эфир, без пространства, не смог бы быть такой системой – по причине, что система отсчёта он сверхабсолютная, если можно так выразиться. То бишь срабатывает известное народное: "очень хорошо – тоже нехорошо!"

Оно ещё лоренц-инвариантность – когда появилась – недвусмысленно, на наш взгляд, указывала на наличие абсолютной системы отсчёта в лице пространства – как того, чего преобразование Лоренца единственно касается (происходя именно в нём для тел и систем отсчёта, а значит – лишь ему фактически адресуясь). Это преобразование Галилея ничего, кроме двух соотносимых разноскоростных систем отсчёта собой не подразумевает, а преобразование Лоренца своей "фигурностью" (ну, нелинейностью) как раз подразумевает, если вдуматься, нечто третье, равно стоящее над теми двумя соотносимыми системами. Разве не так? Иначе почему сложение скоростей систем отсчёта не оказывается простым сложением – когда задаёмся целью привести скорость тела к другой системе отсчёта (нежели та, по которой мы ту скорость знаем)? Ну, то есть, почему пересчёт скоростей тел между системами отсчёта теряет линейную (читай: галилееву) форму? Нечто, значит, действует, заставляя терять! Или спросить, на что возникающая нелинейность ориентируется в своём возникновении и виде? На что-то ведь должна! Вот это "что-то" и есть – в её незаметности на первый взгляд – абсолютная система отсчёта, на которую – в лице мирового пространства – преобразование Лоренца наинaturalнейшим образом нам указывает. Указывают, ежели вдуматься в его смысл. То есть пространство для систем отсчёта выступает таким перманентным негласным корректором: все они прежде прочего соотносятся с ним, а потом уже только друг с другом, так что эта первая (читай: незаметная фоновая) соотнесённость автоматически оказывается скорректированностью (незаметной же!) их тех последующих соотнесённостей. Можно сказать ещё так: посчитавшись друг с другом неизменно выступает скрытой осуществившись через "призму" их посчитавших с ним.

Теперь подойдём несколько иначе. Не в смысле что с противоположной стороны, – достаточно, что просто в опоре на что-то иное. А именно, из существования парадокса близнецов – как экспериментального факта, будем считать! – тоже можно делать вывод, что есть у тел скорость относительно пространства. Причём это не скорость относительно невозмущённого эфира, не забывать, – эти понятия разделяют качественные пол-шага, как мы уже показывали. Итак, подталкивает означенный парадокс к такому выводу! Расхожий довод о том, что улетающий близнец дважды пребывает в изменяющем его скорость режиме, прежде чем вернётся к остающемуся (ну, разгоняется по отлёту и тормозится по прилёту назад, не считая промежуточных разгонов и торможений), то есть, что его собственная система отсчёта по крайней мере дважды теряет инерциальность и потому, мол, "прямая" и "обратная" относительности у близнецов должны быть неравноценны (остававшегося к улетающему – это одна относительность, а улетавшего к остававшемуся – мол, другая), – такой довод я нахожу словоблудием. Во-первых, почему относительность как понятие не должна покрывать понятие неинерциальности? Что это за относительность такая между близнецами, которая становится не одной и той же в прямом и обратном направлениях, стоит одному из близнецов потерять свою инерционность? Относительности плевать должно быть на характер движения объектов, между которыми она наводится, ибо как понятие она фактически не касается того характера: ну, как сам принцип способна ведь установиться меж заведомо любыми – по своему движению – объектами. То есть, как понятие достаточно обща, чтоб подобные отличия у объектов смыслово в себе растворять. И первый близнец – с точки зрения настоящей, а не волюнтаристски дозированной относительности! – оказывается ускоряющимся ко второму точно так же, как второй к первому. А во-вторых, есть соображение и помимо этих философских. По СТО ведь фактически получается, что второй близнец оказывается моложе потому только, что ускорялся по отношению к первому и замедлялся обратно к состоянию скоростного равенства с ним. Ибо, когда он летел по инерции на субсвете, его собственная система отсчёта была инерциальной, как и собственная система отсчёта первого, и так как в СТО преобразование Лоренца выступает преобразованием с относительным характером – касательно тех и.с.о., которые оно связывает, то с ним, со вторым, тогда по отношению к первому происходили те же дающиеся преобразованием Лоренца изменения, что по отношению к нему с первым. Короче сказать, инерциальные системы отсчёта происходящими в них лоренц-инвариантны друг к другу, и пока второй близнец инерционно летел на субсвете, время у него замедлялось по отношению к первому точно так же, как у первого оно замедлялось по отношению к нему. Так что для объяснительности молодости вто-

рого – остаётся в СТО только действие ускорения. Но не слышал я, чтоб ускорение так влияло! Ежели оно так влияет, то вот вам проверка: хоть год гоняйте человека на центрифуге – моложе он от этого не станет на столько, на сколько стал бы, согласно расчётам, за год пребывания на субсвете. Тогда что же делает улетавшего близнеца моложе? Действующий канон физики не имеет, получается, на то ответа! В русле же наших идей ответ имеется. Происходит то, что между собственными системами отсчёта двух близнецов встряла, что называется, третья – задаваемая самим пространством (пространством, в котором – как едином целом – оба близнеца весь рассматриваемый срок равно пребывали, в смысле факта). И скорость у улетавшего близнеца какое-то время относительно пространства попросту больше, чем она тогда – **относительно того же самого пространства (в смысле пространства как вселенского целого, всегда одного и того же для всех, за неимением другого такого)** – у близнеца остававшегося. Тем и набегают временное замедление у улетавшего – сравнительно с остававшимся. Да и вся недолга.

Итак, официально теперь говорим о скорости тел относительно пространства как вселенского целого. То есть пространство как наполнитель вселенной суть мат. объект, к которому вполне способна быть выстроена относительность тел, то бишь к которому телам возможно отсчитаться. Мат. объект не хуже прочих, значит! В этом наше новаторство. Из коего вытекает наличка у мат. тел абсолютной скорости (помимо бесконечного числа относительных).

Ещё раз: всевселенское вакуумное пространство как целое! Это мат. объект, отсчитанность к которому, прежде прочего по скорости, автоматически имеет любая другая материальность. Благодаря такой автоматичности пространство оказывается абсолютной системой отсчёта. Ну, в смысле, как означенное вселенское целое пространство держит в себя вписанную любую материальность, так что испытываемость пробной материальностью какого бы то ни было ускорения оказывается изменением её вписанности, а значит – переотсчитавшестью той материальности к пространству по скорости.

И заостряем, что парадокс близнецов здесь для нас экспериментальный факт, от которого трактовочно отталкиваемся, а не просто смысловытекание из преобразования Лоренца. Пусть одного из близнецов к звёздам на субсвете ещё не катали, но зато на ускорителях гоняли с субсветовой скоростью элементарные частицы, "время жизни" в обычных условиях для которых хорошо известно: так вот время то у них тем удлинялось. Что это, как не одна из форм практической реализации явления, по теории должного – в одной из своих частностей – оборачиваться тем пресловутым парадоксом с близнецами?! Ведь доводимая до субсветовой скорости частица – ничем не хуже брата-близнеца касательно другой такой же, остающейся в то время на малой скорости по от-

ношению к нам?! Да и катали же, насколько я знаю, сверхточные часы на самолётах – одни по ходу осевого вращения Земли, вторые против хода (предварительно синхронизировав на аэродроме). С тем, что третьи часы оставались на том аэродроме ждать. По возвращении тех двух к точке третьих (через посредство медленного съезда с мест посадки самолётов) – все трое показывали разное время. Вот вам и приемлемая форма парадокса близнецов. Часов-близнецов! Ослабление же земной гравитации на высоте самолётного полёта – объяснительно на изменение показаний катавшихся часов не срабатывает: и по ходу вращения Земли, и против хода часы катались на одной высоте, а показания по посадке дали разные. Если же сообщение о таком эксперименте – "утка", и он не делался, то его по крайней мере можно сделать – именно так, как я описал, и результаты, на наш взгляд, должны быть именно указанные. Разные показания у всех трёх часов! И если будет (или даже уже есть) так, то это вполне опровергнет СТО, по которой скоростная относительность к аэродрому заведомо одинакова у обоих самолётов (а потому часы на каждом из них должны вести себя одинаково к аэродромным, если только самолёты катались на одинаковых скоростях по отношению к аэродрому). По нашей же теории – показания и должны быть разными у всех. Когда часы самолёта, улетающего по ходу суточного вращения Земли, отстают от аэродромных, а у улетающего против хода – спешат. Поскольку улетающий по ходу – увеличивает скорость часов относительно всевселенского пространства (прибавляя свою скорость к линейной скорости аэродрома как точки на поверхности вращающейся сферы), а улетающий против хода – уменьшает означенную скорость часов как предмета.

Итак, движение мат. тел носит абсолютный характер – из-за выступаемости пространства материей, относительно которой им возможно отсчитаться. И не в голом лишь принципе, как к эфиру, когда отсчётность всегда одинакова (что существующую относительность делает фактически виртуальной), а по-разному в зависимости от своих физических характеристик, состояния своего движения. Что наличную их относительность и делает реальной. И поскольку пространство-материя, с которым эта относительность у мат. тел, суть всё вселенское пространство как целое, а не как-то иначе, относительность эта оказывается абсолютной, если можно так выразиться. Поскольку дальше, за вселенским пространством, соотноситься уже не с чем. То есть всё наличное в мире пространство, будучи взято отдельным материальным объектом, становится абсолютной системой отсчёта потому просто, что выступает наиболее общей возможной относительностью для мат. тел.

Пространство суть или недовихри (не добирает каждый самого последнего элемента, делающего локальное возмущение эфира круговым), или же возмущение эфира, оказывающееся пространством, носит вообще невихревой ха-

ракти. И второе может быть! А скорее, имеется смесь первого со вторым, когда второе выступает своеобразным неструктурным фоном в эфире – для первого как зачатка уже структуры.

И эфирный вихрь в лице какой-либо элементарной частицы движется не в спокойном эфире, а именно в эфире, возмущённом до состояния пространства, то есть – в "среде" из виртуальных эфирных вихрей. Которая тому движению сопротивляется, как и всякая среда (точнее, сопротивляется она всё же не как всякая среда, а особым образом – как среда особая, но всё-таки сопротивляется, как то и положено среде).

Другими словами, при поступательном перемещении тела в пространстве встреч ему "дует" пространственный "ветер", который то тело притормаживает. Особость же та, что притормаживается им тело только при разгоне. А при инерционном движении тела? Тут проявляемость "ветра" хитрее! Взять два инерционно движущихся тела, разноскоростных к "неподвижным звёздам", с которыми – как системой отсчёта – мы как наблюдатели себя ассоциируем, то взаимоотношительная скорость тех тел получается пред нами не простым алгебраическим сложением их относительных к звёздам скоростей. Что и есть проявляемость "ветра"! То бишь она в том, что определение нами – как представителями "неподвижных звёзд" – взаимоотношительной скорости тех тел отказывается выступать преобразованием Галилея. Ну, неподвижные звёзды берутся первой системой отсчёта, одно из тел – второй, движущейся относительно той первой с некой скоростью, и скорость другого тела пары относительно звёзд – пересчитывается на ту вторую систему отсчёта: тут-то и оказывается, что "пересчёт отказывается" выступить преобразованием Галилея. Давая иное, чем дало бы оно, значение взаимоотношительной скорости пробных тел. Ежели, к примеру, тела те двигались встреч друг другу, их взаимоотношительная скорость получается для нас меньшей, чем была бы, если просто прибавить друг к другу их скорости относительно звёзд (что соответствовало бы преобразованию Галилея в этом случае). Как же это не трактовать наличкой в вакуум-пространстве чего-то вроде тормозности – для инерционно движущихся в нём тел? Всё ведь выглядит, будто нечто придержало пробные тела в их приближаемости друг к другу, придержало как бы в отталкиваемости от "неподвижных звёзд"! В опоре на них будто стало между пробными телами, до некой степени помешав им сближаться. Взаимно (ну, обоюдно) квазизатормозило, то есть! Тем болей, что на соображение тормозности работает ещё факт, что расхождения с преобразованием Галилея, олицетворяющие её, бывают тем выраженной, чем больше скорости пробных тел относительно звёзд (в стремлении тех тел друг к другу). Согласно общим соображениям, так и должно быть: проявляемость тормозного влияния всегда в нашем мире больше, ежели больше у тела скорость движения, породительного к тому влиянию.

То есть что? Пребываемость перемещающегося тела в таких квазитормозных отношениях с эфиром (ну, с вакуум-пространством – как производной от эфира) выступает латентно отображённой в его установившейся инерционности. Пусть только латентно, но всё ж отображена! Так, что чем больше его инерционная скорость в пространстве (что означает – относительно пространства!), тем выраженной те латентные квазитормозные отношения с ним. Латентные – значит напрямую незаметные, и проявить их нам может только специальный тест. Тест этот – как раз определение себе (нами как представителями "неподвижных звёзд") скорости того тела относительно какого-либо другого тела, обязательно чтоб малоскоростного к звёздам (дабы не от него истекла приуменьшаемость значения той определяемой взаимоотноительной скорости тел). И тут надо дать себе отчёт, что ежели скорости этих тел разнятся относительно неподвижных звёзд, то они разнятся – причём точно так же! – и относительно пространства! И тест – как пробу – считаем положительным, если взаимоотноительная скорость этих тел обнаруживается со значением, не совпадающим с таковым от увязываемости их пространственных перемещений преобразованием Галилея.

Как бы быстро далёкие звёзды ни двигались, из-за удалённости от нас они фактически стоят для нас! Оттого и считаются неподвижными. Благодаря такой постоянной "неподвижности" имея возможность представлять нам пространство. В том смысле, что отсчитанность от них чего бы то ни было движущегося – есть наибольшая возможная приближенность к отсчитанности того движущегося от самого пространства – как чего-то целого в своей составляющей материальной Вселенной.

Итак, что инерционные движения мат. тел лоренц-соотносимы в своих скоростях, а не галилей-соотносимы, и указывает-то, повторяем, на принципиальное наличие "дующего" на тела – из-за их инерционной перемещаемости – "ветра" пространства, имеющего квазитормозную к ним функцию. Но принципиальное наличие – это всего лишь принципиальное наличие: практического торможения таких тел подобный ветер не являет. Давая право говорить лишь о непрямом своём наличии для таких тел. Ну, лишь о латентном своём при них присутствии, когда присутствие то обязано быть из-за наличия у них скорости. Прямое же его наличие для "движущегося относительно пространства" тела настанет по превращаемости того телесного движения в разгон. Но и латентное его присутствие в инерционке тела – это всё-таки присутствие: именно из-за него (ну, на него, так сказать, опираясь!) "ветер" являет видимую сопротивляемость разгону тела – тем бóльшую, чем большей у того была "скорость относительно пространства" в инерционном движении, непосредственно предшествовавшем разгону. Я взял в кавычки обозначение скоростной отсчётности

тел к пустоте пространства, поскольку для самого меня возможность такого тоже всё ещё диковата. Однако придётся с подобным смириться.

Итак, вариации величины "торможения тел пустым пространством" при разгоне – в зависимости от инерционной скорости тела перед разгоном. Имеется попросту экспериментальный факт, что разгон мат. тела в вакууме встречает тем большее сопротивление, чем больше достигнутая посредством него мгновенная инерционная скорость тела относительно "неподвижных звёзд". Соответственно, чем такая скорость у тела больше, тем бóльшая сила должна быть к нему приложена – для увеличения той скорости на некую фиксированную величину за некое фиксированное время (то есть – для испытываемости телом тестового ускорения, заданного одним и тем же для всех сравниваемых случаев). Это, повторяем, экспериментальный факт: на ускорителях элементарные частицы (да и не только элементарные) много раз ступенчато разгоняли до достаточно больших скоростей (больших, прежде всего, относительно стенок ускорителя и нас, стоящих возле тех стенок; однако и относительно "неподвижных звёзд" такая скорость оказывается почти на величину скорости света больше нашей, берущейся относительно тех же звёзд). И факт в том, что с ростом скорости у частицы релятивистски возрастает масса, чем разгон её начинает требовать большей силы. То есть что? Большее сопротивление вакуума разгону тела – это возросшесть массы того тела!

Это как самолёту – нужен при разгоне прирост двигающей силы, чтоб мочь всё дальше увеличивать скорость относительно земли на одну и ту же величину за одно и то же время (в борьбе того самолёта с обычным ветром). Чтоб на скорости, скажем, сто километров в час – да увеличить за минуту скорость на десять километров в час, потребуется дополнительный подвод мощности к винту в двадцать лошадиных сил, а чтоб на ту же "десятку за минуту" добиться увеличения на скорости в пятьсот километров в час – потребуется подвод мощности в сто лошадиных сил. Всё это фигурально выражаясь, конечно, но тем не менее. И так потому, что ветер, работающий против увеличения скорости, во втором случае более свиреп. Вот то же со всяким мат. телом в вакууме. Как экспериментальный факт такое давно присутствует – наработками разгонов частиц в ускорителях, – да вот не допирали, что́ это означает.

Так что, в отличие от "эфирного ветра", пространственный "ветер" для движущихся мат. тел существует, в своём действии на них оборачиваясь нам их свойством инертности. И чем он больше как некая латентность – в порядке следствия из увеличения скорости их инерционного движения относительно "неподвижных звёзд", – тем и инертность их больше, в явленности нам большей их массивностью.

Господи, как просто! Это как придумать колесо: ежели придумал, то и ребёнок с полувзгляда поймёт, что́ это такое, – но попробуй придумай!

То бишь, опять современные физики "слона-то и не заметили"! Слишком уж инертность мат. тел бросалась в глаза. Очень уж как физический эффект она заметна, чтобы сообразить связать её с такой подчёркнуто ни с чем вроде не взаимодействующей штуковиной, как пространство. Вот исправно и не связывали: мол, никак не может такая эфемерность обуславливать наличку таких явных эффектов, – так была настроена коллективная подсознательность. И можете мне поверить, это долго надо было внутренне собираться, чтоб сопротивляемость тела разгону нагло приписать действию окружающей его пустоты!

Пуанкаре и сотоварищи в начале двадцатого века всё подбирали – и безуспешно! – хитрые системы пространственных компенсаций, чтобы оказывалось, что эфирный ветер незамечаем. Нами из-за них, тех компенсаций, когда возникает к нам в силу нашего движения (с Землёй по орбите, например), и проявляется в изменении электромагнитным излучением своей относительно нас скорости. Делали это, уверенные в прохождении такого излучения – как волн – по эфиру (естественно, понимаемому овеществлённо). А вот с мат. тел, мол, тут "взятки гладки", потому что их движение не есть перенос их эфиром, как то последний делает с электромагнитной волной. И не надо, значит, в этом случае конструировать "вообще могущие существовать в природе" физические компенсации, маскирующие сказываемость эфирного ветра на их, тел, движении друг относительно друга (чтоб можно было говорить: "Есть, но просто не сказывается!"). Не надо, поскольку сей ветер на взаимоотноительном движении тел сказываться не должен. Ну, переносимое эфиром "ветер" последнего должен слегка "сдвигать" по отношению к Земле, ежели возникает к ней из-за её движенья по эфиру, а не переносимое – не должен, даже если подобным образом возникает. Так рассуждали. И вот уж действительно – попали пальцем в небо! Ведь всё как раз наоборот! Для мат. тел-то, вследствие их движения в пространстве, имеется пусть не "эфирный ветер", но по крайней мере – "ветер, состоящий из пространства" (как "ветер" начально возмущённого эфира, представляющего телам нисколько не возмущённый эфир). И сей пространственный "ветер" касательно тел может как раз быть обнаружен на базе их движения (тут и делать-то ничего не надо, он в своём действии на движущиеся тела – всем на виду в лице их инертности, сообрази только, что́ он есть такое, как мы то и сделали для читателя), а вот для электромагнитных волн обнаружить-то его и невозможно – по причине его касательно их невозникновения от орбитального движения Земли, и всё из-за распространяемости таких волн по "кромке" пространства (а не в самом пространстве, как то дела-

ют мат. тела). По "кромке" пространства как вселенского целого, где кромка та оттого, что далее пространства нет, а начинается полностью невозмущённый эфир.

В равномерном же и прямолинейном движении мат. тела "ветра" пространства потому нет (в классическом смысле присутствия ветра), что тогда тело "встроено" в пространство своим движением. Ну, как бы это сказать: по большому счёту, его смещаемость тогда сама есть пространство. Так что пространству самоё себя различить для прямого торможения не получается. А вот изменение скорости телом – это переход его от одной "встроенности" к другой. Тогда и появляется "ветер" пространства, в классическом смысле понятия ветра. Потому что на период того перехода "движенческой встроенности в пространство" у тела как бы и нет, получается. А что при инерции таки именно "встроено" – понятно: взять пару "мотоцикл и воздух", так то и то – суть материя одного уровня, вот воздух и способен тормозить даже и инерционное движение мотоцикла, взять же пару "мат. тело и вакуумное пространство", так одно и другое суть материя разных уровней: второе есть фоновый уровень по отношению к первому, и на то он и фон, чтоб в него что-то встраивалось. Вот и встраивается – движение тела при инерционных условиях. То есть контакт меж разноуровневыми мат. элементами (ну, мирозлементами разноуровневой материальности) – иной, потому и возможно такое.

Так что инерционное движение одного сквозь другое порождает встречный ветер классического образца тогда только, если оно движение полноматериального в полноматериальном: того же мотоцикла сквозь воздух, например. Пространство же – полуматерия, если можно так выразиться. И движение мат. тела по инерции сквозь него – встречает соответственно полуветер, так скажем. То бишь ветер, который может быть обнаружен не непосредственно – через постепенную останавливаемость им того инерционно движущегося тела, а только через специальный тест. Такой тест – определение относительной скорости пробного тела к какому-либо другому мат. телу. Тут-то пространственный "ветер" и проявляется – как бы пост фактум, явлением в лице не линейной, по Галилею, а занижающе-нелинейной, по Лоренцу, соотносимости скоростей у этих двух инерционно взаимоперемещающихся тел. Ну, когда нелинейна выражаемость скорости одного через скорость другого (что и есть определяемость их взаимоотноительной скорости, как ясно). При малости скоростей каждого из тел относительно пространства – нелинейность в сложении тех скоростей исчезающе мала, но если хоть одно из тел имеет к пространству скорость, уже сравнимую со световой, то это запускает нелинейность всю, из-за чего взаимоотноительная скорость у тел и получается заметно меньшей простой суммы их пространственных скоростей (в случае движения их одно к другому). На что мы и заявляем, что некую часть их относительной скорости

"съел" пространственный "ветер", и что на то он и встречный ветер, чтоб быть на пробном теле хорошо заметным (по своему эффекту, тестируемому видимостью второго тела) только на значительной скорости того пробного тела! Но, повторяем, неотвлечённо такой "полуветер" не сказывается, в смысле что разворачивающегося задерживания пространством движущегося в нём по инерции мат. тела – не наблюдается: скорость тела сохраняется неизменной и относительно пространства, и относительно прочих тел, не меняющих состояние своего движения. Однако, стоит только тому телу состояние своего движения относительно пространства изменить, как изменённость эта оказывается – всё из-за "ветра" – не в силах целиком профигурировать в скоростных его отношениях с прочими телами: только часть её войдёт в скорость его относительно любого из них (ну, разные части её в относительные скорости к соответственно разным телам, в зависимости от скоростей тех тел относительно пространства). Всегда только части! Это ли не ущемляющая прилагательность пространства к инерционной передвигаемости по нему мат. тел – как некоему физическому их качеству?!

То бишь, к инерционным движениям материальных тел в мироздании реализуется не непосредственное, а отвлечённое усекание пространством, – так скажем. Неотвлечённо же "ветер" пространства в состоянии сказаться на теле только при движении того с ускорением. Ну, в смысле, только при его равнопеременном или неравнопеременном движениях. Вот тогда – качественно такое же торможение, как и при движении мат. тела встречь обычному материальному ветру (ну, полноценноматериальному).

Изменять состояние движения мат. тела – изменять состояние эфирного вихря, коим оно является. Изменение такое происходит за счёт среды, в которой бытует вихрь. То бишь – за счёт эфира. Как того "материала", из которого "сделан" и сам вихрь, и вакуум-пространство (именно в котором он, в сущности, находится). Благодаря этой принципиальной однотипности "материала" мат. тела и вакуума, последний и имеет возможность вступать в вихрь до степени изменяемости его состояния. Изменение своего состояния эфировихрем в лице мат. тела – фактически всё за счёт вакуум-пространства! Ну, в первую смысловую очередь за счёт него, а уж только потом можно сказать, что за счёт невозмущённого эфира. Изменение такое есть или вовлечение вихрем в себя дополнительного эфира (ну, прилегающий к нему вакуум – как затравочно возмущённый эфир – вихрь попросту довозмущает, когда вовлекает в себя), или высвобождение – вихрем из себя – некой части составлявшего его эфира (ну, внешние слои вихря как эфир развозмущаются до стадии физического вакуума). Первое соответствует случаю разгона мат. тела, второе – случаю за-

медления тела как "разгона наоборот" (когда и то и другое – по отношению к вакуум-пространству как вселенскому целому).

А лучше сказать, что есть или привлечение дополнительного вакуума в вихрь – как виртуальной материи, тем становящейся материей реальной, или частичный выход – такого ранее привлеченного и трансформировавшегося вакуума – из вихря. И тому и тому вихрь сопротивляется.

Наговоренное понятно: эфир в состоянии вакуум-пространства обладает не бесконечно малой квазивязкостью, а потому, всё больше включаясь в вихрь по мере увеличиваемости у того поступательной скорости в нём, не успевает выходить обратно – так в вихре и остаётся, что означает для последнего необходимость раскручивать дополнительные эфирные количества (ну, дополнительные в себе слои). Так что сила, разгоняющая мат. тело, уходит на раскрутку расширенностей элементарных эфироворотов, в совокупности своей то тело составляющих. То раскрутка до некой угловой скорости, как постоянное индивидуальное значение характерной для каждого типа эфироворотов. Необходимость подобного раскручивания и является нам свойством мат. тел под названием "инертность". Таков один из возможных теорвариантов.

Отсюда понятно увеличение массы мат. тела с увеличением его скорости относительно пространства: то увеличение можно интерпретировать как расширенность совокупного эфироворота, коим тело невидимо выступает. Расширенность за счёт провзаимодействовавших того эфироворота с эфиром в "консистенции" вакуума. Как переносимая эфиром форма оставаясь тем же (по характеристикам), мат. тело являет те характеристики за счёт большего "количества" эфира, чем и оказывается более массивным. В самом деле, когда элементарный эфироворот – из-за большей скорости – более широк, контактирующая с пространством (как эфиром) окружность его – больше. И увеличенность тут его поступательной скорости на определённое количество процентов – соответственно обернётся бóльшим дополнительным вовлечением в него эфира, чем обернулась бы, будь он менее широкий из-за имеющей меньшей поступательной скорости. Ну, а бóльшая дополнительная вовлечённость – то больше и раскручивать, тратя силу, отчего и предстаёт, что тело более инертно на большей своей скорости (требуя эту силу от того, кто за него берётся). О чём мы на каждой большей его скорости и говорим, что взяли за более массивное тело.

Итак, разрастание телового вихря за счёт вакуума. Это с тем, что по мере приближения скорости тела к световой – являющийся им макровихрь норовит включить в себя весь наличный эфир пространственной стадии. Отсюда-то и "светит" тому мат. телу бесконечная величина его массы (весь эфир ведь не раскрутишь точно так, как его частичку, составляющую локальный вихрь).

Скорость света не могла бы быть предельностью в природе, ежели б у последней не была предусмотрена защита её значения от взятия прочими мат. объектами. Такая защита наличествует: это описанная эфиромеханика, дающая бесконечное возрастание массы мат. тела по мере приближения его скорости к световой.

Итак, каждый последующий (и в ту же сторону) разгон вихря неизбежно оказывается закручивающей вовлекаемостью вакуума большей, чем этак его увлекалось – вихрем в себя – в предыдущем разгоне. Тут стоит в который раз подчеркнуть, что вихрь, в наиболее непосредственном отношении, проистекает в вакуум-пространстве (и из вакуум-пространства), а не в полностью невозмущённом эфире. Ну, то есть, вовлекаемость эфира в вихрь – из состояния той его возмущённости, что выступает пространством, а не из состояния невозмущённости. Состояние пространства у эфира – как передатчик, как посредник меж им и мат. телами. Последние имеют отношения с эфиром в лице существующести пространственности мира, но другое дело, что вакуум-пространственность может "подсасывать" полностью невозмущённый эфир (превращая его в себя) – это в компенсацию своих вовлечёнок в вихри мат. тел.

В явлении вовлекаемости эфира в разгоняющийся эфироворот – механо-стно замешана квазивязкость возмущённого эфира (у нисколько не возмущённого и квазивязкости нет, и эфировороты в нём не шастают). Другими словами, квазивязкость как свойство эфира вакуумной стадии возмущения – лежит в основе инертности как свойства мат. тел. Небесконечная малость её величины не позволяет эфиру абсолютно свободно вытекать из эфироворота, выступающего материальным телом, когда тот с возрастающей выраженностью принимается его в себя включать – из-за своего наезда на вакуум с увеличивающейся скоростью, и в результате часть дополнительно вовлечённого эфира так в эфировороте и остаётся.

На всякий случай выразимся понеспецифичней: убыстряющееся движение тела в пространстве – всё большая возмущаемость пространства в пределах возмущённости его в то тело, что и оборачивается нам увеличиваемостью массивности последнего (ну, приобретаемостью им свойства быть более инертным). Итак, всё дело в возмущениях – в лице мат. тел как составных эфирных макровихрей, которые в среде из эфирных микронедовихрей (совокупью коих, как помним, выступает физический вакуум, являющий нам пространство).

А нисколько не возмущённый эфир, повторяюсь, вообще никакой вязкостью не обладает. Даже которая "квази". Всё-таки вязкость – прерогатива материального, а чистый эфир – заматериалье, так сказать. Посему, говоря "ква-

звивязкость эфира", подразумеваем всегда квазивязкость какого-либо возмущённого эфирного состояния – как материи той или иной доведественной степени выраженности.

Плотность же мат. тела я бы с'интерпретировал как скорость вращения эфироворота, что явлен нам в виде того тела. Увеличивает он эту скорость при сохраняемости своих размеров в эфире (ну, ширины) – вот вам и увеличение плотности мат. тела, коим он нам незримо явлен. Так что, при увеличенности скорости тела можно говорить об увеличенности его массы не за счёт привлечённости в соответственный эфироворот большего "количества" эфира, а за счёт большей интенсивности использования того количества, что было, – таков второй из возможных теорвариантов.

Итак, интерпретация инертности на базе понятия "скорость вращения эфироворота". Такая интерпретация составляет второй теорвариант, который приемлем не меньше первого. Ну, не хуже его подходит под неспецифическую высказанность по вопросу инертности, которую мы дали пару абзацев назад. Поступательное – с ускорением – перемещение эфироворота в пространстве, оказываясь контактным взаимодействием его с тем пространством, эфироворот раскручивает до бóльших угловых скоростей, чем были. Вот необходимость поступательно-разгоняющей силы – чтоб было чему так тратиться на увеличение угловой скорости эфироворота, работая против квазивязкости эфира, – и предстаёт инертностью тела, коим тот эфироворот незримо выступает. Достигнутая же бóльшая угловая скорость, далее сохраняясь, оборачивается большей плотностью того тела, а значит – и большей его массой.

В порядке же первого теорварианта всё это предстаёт несколько иначе. Наличка у вакуума квазивязкости не бесконечно малой величины срабатывает так, что эфироворот элементарной частицы – по мере увеличения скорости в поступательном пространственном скольжении – будет расширяться, вовлекая в своё вращение дополнительные "порции" вакуума – как эфира, пребывающего в первой степени возмущения: на раскрутку этих порций до скорости вращения, характерной для данного эфироворота, и уходит поступательно ускоряющая эфироворот сила. Это внешняя сила, работающая против вакуумной квазивязкости, ежели брать в самом непосредственном отношении.

А почему таки квазивязкость эфира не сказывается на инерционном движении мат. тел в вакууме? Ну, то есть, не сказывается в классическом смысле – постепенной останавливаемостью так движущихся тел? Как нечто, органически связанное с квазитрением, она должна бы, вроде, так сказываться, – почему же не сказывается? Призываю и читателя поотвечать на этот вопрос. Мы же на него негласно уже где-то ответили. Перемещение эфироворота в пространстве – как поступательное, вращаясь, скольжение в нём – может быть

попросту названо перетеканием того эфироворота с места на место, – вот что наличествует во всех теорвариантах подобного сорта. И при отсутствии поступательно ускоряющей силы эфироворот, вращаясь, скользит без дополнительного вовлечения в себя пространства как эфира, поскольку "не наезжает" на него. Итак, без дополнительного вовлечения: на каждой инерционной скорости установлено оказывается равновесие, при котором полувозмущённого (ну, недозавихрённого) эфира в вихрь спереди всё время приходит столько же, сколько и уходит сзади. Посему никакой дополнительный эфир не раскручивается, с остающеством из-за того не у дел его квазивязкости (на предмет её срабатываемости на замедление раскрутки). И, тем самым, вперёдскользящее вращение такого установившегося в своём "объёме" вихря – считаем проходящим по пространству без задержки оным. Что и даёт явление сколь угодно длительной сохраняемости телом скорости своего инерционного перемещения в вакууме. Это ежели пояснять в русле первого теорварианта.

В русле второго будет схоже с этим (ежели брать по сути). Отсутствие поступательно ускоряющей силы оборачивается тем же равновесием: вперёдскользящее вращение вихря всё время вводит в него столько же нового эфира, сколько с противоположной стороны из него выводит, ибо по мере продвижения скорость вращения у вихря не возрастает (мы это к тому, что при поступательно ускоряющей силе, как приложенности к вихрю, последний увеличивает скорость своего вращения – параллельно увеличиваемости скорости своего продвижения, и тем пропускает сквозь себя всё больше и больше эфира за единицу времени). Но поступательно ускоряющей силы нет, угловая скорость вихря, значит, не возрастает, тем самым и квазивязкость не у дел.

Вроде всё так. Ну, а при предельной въедливости теоретизирования? Тут мы, в принципе, должны бы находить, что внутреннее квазитрение вакуума как-то всё ж обязано прилагаться и к инерционному движению в нём мат. тел. Это мóжет быть, только заметить такое "трение" мат. тела о вакуум – крайне трудно: чтоб оно сказалось на движении тела, последнее должно пройти поистине космические расстояния, ибо, без сомнения, внутреннее тренье вакуума – нечто на ступень более тонкое, нежели его полноматериальный аналог (имею в виду трение мат. частиц друг о друга, оборачивающееся вязкостью жидкости). И на пол-ступени, нежели "вязкое трение" внутри раскручивающегося вихря.

То есть, о чём мы? О том, что ежели нет увеличиваемости угловой скорости эфировихря, то квазивязкость эфира не у дел лишь в первом приближении. Вперёдскользящее вращение тогда у вихря всё же есть, и он непрерывно сменяет своё эфирное наполнение. Не в возрастающем, правда, режиме, но ежели в принципе, то и этого должно хватить, чтоб задеть существование квазивязкости.

В связи с изложенным надо добавить ещё следующее. Когда вихрь под действием внешней силы уменьшает свою поступательную скорость в пространстве, то сила та тратится на замедление тех эфирных слоёв, что оставляют вихрь (отслаиваясь от него, так сказать). Ведь с уменьшением поступательной скорости относительно пространства – вихрь мат. тела теряет широту, а это и означает такое отслоение. Вот сила и уходит на прекращение вращения отслоившегося. Вращения, которое оно имело в вихре, будучи его внешним слоем. Ибо если вращения того слоя не прекратить, он попросту не отслоится (продолжая оставаться слитым с вихревым эфировращением).

Первым, повторяю, отслаивается самый внешний концентрический слой вихря. Чтобы он не отслаивался, квазивязкость эфира должна бы возрасть с уменьшением поступательной скорости у вихря, а коль того не происходит, то – отслаивается.

В порядке же второго теорварианта интерпретация такая: замедление эфировращения точно так же – на целую ступень! – увеличивает квазитрение слоёв вихря друг о друга, как и убыстрение эфировращения. Что убыстрение, что замедление, – то одинаково квазитурбулентный режим, вот квазитрение и увеличивается.

Плюс возможен теоретизационный подвариант, когда говорим как бы о качении вихря в пространстве по кромке невозмущённого эфира. Ну, поступательное перемещение вихря в пространстве – как перекатываемость, можно считать, по означенной кромке, при имеемости места взаимодействия его с пространством: тело вихря ведь целиком в последнем, а кромки эфира он только касается. Которую с другой стороны видим в качестве кромки пространства как начальновозмущённого эфира: оно просто вынужденного обладать кромкой в океане невозмущённого эфира. Кромка такая – всегда впритык к вихрям элементарных частиц, составляющих макротела: именно так должно быть, учитывая "толщину" слоя обычного пространства во Вселенной (ну, протяжённость его по четвёртой миромере). Такая "толщина" ведь минимальна, как мы в своё время натеоретизировали, – то есть равна кванту длины. Тем самым, у всех эл. частиц – именно такой размер по четвёртой миромере, вне зависимости от их, так сказать, обычнопространственной величины (которая может быть разной. в зависимости от рода эл. частицы).

Итак: вихрь элементарной частицы залегает в пространстве, и при поступательном перемещении своём проходит в нём, – но впритык к его кромке, "катясь" по ней. Это качение (фактически, это поступательное "пережёвывание" кромки эфироворотом!) и выступает тем вращением, что составляет вихрь (ну, без которого вихря не бывает). Такая вот совмещённость! Ясно, что увеличение поступательной скорости этакое вихря-колеса будет жёстко связано с увеличением его оборотов. Как это бывает у обычного колеса, ось которого

толкается параллельно поверхности, в которую упирается его обод. На такое увеличение оборотов и уходит поступательно – через толкание в пространстве – разгоняющая вихревое "колесо" сила. Убыстряющая вращение составляющих вихрь эфирных слоёв, тем порождая всплески квазитрения их друг о друга, равно как и квазитрения поверхности вихря об окружающий неподвижный вакуум. Необходимость ухода силы на означенные квазитрения и оборачивается инертностью элементарной частицы, что составляет разбираемым вихрем. Увеличенность оборотов вихря тут оказывается большей массивностью его как мат. тела: убыстрить на какую-то величину и так уже быстро вращающиеся слои – труднее, нежели на ту же величину убыстрить медленно вращающиеся (быстро вращающиеся – бóльшая возмущённость эфира, и от большей возмутить ещё больше – затруднительней, нежели от меньшей).

Убыстрять вращаемость вихря трудно из-за небесконечной малости квазивязкости эфира, в очередной раз будь повторено. А если квазивязкость эфира и велика не бесконечно, то убыстрение вращательности вихря тоже не бесконечно: на какой-то критической величине угловой скорости должно возникнуть явление, называемое срывом вихря: последний распадается, начиная существовать как бы в слитости с эфирной средой, в которой "катился". Прилагать к такому вихрю толкающее усилие – фактически означает толкать, раскручивая, весь наличный эфир, что означает напоровшесть на бесконечную массивность у мат. тела, определяющегося тем вихрем. Ну и понятно, что подобный срыв наступает у тела как вихря на тех угловых скоростях, что соответствуют "качению" его с поступательной скоростью, равной скорости света.

Итак, конечная инстанция нашей объяснительности – коцепция эфировой "вязкости": именно из-за небесконечно малости последней угловую скорость эфироворота приходится увеличивать через усилие, и именно небесконечно великость той "вязкости" даёт – при критически большой угловой скорости – срыв концентрических (ну, спиральных) эфирных квазипотоков, составляющих эфироворот.

А с упоминавшимися "ветрами" нам надо хоть "задним числом", но чётко определиться. Будем различать "эфирный ветер" и "ветер" пространства. Первый – условно возможное набегание совершенно невозмущённого эфира на вещественно материальный объект. В природе не встречается – по причине "располагаемости" эфира "по касательной" к ней: пусть на минимальной из возможных, но всё-таки отдалённости от неё по четвёртому перпендикуляру. По которому ничто природное (читай: физическое) не движется, а потому – как же тогда ветру такому возникнуть для чего бы то ни было из природы? Да ещё и сказать надо, что "поток совершенно невозмущённого эфира" суть вы-

ражение внутренне противоречивое. Ведь заналичествовавшая "потока" у эфира означает, по-видимому, уже некую его, эфира, возмущённость. Это что касается "эфирного ветра". А "ветер" пространства – квазипоток пространства как начально возмущённого эфира. Возмущённого, а значит самоотторгнувшегося "к нам" со стороны, в какую уходит пресловутый "четвёртый перпендикуляр". И в природе "ветер" такой способен потому встречаться. Его мы должны подразделить на встречный и настоящий (или обозначить эту пару так: искусственный, то бишь деланный, и естественный). Первый – когда "ветер" из-за непокоящегося мат. тела в пространстве. То есть – из-за набегаемости тела на пространство. Он сродни ветру, обдувающему мотоциклиста, едущего при тихой погоде, и оказывается причиной свойства мат. тел, называемого инертностью. Ведь макроэфировихри, составляющие мат. макротела, при своём движении в вакуум-пространстве – что пропеллеры, влекомые транспортным средством сквозь воздух: чем быстрее пропеллер на воздух набегаёт, тем шибче – с его помощью – вращается.

Настоящий же "ветер" пространства – когда последнее само "набегаёт" на стоящее в нём мат. тело. Что оказывается у тел причиной их свойства, называемого тяготением. То есть, ваша телесная инертность по одной и той же механике сказывается давлением в спину, когда вы сидите в кресле разгоняющегося на взлёте самолёта, и когда вы спиной лежите на земле, – только что в первом случае "ветер" пространства для вас встречный, искусственный, а во втором – настоящий. Мы в шутку назвали это супер-эквивалентностью инертной и гравитационной масс у тел.

Хорошая аналогия того, что происходит с мат. телами при изменении их скорости, даётся инерционными игрушками. Например автомобильчиком, пара колёс которого соединена через шестерёнку со спрятанным внутри маховичком. Прижав игрушку колёсами к полу, начинаем её поступательно перемещать: это оказывается трудно – через посредничество пола раскручиваем колёса, а это автоматически оборачивается раскруткой ещё и маховичка. Зато по достижении некой поступательной скорости игрушку можно смело отпускать – дальше она покатится сама, будто у неё внутри мотор: инерция раскрученного маховичка будет некоторое время вращать колёса. Что и подкупает детей. А заодно и демонстрирует происходящее с телами в неигрушечном мире: поступательно разогнать материальное макротело по пространству возможно только через раскрутку эфирных микровихрей, что его составляют. На эту раскрутку и тратится-то усилие поступательного разгона – именно на неё, а не на что другое! Перестав же разгонно воздействовать на тело, мы должны бы удивиться не меньше тех детей: тело продолжает двигаться с достигнутой скоростью, а

не возвращается к начальной, бывшей у него, когда мы только приступали с ним возиться! То дополнительно раскрученные "маховички эфирных микро-вихрей" с дополнительной же выраженностью "катят по пространству" тело вперёд. И чтоб вернуть его к старой выраженности (ну, интенсивности) поступательного перемещения, оказывается нужным снова поработать: воздействием на тело, противоположным прежнему, притормозить "маховички" его эфировихрей до старой угловой скорости. В идеальном случае то будет работа, равная по величине той, что пошла на поступательный разгон тела.

Возможно выразиться и так: замедлить вращение эфироворота – значит изменить его вписанность в вакуум. Ну, то есть, изменить характер вписанности его как эфировой структуры – в полуструктурированный эфир (что в лице вакуума) как фон. Сей характер меняется с ростом угловой скорости у эфировихря. Может, меняется и ещё от чего, но от этого-то – точно. Вот на восстановление старого характера и уходит работа при вращательном замедлении эфировихря. Работать тут приходится, я думаю, всё против той же квазивязкости эфира, которую он начал иметь вследствие своей возмутившести, – против неё, как то и при убыстрении вращения эфироворота. Такая вот тождественность, как это ни странно на первый, поверхностный взгляд.

Вязкость жидкости есть производное её внутреннего трения. Но эфир не вещество, а довещественное состояние бытия, если можно так выразиться. И посему тереться в нём нечему и не обо что – пока он хоть в какой-то степени не возмутится в самом себе: тогда становится в чём-то подобным жидкости. Имеет квазивязкость. Которая суть воплощение его свойства сопротивляться. Сопротивляться изменямости характера вписанности в него – начально возмущённого – бóльших его возмущённостей как неких структур. Сопротивляться такой изменямости в любую сторону!

Скажем усугублённой. Вязкость жидкости есть производное её внутреннего трения? Да, но эфир, в "полувозмутившести" до стадии вакуума, всё ж не жидкость, а лишь нечто условно жидкоподобное (и то только потому он для нас это, что мы не можем жить без таких параллелей с привычностями!). А коли так, то и удивляться не стоит, что вязкость его – такого – необычна. Что то, что у него вместо вязкости (а лучше сказать – на месте вязкости), отличается от такового у жидкости. Будучи по природе своей лишь квазивязкостью. Которая практически сказывается не вообще, как то у вязкости при жидкости, а всегда только адресно, как сопротивление эфира тому, что его заставляет изменяться в себе. Менять своё установившееся состояние, которое ему приемлемо любое (автоматически становясь приемлемым по прецеденту своего возникновения). В этом эфир – аналог пластилина: куску последнего равно приемлема любая форма, любое формное состояние он воспринимает и удержива-

ет, будто оно у него – от начала века, а сопротивляется только переходу к другому такому состоянию. Давлением пальцев преодолевая сопротивление куска, придаёшь ему новую форму, с которой он автоматически "соглашается" – с "обязательством" далее "сражаться" за неё, как только что сражался против её заполучения. Так и эфир, то или иное формное состояние у которого соответствует той или иной картинке его возмущений. Стоит, для чёткости, дать конкретный пример такого "формного состояния": это инерционная – с определённой скоростью – передвигаемость определённого тела в вакууме. Тут перешедешь его к подобной передвигаемости с другой скоростью – оказывается изменённостью описанного "формного состояния", потребовавшей усилий (как приложенностей к тому телу).

В подобных объяснительностях удобно привлечь к работе понятия квазиламинарности и квазитурбулентности. Как это у жидкостей? Пусть есть две твёрдые пластинки, между которыми – впритык – жидкость. Одна пластинка покоится, другая ускоряется относительно неё до некой скорости, и дальше движется с той скоростью. Как ведёт себя жидкость? Между пластинами оказывается установившимся ламинарное течение, а в нём – возникшим так называемый градиент скорости течения. Суть последнего в том, что в слоях жидкости, более близких к движущейся пластине, скорость течения, вызванного той пластиной, больше. Это потому, что срабатывает явление динамической вязкости жидкости, основывающееся на её внутреннем трении: чем дальше от движущейся пластины – по направлению к неподвижной, тем сильнее из-за этого трения оказываются угасшими подвижки, получаемые жидкостью от той пластины. И вот далее – самое интересное! Каждая жидкость имеет определённый коэффициент динамической вязкости, который в условиях установившегося ламинарного её течения при постоянной температуре – постоянен, не зависит от скорости того течения. То есть пластины могут быть разной степени гладкости (читай: способности увлекать за собой жидкость), а движущаяся из них – может иметь разную установившуюся скорость, отчего и градиент скорости течения конечного ламинарного потока установится для каждого случая свой, но коэффициент динамической вязкости во всех слоях потока в каждом из случаев – будет один, то бишь жидкость как целое каждый раз возвращается (когда прекратились все её пертурбации, обязанные быть в порядке достижения искомого ламинарного потока) к некой одной характерной для себя текучести. Когда же всё только устанавливается, то наличествует турбулентность течения, при которой текучесть той жидкости на целую ступень меньше, и это с условием, что чем быстрее стремится к заданной большей скорости подвижная пластинка, турбулирующе увлекая за собой жидкость, тем бóльшую динамическую вязкость показывает жидкость. Вот в этом и "собака

зарыта"! Ведь если перенести всё это – в аналогии – на "полувозмутившийся и тем начавший обладать динамической квазивязкостью" эфир, то получится следующее: инерционное (читай: установившееся) движение эфироворота – квазиламинарно, поступательно ускоряющееся (читай: устанавливающееся) – квазитурбулентно. Ну, прохождение инерционно (а лучше читай: свободно) движущегося эфироворота есть квазиламинарный процесс в вакуум-пространстве, а прохождение равно- или неравнопеременно движущегося – квазитурбулентный. При котором "полувозмущённый" эфир, задеваемый проходящим по нему вихрем, показывает несравнимо бóльшую квазивязкость, нежели при квазиламинарном, причём тем большую, чем выраженной переменность движения вихря. Эта-то возникаемость большести квазивязкости и воплощена в инертность мат. тел. Вот почему инертность тела можно "прощупать" только через его ускорение, и никак иначе!

На разных инерционных скоростях макротело (как суммарный эфирный вихрь) своею задеваемостью вакуума (как окружающих тот вихрь недовихрей, в совокупности выступающих эфировой недовозмущённостью) являет возмутившийся эфир одной и той же сверхмалой "вязкости", в своей величине, надо полагать, определяющейся некими сакраментальными его, эфира, характеристиками, как коэффициент динамической вязкости жидкости определяется родом этой жидкости. Здесь скорость того инерционного движения мат. тела и то, какого оно вещественного рода, аналогично скорости установившегося перемещения подвижной пластины и её шершавости, а установившаяся ламинарность течения жидкости между пластинами – аналогична установившейся (как определённоскоростная) инерционности тела в вакуум-пространстве (передвигаемость его такая – как своеобразная струя, вычерчиваемая эфироворотом в вакууме как поле из недоэфироворотов). И если для любого установившегося ламинарного течения (между любого рода пластинами!) характерен один и тот же коэффициент динамической вязкости – у взятой жидкости определённого рода, то и для любого установившегося инерционного движения мат. тела любого вещественного рода – вакуум являет одну и ту же динамическую квазивязкость (не забывать, что исчезающе малую! а то, может, и вовсе нулевую? или, точнее, квазинулевую...). Потому и не отличает тело разноскоростные свои инерционки, а заодно и норовит "сколь угодно долго" сохранять параметры создавшегося у него инерционного перемещения.

Итак, установившееся (с досветовую скоростью) инерционное движение мат. тела – оно с любым значением такой скорости оказывается процессом (или квазипроцессом?) протекания эфира в самом себе при некой начальной динамической своей квазивязкости (одной и той же, в качестве первой имманенты эфира полувозмущённой фазы). Другими словами, затравочно возмутившийся эфир одинаково сопротивляется любому (по скорости) инерцион-

ному прохождению в нём мат. тела, и даже на ступень свободней будь сказано – одинаково пропускает его в себе как суммарный эфироворот. Вот почему, выступая в роли такого тела, не можем – в ориентации на пространство – отличить разноскоростные инерционные свои движения, а любые мыслимые инерциальные системы отсчёта – неотличимы нами в пространстве при рассмотрении их изнутри! Однако, когда к соответствующей ускорению квазитурбулентности переходишь от более высокоскоростной квазиламинарности, квазитурбулентность естественно получается более "злой". То есть эфир – более сопротивляющимся тому ускорению. Что и предстаёт нам большинством массы у пробного тела на более скоростном его инерционном режиме. Этакая "бóльшая злость" возможной квазитурбулентности заранее уже содержится в более скоростной квазиламинарности (как передвигении мат. тела сквозь вакуум). Поскольку при такой квазиламинарности эфир ближе к своему характеристическому пределу (ну, характеристическому пределу своей возмущательности), а при большей близости он более склонен турбулировать (так что некая стандартная понудительность к турбуляции – в лице приложенности к телу определённо великой внешней силы – оказывается тогда большей турбулентностью эфира как вакуума, по которому то тело проходит, – и тем самым, соответственно, меньшей видимой отзываемостью тела на ту силу).

Плюс то ещё, что при замедлении мат. тела тоже возникает квазитурбулентность его вакуумного окружения. Ну, в смысле, замедляемое его движение тоже оказывается квазитурбулентной "перетекаемостью эфира в самом себе", поскольку перетекаемость тогда тоже на стадии установления – ничуть не хуже, чем в случае ускорения.

Ну и стоит тут заодно отметить, что по блоку четвёртого-пятого постулатов у автора была своя эволюция представлений. Достаточно поучительная, чтоб её привести.

Итак, движенье вещественного предмета сквозь эфир, что это может быть такое? Вначале оно виделось протяжкой предмета как некой условно пустотелой матрицы, всегда открытой спереди и сзади по линии своего движения. Когда сменой направления автоматически меняется и местоположение этих открытостей. Так что эфир постоянно имеет возможность в матрицу войти спереди, выходя сзади, как наполнение её непрерывно сменяясь. Отчего движенье матрицы и называем именно протяжкой её в нём.

С вершины нынешнего понимания видно, что стилизация для начала хорошая. Ею неназванно начали преследоваться два принципиально необходимых момента: чтоб ход вещественного предмета в эфире не был фактическим ходом вещества через вещество, как то имело место в теорпостроениях физиков начала двадцатого века, и чтоб всё строилось на том, что касательно эфира вещественный предмет не то же самое, что касательно другого предмета,

такого как сам. Именно последняя смыслопосылка неявно подразумевалась, когда обозвали вещественный предмет "лишь пустотелой матрицей в эфире". Любой трёхмерный предмет действительно пустотел – с точки зрения четвёртого пространственного измерения как "вотчины" нисколько не возмущённого эфира. Ну, пусть не пустотел в буквальном смысле слова, но хоть квазипустотел, в смысле что открыт перед эфиром своей внутренностью: ведь со стороны четвёртого измерения материальный объект предстаёт явленным сразу всем своим веществом, а не одной какой-либо гранью последнего как объёма, именно к чему мы привыкли. Что же касается первого принципиального момента, то он фактически подразумевает, что проход вещественного предмета в эфире – не расталкивание им последнего (как то было бы у того предмета, проходи он в каком-либо газе).

Но эти принципиально необходимые моменты, первый и второй, именно что только начали преследоваться. Попытка как-то воплотить их в конкретике физической механики – оказалась слабой. В прохождении сквозь матрицу для эфира всё равно маячила необходимость на подобие вещества хоть как-то взаимодействовать с ней, чтоб притормаживать её – в её устремлённости вперёд, иначе же была бы необъяснённой инертность мат. тел. Из-за такой необходимости мы обратно опредмечивали эфир, волей-неволей снова уподобляя его материи. Плюс эфир, несмотря на сказанное, для возможности протяжки сквозь него был ещё и призван находиться перед линией движения матрицы, тогда как опыт Майкельсона – Морли этой находимости не выявил (я уже тогда понимал, что ежели в строгом подходе, то не выявил он именно только это, а не саму отсутственность эфира).

На втором этапе всё начало видеться проталкиванием в эфире вещественного предмета как совокупной конструкции из микровертушек, способных эфиром закручиваться. Прообраз вертушки усматривался правильно – в лице каждой из составляющих мат. тело элементарных частиц со спином, но сама вертушка по-прежнему не отождествлялась с эфиром, как и матрица выступая чем-то инородным в нём. Чем он автоматически опять опредмечивался, будучи вынужденным где-то уравниваться по статусу с вертушкой (а иначе как он на неё подействует?!). И на линию своего движения вертушка его тоже – незаконно-теоретически – притягивала. Но всё-таки было красиво: встречным потоком эфира микровертушки раскручиваются, естественно оказывая (у эфира проявляется квазивязкость!) сопротивления раскрутке, складывающиеся в требование внешней силы для прироста поступательного движения совокупности микровертушек. Как теперь ясно, эта стилизация была половиной шага в нужном направлении – от стилизации с матрицей.

На последнем же ментальном этапе микровертушки стали эфирными микровихрями. Когда состоящие из них вещественные предметы оказывались

эфиром в самом себе, а не чем-то в нём, отдельным от него. Невольная уподобляемость эфира веществу снималась, коль ему теперь вменялось лишь взаимодействие с самим собой, плюс нашёлся естественный представитель эфира в плоскости огульного движения материальных тел – вакуум-пространство. Оно как недовозмутившийся эфир, который тем самым – с одной стороны ещё эфир, а с другой – уже вещество (с одной стороны – ещё вполне свободный эфир, а с другой – уже вещество, то есть эфир "повязанный" и тем переведённый в нашу житейскую плоскость, она же плоскость физики мира).

Итак, мат. тело при любом своём перемещении подвержено своеобразному воздействию пространства. Латентно-тормозному – при инерционном, и открыто-тормозному – при неинерционном, составляющем попытку тела изменить скорость. Благодаря наличию подобного – возможно задание абсолютной системы отсчёта для мат. тел: система эта – в лице пространства как такового. Что, впрочем, не отменяет принципа относительности. Ибо подобным квазитормозным действием пространства параметры тела меняются – с перешедшестью его на новый режим инерционности, но меняются заведомо все и с равным изменительным усилием при каждом, а значит так, что отношение их друг с другом – какую пару ни возьми – остаётся неизменным. Все же определения телом, что с ним что-то происходит, строятся на обнаружении изменения именно такого отношения, – изменения агентом, призванным обнаружиться. Тело фиксирует для себя подобное изменение после действия агента, получая право делать вывод о существовавшем того действия (ну, если оно разумное тело, навряде нас с вами). И вот в нашем этом случае такое и выступает как раз невозможным.

То есть хитрость "ветра" пространства в том, что он действует на всё у мат. тела – и внешнее, и внутреннее. И действует равно. Затрагивает все мыслимые его параметры. И затрагивает в одинаковой пропорции. Обычный же материальный ветер (например, поток воздуха) затрагивает параметры в разной пропорции – вплоть до того, что некоторые вообще не затрагивает. Это и позволяет телу его заметить на себе, так как появляется сравнение (с тем, что было у тела до того потока).

Итак, подобное замечание происходит у тела за счёт того в себе, на что ветер не подействовал или подействовал не в той относительной степени, как на всё остальное. Если же подействовал на всё и едино (ну, каждую физ. характеристику тела изменил в некой единой пропорции), то отношения характеристик у элементов тела сохраняются и заметить ветер телу на себе нельзя.

Надежду как-то извернуться и заметить даёт, правда, обрисованное нами в предыдущем блоке (ну, перед последним пробелом в тексте). Инерционное движение тела с большей скоростью есть более напряжённая эфиропоточная ламинарность – так можно адаптационно выразиться здесь в исходящести из того наговоренного. И коль знаем что́ искать – степень этакой вот "напряжённости ламинарности", то не исключено, что и научимся находить (ну, определять).

Но даже если этак и не извернёмся, то не всё плохо. О чём мы говорили? Говорили о наличии для мат. тел сопротивления пространства при любóм их перемещении по нему. В том числе, значит, и инерционном. То есть "ветер" пространства имеется и при таком движении, другое дело, что нетрадиционно сказывается на движущемся. Он перманентно "сдувает время" с движущегося – желательно на большей скорости относительно пространства – тела. И мало ли, что этот "сдув" принципиально незаметен самому тому телу, он зато заметен некоторым другим телам, что на то тело смотрят. Например нам, смотрящим на элементарную частицу в ускорителе – при её там движении близко к световой скорости относительно стенок: "время жизни" частицы регистрируется увеличившимся в десятки раз. Вот вам и "сдув" его с неё, когда при нашей секунде его при ней остаётся лишь пол-секунды, фигурально выражаясь. Ну, когда при секунде у нас его при ней остаётся на пол-секунды меньше (остальное "сдуло" с неё). То есть, когда наша поимевшесть секунды параллельна поимевшестьи тою частицей лишь половины секунды.

Из увеличиваемости времени жизни частицы (на субсветовой скорости относительно стенок ускорителя) мы в русле нашей теории обязаны говорить, что скорость частицы субсветова тут и относительно "неподвижных звёзд" (читай: относительно всего вакуум-пространства мат. Вселенной, берущегося как целое). А это в свою очередь означает, что скорость стенок ускорителя (она же и наша – как наблюдателей, стоящих возле тех стенок) малá относительно тех звёзд.

Чем больше инерционная скорость, тем больше времени "сдуто с тела" пространством, с которым то тело хочет не хочет, а взаимодействует на той скорости, – в этом проявившесть пространственного "ветра". Он существует, то есть, на каждую инерционность вполне конкретным по величине, и держит время "сдутым" с тела в соответственно конкретной степени. А заодно выступает и трансформировавшим (ужавшим) для нас то тело – по вектору его, тела того, скорости, направленному на нас как телá. А почему б подобному не быть, коли пространственный "ветер" затрагивает и внутренние мат. телесные характеристики, как мы то уже отмечали. Он способен на такое, потому что является не простым ветром, а тем, который "состоит" из изнанки материи. Является "ветром" материального подспуда. И такой подспуд на то так и называется,

чтоб быть способным проникать в материальность движущихся "сквозь" него тел (на основе того меняя характеристическую сакраментальность её – типа телесных размеров, к примеру).

Итак, пусть само мат. тело, перешедшее на инерционное движение с большей относительно пространства скоростью, усиленности оттого "ветра" пространства и не замечает, и даже в принципе не может заметить. Пусть. Зато мы, смотрящие на него, и смотревшие (в этом же своём состоянии) на его пребываемость в режиме менее скоростной инерции, очень даже замечаем на нём разницу, привносимую усилением его "обдува". Если понимать, на что́ обращать внимание. Тогда чего ещё желать, для физики как науки вообще достаточно ведь любой замечаемости "ветра"! А замечаемая разница, расширяюще если повторить, в следующем: с переходом тела на более скоростную инерционность – "ветер" пространства больше "сдувает" с него время, а во-вторых, "надувает" то тело дополнительной массивностью. Гоняя мат. тела – в лице элементарных частиц – на ускорителях, мы эти изменения их чётко для себя фиксируем. Механизм же повышения массивности тот, что пространственный "ветер" вращает "колесо" в лице эфироворота, которым выступает каждая элементарная частица, из составляющих мат. тело: перешло оно на бóльшую инерционную скорость, так вращения частиц как вихрей от "ветра" больше, и соответственно больше массивность того тела, потому что увеличилась его плотность при том же объёме (мы уже разбирали, что увеличиваемость угловой скорости эфироворота оборачивается увеличенностью плотности тела, которым в нашей видимости предстаёт эфироворот).

А вот большего торможения тела на большей инерционной скорости не возникает – в классическом смысле понятия торможения. Не возникает, потому что торможения в таком смысле – от пространства для тела не было ни на одной из меньших инерционных его скоростей. Так что просто нечему увеличиваться! Внутреннее квазитрение у квазиламинарно перетекающего в себе эфира отсутствует, вот вихрь инерцирующего мат. тела без задержки и скользит вперёд, вращаясь, ибо такое инерцирование и есть та эфирова квазиламинарная перетекаемость. И всего делов-то, что не надо б только вихрю тому увеличивать свою вращаемость.

Впрочем, внутреннее трение у квазиламинарно перетекающего в себе эфира – может и быть, но исчезающе малым, так что проявляемость его на инерционно-вакуумных перемещениях мат. тел мы пока не способны экспериментально заметить.

Что же касается вращаемости эфироворотов пространственным "ветром", возникающим из-за их поступательной, к пространству, перемещаемости в инерционном режиме, то с равным тут основанием можно и заявить, что это эфировороты – своим вращением – гонят пространственный "ветер": взад от

себя по линии своего поступательного перекачивания в пространстве как затравочно возмущённом эфире. Тут ситуация, аналогичная пресловутой ситуации курицы и яйца, когда никак не скажешь, кто из них кого делает: яйцо происходит от курицы, но ведь она сама – из яйца! Определённо одно: чем больше скорость вихреобразования – и привязанная к ней своей величиною поступательная скорость вихря (коль скоро он "катящееся колесо"), тем больше эфира проходит через вихреструктуру: сей проходящий через неё эфиропоток и есть "ветер" пространства. Перейти суммарному вихрю мат. тела на уровень с бóльшим таким эфиропотоком – значит испытать действие внешней силы, но когда эта больше стараниями той силы достигнута, дальше она существует без силовых затрат (или почти без – в практической их незаметности пока нам).

В связи со сказанным полезно вспоминать простой водоворот, наверняка вами когда-либо виденный: он-то как раз передвигается, перманентно сменяя своё водное наполнение, а не "расталкивая" воду, как то делает инородное в ней тело, и тем самым являет наглядную демонстрацию, как может быть в природе то, о чём мы недавно разговаривали.

В общем, то есть, ясно, что "ветер" пространства – та ещё штука! Это постепенно высветлилось – в ходе всех этих наших разборок. Так очертим ту "штучковость" более чётко – в опоре на уже осознанную занимаемость ею.

Она прежде всего в том, что движение мат. тела носит абсолютный характер, не отменяя, однако, бесконечного числа возможных своих относительностей. Ведь абсолютность характера движения тела – откуда такое берётся? Да жиждется на небесмысленности посылки, что движение совершается относительно самого пространства – прежде всех других относительностей. Но ведь "прежде" – не значит "в отмену"! То, так сказать, примат-относительность, задающая абсолютность, но атрибутивно оставляющая место и для других относительностей у тела.

Далее: что означает этакая "абсолютная относительность"? Да означает, что пространство всегда "знает", что мат. тело приобрело дополнительную скорость относительно него! И какую именно. Вот только оно-то знает, а само тело знать того не может. Ну, в смысле, не способно того обнаружить после установившейся новой своей инерционности. Если для обнаружения ему предлагается одно только пространство (без вех в лице других мат. тел), если это тело разумно (ну, например, выступает в вашем лице), и если ему в собственной системе отсчёта (система отсчёта в лице его самого) вменяется пользоваться только физическими пертурбациями, специально или неспециально навёвши-

мися (то бишь – условие неупотребляемости им какой бы то ни было экстра-сенсорики).

Так что движение мат. тел абсолютно, но для нас как тел с того мало проку – нам всё равно остаются только частные его относительности, своего движенья-то. Общая же его относительность, перманентно установленная к самому пространству, перманентно же остаётся для нас "за кадром". Это ли не ещё один элемент "штучковости" пространства – как поставщика нам той относительности?! И своего "ветра" в смычке с ней: ведь отсчитываться к пространству при движеньи в нём – и значит так или иначе иметь дело с его "ветром"!

Так что прима-относительность тел как движенческая их абсолютность – фигурирует "за кадром"! Так это, во всяком случае, пока сводим себя строго к физ-телесности (ну, свою жизнь – к пользе только физическими средствами). Вот оно какая получается абсолютизация в деле отсчётности передвигающихся мат. тел! Ты,двигающийся по инерции, определить не можешь свою скоростную соотнесённость с пространством, но пространство знает её – в антропоморфной выразительности будь сказано. Ну, просто является такой определившестью, в силу проходящести её одной из имманентных его характеристик, – вот вам и "знает". Что ж, хоть за него радостно, как говорится. Тем более, что посредством экстрасенсорики ты "знаемость" ту его можешь позаимствовать. Ну а помимо того, так остаётся только развести руками и добавить, что из всех наших относительностей наиболее к означенной прима-относительности приближена относительность к "неподвижным" звёздам. Есть такое расхожее понятие у физиков, и мы выше его неоднократно употребляли. Подразумевают звёзды, достаточно далёкие, чтоб являться нам практически стоящими на месте. Ну, имеющиеся перемещенья их относительно нас – несущественны из-за их дальности, тех звёзд (так сказать, растворяются в той дали). Вот система отсчёта, задаваемая нам набором таких звёзд, и есть наибольшее приближение к отсчётному абсолюту. Далёкие "стоящие" звёзды – это почти пространство (в его, как вселенского целого, чисто имманентной обладаемости постоянной стоящестью касательно нас). Потому и проходило у них выступать неявным символом пространства для науки! Который наконец явен – с нашей подачи.

Но что, собственно, значит эта "постоянная стоящесть касательно нас" пространства как "вселенского целого"? А это в смысле неиницируемости – им самим по себе – какой бы то ни было изменённости к нам по скорости: всегда то делаем только мы, материальные тела, по отношению к нему, а оно эту изменённость имеет лишь в порядке автоматического обратного отношения.

Плюс ещё пару слов о заявке, что пространство "всегда знает" скорость мат. тела в нём. Такое просто потому, что по мере возрастания скорости тела пространство как эфир автоматически достраивается в вихрь, коим эзотерически выступает в нём тело. Тем самым фигурирует всегда при критерии, по которому "может судить" о скорости тел. Чем больше пришлось ему достраиваться, тем и скорость тела, значит, больше. Только-то.

Понятие достроенности означало, что так или иначе (по тому или другому механизму), но в большей поступательной скорости – больше и вакуум-пространства прогоняет через себя вихрь, за единицу времени своего существования. Большему "количеству" вакуума прогоняться через вихрь "светит" по одному из двух путей: вихрь попросту расширится по переходе на бóльшую поступательную скорость, или же он сопряжённо увеличит скорость свою угловую. Не могу сказать точно, какой из путей реализуется природой. Ну, в смысле, не вникаю в вопрос, оставляя разбираться читателям. Казалось бы, коль с увеличением скорости размеры тел не увеличиваются, то первый путь отмечается. Но не всё так просто! Например, не может ли увеличенность размеров компенсироваться релятивистским сокращением длины (которое ведь тоже из-за увеличившейся скорости)? Не потому ли релятивистского сокращения никто экспериментально не продемонстрировал? В смысле, что нечего демонстрировать: оно "съедается" скоростным расширением микроэфироворотов, составляющих макротела. Так как? На мой взгляд, сей теоретизационный ход стоило выдать – хотя бы в порядке курьёза.

Итак, несмотря на являемость пространством миру своего лица в виде абсолютной системы отсчёта, принцип относительности для нас сохраняется. Из-за нашей слабости. Восприимчивой недостающей. Не позволяющей работать с пространством (ну, вакуумом) как средой, состояние которой касательно себя можно замерить. По результату замера судя о своей телесной соотнесённости с нею. В частности, о своей скоростной соотнесённости.

Мыслимыми физическими опытами – в пределах пробно взятой инерциальной системы отсчёта – обычная человеческая психика не способна заметить увеличенности системой своей скорости (ну, когда она на большей скорости опять инерциальна), и это оттого, что увеличенность "ветра" пространства равно (всё для такой человеческой психики) сказывается совершенно на всём в той системе. Ещё бы нет, коли сказываемость "ветра" того на мат. теле – это, прежде всего, замедление времени для него, того тела, а время-то как раз заведомо всего именно и касается – из связанного с тем телом (что вне его, что внутри). Мы же со своей психикой – прежде всего такое тело!

Я, признаться, одно время думал, что есть зацепка. Дескать, находясь в пределах инерциальной системы отсчёта и не могя физическими опытами оп-

ределиться в её скорости, не выходя за её пределы, – так подобное только из-за ориентации определяющих опытов вовне от себя как определяющего тела. А сориентируй их внутрь себя как этакое тела – ну, в его структуру, в качестве, например, щупа состояния его вещества, – и всё, дескать, будет по-другому. Ан нет! Время никак не обойдёшь. Оно всепроникающе! К примеру, думалось замерять спин элементарных частиц, составляющих находящиеся рядом с нами тела (движущиеся, как и мы, с тестируемой инерциальной системой отсчёта, не забывать). Дескать, частица как эфир вращается в самой себе с большей угловой скоростью при большей поступательной, согласно развёрнутым нами представлениям. И если таковое вращение её – всё-таки именно её спин (для меня это где-то ещё вопрос), то разницу можно обнаружить: спин ведь физики умеют мерить. Но нет, повторяю. Замедление времени, коим начинает обладать та система отсчёта из-за повышенной своей скорости относительно пространства, компенсирует, вместе с прочим, и увеличившись для тебя спина на тех эл. частиц – как соответствия той большей скорости. Число оборотов вихря элементарной частицы, приходящееся на время её жизни, в самом деле становится больше, если "живёт" она (вместе с нами) на большей скорости инерционного движения. Однако и время жизни её (вместе с временем нашей жизни) пропорционально тому увеличивается по той же причине, так? Значит, разделяй первое на второе – и получишь на единицу времени жизни частицы старое количество оборотов её вихря. То бишь старый спин. С позиций попытки идентификации своей инерционной скорости – досада. Зато прок в другом: если одинаково хорошо замерить спин инерционно-разноскоростных (по отношению к нам в одной и той же системе отсчёта) элементарных частиц одного вида, и замеры дадут одни и те же значения, то это подтвердит сопряжённость поступательной и угловой скоростей у частицы! Ведь не будь такой сопряжённости, то бишь пропорционального увеличения угловой из-за увеличения поступательной, то вследствие удлинения (для нас) жизни частицы приходилось бы на единицу времени той жизни меньше оборотов её, частицы, вихря, то бишь на большей скорости она показывала бы нам меньший спин.

Так что имеем? На физический взгляд пробно взятого тела, направленный им на самоё себя, с увеличившись (относительно пространства) его инерционной поступательной скорости никаких изменений с ним не происходит. Никаких. На наш же физический взгляд, направленный на то тело (как увеличившее относительно нас инерционную свою скорость так, что увеличило её и относительно пространства), определённые изменения с ним всё-таки происходят: увеличиваются время жизни и массивность – в пропорциональной взаимоуязванности тех увеличений. Но лишь одно это, только благодаря абсолютности характеров у времени и у массивности. Все остальные параметры тела, с относительными характерами, для нас не меняются. Что было про-

демонстрировано на примере спина его частиц – как одного из таких параметров.

Что мы, как мат. тела, никаких изменений не заметим, оказавшись со своей системой отсчёта на большей инерционной скорости относительно пространства и не выходя из той системы, хорошо поясняется вот чем. Пусть из-за той большей скорости наша масса возросла вдвое – для наблюдателя, оставшегося на старой нашей скорости. Поднимать вдвое более тяжёлую руку – такое, как кажется ему сначала, легко нам заметить. Но ведь и время – с его точки зрения – от той же причины замедлилось для нас вдвое, а посему вдвое – для него – увеличен интервал нашего имени дела со своей поднимаемой рукой – до момента полной её поднятости. То есть, старая сила мышц руки вдвое дольше прилагается к её двойной массивности! Что субъективно должно у нас предстать тою же по виду справляемостью с рукой, что и раньше. Трансформация массы без остатка "растворяется" для нас в трансформации времени.

7. Наши постулаты в полезной укороченности могли бы звучать так. Первый: нет силы, есть сказываемость незамечаемого движения. Второй: гравитационная масса – лишь вид массы инертной. Третий: мало что нет времени отдельно от пространства, так даже пространства-времени нет, а есть только бесконечномерное пространство в своей длительности (ну, длящести). И второй вариант третьего: бег времени – это ускользание от твоей психики дополнительной пространственной мерности. А то даже и так: фантом бега времени есть такое ускользание как реальность... Четвёртый: нет материи, есть только эфир (с его крайним по насыщению вариантом проявляемости в лице того, что мы называем материей). Пятый: движение чего бы то ни было материального фактически есть лишь смещаемость эфира в самом себе.

8. Этот пункт – мирообъяснительная смесь из всех постулатов. Последние ведь имеют весьма высокую взаимоувязанность, даром что на внешний взгляд смыслоиндивидуальны. Да и кроме того, всякое постулирование есть стилизация (читай: смыслоупрощение). Так что и из-за этого не стоит более разводить мирообъяснительность в русле то одного из постулатов, то другого: когда в русле всех вместе, то стоишь над смыслоупростительностями отдельных. Ведь именование в виду всех прочих – оно автоматически вытягивает мысль из отдельного, тем и ставя её над имманентным ему смыслоупрощением.

Заострим сначала вот что. Вопрос так называемой мгновенности дальнего действия гравитации – фактически вопрос выступления Вселенной единым целым. Ежели выступает – гравитация "мгновенно действующая", ежели нет – гравитация конечноскоростна в своей распространительности. Решайте

сами – вы все философы не меньше меня. Но лично я не рискую отказывать Вселенной в единости.

Хитрость в том, что мы могли бы и не заниматься гравитацией, однако вопрос единости материальной Вселенной всё равно стоял бы перед нами – чисто самим по себе. И склонившись к её единости, пришлось бы специально искать в ней бесконечноскоростность передачи. Передачи воздействия одной физичности на другую! Ну, одной ипостаси вселенской физичности – на другую её ипостась. Хотя б одно подобное воздействие бесконечно быстро бы осуществлялось по Вселенной, и тогда с последней всё в порядке. А то если ни одного, то в своей материальной части она – не единое целое (так сказать, цельна, но не едино! – один край материальной Вселенной тогда "не знает", что делает другой край, ежели "себя об этом спросит", – какая же это её единость? – и то, что "спросивший" край со временем узнает спрошенное, положения уже не спасает: речь о перманентной неотставленной знаемости, только она даёт внутреннюю единость объекту!). Так что, повторяем, требование бесконечноскоростности передачи хоть какого-нибудь воздействия на физичность. И тут бы гравитация – как единственно видимый объединитель вселенской материи в конгломерат – естественным образом на роль удовлетворителя такого требования напрашивалась бы. Так бы мы от общепhilosophического вопроса о Вселенной пришли к гравитации – с заготовкой мгновенности для её действия, точно как от чисто физических (не философских) рассуждений о скорости действия гравитации приходим ко Вселенной – с заготовкой её единости как материального целого (а то иначе у гравитации не получается как следует срабатывать – все иные возможные модели её действия оказываются явно декоративны).

Физ. агент не может распространяться с бесконечной скоростью – иначе просто не будет физ. агентом. Подумайте и согласитесь, что это так. Не может, однако. Но должен! Из этого противоречия Вселенная "выкрутилась" тем, что с бесконечной скоростью передаёт не физ. агент, а предтечу физ. агента, так сказать. То, что вот-вот станет физ. агентом. Превратится в элемент вселенского физ. наполнения. То есть – подразумеваем эфир как объединитель материальной Вселенной! Эфир с его свойством превращаться в пространство, пространство как уже физический наполнитель Вселенной. И по последней мгновенно (потому что целиком через эфир!) передаётся как раз это свойство – в его реагируемости на то, что его что-то из физического наполнения Вселенной задевает (дополнительно репрессируя или же наоборот – сколько-то высвобождая от уже имеющейся репрессии). Что фактически оказывается мгновенной передачей дополнительного пространства в любую точку мат. Вселенной. Или же мгновенной недодачей пространства любой её точке – это уж в зависимо-

сти от того, как физ. наполнение передающей точки то свойство эфира задевает (ну, добавочно репрессирует ли, или дерепрессирует). Характер задеваемости! Ведь ею может быть как появляемость некой массы в той передающей точке, так и уход массы из неё (как изначального содержателя той массы).

Так вот, а Эйнштейн своим постулатом – о конечноскоростном движении света как естественном пределе быстроты передачи воздействия в природе – неявно отказал Вселенной в единоцельности. Практицист, не забивал себе голову философией – в отличие от Ньютона и нас! Отказал, быть может, того и не заметив. Спутал физическую скорость (в лице соотнесённости "количества" пространства с "количеством" времени) со скоростью передачи информации, не являющуюся, строго говоря, обязательно физической скоростью (ну, скоростью обязательно чтоб неких физиков – как того, что повязано понятиями времени и пространства). То есть – незаметно абсолютизировал понятия времени и пространства в деле заполучаемости нами знания о чём-то вне нас как мат. телесностей. Другими словами, на явлении распространяемости физического агента всецело замесил феномен взятия знания о том, откуда тот распространяется. Тем наградив предел физической скорости, достигаемой в природе светом, статусом предела быстроты информируемости. До инфантильности неправомочная расширительность!

В общем, передача информации с места на место, то бишь, фактически, доведение одним местом самого факта своего существования до другого места, суть явление более "тонкое", нежели ход по пространству какого-либо физ. агента. Другими словами, информация – не физический агент! Во всяком случае, достаточен нефизический. Информационная передача – лишь организация самой возможности некоего физического воздействия в одном месте на основе другого места, просто "открытие глаз" первому месту на такую возможность, но никак не поставка ему средств для неё. То есть, реализация воздействия изыскивается всецело местными средствами – на основании упирания места в возможность её. С тем что упереть этак место может и специальный физ. агент, и чисто явочным порядком оказываться может место при такой своей упёртости! Благодаря посредничеству всёй мат. Вселенной, то есть когда передающим началом выступает мат. Вселенная как целое. Именно это второе – в случае организации местом (предоставившим себя какой-то мат. массе) гравивоздействия на своё окружение. В случае же взаимодействия места со специальным физ. агентом – на информ. передачу месту мат. Вселенная работает лишь некой своей частью, а не как целое. Или сказать – лишь часть мат. Вселенной работает на передачу, а не вся она. В чём и жиждется принципиальная разница.

Ньютон, в объяснительном бессилии, назвал силу притяжения "вездесущим дыханием Господним". В очередной раз снимаю перед ним шляпу: у него и бессилие оборачивалось силой. Ведь как раз так и можно обозначить натеоретизированное нами о гравитации, ежели с условием, чтоб в трёх словах! Брахма действительно "дышит" пространством, навроде как мы воздухом. С тем, что сейчас мы на стадии его "выдоха", а когда-нибудь начнётся и "вдох".

Точнее, то Брахма "дышит" эфиром, но это практически всё равно, коль скоро пространство – эфинова "крайняя плоть".

Ежели пробное мат. тело находится вблизи Земли, то в пространственном отношении Вселенная постоянно "откатывает" от него, близко к тому как вагон, на полу которого лежит мячик, выезжает из-под того мячика в порядке тронувшести поезда, тем откатывая от него передними участками своего пола. Для того, кто находится в вагоне и не замечает своей тронувшести вместе с ним, мячик предстаёт покотившимся по полу под действием некоей силы, не имеющей видимых причин (ну, производителей). Вот и пробное мат. тело, помещаемое вблизи Земли: предстаёт нам, стоящим на ней, к нам летящим под действием силы, точно так же не имеющей видимых причин. Поскольку зрительно не замечаем, как с подачи Земли (и в опоре на неё) налезает на то тело – в проявление фактической укатываемости (вместе с нами) из промежутка меж нами и им самой вселенской пространственности, размещающей его, Землю и нас в себе. Мудрено такое заметить, ведь нет ориентиров: кругом всё та же Вселенная, без какой-то другой в пределах видимости. Вот если бы был столб, не входящий во Вселенную: мы б на него зрительно ориентировались, тем замечая её укатку своей (содержащей нас) пространственной целостностью от того несчастного тела, явочным порядком делающую его приблизившимся к нам. Но нет такого столба! Зато есть другие ощущенческие модальности, а не только зрительная. И они-то как раз тут исправно срабатывают: их посредством мы прекрасно замечаем ту свою накатку на то пробное тело – ощущаем оттягиваемость внутренностей в сторону, противоположную той, куда как бы несёт нас поверхность земной тверди (и несёт в виде устремляемости, а не просто; ну, то есть, ускоряюще, а не равномерно).

Плюс можно было выразиться даже так: как паровоз вытягивает вагон вместе с полом из-под мячика, лежащего на том полу, так и массивное мат. тело "из-под" нашего пробного тела "утягивает материальную Вселенную". Ну, то есть, последняя сама утягивается – в своеобразной опоре на то массивное тело, "двигая" себя через "рычаг" в его лице. Сего движения её, однако, не замечаем, поскольку не видим её "края" из-за величины её и "формы". А потому воспринимаем происходящее "перевёрнутым с ног на голову": бедное пробное тело предстаёт нам – из-за сохраняемости им имеемого вселенского покоя – "катящимся" по мат. Вселенной, при её, напротив, неподвижности вместе с на-

ми. "Катящесть" ту наблюдаем и говорим, что то массивное тело притягивает к себе то пробное.

Уместна, однако, и такая транскрипция происходящего. В качестве пробного тела лежу животом на земле. В проявление того, что со стороны спины у меня (невидимым образом) перманентно больше пространства, чем со стороны живота, явочным порядком выступаю устремившимся – животом вперед – в глубь планеты: в той физической позиции только такое моё устремление соответствует непрерывному обнаружению всё новой пространственности за спиной. А поверхность земной тверди это устремление моё блокирует, чем и выступает давящей на меня со стороны живота. Ну, то есть, это не она давит, а я в непрекращающемся квазидвиженческом порыве жму животом на неё, отчего по третьему закону Ньютона получаю равную жмущесть её на мой живот.

Теперь вот о чём. Читал я, читал про одновременность в СТО, пока не родил в сердцах вскрик: да это не физика, а какой-то суд присяжных! При решаемости вопроса одновременности событий ищется не то, что есть на самом деле, а то лишь, как оно всё доказательно выглядит по этому вопросу (в исходящести из заданных нами себе критериев). Завуалированное судопроизводство! В неявности взятое за правило! Меж тем это физика, а не право, и сведение поиска истины только к самоубеждаемости – чревато. Взятые-то критерии вполне способны оказаться слишком мелкими (так что доказанность по ним – ещё не означает доказанности вообще), или в неявности порочными, или "не из той оперы" (то бишь незаметно-отвлечённые), или выстроенными не на той основе. Скажем, почему они обязательно должны быть на основе света? ОТО по умолчанию считает его абсолютным инструментом, а абсолютных инструментов как раз нет в природе! То бишь инструмент – он и есть только инструмент, в смысле что воплощённая ограниченность: ежели отсутствие чего-либо – например, той же одновременности у берущихся событий – на базе какого-либо инструмента и получается констатировать, это ещё непреложно не значит, что оно отсутствует: применённость более совершенного инструмента может изменить результат.

Если общество может себе позволить, чтобы считался невиновным преступник, вина которого недостаточно доказана (это дабы не рисковать лишней раз признать виноватым действительно невинного), то физика аналогичной считаемости из-за аналогичного риска – позволить себе не может. По здравому размышлению, так напрашивается у ней прямо противоположная сориентированность: стремиться считать что-то существующим, ежели недостаточно доказана его несуществующесть. С тем, что среди прочего таким "чем-то" имеет право быть и принципиальная ни для кого непропадаемость одновре-

менности у двух событий, пробно (как одновременные) для вас произошедших в некий момент времени.

То есть для физики лучше рисковать отбросить и действительную доказанность несуществоваемости чего-то, чем легкомысленно доверяться поверхностным доказуемостям, тем рискуя оказаться при поспранности одной из мироустроенческих истин, которая в существоваемости того чего-то. Казалось бы, как так? Ведь доказанность несуществоваемости того чего-то – тоже мироустроенческая истина, а потому должна быть не менее нам дорогою! Почему же риск потерять эту истину более предпочтителен, нежели риск потерять истину противоположную (ну, истину в лице существоваемости того чего-то для мира)? А потому, что доказываемость отсутствия чего-то – как процесс неравноценна доказываемости его присутствия. Действительно, в первом случае доказывается пустота, а потому всегда уместен довод, что не заметил наполнения из-за несовершенства привлечённых средств (например, из-за недостатка разрешающей способности употреблявшихся оптических приборов), тогда как во втором доказывается наполнение, и возможный довод против доказанности – другой: он в возможности привлечёнки неадекватных средств, которые способны обнаружить то, чего нету (ну, обнаруживают нечто другое вместо того, что искалось, а ты это другое принимаешь за искавшееся, тем оказываясь при "доказанности" его существования, того искавшегося). Тип возможного довода против доказанности – он разнится в двух этих случаях, и на этом всё основывается. Привлечённость неадекватных средств как довод против найденности – нуждается в доказательстве, а привлечённость средств несовершенных как довод против ненайденности – не нуждается, уместным доводом выступает априорно. То есть не можем "ставить на одну доску" существующее априорно – с имеющим право существовать только по доказанности. Первое – сильнее! А потому и доказанность отсутствия чего-то – обладает в научной логике на ступень меньшими правами, нежели доказанность его присутствия. Соответственно и рисковать первой предпочтительнее, нежели второй. (Разумеется, это при так называемых прочих равных: при равенстве научных сил, бросавшихся на каждую из доказуемостей, и так далее.)

Разводившаяся выше логика зело применима в дилемме существоваемости – несуществоваемости эфира. Согласно ей, должны пока отдавать предпочтение его существоваемости. Но разводилась та логика всё ж не ради этой дилеммы. А из-за принятости так называемой относительности одновременности – как понятия, дорогого сердцу современных физиков. Ведь доказываемость её наличия в мироздании – это как раз доказываемость несуществоваемости: несуществоваемости одновременности неких событий для кого-то одного – при существоваемости её для кого-то другого. И поскольку к доказываемостям подобного

сорта надо быть повышенно придирчивым, как мы показали, то и будем. С этой целью обратимся к главному мысленному эксперименту, который как "доказательство" постоянно тиражируется в текстах релятивистской тематики. Со следующего абзаца я приведу одну из таких протиражированностей, взятую из неплохой научно-популярной книжонки.

"Чтобы понять, как это может быть, давайте вслед за Эйнштейном проделаем мысленный эксперимент. Снова обратимся к двум лабораториям, одна из которых расположена в чистом поле, а другая в вагоне движущегося поезда.

Пусть на передней и задней стенке вагона имеется по лампочке. Физик-наблюдатель движущейся лаборатории находится посередине вагона, как раз между лампочками, на равном расстоянии от каждого источника света.

Эксперимент построен так, что вспышки света от этих лампочек достигают "поездного" и "полевого" физиков строго одновременно, а именно в тот момент, когда они поравняются друг с другом. Какие выводы должен сделать из этого наблюдения каждый из экспериментаторов?

Физик в вагоне может рассуждать так: "Поскольку сигналы были посланы источниками, находящимися от меня на равных расстояниях, и пришли одновременно, значит, и испущены они были строго одновременно".

Физик в полевой лаборатории имеет полное право прокомментировать описываемое событие несколько иным образом: "Когда середина вагона поравнялась со мной, обе лампочки были от меня на одинаковом расстоянии. Но свет был испущен ими несколько ранее момента, когда меня достиг – ведь как-никак световые лучи имеют пусть и огромную, но конечную скорость. Отсюда логично предположить, что в момент испускания света передняя стенка вагона была ко мне ближе, чем задняя. А так как свет от обоих источников распространяется с одинаковой скоростью, получается, что лампочка на задней стенке вспыхнула раньше, чем на передней..."

В итоге вслед за нашими физиками мы должны будем прийти к выводу: одновременно или неодновременно случились некие события, зависит от того, с какой точки зрения мы будем их рассматривать. Если с точки зрения движущегося физика, то лампочки вспыхнули одновременно; если с точки зрения физика, находившегося неподвижно, то нет".

Ну что сказать? Имеет место передёрнутость, которую почему-то не замечают. Чтобы её понять, сначала решим вопрос организации одновременной зажигаемости лампочек. Единственно корректное, что тут приходит в голову, это поставить батарею и кнопку в месте нахождения вагонного наблюдателя, то есть в центре вагона. Тогда тот наблюдатель жмёт на кнопку, э.д.с. батареи со скоростью света распространяется по проводам в обе стороны вагона, и, проходя равные расстояния в половину его длины за одно и то же время, тем самым одновременно (уж во всяком случае, для того вагонного наблюдателя) зажигает лампочки на торцах вагона. Плюс используем экспериментальный

вариант, когда лампочки зажигаются в момент поравнявшеи вагонного наблюдателя с полевым – то есть, при равноудалённости каждого из наблюдателей от обеих лампочек. Для этого "вагонный" должен, не доходя "полевого", подобрать момент нажатия кнопки такой, от которого до момента поравнявшеи наблюдателей столько времени, сколько надо электродвижущей силе для дохода от батареи до лампочки. Подобный момент можно рассчитать, если скорость поезда постоянна и ты её знаешь, зная также скорость распространения э.д.с. в проводах и полудлину вагона. А рассчитав, наметить его вешкой, что вдоль пути сдвинута от "полевого" в сторону, противоположную ходу поезда: поравнявшись с этой вешкой, "вагонный" и должен будет нажать кнопку.

Есть, правда, одна закавыка. Распространение э.д.с., как и света, штука тонкая. Если вдруг э.д.с. не смещается вместе со смещением проводов (вдоль рельсов, из-за хода поезда), распространяясь по независимому от системы "поезд" мировому каналу, то к лампочке на заднем торце она – по нажатии кнопки "вагоном" – придёт раньше, чем к лампочке на переднем, ибо задний будет на неё наезжать, а передний – от неё убегать. Так что на всякий случай можно предложить более надёжный вариант. Посадить на торцах по ассистенту – каждый при батарее с лампочкой. А вдоль пути, с двух сторон от "полевого" в симметричности ему, поставить по вешке – с расстоянием между вешками в длину вагона (как и расстояние между торцевыми ассистентами). Тогда каждый ассистент поравняется со своей вешкой в момент, когда "вагонный" поравнялся с "полевым", и им останется только нажать на кнопку батареи – находясь строго против своей вешки. Момент нажатия кнопки считаем моментом загоревшеи лампочки (лампочка ведь может стоять прямо на батарее!), что и оказывается загоревшестью лампочек с выполненностью нашего условия – чтоб в момент поравнявшеи "вагонного" с "полевым".

Итак, всем этим лампочки зажглись в момент поравнявшеи наблюдателей, и тогда свет от них достигает тех наблюдателей в моменты, когда вагон прошедш немного вперёд – по ходу поезда, и "полевой" уже не напротив "вагонного", а напротив той или иной точки вагона, что ближе к заднему торцу. Употребляя понятие "моменты", мы это к тому, что свет достигает наблюдателей не в один момент, а в разные: "полевого" – позже. Ибо в момент включения света, какую лампочку ни возьми, расстояние от неё до "вагонного" есть большой катет прямоугольного треугольника, а от "полевого" до неё – гипотенуза того же треугольника (то есть – большее). И положение "полевого" не исправляет даже и апелляция к релятивистскому замедлению времени у "вагонного": свет в вагоне, с точки зрения "полевого", медленнее обрабатывает расстояние в пол-вагона (ну, фигурально скажем, на секунду времени "полевого" приходится пол-секунды ходовой работы того вагонного света), но зато и

расстояние ему – с той же точки зрения – надо покрыть всего лишь половинное – из-за релятивистской ужатости вагона по своей продольной оси вполнину от своей длины при стоящем поезде. Это всё, впрочем, не важно, это мы лишь для полноты картины – чтоб читатель основательно "врубился" в происходящее. А важно то лишь, что пусть в разные моменты, но каждый из наблюдателей свет от обеих лампочек замечает одновременно. Имея здесь и логическое право на основании того заключать для себя об одновременности их зажгшести. В самом деле, наблюдатели ведь физики, и знают о независимости скорости света от скорости что источника – по отношению к его наблюдателю, что наблюдателя – по отношению к его источнику. Знакомы, то есть, с опытом Майкельсона – Морли. "Вагонный" имеет источники, покоящиеся относительно него в момент испускания, зато сам он вроде как набегает на луч от переднего торца и вроде как убегает от луча, что идёт с торца заднего (пишу "вроде как", поскольку от светолуча хоть и убегаешь, но выступаешь ни на йоту не убежавшим, и то же самое с набеганием). У "полевого" же всё наоборот: сам он относительно лучей стоит (а лучше бы сказать – квазиотносительно, поскольку, как мы только что видели, относительность вещественных предметов к свету – не совсем то, что друг к другу), зато передний источник в момент испускания убегает от него (со скоростью поезда), а задний на него набегает с той же скоростью. Однако ни то, ни то ничего не меняет, как знают наблюдатели (своё, например, набегание на луч или убегание от него понимая лишь житейской иллюзией), так что всё определяется только расстояниями до них от источников в момент светоиспускания. А расстояния тогда равны и между "вагонным" и каждой из лампочек, и между "полевым" и каждой из них. Отсюда и право и того, и того наблюдателя заявить об одновременности зажгшести лампочек, ежели зафиксирует одновременный приход от них к себе света. Вот мы и обнажили передёрнутость! Ведь здесь скоростные характеристики наблюдателей разнятся так же, как и в случае, описанном в приводившемся отрывке из книги, однако относительности одновременности для них, наблюдателей тех, не появляется. Так что же это за относительность такая, что в одном случае имеется, а в другом, тождественном ему, нет?! Вот то-то...

Уже сказанного было бы достаточно, но напрашивается сказать и больше. Ни о какой относительности одновременности не имеем права заявлять и в исходящести из случая, что приведён в отрывке. Поскольку "мысленно экспериментирующими" там поставлено в принципе невыполнимое требование. Если лампочки для "вагонного" зажигаются одновременно, то оттого лучи их просто не способны выступить для "полевого" вместе достигающими его в момент, когда он поравняется с "вагонным"! Взяв установкой, что реализуется такое невозможное, те "мысленно экспериментирующие" и приходят к заключению об относительности одновременности для тех двух наблюдателей. В

самом деле, условие прихода луча к "полевому" именно при поравнявшеи его с "вагонным" – оно требует испуска света до поравнявшеи (как раз настолько до, сколько требуется свету для покрытия расстояния от лампочки до "полевого"), но без поравнявшеи расстояния от "полевого" до лампочек различны, так что подгадать можно только под одну из них: момент прихода света к наблюдателю, как мы уже показывали, определяется только расстоянием от него до лампочки в момент её загорания, ежели тот наблюдатель неподвижен по отношению к месту загорания, и поскольку "полевой" именно таков, так как не движется относительно ж/д полотна, то разные удаления его от лампочек дадут ему и разные моменты светоприхода от них. (Место загорания есть точка в пространстве, висящая над ж/д полотном, и "вагонный" от подобной, что с заднего торца, удаляется – в силу ухода вперёд вместе с поездом, и к подобной, что задаётся лампочкой переднего торца, приближается – в силу того же. Однако, в определённом смысле тоже можно говорить о его неподвижности по отношению к месту загорания любой из лампочек. В том смысле, что неподвижен он, так сказать, по отношению к природному явлению света из того места. Действительно, отсутствие эфирного ветра вполне ведь может быть страковано как выступаемость условной светонесущей среды слитую с движущейся лампочкой. То есть – как движущую её вместе с нею, а значит и с "вагонным". Это движущая, "влекущая" с собой место загорания. В том смысле, что влечётся та его – как точки физического пространства – ипостась, что "расположена" в светопереносящей среде.) Итак, в момент поравнявшеи наблюдателей – в принципе лишь от одной из лампочек способны обеспечить мы приход луча к "полевому"! Обеспечивается он подбором упреждающего момента загорания этой лампочки, то есть в конечном счёте – подбором момента нажатия кнопки "вагонным". Поравнявшеи наблюдателей момент сей должен упреждать настолько, чтоб компенсировать и время распространения э. д. с. по проводам, и время хода светолуча к "полевому". Это если реализуем техвариант без ассистентов на торцах, считая его годным; а если нет, то вполне можно рассчитать по вешке на ассистента, асимметрично расположенные по обе стороны от "полевого" на расстоянии друг от друга в длину вагона – в равенство расстоянию между ассистентами: тогда ассистенты достигают вешек в один и тот же момент (во всяком случае, одновременно и для "вагонного", и для "полевого"), и нажав в нём каждый на свою кнопку, дают соответственно одновременное загорание лампочек при нужной недошедшеи "вагонного" до "полевого".

Так что, как видим, единственное, что можем сделать, это рассчитать момент нажатия кнопки "вагонным", да через нажатие то довести луч от передней лампочки (от передней именно, с задней не получится, к слову уж сказать) до "полевого" в требующийся опытом момент его поравнявшеи с "ва-

гонным" (как момент заполучения последним лучей от обеих лампочек), – а уж в некий последующий момент "полевой" получит луч и от задней лампочки, из того разнобоя сделав вывод об их одновременной зажёгшести (если будет знать длину вагона, временной промежутки разнобоя да скорость поезда и света). Это будет его вывод о своей находящести при световой иллюзии неодновременности, порождённой конечностью скорости света! Световая, она же и зрительная иллюзия! Вот оно как. "Вагонный" же, получая здесь лучи от лампочек одновременно, находится при правде на основании того считать, что они одновременно и зажглись. То есть как физик-теоретик не находит возможным находить себя при иллюзии одновременности загоревшести лампочек. Ну, а совпадение момента светоприхода к нему от лампочек с моментом получения "полевым" света от передней лампочки – оно оказывается достигнутым такой удалённостью "полевого" от ж/д полотна, при которой расстояние его до передней лампочки на момент её зажигания равно полудлине вагона, как и до "вагонного" от неё в тот момент. Это вполне можно подобрать, поскольку то момент, когда "вагонный" недошедш до "полевого", и стой последний впритык к полотну, он был бы ближе к передней лампочке, нежели "вагонный". А так мы его отодвигаем от полотна, тем необходимо и достаточно увеличивая его расстояние до той лампочки. Но этим и всё, что мы можем реально сделать. Где же в такой реальности относительность одновременности для наблюдателей? Не просматривается!

Для тех, кто ещё не всё понял, слегка переизложим "техническую кухню". Ежели обходимся без операторского посредничества "вагонного", так ставим лампочки на батареи с кнопками, сажая за каждую по оператору. Тогда для случая, когда нужно светоиспускание лампочек в момент поравнявшести наблюдателей, сгодится поставить вешки, разнесённые на длину вагона, и так, чтоб "полевой" пребывал посредине меж ними. А операторам дать наказ жать на кнопку по поравнявнешти со своей вешкой (оператору переднего торца вагона придётся пропустить первую встреченную вешку, как ясно). Для случая же, когда необходима загораемость лампочек та, при которой свет от передней доходит до "полевого" в момент его поравнявшести с "вагонным", вешки должны стоять смещённо по отношению к "полевному": та, что со стороны прихода поезда, должна быть дальше от него, нежели та, что с противоположной стороны. А насколько дальше – это можно посчитать, и достаточно будет знаемости лишь скоростей поезда и света. Однако расстояние между вешками по-прежнему должно будет остаться равным длине вагона.

Но это, повторяю, лишь "техническая кухня". С помощью которой можно организовать ещё один событийный вариант. Поставляющий "полевному" – в его пребываемости поравнявшимся с "вагонным" – световую иллюзию одновременности зажёгшести лампочек. Для этого "полевой" должен находиться

от вешки, что предназначена оператору при лампочке переднего торца, на расстоянии меньшем, чем полудлина вагона, ежели мерить вдоль полотна дороги. Ну и вешки должны быть разнесены на расстояние, большее вагонной длины. Первое обеспечивает приход луча передней лампочки к "полевому" при его поравнявшесть с "вагонным", а второе – включившесть задней лампочки раньше передней, что при правильном подборе упреждения даёт "полевому" приход луча от неё в момент прихода к нему противоположного луча. Но грамотный "полевой", знающий все перечислявшиеся скорости и расстояния, не клюнет, логично посчитав, что находится лишь при иллюзии одновременной зажёгшесть лампочек, базирующей на несовершенстве света как переносчика сигнала. Ну, а для "вагонного" противоположные лучи тут придут вразнобой, и максимум, что можно обеспечить, это чтоб луч передний пришёл в момент его, "вагонного", поравнявшесть с "полевым". Задний же луч оказывается тогда пришедшим к нему раньше этого момента. Вот и всё. Здесь тоже порядок, как видим, – никакой относительности одновременности для наблюдателей: один логически преодолевает световую иллюзию одновременности, другой логически подтверждает реальность наблюдаемой им неодновременности.

Так что если, как наблюдатель неких – одинаково повторяющихся одновременными – событий, проходишь сначала в типе наблюдателя вагонного, а затем в типе полевого, и из-за лишённости во втором случае скорости, какую имел в первом, фиксируешь потерю теми событиями одновременности, то прежде прочего стоит думать, что это фикция, последовавшая из недостаточно глубокого анализа, призванного преодолевать иллюзии восприятия. Вот такое напрашивается обобщение.

Но продолжим работу с имеющимися у физиков "доказанностями" относительности одновременности в нашем мире. Вот вторая из них, почерпнутая в учебнике Савельева (известный автор, между прочим). Пишет о пассажире, сидящем в центре равномерно-прямолинейно движущегося вагона. Пассажир тот включает находящуюся рядом с ним лампочку, и свет для него достигает торцов вагона одновременно, так как расстояния своего до них во время хода к ним света пассажир не меняет, а скорость света относительно него, согласно результатам Майкельсона – Морли, одна и та же в обе стороны вагона. От дежурного же на перроне, смотрящего вслед вагону, торцы последнего удаляются, причём передний (ну, ближний к локомотиву) – убегающе от света, а задний – набегающе на свет. И поскольку свет, распространяющийся от лампочки по ходу поезда, имеет относительно того дежурного ту же скорость, что и свет, распространяющийся против хода (для того, мол, и опыт Майкельсона – Морли, опять-таки!), то для него, того дежурного, скорость переднего торца отнимется от световой, а такая же скорость заднего – к световой прибавится, оттого свет с его точки зрения достигнет торцов неодновременно.

Вот такие рассуждения у Савельева – в нашем заостряющем моменты пересказе. И мы находим, что в этих своих рассуждениях он неправ. Незаметно от себя допустил ляп – не учтя, так сказать, размах трактовочной сказываемости результата опыта Майкельсона – Морли. По этому результату скорость света, испускаемого движущимся относительно перронного наблюдателя телом (ну, лампочкой в вагоне удаляющегося поезда), для того наблюдателя одна и та же что при испущенности в направлении движения поезда, что в обратном. То есть результат опыта Майкельсона – Морли не позволяет движущемуся по отношению к нам телу прибавить или отнять (для нас) свою скорость от скорости испускаемого им света. Это Савельев констатирует и принимает. Но ведь подобная логика – именно как исходящая из результата Майкельсона – Морли – работает и далее! В том смысле, что скорость того испускаемого лампочкой света точно так же не должна меняться ещё и для любого движущегося в нашей системе отсчёта тела. Тем оказываясь для него равной скорости у света относительно нас. И поскольку торцевые стенки вагона входят в нашу систему отсчёта, когда мы стоим на перроне (входят именно как движущиеся в ней объекты), то, значит, и для них, для каждой, она такая же, та скорость. И коль торцы те с нашей точки зрения своей соотнесённости не меняют (ну, сохраняют меж собой старое расстояние, вагон ведь штука жёсткая в нашей системе отсчёта), то и свет тот для нас обязан достичь их в один и тот же момент – ведь источник его расположен посередине меж ними и для нас тоже, а не только для вагонного наблюдателя. Вот если бы торцы, пока свет к ним идёт от центра вагона, меняли свою соотнесённость (один бы наезжал на другой), то свет тот для нас пришёл бы к ним неодновременно. Но и к вагонному наблюдателю он тогда бы пришёл вразнобой! То есть, и здесь не было бы разницы меж нами и тем наблюдателем. Вот такая логика! Судите уж сами, верна ли она, или верна савельевская.

Савельев что? Совершенно справедливо бьёт на то, что дежурный, в отличие от пассажира, меняет расстоянье от себя до торцов – во время хода к ним света. А таковое изменение расстояния – штука влиятельная. Если есть вы, далее по некой линии – щит на колёсах, и ещё далее по ней – источник света, то свет от последнего с вашей точки зрения достигнет щита раньше в опыте, когда щит начинал двигаться на источник в момент светоиспускания, – сравнительно с опытом, когда не начинал, оставаясь неподвижным. Вот на это свойство природы и бил Савельев! Меж тем, во время хода света дежурный одинаково увеличивает свою удалённость от торцов. Ну, то есть, за некую единицу времени на столько же удаляется от переднего, на сколько от заднего. Что оказывается как раз моментом, недопускающим неодновременного прихода света к торцам для того дежурного (коль скорость света к ним одинакова

для него, согласно результату опыта Майкельсона – Морли). Последнее (то бишь эту одинаковость) Савельев незаметно от себя опустил: результат Майкельсона – Морли обязан был употребить дважды, то есть и в отношениях света от лампочки с торцами, а не только в отношениях его с дежурным, но применил как раз только в отношениях с дежурным.

Сказанное можно переизложить в другом ключе. Происходящее в ситуации считать повторением опыта Майкельсона – Морли – одновременно и независимо – двумя экспериментаторами: дежурным и пассажиром. Такое – вполне корректно! Просто эти ребята облачают опыт в иную форму – сравнительно с той, в какую облекли Майкельсон с Морли, но суть его остаётся та же. Ну, в смысле, суть его – в попытке обнаружения эфирного ветра, а пытаться можно и в ориентации на приход света к вагонным торцам: если к обоим приходит в один момент, то эфирного ветра нет, если не в один (то бишь неодновременно), то эфирный ветер есть. С пассажиром тут всё устраивается просто: часовые механизмы, способные фиксировать момент попадания на них света, синхронизируются в центре вагона и медленно разносятся к торцам, – по ним пассажир и сможет судить об одновременности прихода к торцам света от лампочки, которую зажжёт. С дежурным дело сложнее, но тоже всё преодолимо: синхронизируются и разносятся к торцам часовые приборы, способные послать дежурному радиоимпульс в момент попадания на них света лампочки. Тогда и дежурный может считаться постановщиком опыта Майкельсона – Морли за счёт начинки того уходящего от него вагона: зная длину последнего (то есть – величину разнесённости часовых механизмов на прямой, соединяющей его и их), он может рассчитать время запаздывания к нему радиоимпульса от переднего торца – сравнительно с радиоимпульсом от заднего, при положенности, что импульсы отосланы в один момент. Если – по его часам – время запаздывания равно расчётному, он вправе будет сделать вывод об одновременности импульсов в один момент (и, значит, отсутствии эфирного ветра), если же часы его обнаружат отклонение от расчёта, то вывод – о неодновременности испуска импульсов и, значит, присутствии эфирного ветра, заставившего свет лампочки прийти к торцам именно в разные моменты (на идущие же – к дежурному от торцов – радиоимпульсы эфирный ветер будет влиять здесь одинаково, в силу их хода по отношению к дежурному в одном направлении, отчего разность времён их прихода он исказить не должен). Вот и всё.

Ясно, что такая механизация делает дежурного ничем не отличающимся от пассажира: ну, в смысле, позволяет ему происходящее в вагоне обхаживать ничуть не хуже, как то делает пассажир. И, стало быть, если последний найдёт приход света к торцам одновременным, то таковым его должен будет найти и дежурный. Простота!

То есть что? Савельев – при разборе ситуации – обязан видеть в дежурном невольного постановщика опыта Майкельсона – Морли. Но не видит! Видит такового лишь в пассажире (во всяком случае, незаметно от себя держит его за такового), и фактическую обнаруживаемость тем пассажиром отсутствия эфирного ветра – исправно констатирует (в форме заявки, что свет лампочки достигает для пассажира торцов одновременно). В дежурном же, повторяю, не видит, и потому незаметно позволяет себе "передёрнуть": в делании – об эфире – выводов из проведённого дежурным (с помощью пассажира) опыта Майкельсона – Морли (а именно сим Савельев фактически занят, проводя для нас вторую часть анализа ситуации с вагоном, пассажиром и дежурным!), – в делании этих выводов использует уже сделанность их, исторически имеющуюся за счёт опыта самих Майкельсона и Морли. Другими словами, в доказываемости чего-то – незаметно использует доказанность этого чего-то!

Так сказать, в трактовке происходящего в опыте дежурного – на пол-пути перестаёт заботиться вопросом эфирного ветра (может себе такое позволить: никакого опыта ведь вроде не проводится). То есть что? В одной составляющей того опытного наполнения – заботится о вопросе эфирного ветра (там, где дело касается дежурного, его отношений со светом лампочки), а в другой составляющей – нет (где дело касается вагонных торцов – их отношений со светом лампочки). Тем самым совершенно правильно – как производную от отсутствия эфирного ветра! – констатирует выдаваемость светом лампочки одной и той же скорости в любом направлении своего движения относительно дежурного, однако затем, в отталкиваемости от этого, фактически вводит эфирный ветер в мироздание обратно: соотносимость света лампочки с торцами неназванно подаёт тою, какая была бы при наличке как раз эфирного ветра. Не соображая, что свет не тот агент, в соотносимости с которым возможно отделить перронного дежурного от вагонных торцов! В некий момент взяв его и их за что-то разное по отношению к нему. Не допёр, что для света они все – в достаточном смысле одно и то же: просто возмущённый эфир как некое целое, относительно которого он движется.

Но более того! Возможна и сверхдостаточная логика – против рассуждений Савельева. Ну, достаточная – это та, что мы только что приводили. По которой рассуждения Савельева – неправильны. А сверхдостаточная – это могущая против Савельева быть, ежели считать его рассуждения правильными.

Итак, сверхдостаточная. В теории споров есть понятие подмены тезиса. Именно такую подмену Савельев неосознанно и производит! Какие, нафик, события, об одновременности или неодновременности коих можно судачить? По крайней мере, не мёнее уместно считать, что фигурирует тут фактически одно событие: достижение светом торцов. И если для кого-то он их достигает

в один и тот же момент, то для кого-то другого, соотносящегося с ними иначе, достигает в разные моменты, исправно отображая эту иную соотнесённость, – какая же тут нарушительность одновременности? Событие, из-за разного позиционного поведения к нему наблюдателей, соответственно и происходит для них по-разному, только и всего.

Наконец обратимся к самому Эйнштейну. Вот его статья "К электродинамике движущихся тел". Там он сначала разводит представления о необходимой синхронности часовых механизмов. Совершенно справедливо, ибо как иначе сравнивать время в разнесённых точках пространства? Нет, иначе, быть может, как-то и можно, но и с помощью синхронных часов, помещающихся в таких точках, тоже можно. И заслуга Эйнштейна, что он конкретно поставил вопрос такого сравнения, и дал по крайней мере один путь решения этого вопроса. Часовые механизмы на синхронность предложил тестировать светом. Разработав процедуру, по которой свет составляет такой тест. Подразумевалось, что свет отличается завидным постоянством хода, – как же его не взять инструментом!

Итак, пространственно разнесённые часовые механизмы, первый и второй, обмениваются световым сигналом: свет идёт от первого ко второму, затем отражается от него назад к первому. Механизмы предлагалось считать синхронными, ежели наблюдается равенство двух интервалов времени, один из коих получается вычетом показаний первого механизма (на момент ухода от него света) из показаний второго механизма на момент отражённости от него того света, а другой – вычетом этих показаний второго (ну, которые у него на момент отражённости) из показаний первого в момент прихода к нему того отражённого света. Правильно, ведь из-за постоянства хода света – его обращаемость в ту и другую стороны суть одно и то же, так что на неё эталонно можно равняться.

Далее Эйнштейн предлагает рассмотреть синхронность часовых механизмов, располагающихся на концах жёсткого стержня, движущегося относительно нас. Рассмотрим, пока независимо от написанного им по этому поводу. Такой стержень с часами – что вагон с торцами из примера Савельева, как ясно. С тем что мы здесь – аналогичны дежурному там. То есть, возможно продублировать логику Савельева – воссоздать её для случая стержня. Что и делаем – в предвосхищение того, что неискушённые читатели могут употребить здесь эту логику всерьёз.

Итак, такой движущийся относительно нас стержень – для нас фактически то же, что тот вагон с торцами для перронного дежурного. И по логике Савельева, так с нашей точки зрения на часовые механизмы, – аналогично тому, что было в точке зрения перронного дежурного на торцы, – второй по ходу движения механизм будет убегать от света, идущего к нему с первого, а

первый – двигаться навстречу свету, отражённому вторым. В результате этого, свет от первого ко второму окажется для нас идущим дольше, чем от второго к первому, и временные интервалы, исчисленные по показаниям их циферблатов так, как разбиралось выше, не будут пред нами равны. Что означает несинхронность для нас тех часовых механизмов. Для наблюдателей же, сидящих на стержне, каждый рядом с одним из часовых механизмов, последние будут синхронны: те наблюдатели к идущему туда-сюда (меж часовыми механизмами) свету в том же положении, в каком Майкельсон с Морли были к свету, гулявшему туда-сюда по продольному плечу их прибора. То есть движение стержня – с точки зрения таких наблюдателей не изменит времени прохода светом промежутка меж ними, когда свет пойдёт по нему обратно, и интервалы времени, что вычисляются за счёт показаний часовых механизмов на предложенные Эйнштейном ключевые моменты, оттого явятся тем наблюдателям одинаковыми. А часовые механизмы, стало быть, синхронными.

Что же из всего этого следует? Да если в пятнадцать часов, по циферблату первого часового механизма, произошло некое событие рядом с ним, а рядом со вторым – другое событие и тоже в пятнадцать часов по его циферблату, плюс часовые механизмы сверены, то наблюдатель возле каждого найдёт те события одновременными (в силу синхронности механизмов имея право верить одинаковости их показаний). Мы же, не участвующие в движении стержня, должны по этим данным находить те события неодновременными, поскольку для нас часовые механизмы несинхронны и, значит, одинаковость их показаний означает разные моменты времени.

Ура, заявил бы на это Эйнштейн, одновременность у событий мира – относительна, меняется от точки зрения имеющих друг к другу некую скорость наблюдателей (ну, инерциальных систем отсчёта: ведь наблюдатели на стержне представляют одну такую систему, а мы, стоящие на земле и смотрящие на тот движущийся стержень, представляем другую).

Но это Эйнштейн, тогда как нашему читателю ясно, что применить здесь критику логики Савельева, разведённую нами выше (ну, для случая с перронным дежурным), и часы для наблюдателей, мимо которых проходит стержень, теряющими синхронность не предстанут.

А в порядке сверхдостаточной критики можно ещё заявить, что даже если и предстают (в допущение правильности логики Савельева), так это лишь означает, что свет – недостаточно годный инструмент в процедуре выявления синхронности часовых механизмов, ежели выявлять приходится из положения наличия относительной к ним скорости. По законам логики, такой взгляд – более строгий, нежели эйнштейновский. А выразиться в обратном ключе, то эйнштейновский – инфантилен сравнительно с ним.

Другими словами, ежели кому-то часы, вопреки нам, кажутся несинхронными (такая уж у него "система отсчёта!"), то это ещё не значит, что они для него действительно несинхронны. Мало ли кто, как и за счёт чего иллюзирует! Предстают несинхронными на основании света, так бери и опирайся на другие пути обнаружения их синхронности (природные явления, инструменты и прочее, что составляет такой путь), – может, и сподобишься выйти на избавляющий тебя от нынешней иллюзии. Вот чего не захотел допускать Эйнштейн, будучи подсознательно в плену у идеи абсолютизации относительности.

Но обратимся к тому, как сам он, Эйнштейн-то, рассматривает всё это в своей статье. Написанное им приводим со следующего абзаца.

"Предположим далее, что на обоих концах стержня (А и В) укреплены часы, синхронные с часами покоящейся системы, т. е. что в любой момент времени их показания соответствуют "времени покоящейся системы" в тех точках, где находятся эти часы. Таким образом, эти часы "синхронны в покоящейся системе".

Представим себе, далее, что около каждого часов находится движущийся вместе с ними наблюдатель и что эти наблюдатели применяют к обоим часам сформулированный в §1 критерий синхронности хода двух часов. Пусть в момент времени t_A луч света выходит из А, в момент времени t_B он отражается в точке В, а в момент времени t'_A возвращается в А. Учитывая принцип постоянства скорости света, находим $t_B - t_A = r_{AB} / c - v$ и $t'_A - t_B = r_{AB} / c + v$, где r_{AB} – длина движущегося стержня, измеренная в покоящейся системе. Итак, наблюдатели, движущиеся вместе с движущимся стержнем, должны обнаружить, что часы в точках А и В не идут синхронно, в то время как наблюдатели в покоящейся системе должны утверждать, что часы синхронны.

Итак, мы видим, что понятию одновременности нельзя придавать *абсолютное* значение, а два события, которые при наблюдении из одной системы координат являются одновременными, уже не могут считаться одновременными при рассмотрении из системы координат, движущейся относительно первой системы..."

Что сказать? Да просто обалдевательство! Во-первых получается, что во время написания этой статьи молодой Эйнштейн недопонимал суть опыта Майкельсона – Морли, в котором движущаяся по орбите Земля – фактически как раз такой стержень, точки А и В которого – переднее и заднее зеркала продольного плеча сконструированной для опыта установки, а сами Майкельсон с Морли – те эйнштейновские наблюдатели при часах. И так как Майкельсон с Морли не обнаружили разницы в движении света меж теми зеркалами в прямом направлении сравнительно с обратным, почему тогда наблюдатели на стержне Эйнштейна должны обнаружить?! А во-вторых, это всё заранее выступает беспредметным разговором по причине, что часовой механизм со стерж-

ня заведомо не может быть синхронен с часовым механизмом покоящейся системы, как то изначально потребовал от них Эйнштейн. Сам критерий синхронности, предложенный Эйнштейном в §1, упирает нас в это: поскольку постоянно изменяется расстояние между такими часовыми механизмами, то путь света меж ними в обратном направлении заранее обещает быть неравным его пути в прямом, что обернётся неравенством времён прохода, коль скорость света постоянна, и, значит, несинхронностью тех часовых механизмов.

Правда, сам ход времени теперь понятие относительное, и это даёт заявку на спасение: пусть часы В – покоящиеся (то есть одни из "часов покоящейся системы"), а движущиеся – часы А (то есть одни из часов эйнштейновского стержня), и стало быть, они постоянно всё больше отстают от часов В, отчего их показание t'_A не будет таким большим, каким было бы, оставайся они неподвижными, и разность $t'_A - t_B$ окажется заниженной (а потому, быть может, и равной $t_B - t_A$). То есть с момента испускания света часами А в сторону часов В – расстояние между ними увеличивалось, и свету пришлось больше времени затратить на путь от В к А, нежели от А к В, однако часы А это, что называется, проспали. "Проспали" эти дополнительные затраты времени светом! Вот так, чисто "на пальцах", рассуждаем в направлении несдачи в утиль эйнштейновского критерия синхронности неподвижных друг относительно друга часов. Ну и получаем лишь расстановки качеств, а не количеств. Количества я лично расставить сейчас не берусь. Эйнштейн тоже не расставил. Тем критерий синхронности часовых механизмов из инерциальных систем отсчёта, имеющих относительную одна к другой скорость, считается неразработанным. Ну, то есть, способ синхронизации – ненайденным.

Впрочем, даже если бы количества оказались расставляемы природой так, что разность $t'_A - t_B$ здесь была бы равной $t_B - t_A$, о синхронности часов А с часами В говорить всё равно было б нельзя. Ибо что такое синхронность часовых механизмов? Это одинаковость их хода (ну, одна и та же скорость вращения шестерёнок, а в конечном счёте – стрелок). Но ведь для часовых механизмов с относительной друг к другу скоростью выступает наперёд, что называется, заданною как раз неодинаковость их хода – из-за разноходности для них (в сути – для их шестерёнок) самого времени. Иначе преобразование Лоренца – чушь! Так о какой же синхронизации таких часов можно заводить вообще речь?!

Так что же, относительности одновременности нет? Ну, я бы так не говорил, коль она выступает одним из математических следствий из преобразования Лоренца. Только вот продемонстрировать её себе – как некую происходящую в мире, оказывается непросто. Даже и в мысленном эксперименте! Труднее, чем представлялось Эйнштейну и последователям. Причём причина за-

трудняемости – принципиальная! Ну, в смысле, основывается на негодности эйнштейновского критерия синхронности часовых механизмов, выстраивающегося на базе хода света меж ними.

Так же, кстати, дело и с демонстрацией сокращения длины – как другого математически находимого следствия из преобразования Лоренца. В отличие от таких следствий, как замедление времени в движущейся и.с.о. с точки зрения покоящейся, и увеличение – с этой же точки зрения – масс тел, покоящихся в той движущейся системе. Эти следствия экспериментально (читай: демонстрационно) вполне реализуемы.

В качестве примирения, на наш взгляд, надо несколько пересмотреть понятие относительности одновременности. Ведь брать фактически, так оно звучит как физический принцип! А является ли относительность одновременности принципом? Посему давайте пристальней взглянемся в суть математического следствия, которое так вот громко нарекли.

Из преобразования Лоренца математически лишь вытекает, что события, одновременно произошедшие в разных пространственных точках покоящейся системы отсчёта, в движущейся относительно неё системе теряют эту одновременность. Поскольку разность их временных моментов оказывается там не равной нулю, в отличие от такой у них разности в покоящейся системе. Не равной нулю, а равной выражению $(x_{1B} - x_{1A}) \gamma v / c^2$, где x_{1A} и x_{1B} – координаты пространственных точек А и В в покоящейся системе (как точек, в которых происходили одновременные события), а γ , v и c – соответственно лоренцев множитель, относительная скорость систем отсчёта и скорость света в вакууме. Можно сообразить, что такое вовсе не означает относительности одновременности как некоего общего принципа. Она была бы им, только если бы в движущейся системе отсчёта пропадала одновременность и событий из одной точки пространства. Ну, в покоящейся системе произошедших одновременно в одном некоем месте. Но этого нет! Как вытекает из приведенного выражения, события теряют одновременность из-за того, что происходят именно в разных точках пространства: происходи они в одной ($x_{1B} = x_{1A}$ как совпасть точек А и В), то выражение становится равным нулю, означая сохранившесть событиями своей одновременности. И потому надо говорить не об относительности одновременности (это слишком громко!), а лишь о пространственной скобочиваемости хода времени в движущейся системе отсчёта: время в ней, с точки зрения покоящейся системы, одним, так сказать, своим пространственным боком идёт выраженной, чем другим. При том что в целом замедляется. Из чего получается, что в одной её пространственной стороне замедляется меньше, чем в другой, – для той покоящейся системы. Другими словами, в разных точках пространства у движущейся системы время течёт разномерно –

с точки зрения покоящейся системы. Но и только! Не меньше, то есть, но и не больше, как то хотелось видеть Эйнштейну.

Пользоваться критерием Эйнштейна (из §1) с полноценным использованием результатов Майкельсона – Морли, так разнесённые часовые механизмы не теряют синхронности для наблюдателей, относительно которых движутся, пребывая относительно друг друга в покое. Но, возможно, теряют её по какому-либо другому (пока неясному) критерию? Коль должны́ таки потерять её для этих наблюдателей – согласно следствию из преобразования Лоренца! Тогда сделай тот неясный критерий ясным, и "кособокость" времени касательно точек прибывания тех часовых механизмов будет у недвижущихся с ними наблюдателей продемонстрирована.

Или же причина исчезания одновременности – для движущейся системы – у одновременных событий из разных точек покоящейся системы – суть более глубокая, нежели способная быть выявленной потерей – для той движущейся – синхронности часами в тех точках (как показывающими в них одинаковое время)? Ну, то есть, речь о причине, более погружённой в понятие пространства и времени, что ли...

А ещё вопрос, почему пространственная скособоченность времени (у движущейся системы отсчёта) "не хочет" экспериментально демонстрироваться покоящейся системе? Как "не хочет" ей этак демонстрироваться и сокращаемость размеров тел той движущейся системы – по линии её скоростного вектора! Это в отличие от того, что замедление времени и возрастание массы у тех тел – хорошо демонстрируют себя покоящейся системе. Что тут сказать? Причина видится в том, что в демонстрации замешана разность: или пространственных координат двух концов стержня, или таковых координат точек с одновременными событиями. Ну, то есть, пространственно-временная трансформация на базе разности – оказывается для эксперимента далеко не тем же самым, что пространственно-временная трансформация сама по себе.

В связи со всем этим наговоренным – стоит в самом общем смысле разобраться, что́ есть СТО. Она есть постулированность принципа относительности для инерциальных систем отсчёта, да при постулированности наличия – в качестве закона природы – чего-то с предельной для природы скоростью, тем самым получающегося независимым в своей скорости от систем отсчёта (коль скоро во всех их законы природы одинаковы). На роль этого "чего-то" чисто экспериментально напросился свет, и тогда, при постулятивной заодно подразумеваемости однородности времени с однородностью и изотропностью пространства, преобразование движения для и.с.о., связанных относительной скоростью, вынуждено оказаться преобразованием Лоренца (вообще найденным Лоренцом по другому поводу – ну, в отправление других теорфизических

стремлений). То бишь преобразование Лоренца – форма преобразования движения, адекватная изложенным вводным, вне зависимости от того, для чего оно искалось самим Лоренцом. Другими словами, задаваясь этими вводными, мы попросту переоткрываем преобразование Лоренца. А преобразование движения здесь – в смысле переувязывания движения объекта с одной инерциальной системы отсчёта на другую... И вот, этак "переоткрыв" преобразование Лоренца, далее находят все математически возможные из него следствия (ну, выкладки из него для всяких наличностей в инерциальных системах отсчёта, им связанных). А затем каждое из следствий смыслопроявляют: что-де оно – как форма математической преобразованности – означает для физики? И вот тут-то и "собака зарыта"! Смыслопроявляют-то в меру достигаемой абстрактности подхода! У задействованных авторов – во главе с Эйнштейном – вышла определённая абстрагируемость и соответственно определённая проявленность, только и всего. Вполне тем подразумевающая возможность и другой. Нашей, например.

Но это мы коснулись лишь одного момента поспешной (а потому недалёкой!) физической трактовки Эйнштейном преобразований Лоренца. В порядке которого он приходит к существованию относительности одновременности для мира как к чему-то абсолютному. А есть у него и второй момент, оговаривающийся в энциклопедическом словаре следующим образом: для инерциальных систем отсчёта пространственно-временные эффекты, определяемые преобразованиями Лоренца, относительны: с точки зрения наблюдателя в L , замедляются все процессы и сокращаются все продольные масштабы в M , точно как то было в L – с точки зрения наблюдателя в M . Я бы назвал это равноваимоотносительностью инерциальных систем отсчёта. Которая заставляет говорить о "парадоксе близнецов" и выкручиваться из одного привлечением понятия неинерциальности у тел. С громкой заявкой, что благодаря этому привлечению парадокс исчезает. Как же исчезает, ежели привлечение того понятия у эйнштейнцев – фактически символическое?! В смысле, что никаких конструктивных объяснений, как ускорение делает необратимыми временные изменения у подвергшегося ему близнеца, не даётся. Наша же эфирная теория такое объяснение даёт: ускорение увеличивает его скорость относительно пространства. Кто из близнецов, то есть, его испытал при неиспытанности другим, тем заполучив более интенсивную вписанность в пространство, тот временно затем и отстаёт – по нарастающей. А вовсе не оба отстают – друг относительно друга. По вписанности в пространство они разнятся, а такая вписанность для мат. тела абсолютна (в том смысле, что просто единственна в своём роде для него).

Так что оно и в самом деле нет никакого парадокса в случае близнецов, один из которых путешествовал на субсветовой по отношению к другому ско-

рости, приобретаемой через испытываемость ускорения (с условием, однако, что скорость та его – ещё и бóльшая относительно пространства его скорость, сравнительно со скоростью относительно пространства у оставшегося на планете брата; а то, вообще говоря, может оказаться и меньшей, давая по прилёту его бóльшую постаревшесть сравнительно с оставшимся на месте братом, – это когда относительно того оставшегося он безо всякого подлога разогнался до субсветовой, тем относительно пространства от субсветовой замедляясь – в силу того, что изначально оба брата имели субсветовую скорость относительно пространства). Итак, нет во всём этом никакого парадокса, как и заявляли эйнштейнианцы – в закрытости глаз на то, что заявки их парадокс фактически не снимали (оставаясь у них лишь декларацией).

А парадокс сей, если кто до сих пор не врубился, в следующем: из-за равнозначности инерциальных систем отсчёта – для улетевшего на субсвете близнеца время у оставшегося замедляется точно так же, как оно замедляется у него самого – с точки зрения того оставшегося, однако при встрече по прилёте заметно постаревшим оказывается только оставшийся. То бишь нечто именно его выбирает – из двух, казалось бы, равноправных.

Вообще, как второй момент поспешной физической трактовки преобразований Лоренца запечатлён в математике тех преобразований? А фактом обрабатываемости математической увязываемости ими двух пробно взятых инерциальных систем отсчёта. Ну, взаимозаменяемостью мест этих систем в тех увязывающих их математических выкладках. Когда есть прямое преобразование Лоренца, а заодно возможно и т. н. обратное. И что требовалось от Эйнштейна, так это "не покупать" на это: математика есть математика, всегда надо всматриваться в происхождение вводных, которые ей предлагаешь – с целью перемалывания их ею по своим "семантическим" правилам. Чтоб не ввестись в заблуждение конечным результатом того перемалывания.

Оно ведь какие у нас вводные для получения преобразования Лоренца? Да те, что замешаны на свете, который независимостью своей отсчётности по скорости и уникальностью величины той скорости, делающей её пределом для физического мира, по всем законам логики фактически обнажает свою смычку с абсолютной системой отсчёта в лице чего-то, в некотором смысле стоящего за физическим миром (а лучше сказать – за физикою мира). То есть, без увязанности этим чем-то в некоего рода цельность с мат. телами – свет просто был бы без технической возможности так уникально вести себя по отношению к ним! Вот мы такое увязывающее начало и называем эфиром. Светоносным эфиром. И логически неогнимо маячащее его за инерциальными системами отсчёта – она неспециально аннулирует их взаимозаменяемость в применимости к ним преобразования Лоренца. В осуществлённости над ними такого преобразования как "голой математике". Ведь оказавшись невидимой су-

персредой, в которой это преобразование что-то там связывает, эфир фактом своего присутствия приводит к тому, что связанность оказывается не "просто связанностью", а "связанностью в виду чего-то", что автоматически и лишает её обратимости (знаменуя привнесённость в связывание своеобразной анизотропии: в прямом направлении связывания вид того "чего-то" не может быть тем же для связывающего процесса, что вид его для него в обратном направлении, – чисто из общих соображений, ибо если тот же, то в лице того "чего-то" обязаны видеть полное ничто, тогда как оно всё-таки нечто!).

Фактически, это не что иное, как результаты опыта Майкельсона – Морли подвигают нас на подобную логику. Ну, в смысле, должны подвинуть каждого, не лентящегося закритически глубоко и логически непротиворечиво в них вдумываться. Вдумаемся, ещё раз: ежели скорость света по отношению к его приёмнику не зависит ни от скорости его испускателя, ни от скорости самого приёмника, то, значит, настаиваемость света именно на одной всегда своей скорости как некое свойство мира логически выступает должной быть способной крыть (в их характере) его отношения с испускателем и приёмником – как относительно менее общие мирособойства. Другими словами, между светом и его испускателем – равно как и между светом и его приёмником – должен быть некий универсальный посредник, понятийно стоящий над приёмником и испускателем настолько высоко, чтобы мочь нивелировать для света их скоростные характеристики (фактически "растворяя" их в себе). Это самые общие логические соображения, так что на видение всего здесь по-другому – просто не имеем права! И на роль означенного посредника с таким "волшебным" свойством способен претендовать лишь эфир – как единственная именно "волшебная" категория среди физических категорий.

Дополнительно пропеть это можно так: у света и мат. объекта, скорость к которому свет устанавливает, логически обязан быть некий абсолютный "общий знаменатель", коль свету удаётся установить к тому объекту – из заведомо любых исходящих своих отношений с ним – одну и ту же скорость. Имя такому "знаменателю" и будет "эфир".

Логически должно быть нечто, равно выступающее и тем объектом, и светом, – только такому чему-то под силу явить полную независимость света по скорости от объекта, то бишь – пробуферить его с ним.

Буфер в лице чего-то третьего, равно включающего в себя и свет (как явление), и тот мат. объект. И вот имя такому буферу – эфир.

Итак, эфир как понятие оказывается чем-то, в фоне чего преобразования движения теряют обратимость. Ну, что-то там моделируют, но из плода математической игры такой фон превращает каждый результат моделирования в реальность, не имеющую обратного хода. Ещё бы не так, коли у каждой из

связываемых преобразованиями Лоренца систем отсчёта – неизбежно индивидуальные отношения с эфиром. И эти отношения автоматически попираются, ежели дать преобразованиям обратный ход (ну, обратить достигнутую ими связанность инерциальных систем отсчёта): первая из систем тогда оказывается при выстроенных эфиром уникальных своих отношениях со второй системой, а вторая – при уникальных с первой, то есть обе – при неадекватно выстроенных отношениях с эфиром. Или сказать – при не для них выстроенных отношениях эфира.

Говоря оконеченней, абсолютно более скоростная инерциальная система отсчёта не должна неявно отдавать свою скорость в абсолютном отношении менее скоростной системе (что как раз фактически и происходит, когда меняем системы местами в преобразовании Лоренца).

То есть, когда два мат. тела соотносятся друг с другом по скорости, то у каждого из них тогда – невольный вопрос о скорости к пространству как мат. вселенскому наполнителю, представляющему эфир. Пространство в роли негласного третейского судьи! И ежели одно из мат. тел увеличивает свою скорость относительно другого, то эта роль пространства как наполнителя проявляется в маркируемости того относительного увеличения: увеличение ли оно скорости первого тела и относительно пространства, или же наоборот – уменьшение её относительно его.

Итак, у мат. тел – естественно существующая (как некий фон) скоростная соотносимость со всем наличным пространством (как чем-то целым). Сразу со всем им как непрерывающейся наполнительностью мат. Вселенной – наполнительностью, представляющей (собою нам) эфир.

Скорость относительно физического пространства как непрерывающейся мат. вселенской наполнительности! Или сказать, пространства как вселенского целого, внутри которого ты находишься. Когда целостность та его представляет тебе мат. Вселенную.

Но как отсчитаться по скорости относительно пространства? А как хочешь, пространству на тебя наплевать. В этом как раз фокус!

Другими словами, что ты не можешь (во всяком случае – не умеешь!) отсчитаться по скорости к пустому пространству, ещё не сгоняет его с роли того, к чему в принципе способна иметься твоя скоростная отсчитанность.

Так что, создавая преобразование движения, впоследствии названное именем Лоренца, создавая его как плод своеобразной семантики, воплощаемой математикой, наука не додала той семантике вводных, незаметно опустив математическое отображение некоего невидимого фона, на котором конструируемое преобразование движения вынужденно происходит. И из-за которого обратное преобразование Лоренца должно давать увеличение длин тел и хода их времени. Ежели прямое с пробно взятой и.с.о. увязывало систему отсчёта,

движущуюся в одном с ней направлении со скоростью относительно пространства большей, нежели скорость относительно него той пробной.

Другими словами, должно быть сконструировано новое – более насущное! – преобразование движения, которое именно так себя ведёт.

Итак, недодача математической семантике вводных! "Прокололись" из-за прагматизма: с утилитарной подачи Эйнштейна недостаточно задавались вопросом, почему свет имеет неизменную скорость по отношению ко всем мат. объектам. Имеет, мол, и ладно! Нет, не ладно: вопрос стоит, и без ответа на него не имеем права делать никаких построений. А начав отвечать, не имеем права нарушать логические законы. Из которых та неизменность скорости неогнимо извлекает посылку, что свет и все мат. объекты составляют некое – надставленное над каждым из них – целое, способное регулироваться в своей внутренней структуре (ну, внутреннем состоянии). Вот вам и "новый" эфир из нашего четвёртого постулата!

Появляемость же пятого нашего постулата обязана необходимости более чётко понимать сам принцип относительности. Так сказать, заостриться в своём понимании его! Две любые инерциальные системы отсчёта, имеющие некую скорость друг относительно друга, не отличимы одна от другой никакими физическими опытами, возможными внутри этих систем, – вот что такое принцип относительности, единственно это. Мы же убеждаемся, что в СТО принцип относительности – не только это, в незаметности того её авторам.

Камень преткновенья в том, что становящееся преобразование движения, связывающего две инерциальные системы отсчёта, не преобразованием Галилея – она ведь, как мы логически показали, незаметно лишает те системы равноправности. А появляющаяся неравноправность определяется вопросом, должным задаваться каждой из тех систем: каково у неё движение, которым она обладает, прежде всего как движение относительно всего пространства? То бишь, без отсчётного фонирования наличной своей инерциальности видом голого пространства (в его цельности) система не имеет права фигурировать в преобразовании движения! Равноправными инерциальные системы отсчёта можно считать только в классической механике, при скоростях, значительно меньших скорости света. Другими словами, условно равноправны они лишь в случае связываемости преобразованием движения в виде преобразования Галилея. Просто в силу того, что берущее их равноправными как ложность не приводит тогда одну из них к заметной неправильности в описанности движущихся тел. То есть что? Равноправность инерциальных систем отсчёта и тождественность их – на базе факта неразличимости физическими опытами, проводящимися в пределах каждой, суть разные вещи (ну, понятия разной степени системности). Демонстрирую работающую здесь логику: в некой фирме вы начальник, я – подчинённый, то бишь мы неравноправны там, но вы – человек, и

я – человек, то бишь мы там тождественны как существа и как форма воплощения животного принципа тем неразличимы (с тем, что будь вы человек, а я лошадь, мы оба были бы существами, но нетождественными, а потому и отличимыми как таковая форма). Эфир это "фирма", в которой "работают" инерциальные системы отсчёта. И из двух их "начальник" всегда та, что имеет бóльшую относительно пространства скорость: именно эта система неявно задаёт векторность преобразованию движения, связывающему те две системы, – векторность, делающую достигаемую преобразованность необратимой относительно систем. Другими словами, система-"начальник" навязывает миру верность лоренцева преобразования движения лишь по направлению к ней – от системы-"подчинённого"...

Итак, прямое преобразование Лоренца – как преобразование движения пробного мат. тела – в подспуде призвано осуществляться всегда от менее скоростной инерциальной системы отсчёта – к более скоростной, где эти "менее" и "более" у них – по отношению сразу ко всему вакуум-пространству (ну, к нему как чему-то целому). Эйнштейн же логически спутал тождественность и равноправность систем отсчёта. Всего лишь тождественное взял равноправным. Так сказать, отождествил тождественность с равноправностью. Не различил их у инерциальных систем отсчёта. Отсюда и уткнулся в непреодолеваемые парадоксы типа "близнячьего".

Ладно, этого второго – из поспешных – трактовочного момента мы ещё коснёмся, а теперь вернёмся к первому. Там есть ещё что сказать.

Против скособоченности времени в разных пространственных точках – как налички у одной из связанных относительной скоростью и.с.о. при отсутствии в другой – срабатывают самые общие логические построения. Например, в порядке следования им мы должны заявить, что при означенном раскладе неявно нарушается сам принцип относительности (как один из его родителей, такого расклада, – согласно Эйнштейну!). В самом деле, как возможно говорить об одинаковости хода всех процессов у таких инерциальных систем отсчёта, ежели процессы состоят из событий и в своём конечном результате определяются именно тем, что многие и многие события в их, тех процессов, ходе произошли одновременно, – стронь хотя бы одну пару таких событий, и неизбежно получишь иной конечный результат. Так что если другая система отсчёта видит у себя события той пары неодновременными, то она обязана и сам пробный процесс видеть инорезультатным, со всем отсюда для неё вытекающим (вытекает, как ясно, изменённость вида физических законов: только изменением своего вида они способны пробный физический процесс превратить из чего-то одного во что-то другое; ну а изменённость вида физических законов – это и есть несоблюдшесть принципа относительности).

Наговоренное можно пересказать и так. Если два неких одновременных события станут в другой системе отсчёта неодновременными, это изменит соотносённость процессов, в событийные цепочки которых – каждое в свою – входят эти два события, а именно неизменность соотносённости физических процессов и составляет физические законы. Так что эта другая система отсчёта окажется при иных физических законах – хотя бы одном. Например, дёргая за шнурки петард (достаточно длинные, чтобы петарда занимала точку пространства, отличную от вашей), вы с бесконечным повтором можете устраивать себе такие совпадающие (а значит, одновременные) события, как вспышка взрыва при характерном ходе руки в некой конечной фазе её воздействия на шнур. Поимев же скорость по отношению к мат. объектам, участвующим в таком взрыве (порох, там, и прочее в начинке-конструкции петарды), вы оказываетесь, по преобразованию Лоренца, под действием относительности одновременности, из-за которого взрыв петарды, устроенный оставшимся возле неё вашим другом, не выступает для вас, согласно СТО, одновременно со вспышкой с характерной фазой движения руки того друга, – оттого что именно для него такой одновременно выступает. Что и будет означать разные физические законы в ваших с другом системах отсчёта, разъединённых относительной скоростью. Действительно, что это за взрыв такой, что сначала вспышка, а затем движение дёргающей за шнур руки, которое её вызывает и с ней обычно совпадает? Как не подходит и то, что вспышка заметно за таким движением руки, а не вместе с ним, – при том же качестве пороха и прочих элементов петарды, что и до вашего перехода на другую скорость. Ясно, что такое – уже другая физика! Мир (ну, система пребывания) с такими физическими законами – это уже другой физический мир.

Правда, СТО что-то там бормочет о том, что относительность одновременности касается у неё только отвлечённых (несвязанных) событий, а события, соединённые причинно-следственными связями, своей-де соотносённости – друг с другом для наблюдателей из разных систем отсчёта – не меняют. Сразу вопрос тогда – почему? Что это за индульгенция такая для чего-то с чем-то – причинная их связь? Ответа СТО не даёт.

Добавим ещё, что руку и петарду надёжней было бы пространственно разнести через посредство длинного жёсткого рычага. Нужно же это для того, напоминаем, что время – у движущейся и.с.о. по отношению к покоящейся – скособочивается только в пространственно разнесённых точках.

И как такое в них "поведение" времени примирить с принципом относительности – я не знаю. Тем оставляя вопрос читателям.

Только вот выражу наговоренное ещё и в натурфилософском ключе. Если признавать неодновременность – для одного из наблюдателей, связанных

относительной скоростью – двух пробных пространственно разнесённых событий, то тем неявно лишаешь время изотропности. Инкриминируешь ему анизотропию! На крайний случай будь сказано – квази-анизотропию. И оно бы даже и ладно, но почему пространство считаем изотропным (один из пяти базовых постулатов СТО!), а времени в том отказываем, да ещё и негласно? Вот какие у нас дела происходят!

Поясним сказанное. Для физических процессов как последовательностей событий в СТО постулируется: однородность пространства (первое), изотропность пространства (второе), однородность времени (третье), принцип относительности (четвёртое), и неизменность скорости света относительно любой системы отсчёта, задаваемой физическими объектами, как скорости фактически предельной среди скоростей физических объектов (пятое). Первое означает одинаковость хода физических процессов в любом месте пространства, второе – одинаковость их хода по любому пространственному направлению, третье – одинаковость их хода в любой момент времени, а четвёртое означает сохраняемость их неизменными в порядке преобразования движения, связывающего любые две инерциальные системы отсчёта (или ещё, согласно другой принятости, можно выразиться так: а четвёртое означает их инвариантность относительно преобразований движения, с тем что движения, задающие преобразования, равномерны, прямолинейны и без вращательности). То бишь, первые четыре постулата оказываются "большим постулатом" инвариантности законов природы по отношению к четырём типам преобразований: переносу в пространстве, вращению в пространстве, сдвигу во времени и преобразованию движения (ну, физической смене одного его инерционного вида на другой инерционный вид). А далее в энциклопедическом словаре говорится так: при скоростях тел, сравнимых со скоростью света, обнаруживается тесная связь и математическая аналогия между преобразованиями 1, 3 и 2, 4. Что позволяет заговорить о группе преобразований. И так называемая группа Лоренца – это группа, образуемая вторым и четвёртым. Вот мы и подобрались к сути затеянного пояснения! Факт существования группы Лоренца наталкивает на заявление: "разноскоростность" времени у двух мат. тел с относительной друг к другу скоростью – это пребываемость времени в разных своих ипостасях: отдельная ипостась для каждого тела из той пары. Ибо должно тут быть что-то аналогичное разным направлениям у пространства: фактически ведь в каждом из своих направлений пространство предстаёт (нам как движущимся по ним телам) отдельной своей ипостасью: ну, ведёт не туда, куда ведёт при другом направлении, и всё такое прочее. И мироустроенчески принять несовпадаемость одновременности (у пространственно разнесённых событий) для тел, имеющих друг к другу относительную скорость, будет принятой разности характеров временных ипостасей (в коих – каждое в своей – находятся эти тела), то есть –

принятостью временной анизотропности. Но с чего вдруг, ежели пространство изотропно? Конечно, это не прямой довод, но очень мощный косвенный. А прямой довод против анизотропии времени – в фактической нарушаемости тою самого принципа относительности, общелогически продемонстрированной нами немного выше (непосредственно перед примером с петардой, да и самим примером).

Но ещё продолжим. Повторяясь в другой форме и кое-где заодно углубляясь. Каждое направление в пространстве – это как бы одна из бесчисленных его граней. Если не в геометрическом, то в философском, по крайней мере, смысле так можно выразиться. И каждая такая грань "обслуживает" физические законы точно так же, как любая другая. Что и есть свойство изотропности у пространства, взятое на щит в СТО. Свойство, в силу которого переход в пространстве к другой "границе" – как преобразование! – ничего в физических законах не меняет. А переход движущегося тела в другую инерциальную систему отсчёта? Это ведь тоже преобразование: так называемое преобразование движения! Вот мы и подошли к кульминации логики. Два означенных преобразования образуют группу Лоренца, отчего второе должно видеть заключающимся в переходе к другой грани чего-то, аналогично видению первого заключающимся в переходе к другой грани пространства. И требуется лишь понятийная идентификация граней, которые – старая на новую – сменяются при преобразовании движения. Грани чего тут можно иметь в виду? А времени! В самом деле, имеющие относительную скорость и.с.о. – единственно отличаются выраженностью в них временного хода, вот последняя и напрашивается на роль природной грани, которая сменяется по смене системы отсчёта... Итак, время, в лице своего "течения" для мат. тел, являет нам некие свои грани как грани природы: на каждой скорости тела – в его инерционном движении – то "течение" индивидуально, что и составляет временную грань, с которой тело имеет дело (ну, которой оно подлежно, или сказать – в которой оно залегает). И по аналогии с гранями пространства (группа Лоренца, не забывать!) физические законы подобные грани должны отправлять одинаково. Эту одинаковость уместно называть изотропностью времени, как подобную одинаковость у граней пространства давно называем изотропностью пространства.

Это всё можно обсказать и в другом ключе. Имеемость телом иной инерционной скорости – сравнительно с той, какую имело сколько-либо перед этим, вполне допустимо интерпретировать как иное физическое "поведение" тела – сравнительно с первым. Это с тем, что смена телом направления движения в пространстве – аналогично может быть названа сменой им физического "поведения". Последняя смена не меняет телу физических законов, по которым протекает его существование, отчего пространство называем изотропным. То бишь неменяющим своего характера к телу из-за смены телом физического

"поведения" к нему (ну, в нём). В аналогию чему имеем право заявить об изотропности времени, коль существует такое понятие, как группа Лоренца (ну, произошло математическое открытие в виде вычленения такой группы). Ведь изменив скорость своего тела – это изменив свои отношения с временем. Коль для покрытия того же расстояния оно тогда использует не прежнее количество времени, а иное – большее или меньшее. Так? Вроде так, в ключе натуральной философии. Если уж постулятивно считаем изотропным пространство, то и время должны держать таковым: видеть его неменяющим своего характера к телу из-за смены тем за счёт него своего физического "поведения". Ну, из-за пошедшей по новой временной "тропе" как другому такому поведению.

Итак, изотропность времени. Одинаковость физических законов в его "гранях", которыми выступают разные возможные выраженности его хода. И вот тут всплывает, что образуемость происходящими событиями для кого-то одновременности – это, похоже, как раз проявляемость некоего физического закона, а не что-то вам просто так! Ну, то есть, совпадение событий – это составляемость ими некоего макрособытия, происходящего самим по себе (то бишь вне являемости ни первым, ни вторым из этих совпадающих), и существование такого единичного макрособытия в порядке каждого подобного случая – венец (ну, объединяющее следствие) всех существующих физических законов, вместе с ними не должен меняться при переходе к другой и.с.о. Вот что получается!

Подробнее о понятии надставляющегося события. Шёл человек по дороге, одной из её сторон, поравнялся с придорожным столбом. Событие? Событие! А потому нечто, в неизменности факта своей произошедности должно охраняться всем строем физических законов – как одинаковостей для инерциальных систем отсчёта. Далее. Шёл другой человек по той же дороге, по противоположной её стороне, если сравнивать с первым (это в соблюдаемость условия пространственной разнесённости), и тоже поравнялся с тем столбом. Тоже событие? Тоже, и с теми же изложенными правами! Ну а совпадение по времени этих двух событий, хоть для кого-нибудь, – это чем не третье событие, с такой же, как у каждого из первых двух, охраной физ. законами?! Вот это-то третье событие и будет событием, надставленным над первыми двумя. То есть – komponующееся из них как элементов макрособытие, вот оно что есть такое по отношению к ним. И утверждается, что какие бы события ни взял, в любом числе и любой последовательности, возможно сконструировать (ну, автоматически вычленив в природе) макрособытие, объединяющее их в одно целое. Этакая возможность – натурфилософская заведомость, подумайте и согласитесь.

Итак, означенное макрособытие, как и komponующие его "простые" события, не должно меняться при переходе к другой и.с.о. Полностью подобно тому, как кровать продолжает выступать кроватью, а стул стулом при таком переходе. Этакая продолжающестъ – физическая закономерность, которую нам даже не приходит в голову считать должной нарушаться (по типу что видишь стул, тогда как на самом деле он кровать). На то она и физ. закономерность – как нечто, по умолчанию подразумевающееся всем строем существующих для мира физических законов, одних и тех же в любой и.с.о. того мира.

Повторимся. В совпадаемости событий (любых, даже самых отвлечённых на первый взгляд!) можно видеть происходящестъ некоего надставленного над ними события – одного! События, призванного заключаться как раз в том, чтоб те события совпали! Разве не так? Ведь считать по-другому – значит возомнить себя богом! А если ты всё ж не бог, то не можешь себя уверять, что стопроцентно знаешь подоплёку всего происходящего, и на том основании отказывать событиям, кажущимся тебе отвлечёнными, в связанности и тем возможности объединёнки в канве некоего макрособытия.

Так что, всё напрашивается быть страктованным следующим образом: время изотропно, точно как изотропно пространство (на то она и группа Лоренца!), а потому нигде в своей "гранёной толще" не должно исказать одновременность событий. Но вроде искажает, согласно математическому следствию из преобразования Лоренца. Фактически тем делая разную форму физических законов у связанных относительной скоростью и.с.о. Чем получается, что принцип относительности – он либо принцип изотропности времени, и тогда существует, либо время анизотропно (ну, квазианизотропно, если хотите), и тогда принципу относительности нет места в мироустроении. Вот такая дилемма, неощуренная Эйнштейном! В защиту последнего надо сказать, что выступаемость (в нагрузку!) принципа относительности принципом изотропности времени – достаточно неявная штука. Так потому, что необходимость этой выступаемости обнажается лишь в виду существования пятого нашего постулата – как решающего довеска к группе из первых четырёх. А самим по себе такое никому просто в голову не приходило, означая затеваемость эволюции принципа относительности, делающей его более строгим. Ну, менее рыхлым в смысловом отношении, извергающим из себя незаметные теоретические позволения природе того, что не должно быть позволено (в частности, временной анизотропности). И как же такое затевать, если оно фактически бы означало непризнание принципа относительности чем-то законченным, чуть ли не начавшестъ обратно отвергать его – дела давно минувших дней, на которые не идёт подсознание современного физика (если его не подтолкнуть, вынуждая, как это сделал с нами пятый наш постулат).

Выход к вышеупомянутой дилемме для подстраховки переизложим. Что происходит? Сделав математические следствия из преобразования Лоренца, должны мироустроенчески признавать различие характера у времени для тел, запускающееся приобретением ими некой скорости друг относительно друга (и заставляющее тела существовать при разных физических законах). Подчёркиваю: разный характер времени для тел – при одном сравнительно с другим, это не разная "скорость" времени для них. Когда тело – приобретше скорость к другому телу, время у него "более медленное, но то же самое" – сравнительно с временем того другого. Чем ясно: ежели время "то же самое", то и физические законы текут тем же самым манером, а вот ежели "другое" – то и отправляемость законов делает другою. То бишь разная скорость времени – при означенных телах как инерциальных системах отсчёта – не нарушает принципа относительности, тогда как под разницей характера времени для тел – имеется в виду именно что-то нарушающее. И эта роль инкриминируется пространственной скособочиваемости времени у движущихся тел (сравнительно с эталонным покоящимся телом). Такая скособочиваемость как то, из-за чего физ. теория вроде требует находить время анизотропным. А значит, противоречащим принципу относительности: заполучая скособоченность, другая (ну, не наша) и.с.о. начинает существовать фактически при иных, чем у нас, физических законах. Так что же верно – преобразование Лоренца, следствием из коего выступает временная скособочиваемость, или принцип относительности? Такая вот, на первый взгляд, дилемма.

Как же спасти совместное существование принципа относительности и преобразования Лоренца? Не пожертвовать, то есть, одним из них в пользу другого? Я оставлял этой вопрос читателям. Но могу сделать кое-какие заметки. Принцип относительности и преобразование Лоренца – примерно равные по представительности вещи. Так что вряд ли возможно отвлечённо решить, чем из них пожертвовать "в силу большей теоретической значимости другого". Ликвидировать же их противопоставленность, перестав считать, что образуемость происходящими событиями для кого-то одновременности есть реализуемость некоего физического закона или законов, а не нечто просто так, значит попать общие логические законы, как нам кажется. То есть – тоже не выход! Так что же тогда? А то, что доказывать возникаемость несинхронности часов для наблюдателей из движущейся относительно нас инерциальной системы отсчёта (имеются в виду синхронные для нас часы с идеальным ходом, неподвижные к нам как тоже инерциальной системе отсчёта, и расположенные в пространственно разнесённых точках), это всё равно, что доказывать уменьшившись для них, тех наблюдателей, измерительных линеек в той их системе отсчёта (вместе с уменьшением размеров всего в ней – по направле-

нию её относительно нас хода). Намёк ясен? Для нас размеры предметов, неподвижных в той системе отсчёта, сокращаются – по линии, соединяющей её с нами как системой отсчёта, но для наблюдателей из той системы остаются неизменны – из-за точно такой же сокращаемости их измерительных линеек, когда они прикладывают их вдоль той – соединяющей наши системы – линии. Так и с вопросом одновременности событий: для нас наблюдатели из той системы одновременности пространственно разнесённых событий не имеют – тех, которые мы находим одновременными, но для себя – нисколько не лишены её. Сказать иначе, одновременные для нас события с нашей точки зрения выступают неодновременными у наблюдателей из той системы отсчёта, но с их точки зрения они сохраняются одновременными. Сохраняются просто в силу того, что их "временная линейка", тех наблюдателей, кособочится вместе со кособочиваемостью их – относительно нас – времени.

Так что же, мы как наблюдатели, составляющие неподвижную – к паре разнесённых часов – систему отсчёта, иллюзируем по поводу наблюдателей, составляющих подвижную к тем часам систему отсчёта? Коль одновременность для них чего-то – у нас выступает неодновременной их имеюмостью того чего-то! Иллюзируем? Не должно бы, всё-таки преобразование Лоренца, из коего такое вытекает, не "от столба" взятая штука! На вопрос, кто из нас наблюдателей прав, ответ, похоже, тот, что в равной степени правы обе стороны: те чухарики правы по-своему, мы – по-своему. У каждого своя правда, как принято о подобных вещах выражаться в народе!

Вообще мир – система отсчёта для всего одна, а тем, значит, он система отсчёта абсолютная. Или скажем так: мир в целом – система отсчёта самая общая, а оттого единственная, что в свою очередь означает – абсолютная. Вот как обстоят дела, и мы ничего не можем с этим поделать! Ведь за систему отсчёта можно брать что угодно – определение её как понятия подразумевает это, – так почему тогда, среди прочего, не взять мир в целом, а как только взял, так проваливаешься в абсолютность отношения, и становится – раз и навсегда – бессмысленно говорить ещё о чём-либо. Ну, в смысле, ещё о каком-либо отношении. Относиться к чему бы то ни было как-либо ещё – выглядит имеющим смысл лишь в выступании вспомогательностью... Итак, мир – система отсчёта для всего одна, и из действующих в ней физических закономерностей нам просто открывается ещё та, что у входящих в систему наблюдателей с относительной друг к другу скоростью – правдивость отличающихся мнений о соотносимости во времени пространственно разнесённых происшествий из системы: у каждого соотносённость последних для себя – отличается от соотносённости для других, и каждый тем не менее прав – о себе и о других. Почему бы и нет? Мало ли какие могут быть закономерности в мире

как целом! Иными словами, мало ли как может преломляться на нас мировая целостность! Вот как про это про всё напрашивается думать...

Итак, возможность правильности двух разных мнений на одно и то же – вот что фактически являет нам (в качестве свойства мира) сопряжение преобразования Лоренца с принципом относительности. Такая возможность – как одна из тех физ. закономерностей, что проистекают от абсолютности у мира как системы отсчёта.

И теперь понятно, почему легко опроверглись доказательные рассуждения СТО, по которым часовые механизмы, разнесённые в пространстве и неподвижные друг к другу, не соответствуют эйнштейнову критерию синхронности для наблюдателя, имеющего какую-либо относительную к ним скорость, если соответствовали, когда он относительно их находился в покое. (Эти доказательные рассуждения замешаны на логике, однотипной с той, по которой – в примере Савельева – перронный дежурный должен находить неодновременную достигаемость светом торцевых стенок вагона. А ложность логики из этого примера мы подробно разобрали.) Доказующих тогда в утешенье отсылали к более совершенному, нежели эйнштейновский, критерию синхронности часовых механизмов, по которому, быть может, последние синхронность таки действительно теряют – для начавшего двигаться относительно них наблюдателя. Теперь же стало ещё и ясно, что более совершенный критерий нет нужды разрабатывать: и по нему выйдет, что не теряют. Потому что и не должны терять, тем утверждая открывшуюся нам природную закономерность о двойной правде, одна из которых (в лице синхронности таки часов) – правда того движущегося относительно них наблюдателя, а другая (в лице не синхронности тех часов для того наблюдателя) – наша правда, как остающихся неподвижными к тем часам (ну, к той паре часовых механизмов).

В общем, **говорить надо не об относительности одновременности, а лишь об относительности точек зрения на одновременность!** Пусть я и вы встречаемся, находим два разнесённых часовых механизма, неподвижных друг к другу и к нам, и синхронизируем их, не забыв заодно сверить. А затем вы приобретаете некую постоянную к тем механизмам скорость, я же остаюсь неподвижным к ним. Показ одним из них двенадцати часов на своём циферблате – некое событие, показ же двенадцати часов на своём циферблате другим часовым механизмом – соответственно другое событие. И вот далее! Для вас – на вашей скорости – часовые механизмы остаются синхронны, а потому и два означенных события – одновременны. И то же самое – для меня, оставшегося неподвижным к тем механизмам. Однако вы являетесь мне тем, для кого часовые механизмы потеряли синхронность, а вам тем же образом являюсь я, соответственно с моей точки зрения – для вас два обозначенных события неодновременны, а с вашей точки зрения те два события неодновременны для ме-

ня. И волки сыты, и овцы целы: пробно взятые события одновременны и для меня, и для вас, что есть "целость овец", но это той ценой, что с моей точки зрения на одновременность – она – взятыми событиями – утеряна для вас, а с вашей точки зрения на неё – она теми событиями утеряна для меня.

Так что если налицо неодновременность двух пробных пространственно-разнесённых событий лишь для одного из двух – движущихся относительно друг друга – наблюдателей, то это попросту означает иллюзию у одного из тех наблюдателей. Вот что представляется необходимым заявить! Те события либо одновременны, либо неодновременны, а кто-то из их наблюдателей – иллюзирует. Из-за несовершенства агента, посредством которого судит об одновременности тех событий, ну и из-за несовершенства своей ощущенческой сферы, неспособной прийти в контакт с более совершенным агентом. Вот что мы вынуждены заявить.

Да, камень преткновения именно в этом: вообще испытываемости человеком зрительных – на базе света – иллюзий, вместе с восприимчивыми иллюзиями прочих родов, помноженных на неумение обходить их силой разума. И иллюзии одновременности чего-то (или неодновременности) проходят полноправным членом этой когорты иллюзивностей. То есть что? Ежели тебе нечто явилось в мире, сначала хорошенько осмотрись – а не иллюзия ли это. На мой взгляд, эйнштейнианцы – своим пониманием физики мира – чётко являют недостаток психоэнергетики: в позициях разных своих скоростей осмотрелись как раз недостаточно – на предмет одновременности всяческих касательно них происходящих. Откуда и пошла абсолютизация относительности одновременности – как наведение теоретизационного фантома. Недоучли, что в лице одновременности – как постоянно касающегося людей физического явления! – имеют дело с проявляемостью достаточно фундаментального свойства природы (а лучше сказать – бытия), чтобы с ним, свойством таким, упрощённо не обращаться. Ну, сметь судить о его природе и характере на основании неглубинного ощущенческо-ментального раскопа.

Той "недостаточной осмотревшести" эйнштейнианцев зело способствовала их – неявная самим себе – абсолютизация света. А меж тем, что такое свет в нашей жизни? Хоть и главный, но лишь посредник, а не бог! И, получается, негодный посредник – в случае зрительной неодновременности чего-то для кого-то, наличной при зрительной одновременности того чего-то для кого-то другого, при условии равной ощущенческой старательности и силы у тех лиц. Плюс, получается, злостно-негодный посредник – ежели изъян его посредничества, приводящий к такому, столь тонок, что то из двух лиц, которое как раз иллюзирует, не способно выстроить убеждающую рассудительную скомпенсированность той своей иллюзируемости (ну, своей неадекватной зри-

тельной ощущенческой). И, наконец, посредник он двойной злостности, если человечество – как арбитр при тех двух лицах – не находит изъянов в таких некомпенсирующих оценках второго лица, фактически то лицо утверждающих (а за ним, теперь получается, и нас!) в зрительной иллюзивности.

Итак, негодный посредник, и только, – вот как правильно надо думать для начала, коль уверен что разнесённые часы – для начавшего двигаться относительно них наблюдателя – теряют синхронность по критерию синхронности часов, выстроенному Эйнштейном на базе посредничества света. Думать так в сопряжённости с попыткой найти годного посредника (на базе которого способен выстроиться критерий синхронности часов, по которому тот наблюдатель – пусть хотя бы вне зависимости от тебя! – часы не перестаёт иметь синхронными). Это всё – вместо поспешной заключаемости об "исчезающей" для такого наблюдателя одновременности. О непреложной для него её исчезаемости. Да, и здесь потеря синхронности часами – как потеря ими одновременности показывания одних и тех же значений на своих циферблатах.

Затем начинаешь думать дальше: что, возможно, более годного посредника найти просто нельзя. Тогда мы все обречены использовать этакое вот ограниченно-годного, и, значит, следует пытаться достичь того уровня ментальной компенсируемости его ограниченности, что позволяет ухватенность происходящего иметь-таки адекватною. В порядке чего не выступает лишним считать недоадекватною любую свою соображённость по поводу видимого, которую привычно имеешь. Что прежде прочего касается соображённостей именно об одновременности: где-то и для кого-то, при сохраняемости её где-то ещё и для кого-то ещё. Прежде прочего, в силу усложнённого характера светопосредничества в таких случаях.

Что ж, так вот по описанному я лично и был настроен, оттого и вышел на изложенные логики, и в первую очередь – логику двойной правды. Но не исключено и то, что оно в нашем мире и в самом деле – у разнесённых в пространстве периодических происшествий, раз за разом одновременных для тебя при некой твоей скорости относительно их, появляется к тебе неодновременность – когда изменишь ту свою к ним скорость. Так будет считаться, если обнаруженные нами логики читатели сумеют забраковать. Но это если сумеют!

Вернёмся ещё к настроенности на негодность посредника, сопряжённой с допускаемостью возможности найти годного. По ней не всё сказали. Когда она, тогда что? Да не боишься по нужде поискать даже и нетрадиционного посредника, вместо кидаемости от отчаяния пересматривать фундаменталистику – об удерживаемости вида события по переходе к новым и.с.о. (а именно это приходится делать, коль скоро одновременность чего-то происходящего логически квалифицируется как событие!). Нетрадиционного посредника, то

бишь нестандартного вестника событий, на основании которого судим об их для себя очередности. Имею в виду посредника из области экстрасенсорики! Физике пора признавать такую возможность, чай двадцать первый век на дворе. Сколько уж за век прошлый делано-перенаделано опытов экстрасенсорного восприятия, результатами укладываемых в "фирменную" для физиков трёхпроцентную погрешность! Да, экстрасенсы плохо понимают, с каким таким посредником они работают, но ведь чем-то пользуются же? Пользуются! И я вам скажу даже, чем. Эфиром. Эфиром как целым. Каждый человек – как самоосознавшаяся форма бытия – просто-напросто "завязан" на него, причём бесплатно.

А ещё – пример другой зрительной иллюзивности, из тех какими страдает человек, и сравнительно с которыми возможные иллюзии одновременности вокруг тебя происходящих – ничуть не лучше и не хуже. Солнце как мат. тело находится не там, где нам видится с Земли. Ну, не строго там! При поверхностном подходе напрашивается что? Считать его находящимся на линии, соединяющей глаз и место небосклона, где оно нам видится. Но нет, такой реальности мы с некоторых пор не принимаем, справедливо находя свет несовершенным – здесь именно! – указателем, и помещаем для себя Солнце на проходящей через глаз линии, что на два угловых градуса повёрнута вправо – от упомянутой. То есть солнечный диск невидимо висит, сдвинутый на небосклоне вправо – примерно на три своих поперечных размера. Весомый промежуток! Сила разума здесь успешно преодолевает недостаток силы нашей ощущенческой сферы (имеемый тою из-за её устроенческой ориентированности на недостаточно совершенное – в лице световой волны). А вот в случае эйнштейновских "мысленных экспериментов" – преодолевает неуспешно. И это слабо ещё сказано! Ибо не только успешно не преодолевает, но даже и намеренно столбит непреодолевшесть – в качестве "новой реальности".

Дабы не тонуть по этому вопросу в частности, сделаем ещё кое-какие обобщения. Что такое свет в том а-ля эйнштейновском мысленном эксперименте – с лампочками на торцах движущегося вагона? Да переносчик факта произошедшей вспышки во времени, и всё! Ну, то есть, переносчик факта своего зарождения в лампочке, и не более. В смысле что свидетель того факта для других точек пространства – нежели та, где тот факт поимел место. Реальность, значит, оказывается тою, что одновременность событий мы обнаруживаем, вынужденно прибегая к использованию других событий – как указчиков на неё у первых. Приход светового луча от лампочки к нашему глазу – чем не событие? А ведь именно по таким приходам – от каждой из лампочек – мы и судим об одновременности или нет их загоревшесть для нас. Во всяком случае, в одном из возможных способов "судопроизводства", устанавливающего

факт этой одновременности (или неодновременности)! И не забыть тут ещё такие – дающие судить – события, как возбуждение светом чувствительных к нему клеток в сетчатке глаза, а также проход по зрительному нерву порождённой тем возбуждением импульсации. То есть что? А то, что всё безнадежно усложняется! Допустим, два пробных события имеются для вас одновременно. А с увеличением вашей скорости относительно их – они лишаются для вас одновременности. Чтоб разобраться, правда это или нет, вам дважды придется иметь дело с двумя цепочками событий-передатчиков – каждая доносит до вас весть об одном из тех двух событий. Вот тут-то и сложности! Во-первых, поди проследи – на предмет брака – всех членов такой цепочки: заколеблешься, ведь их, по идее, может быть при желании вычленено бесконечное количество. А во-вторых, события одной цепочки обязаны быть синхронны событиям другой цепочки: рассинхронизируйся хотя б одна их пара (ну, некое событие из одной цепочки и синхронно с ним происходящее – из другой, составляющие тем пару), как сравниваемые по времени события, что находятся в основаниях цепочек (ну, упомянутые пробные), окажутся для вас неодновременными (ну или наоборот – одновременными, ежели были неодновременными). Отчего та пара передающих событий потеряла для вас синхронность? Как быть уверенным, что легитимным образом – из-за вашей по отношению к ним скорости, ежели могут быть и другие причины, тут просто вами не прослеживающиеся, остающиеся для вас "за кадром"? В целом таких причин бесконечное число, в силу бесконечности же числа пар событий, должных быть синхронными (мощность множества возможных причин даже на единицу больше, нежели множества пар синхронных событий, поскольку каждой паре событий соответствует своё множество возможных причин их рассинхронизации, и в целом число причин – это множество множеств). Плюс то, что если причина, нарушающая синхронность пред вами одной из пар, суть именно ваша дополнительная к той паре скорость, так это тоже не беда для разводимой нигилистской логики. Скорее даже наоборот! Ибо означает, что скорость та повлияла лишь на доведение до вас факта одновременности пробных событий, а не на саму их одновременность. То есть попросту ввела вас в заблуждение!

Получается, вынуждены мы заявить, что фиксация одновременности у разнесённых в пространстве происходящих – та ещё штука! В целом требует большей восприимчивой развитости (ну, силы), чем которой обладают современные люди, в их массе. С той, какая есть, мы возьмем в цепочках посредников! Размывающе к факту одновременности возьмем! Ну, в смысле, обычные осязательные каналы, а заодно и физические средства, с которыми они работают, типа света у зрительного канала, мало годятся – при современной у людей развитости первых, и при наличной для людей у природы разви-

тости вторых. Недостаточны, – что физические средства, осязательными каналами привлекаемые, что реализуемый способ их привлечения. Недостаточны, ибо являют, повторяю, излишне вязущие нас цепочки посредников. Особенно если дело временной соотносимости происходящих, вдобавок к простой пространственной их разнесённости с соотносящим лицом, проходит, так сказать, и при скоростной разнесённости его с ними, порождающей разность его и их временных масштабов, затрудняющую оценочный контакт: тот остаётся возможен, но только уж за счёт большего количества событий-посредников (прибавляются те, через которые вынужденно – и обычно в незаметности – соотносятся временные масштабы). То есть мощность цепочек тогда на ступень ещё возрастает, как ясно. (И вместо "событие" я здесь – для корректности – говорил "происходящее". Всё из-за русского языка! В нём первое понятие пусть не проявлено, но где-то уже подразумевает одновременность – из-за приставки "со" в составляющем его слове.)

Впрочем, порождающий и самую маломощную цепочку канал – фактически не годится для обслуживания такого мироздания, как одновременность у происходящих. Иначе появляется призрак солипсизма. Происходящие, в их одновременности, они для нас или вообще? Вот в чём вопрос! Которым, как я понимаю, не шибко-то задавался Эйнштейн. А надо бы! Ведь ежели никакие происходящие чётко (и чтоб не ложно!) не обнаруживают для нас своей одновременности (факт её в смысловом отношении сколько-то да "размывается" – неизбежно, из-за нашей вязущести в цепочках посредников), то значит ли это, что её тогда у разных происходящих вообще нет? Что она у них – только намёком (именно как для нас бывает!), а как таковая – отсутствует? Ну, то есть, отсутствует в стрóгом смысле? Не обязательно, если только не стоять на позиции солипсизма. Мы ведь, по сути, лишнее звено, только усложняющее вопрос. Нас могло бы и не быть – ни одного человека, – и тогда что же, у мироздания, имеющего длительность, с мириадами входящих в него оттого происходящих, вообще не было бы происходящих совпадающих? Ну, временно налагающихся в полной совпадаемости? Надо полагать, были бы! Вот такая одновременность у происходящих как раз и была бы одновременною типа "вообще". А решая вопрос одновременности исключительно с позиции наблюдателей (как это по умолчанию всегда происходит у физиков, с подачи СТО), мы незаметно в солипсизме! Отчего наша, нынешних, задача: как к некоей асимптоте приближать одновременность типа "для нас" к такой событийной одновременности типа "вообще". При том, что даже и это полумера! Полноценное суждение об одновременности может быть лишь при реализуемости нами непосредственной воспринимаемости событий. Только такая восприимчивость эквивалентна тому, что в связи с событиями бывает, когда нас нет. Все же традиционные осязательные каналы предполагают физи-

ческих посредников – каждый своих, меж происходящими и нами, и потому не годятся, ежели без скидок. Поскольку посредник неизбежно наводит определённую редукцию при передаче, которую осуществляет. Мы, конечно, можем оценить редукцию, но при оценке – для заполнения вводных – будем пользоваться опять посредником, дающим редукцию, и так далее. Не выкрутишься! Вот такой нелицеприятный для человеческой современности ответ. Другими словами – да здравствует экстрасенсорика: в релятивистских вопросах без неё не обойтись! Ничего страшного: экстрасенсорная восприимчивость, она же восприимчивость непосредственная, суть восприимчивость через эфир, только и всего. Эфир как посредник меж тобой и тем из предметного мира, ощущения чего ты для себя ищешь! Посредник? В непосредственном-то восприятии? Да, поскольку эфир – ничто, а потому и посредника фактически нет. Во всяком случае, с физической точки зрения.

Кратко ещё раз, из-за важности. Что такое обнаружить неодновременность происходящих? Фактически это – не обнаружить их одновременности! Обнаружение же одновременности, как мы показали, дело скользкое. Помнить о посредниках и редукции, эту скользкость воплощающих! Так что если не обнаружил одновременности у взятых происходящих, то это может быть действительно отсутствие у них одной, а может быть и твоя обнаруженческая подскользнувшаяся. Молох последней неизменно маячит, какие события по времени ни сравнивай.

И в общем помнить о призраке солипсизма. В СТО неявно всё крутится на том, что одновременность для событий надо обнаружить, а если не обнаружил, то, стало быть, и нет её. Такое если не солипсизм, то по крайней мере – заявка на него. Ведь ежели бы, как мы уже говорили, нас не было, то бишь некому было бы одновременность обнаруживать, так оно что же, и одновременных событий бы вообще не было?! Так что постоянно отдавать себе отчёт: мы это мы, а одновременность это одновременность. Разводим людей с нею! Постулятивно предполагая её независимое от нас – с нашими обнаруженческими действиями над ней! – существование. Которое только и есть единственно "чистое". И на которое, стало быть, нам единственно и нужно ориентироваться в наших научных изысках.

Скажем ещё так. Одновременность двух берущихся событий – как нечто имеющееся у них – в качестве обнаруженности нужна нам, а не им: они и так "знают", что у них есть, а чего нет. Потому и нуждаемся в посредниках – в лице всяческих там сигналов, через них как бы приближаясь вплотную к упомянутым событиям (сразу двум!) и тем узнавая, что они имеют. Сами же события, ежели только имеют одновременность, "знают" о ней просто потому, что выступают элементами одной и той же Вселенной. Ведь у последней на все собы-

тия – один временной поток! А мы, страдая ограниченностью ощущенческой сферы, эту вселенскую "одноитожность" у событий пытаемся подменить, продублировав через посредничество сигнала. Пытаемся этак продублировать их, тех событий, пребываемость отдельными проявлениями вселенской целостности (за счёт чего бы последняя ни наводилась). Продублировать же такую штуку нельзя. На пути дубляжа можно уловить лишь более или менее бледную её тень.

Ладно, общих рассуждений – в связи с понятием одновременности – пока хватит. Вернёмся к большей конкретике. Чтобы нам с вами производить или определять одновременные события, находясь в одной системе отсчёта, мы должны синхронизировать свои часы. Этого будет достаточно, и синхронизация часов в одной системе отсчёта чётко и логически непротиворечиво разработана – на базе использования световых, звуковых и прочих возможных сигналов.

Возьмём вас и меня, определённым образом разнесённых в одной системе отсчёта. Вы даёте световую вспышку в некий засекаемый момент на своих часах. Я на своих засекаю показания циферблата в момент её прихода ко мне, он же момент отправления её мною обратно к вам. Вы по своим засекаете момент её к вам прихода, и вычисляете показания их циферблата в середине временного интервала между первой и второй засечками. Затем сообщаете мне эти показания: то должны быть показания и моих часов в момент прихода ко мне вашего сигнала-вспышки. Зная, что показывали мои часы в тот момент, я вычисляю поправку и в соответствии с нею меняю показания их циферблата: наши часы синхронизированы.

Синхронизация же часов, находящихся в системах отсчёта, связанных относительной скоростью, суть на ступень более шаткая вещь. Производить синхронизацию в таком раскладе, то придётся использовать уже только свет – лишь он в своей скорости от движения систем отсчёта не зависит, – плюс синхронизация, как процесс, окажется чем-то более навороченным – на целую ступень, и это как минимум (зная относительную скорость наших с вами систем отсчёта, надо будет исчислять для часов поправки – компенсирующие и то, что сигнал от вас ко мне пройдёт иное расстояние, нежели сигнал от меня к вам, и то, что сам ход наших с вами часов неодинаков – в отражение релятивистского эффекта). Оставляю открытым вопрос, можно ли будет исчислить все необходимые поправки – чтоб и синхронными выставить наши часы, и сохранять синхронизированными, несмотря на релятивистскую разносимость их хода. Такой вопрос позволительно оставить открытым, ибо если б даже и нельзя бы синхронизировать (либо можно, но нельзя удержать синхронными, что по большому счёту означает то же самое "нельзя"), это мало что доказывало бы: часы, может, и нуждаются в синхронизации, зато само время – ваше и

моё, равно наделяющее нас собою как принципом в любых отличающихся наших состояниях – ни в какой синхронизации (внутри себя самого, получается!) не нуждается. Это означает, в частности, что в синхронизации не нуждаются времена наших с вами – разноскоростных! – систем отсчёта. В отличии от часов в тех системах. Вот в чём хитрость! Что часы нуждаются – то, что называется, наши проблемы как пользователей всяческих механизмов, а времени на них наплевать, на эти наши механизмы и проблемы: факт совпадаемости в нём событий оно устанавливает без часов.

Вот что, значит, получилось наговорить – о восприятии и возможных иллюзиях его в связи с релятивистскими вопросами. Наговаривали, не забывать, в порядке разбора первого поспешного трактомомента из СТО. Что предполагает подобным образом пройтись и по второму поспешному из неё трактоменту. А именно: если у тебя, инерционно движущегося после обогнавшего в этом движении меня, инерционно же движущегося, и возникает – в отражение равноваимоотносительности инерциальных систем отсчёта в преобразовании Лоренца – ощущение моей временной замедленности, то это будет лишь иллюзия восприятия – одна из многих, способных владеть человеком в порядке этой жизни. А вот то же самое у меня по отношению к тебе – будет тогда реальным ощущением! Такая вот неравноправность, восходящая к существованию для нас эфира (оказывающейся фактом наличия мирового пространства как чего-то целого, ежели брать её в большей – на ступень – теоретизационной адаптированности к нам). Неравноправность, хотя сами меж собой рассудиться по факту её мы никак не можем. Ведь ежели ты не имеешь никаких, кроме меня, ориентиров, тебе ощущенчески непонятно, я ли это от тебя удаляюсь или ты от меня, и если первое, то от неподвижного ли тебя отдаляюсь я всё больше, или от движущегося в ту же сторону, а если второе, то от неподвижного ли меня твоя удаляемость, или тоже от движущегося в одну с тобой сторону. И точно то же самое мне непонятно в отношении тебя. Это не говоря уже о том, что допустимо нам считать себя и расходящимися в противоположные стороны! Отличить этот случай от перечисленных – не можем ни ты, ни я. Как и определить, твоя ли скорость в своём направлении больше моей в направлении противоположном, или наоборот. Но вот если ты по отношению ко мне ускорялся – непосредственно перед возникновением этакой нашей инерционной раздвигаемости, – то это оказывается арбитром! Ну, то есть, позволяет тебе сделать ощущенческую отдифференцировку, способную рассудить нас: ты ведь испытывал весь комплекс проприорецептивных и тактильных ощущений ускоряющегося тела – как комплекс, однозначно задающий направление твоего движения и при том сопряжённый со зрительным

ощущением нашей с тобой раздвигаемости в пространстве (чем та раздвигаемость автоматически и поляризуется).

Я не зря завёл такую речь. Человеческое восприятие способно пойти на встречу математике преобразований Лоренца. В смысле что обладает, как и она, свойством полной переориентировки движений расходящихся или сходящихся объектов, при условии выступаемости одного из них вами. Вы, отстающий от меня – в наших односторонних инерционных движениях по соединяющей нас линии, психотехнически способны зрительно самовоспринять себя удаляющимся от неподвижного меня – в сторону, поротивоположную тому нашему совместному реальному движению. И как что-то подобное, но уже в сверхиллюзивном плане способна, возможно, развиться у меня мнимость вашей жизнезамедливости. Мнимое видение наличия оной. Не знаю. Потому и разбираю всё подробно – чтобы составить для читателя контекст, в котором он смог бы порассуждать на тему такой возможности. (А неиллюзивной жизнезамедленностью здесь будет моя для вас жизнезамедленность, как ясно. Потому что моя инерционная скорость больше вашей, коль вы движенчески отстаёте от меня при нашей находящести на некой линии. Это при условии, однако, что когда я по этой линии набирал свою инерционную скорость, то тем ускорялся и по отношению к пространству как целому, а не только по отношению к вам. А то ведь возможен и случай, когда тело, замедляясь по отношению к вселенскому пространству, тем ускоряется по отношению к телу, которое перед замедлением находилось рядом с ним – в состоянии покоя относительно него).

То есть какую посылку мы толкаем? Что преобразование Лоренца, в его нынешней конструкции являющее инерциальные системы отсчёта абсолютно взаимнообратными, не отличает иллюзивных движений от настоящих, только и всего! Любовь к казуистике заставила незаметно переступить подобный порог: наградить два таких вида движений равноправием. Движение светофора при ж/д полотне – зрительная иллюзия пассажиров поезда, которую они, кстати сказать, успешно преодолевают за счёт привлечения других ощущенческих сфер. Не покупаются на принцип зрительно-воспрятийной (вслед за математической!) обратимости систем отсчёта в лице движущегося вагона и стоящего светофора. Тут так и напрашивается предложить эйнштейнцам с поезда пересаживаться верхом на светофор – и "ехать" обратно в стартовый город! Нет, я их, что называется, по-человечески понимаю: очень хочется быть "логичным вопреки всему". Однако здравый смысл оказывается, так сказать, здравлее, чем думалось Эйнштейну. В поверхностном рассмотрении, так полная равноправность инерциальных систем отсчёта есть "строгий научный" подход, а на поверку – антинаучный! Предупреждающий о том, что в казуи-

стике, вообще полезной, нельзя, однако, заходить дальше некой критической черты.

В теоретической физике фактически произошло вот что. Есть обратимость математических выражений, составляющих преобразование Лоренца, относительно тех инерциальных систем отсчёта, что такими выражениями конкретно связываются. Ну и от этого, в порядке необходимости физической трактовки математических результатов, сделали смысловой шаг до понятия полной равноправности (как собственных систем отсчёта) тех материальных тел, что при своих инерционных движениях пребывают в непокое друг относительно друга (с возможностью при этом для них любой, так сказать, степени такого относительного покоя – сколько позволяет "размер" скорости света). То есть математическая равноправность породила соображение физической равноправности – в незаметной переходящести соображающими запретной границы! Граница такая существует, поскольку есть невидимый арбитр для означенных тел – эфир в его контролирующей их скоростей друг относительно друга. Взять два взаимоотноительно покоящихся тела, так первое относительно второго обладает той же по величине скоростью, что второе относительно первого, то есть каждое наделено одной и той же взаимоотноительной скоростью, однако наличка эфира тут же автоматически определяет, мнима или настояща та скорость у каждого из них. Вот оно как! Настоящая – это скорость относительно пространства как вселенского целого, а мнимая – как видимость полученная через "присвоение" себе телом настоящей скорости другого тела пары. Ну, через непрерывную переносимость – в своей видимости происходящего – на себя тем телом (как неподвижным в пространстве) скорости того другого тела, в виду него в пространстве движущегося. И перешедшесть запретной границы означает, что воспрятийная иллюзивность, за счёт внутренних действий воспринимающего возможная на базе мирозначности, начала трактовочно проходить физической реальностью. Всё из-за предельного следования физики за математикой, незаметно оказывающегося глупым! Ну, то есть, не революционным нарушением здравого смысла, как провозглашается, а именно глупым его нарушением. Ещё бы не так, ежели такие отношения с математикой – всё равно что мастеру бездумно следовать за своим инструментом, когда он плохо отлажен для предстоящей работы. Каков будет плод той работы – ясно! Математика – инструмент, а определение вводных, на базе которых мы её посредством получим модель, есть отладка такого инструмента. В системе вводных никак не отобразили наличку эфира – кака посредника между телами, контролирующего их движения, – вот и получили...

Ещё раз, по возможности системнее. Преобразование Лоренца оказалось составлено из математических выражений, обратимых относительно инерци-

альных систем отсчёта. Так вот это естественно, поскольку в тех вводных, из которых оно выводится Эйнштейном в дубляж Лоренцу, никак не отражена причина, по которой свет постоянен в своей скорости к мат. объектам – в любом состоянии их движения. То есть сначала – из-за недобора вводных! – не дали математике полноценно направлять физику, а затем последней предписали следовать неполноценному поводырству первой! Потому и выступает глупостью не проигнорировать это предписание. Оно выглядит для многих безупречным, но потому лишь, что вводные не видятся недобратыми. Однако теперь – это проблемы тех многих, не наши уже.

Что же до использования светофора в качестве транспортного средства, то эйнштейнцы того избегают потому, что подобно всем подспудно чувствуют: хотя светофор и поезд относительно друг друга и движутся одинаково (ну, взаимозаменно), относительно пространства каждый из них движется по-разному: эта-то разность и являет поезду станцию назначения – через некое время, а светофору – всё ту же шпалу, возле которой он и был.

Но это мы всё лишь в порядке вставки – чтоб не забывать о втором поспешнотрактовочном моменте Эйнштейна. А пока продолжаем шарить по первому – по принципу так называемой относительности одновременности. Которая может быть критикуема и в ином ключе. Отталкиваемся от вопроса существования у инерциальных систем отсчёта общего "сейчас".

С подачи СТО вот уже сто лет тиражируется, что инерциальные системы отсчёта общего "сейчас" лишены. Но всё это фактически декларации, никаких особых доказательств тому не приводится, да и не может привести. Разве что специфические "мысленные эксперименты", но мы уже показывали, чего они здесь стоят.

Наша же логическая линия, продолжаясь в предложенном ключе, будет звучать так: в разных инерциальных системах отсчёта часы действительно могут показывать разное время, но это не освобождает все системы от того, чтобы всегда иметь одно и то же "сейчас". А залогом тому – эфир.

Неявная противоречивость Эйнштейна: ежели два мат. тела, инерционно движущиеся с неравной нулю взаимотносительной скоростью, как собственные системы отсчёта находить лишёнными общего "сейчас", то, согласно общей логике, нельзя было бы им вообще никак соотнестись по времени – как постоянно лишённым отправной точки для такого соотнесения. Сказать иначе, неприведённым – в своих временных осях – к общему началу координат. А тем не менее – соотносятся, утверждая временную замедляемость друг у друга (согласно варианту физ. трактованности преобразований Лоренца, дающей Эйнштейном).

Временно соотносить такие системы отсчёта – фактически неправомочно, а соотносят, в чём и противоречие. Точнее, всё вот как: временно соотносить системы логика вообще и тут не возбраняет, только вот любую способную выстроиться соотнесённость – априорно и наперёд объявляет лишённой всякого смысла (а уж в свете этой лишённости утверждаемость одним телом временной замедленности другого – не легитимна).

Тут подходящий момент, чтоб заодно обратиться ещё и к семантике – в нашей погоне за правильностью. Говорить о временной замедленности тел – семантически некорректно. Поскольку понятие замедленности само в подспуде жиждется на понятии времени. Как же тогда говорить? Да что у времени при пробном теле – выраженность в своём роде меньше на большей скорости того тела, вот как. Меньше на большей его скорости – с точки зрения его при меньшей своей скорости. И речь лишь о настоящих скоростях того тела. То бишь взятых относительно эфира (ну, пространства в целом, представляющего эфир). Да и не о скоростях даже речь, коли на то пошло, а о выраженностях движения того тела, поскольку понятие скорости – сродни понятию замедления: тоже жиждется на понятии времени.

Заодно переизложим логику про общее "сейчас". Для верности. Когда выводно судим о замедляемости времени у обгонно к нам (и по инерции) движущегося тела, неявно используем своё общее с ним "сейчас", что бы по этому поводу себе ни говорили. Иначе в самом принципе не смогли бы поиметь суждение о времени у того тела: его и наше времена (с их разными выраженностями в своём роде) постоянно должны иметь какую-то "точку пересечения", дающую возможность высказаться об одном из них в отталкиваемости от другого, и такая "точка" – как раз наше общее "сейчас" с тем телом.

Не пугать. Просто высказаться о времени тела (ну, о времени при теле), и высказаться о его времени в отталкиваемости от времени другого тела, – это разные вещи. Первое есть общее высказывание, и не требует ничего, а второе есть сравнительное высказывание, и требует общей для сравниваемых времён платформы, которая – в едином "сейчас" тел, обладающих теми временами (каждое своим). Ну, подлежащих им, тем временам, – каждое своему.

Теперь пойдём дальше. У каждого из инерционно движущихся друг относительно друга тел – действительно "своё собственное время", выражаясь по-эйнштейновски. Эйнштейн здесь для наглядности брал пустотелые твёрдые предметы, типа корабля. Внутри таких тел царит, по выражению Эйнштейна, "время покоящейся системы", общее для всего предметного заполнения того нутра. Объяснительный к сему упор делался на то, что тела именно твёрдые: неподвижные своими частями – каждой относительно всех других. А посему части не имеют релятивистских временных трансформированностей друг по

отношению к другу. Что ж, в первом приближении мы принимаем это построение Эйнштейна. Но только в первом! Считаю необходимым обратить внимание на смысловые натяжки. Атомы стенок корабля движутся (колеблются) в кристаллах, а свободные электроны и вовсе "гуляют" в тех стенках, ежели последние из металла, – тем самым части корабля-тела не оказываются всё-таки неподвижными друг относительно друга: их неподвижность выступает дериватом их размера, зависящего от характера вычленения в теле части. Плюс ничто не мешает и пылинке, плавающей в кабине того космического корабля, на расстоянии промежутка между стенками успеть разогнаться до субсветовой скорости – относительно тех стенок, а затем затормозиться до скорости прежней: тем она не выходящая из "покоящейся системы" в лице корабля, но пока гоняла по кабине – была во власти иного времени, нежели время той системы, "разлитое" по кабине.

Зачем понадобилось обращаться к этим смысловым натяжкам? А из-за посылки об относительности одновременности, которую Эйнштейн тут присобачивает! У каждого из двух космических кораблей, имеющих некую относительную – друг к другу – скорость, по Эйнштейну наличествует индивидуальное "время покоящейся системы", и это бы ладно, однако этакая их обособленность друг от друга абсолютизируется – в заявке потери кораблями общего "сейчас". Вот неверность такой абсолютизации и требуется показать. Что мы фактически уже и сделали, обнаружив смысловые натяжки. Коль они есть, то эйнштейновское прибежание к "твёрдым пустотелым предметам" как собственным системам отсчёта, подходящим для демонстраций его мыслей, становится действием условноотносительным: те смысловые натяжки такие системы смысловоразмывают. Давая нам право в каждой из них видеть лишь стилизующий стоп-кадр, стоп-кадр процесса перехода от системного меньшего к системному большему. Ну, то есть, легитимным оказывается всегда мыслить некую бóльшую систему, объединяющую в одно две наши сравниваемые меньшие системы (хоть бы и те космические корабли, для кабинного нутра каждого из которых по Эйнштейну характерно "одно время", отличное от времени нутра другого). Ещё бы не легитимным, ежели каждый из этих космических кораблей как тело норовит смысловораспасться на совокупность меньших тел – как независимых систем отсчёта, каждая имеющих своё внутреннее "одно время" (ну, помните, пылинки в кабине, атомы в кристаллах стенок кабины?). Эти меньшие тела мы фактически принудили выступать одной системой – в лице корабля, так почему бы сам тот корабль не принудить фигурировать одним из меньших тел, в совокупности выступающих неким суперкораблём?.. Итак, всякий раз маячит некая бóльшая система – материальный конгломерат, обладающий относительной целостностью и тем имеющий право выступать собственной системой отсчёта, для которой характерно "одно время". Которое, значит, обязано быть характерно и

для тех наших сравнивавшихся "пустых твёрдых тел", что вошли – вместе со своими пустотами-нутрами! – в эту систему. Вот то, что они все имеют "одно время" той макросистемы – несмотря на обязанность продолжать иметь и времена индивидуальные, и оказывается тем, что они обладают общим "сейчас"! Ну, единым "сейчас", ежели сказать иначе. Это с тем, что в конце концов мы приходим – в качестве такой всё большей системы – к самой Вселенной: такая-то система автоматически и оказывается задающей "сейчас", общее для всех мыслимых мат. объектов. Потому что – в законной выступаемости собственной системой отсчёта – обладает "одним временем", которое – из-за предельности системного подъёма – наконец-то есть уже никак не огибаемое "время покоящейся системы". Подобное время заведомо характерно для всего, что входит в "покоящуюся систему" (всего охваченного той именно "покоящейся"), и так как это система "Вселенная", и входит в неё всё мыслимое материальное, то именно последнее и оказывается охваченным тем предельным "никак не огибаемым" временем. Несмотря что отдельные члены того "все-мыслимо материального" имеют свои собственные локальные времена.

Итак, вся материальная Вселенная как эйнштейновское "пустое нутром твёрдое тело" – вот в чём ход, который не освоил сам автор вспомогательного понятия подобных твёрдых тел.

Однако надо отдать ему должное. Сказав "а", он не преминул сказать и "б": отменой эфира логически потеряв Вселенную как нечто целое, не испугался того, а напротив – застолбил его в объявленности несуществующести общего "сейчас" для мат. объектов, непокоящихся друг относительно друга. Действительно, неединоцельность Вселенной полностью отпускает на самотёк собственные времена наполняющих её объектов, когда такое "полностью" и оказывается приобретаемостью каждым из тех объектов ещё и целиком своего собственного "сейчас". В качестве атрибута своего собственного времени.

Так что помнить: абсолютизированная относительность одновременности суть фантазия, которую привлёт Эйнштейн фактически лишь для одного – узаконивания своей отказанности от эфира.

Что ж, тогда стоит отдать должное и нам – в нашей вышедшести на утверждение инфантильности такого ментального акта Эйнштейна. В чём сущность инфантильных человеческих поступков? В непродумываемости их авторами всех последствий! Мешает что-то? Например эфир, поскольку он "не такой, какой надо"? Ну так убрать его, да и дело с концом. А там будь, что будет! Вот оно и стало...

Смело можно сказать, что одновременность есть камень преткновения, способный проявить эфир как идею. Утверждая эфир, наша теория автоматически оказывается против относительности одновременности как не просто

явления с определёнными натурфилософскими рамками, а принципа. Ну, то есть, против абсолютной относительности одновременности, если можно так сказать! И обратно: упраздняя эфир, СТО оказывается просто вынужденной утверждать абсолютный характер у относительности одновременности (то бишь должной утверждать, даже если б и не хотела!).

Итак, напоследок: фактическая неисчезаемость одновременности событий при переходе к рассмотрению их любой другой инерциальной системой отсчёта, нежели та, в которой они одновременны, это есть попросту одна из граней существоваемости эфира как абсолютной системы отсчёта. Именно он как такая система выступает конечной определенческой инстанцией, которая всегда под рукой касательно любых берущихся событий: ежели взятые события одновременны с точки зрения такой системы, то это – абсолютно, и любая возможная их неодновременность – как отражение точки зрения на них какой-либо иной системы – будет лишь иллюзией находящихся в той иной системе, попросту для них неявной из-за недостатка их восприимчивой развитости.

Ну и в порядке наведения параллелей скажем ещё тут и так: залог наличия одного и того же "сейчас" для всех разнодвижущихся объектов Вселенной – в мгновении дальнего действия гравитации.

Плюс имеется вопрос так называемого светового конуса. Как важный момент из СТО, мимо которого нам невозможно пройти. Световой конус – объект из четырёхмерного пространства-времени Минковского, а потому штука, в сущности, невообразимая. Оттого пользуются лишь схемой светового конуса. В двухосевой системе координат по абсциссе откладывается удаление в каком-либо направлении в пространстве, где точке начала координат соответствует точка пространства с нулевым удалением. По ординате же откладывается удаление от той же точки и в том же направлении, достигаемое светом за время t , то бишь ct , с условием $t = 0$ в точке начала координат (а c здесь – скорость света, как ясно). Линия, составленная из точек, у которых $x = ct$, оказывается линией, выходящей из начала координат под углом 45° к осям абсцисс и ординат. Другими словами, то линия, проекции любой точки которой на ось абсцисс и ординат оказываются точками, одинаково удалёнными от точки начала координат (каждая по соответствующей оси). Это что касается правой верхней четверти перекрестья координатных осей. Такая же прямая будет и в левой верхней четверти того перекрестья, то есть – симметричная первой относительно оси ординат. Это зависимость для отрицательных x , обозначающих расстояния, лежащие в обратном направлении к обозначаемым положительными x . В итоге – две прямые, конусом расходящиеся из начала координат, в оставляемости оси ординат посередине меж собою. Область схемы между прямыми – совокупность точек пространства, которые удалены от некой нулевой его точки (символизируется точкой начала координат) на рас-

стояния, которые свет покрывает – в своём распространении из нулевой точки пространства, начатом с момента выбора её нами как точки, в которой произошло некое событие. За пределами же области – точки пространства, для достижения себя требующие от света большего времени хода, чем которое он естественно может взять, начиная от того момента $t = 0$ (как временного момента, которым свет характеризовался в нулевой точке пространства). Такая вот распространённая схема, и на мой взгляд – не очень удачная, потому что предельно жёсткая (угол между прямыми, расходящимися из начала координат, обязательно должен составлять 90°). Стоило бы употреблять ту, которая использует графики функций. Кратко её и обрисуем – как более символичную.

Если взять систему координат, по оси ординат отложить расстояние, по оси абсцисс – время, то график зависимости пройденного пути от затраченного на движение времени (у движущегося равномерно объекта) будет представлять прямую, под острым углом к абсцисс исходящую из начала координат. Где величина угла определяется скоростью объекта: чем больше скорость, тем больше угол. Так что график распространения света окажется предельно круто вздымающейся над абсцисс прямой – в силу наибольшей световой скорости среди скоростей физических объектов. А свет, движущийся в противоположном направлении, в качестве графика даёт прямую, симметричную первой относительно абсцисс. Так что две прямые конусом расходятся из точки начала координат. Ну, в смысле, составляют проекцию конуса на плоскость. Конуса с бесконечно большим основанием. И графики движения всех мыслимых физических объектов располагаются в пределах этой проекции, потому что скорость любого физического объекта меньше световой. Каждый из этих графиков означает, что физ. объект, ему соответствующий, в любой взятый момент своего движения будет проходить точку пространства, которую уже проходил свет (вместе с ним "отправившийся в путь"). Вот такие графики и заполняют ту конусную проекцию. Тем самым являя в её лице совокупность точек, обозначающих пространственно (по одной некой линии) и временно разнесённые события, меж которыми и событием, обозначаемым точкой начала координат, неисключённая причинная связь (благодаря существованию света как наилучшего их информсоединителя через время).

Нет, строго говоря, точки на графиках обозначают просто точки пространства, по которым в нём передвигается физ. агент, движение которого отображает график, однако первейшим свойством каждой точки пространства выступает способность содержать (ну, вмещать) какое-либо событие. Ну, какое-либо физическое явление – как в ней происходить. Например, проход через неё физ. агента. Вот оно всем тем и получается, как было сказано... А точка начала координат – это вершина светового конуса, засхематизированного описанными графиками. Свойство у последнего то, что он всегда существу-

ет для одной только – своей! – точки пространства-времени, которая и выступает его вершиной.

Мы подошли к главному. С точки зрения СТО – лишь в задаваемых световым конусом пределах содержатся события, способные составить процесс с участием события на его вершине. Ведь что такое физический процесс? Общепринято считать, что это есть последовательность неких событий. Да, но с тем, что то события, последовательно обуславливающие друг друга! В смысле, что каждое из событий, составляющих процесс, обуславливает непосредственно следующее, само будучи обусловленным непосредственно предыдущим событием. И поскольку быстрее скорости света обусловить нельзя, то вот вам и рамки для процессов!

Сказать иначе, лишь в пределах конуса способно располагаться событийное целое с участием происходящего на его, конуса, вершине. Ибо только происходящего из тех пределов способны состоять в причинной связи с той происходящестью. И ежели процесс составлен событиями, хоть одно из которых происходит за пределами конуса, то процессом он, собственно, не является, а выступает тем, что я бы назвал несвязанной событийностью.

Или вот чисто бытовая транскрипция этой базовой посылки СТО, безо всяких там "конусов". Транскрипция в соображении, что в течение ближайших десяти секунд событие со своим участием вы сможете составить только на базе точек пространства, до которых от вас способен дотянуться свет за те десять секунд.

Ну и что тогда всем этим мы имеем? А офигенный "прокол"! Ведь события происходят во времени. Этого-то у них ну никак не отнять! Тем самым время оказывается имманентным объединителем событий. Как река является – хочет того или нет – объединителем всего, что в ней плывёт. Это с подчёркиванием, что время есть "даровой" объединитель событий. И объединитель событий всех без исключения. В частности, вне зависимости от того, где они в пространстве в момент своего происхождения. Заведомо все происходящие события оказываются объединены – имманентно к самой наличке времени (в смысле длящести). И монополюльно отдав свету – в его скорости – роль объединяющего события фактора, авторы СТО неспециально отказывают времени в выступаемости таким фактором! Отказывают, то есть, ему в том, чем оно обладает, так сказать, по праву рождения. И чем обладало ещё до того, как во Вселенной появился свет.

А точнее, не отказывают по типу вообще, но непроизносяще заставляют его иметь – в своей объединительной к событиям роли – некую конечную скорость, и даже фактически называют её: равна скорости света. Вот так, ни много ни мало! Хорошенькое дельце – негласно обязать иметь скорость то, что само по своей природе определяет всякую скорость!

Итак, следование логике, разводимой Эйнштейном в СТО, приводит к завуалированному абсурду: назначенности скорости для того, у чего определенчески не может быть скорости.

Ещё раз. Какова скорость распространения времени? Ежели фактически, то именно этот вопрос поставили, рисуя схемы световых конусов! Неспециально давая каждому рисунком и ответ: равна скорости света. Одно только оправдание: именно что неспециально давали, то бишь в неосознаваемости факта даваемости.

Да что там, само наличие Вселенной есть некое единичное событие, и это как факт – пусть завуалированно, но тоже против СТО. Наличка Вселенной как предельное макрособытие! Или пусть даже то квазисобытие – тем не менее, всё равно так или иначе событие. И следовать логике СТО – значит "в упор не видеть" этого события! Потому что различать его как таковое мешает "световой конус" как понятие (заведомо не будучи способным покрывать всю вселенную, а значит, и выступать её объединителем в единую происходящую).

Плюс то ещё, что если наличие Вселенной есть постоянно самонадставляющееся событие, то существование её суть процесс. В смысле существования как "чего-то цельного в каждый берущийся момент". На крайний случай – это квазипроцесс. С предельной "макровостью". И взять скорость света тем "процессмейкером", сильнее которого заведомо нет, значит фактически отказать такому существованию Вселенной в выступаемости процессом. Ибо масштабы у неё такие, что скорости света с ней как с чем-то целым не справиться.

Или вот ещё. Свет от Луны до Земли летит секунду. И если я на Земле, а вы на Луне почесали себе носы с разнесённостью по времени, меньшей секунды, то в исходящести из понятия светового конуса – наши эти действия как события не находятся в причинной связи. Потому что чисто физически не способны находиться в ней – из-за неспеваемости света её обеспечить. То есть, чисто случайно так вот во времени расположились. Прекрасно, а если мы, синхронизировав часы, затем наперёд договорились почесать носы такого-то числа, в такое-то время – с тем, что я начну это действие на пол-секунды позже? Наши почёсывания не будут случайно совпавшими, являя недвусмысленную причинную связь во времени (ну, в смысле, я почесал нос потому именно, что вы его себе за пол-секунды до того почесали!), а меж тем понятие светового конуса – связь эту отрицает. Незаметно напрочь игнорируя то, что мы с вами располагаемся именно во времени – как том, что имманентно нас объединяет – вместе со всеми нашими возможными действиями.

Опережаю вопрос "суда присяжных": а для кого – какого наблюдателя! – ты почесал нос на пол-секунды позже своего приятеля?! И манкируя этим понятием (например, жонглируя вариантами возможной привлечённости наблюда-

телей), разведут казуистику, "подвешивающую" эти пол-секунды запоздания в непонятном состоянии (или сказать – бесхозном). А фишка меж тем в том, что не для какого не наблюдателя! Просто во времени – вот как я чесал нос, и точно в том же смысле – мой приятель. Вот во времени я соответственно и оказался на пол-секунды запоздавшим. Просто во времени! Как неком вселенском целом! Или, если хотите, я этак запоздал с точки зрения самой Вселенной – как наблюдателя. А ежели она на эту роль не подходит – по причине своей неодоушевленности (на ваш взгляд), тогда – с точки зрения самого бога. Ненаучный наблюдатель, да? На это могу сказать лишь, что пора покончить с раздвоением ментальности: большинство физиков верит в бога, а выкладки свои делает, будто его нет.

В СТО всё безоговорочно отдано на откуп наблюдателям: как выглядит для одного, да как для другого. Отсюда, собственно, и образ суда присяжных в лице современной физики. Но ведь если по большому счёту, то кто они, собственно, такие, эти "наблюдатели"?! Например, если бы человека вообще не было во Вселенной, и некому было бы наблюдать, так что же, и одновременности у событий не было бы? Вот то-то!

Происходящести должны быть увязаны в событие (ну, макропроисходящестя, в которой они – составляющие с причинной связью) обязательно понятным образом – неявное требование "суда присяжных". Ежели же непонятным, то для него увязанности вроде как и нет, а тем нет и события. Поскольку на платформе непонятого не получается выносить решения, а без них нет суда! Суд тогда перед выбором – между фактом события и самим собой, и естественно – выбирает себя. Ну а первым, от чего увязанности получается явиться понятною, проходит синхронизированность часов у лиц, анализирующих и соотносящих происходящести. Что делает актуальным вопрос происходящестей из относительноскоростных (друг к другу) инерциальных систем отсчёта. Ведь не можем как раз (пока, а то и в самом принципе?) синхронизировать часы, разнесённые по таким системам! Синхронизировать для соотнесения происходящестей из тех систем. Значит, любая возможная взаимоувязанность таких происходящестей – из способных явить одно событие в своём лице, теряет для "суда присяжных" смысл. Чем было объявлено, что теряет его вообще, – ведь всем в физике заправлял именно "суд присяжных" – под председательством Эйнштейна. А меж тем – такая объявленность есть неправомочная толковательная расширительность. Находимось под гипнозом казуистической логики! Разноскоростные и.с.о. "синхронизированы вообще" – в силу наличия самого факта времени, которое их охватывает из-за их входящести в одну Вселенную. И отсутствие опредмеченной (а тем и оконкреченной) синхронизированности таких систем – на инструментальной основе (что в лице часов, на-

пример), не означает ещё отсутствия той имманентной их синхронизированности, которая "вообще".

Синхронизация часов при помощи света – это хромой приспособливает Вселенную под свою хромоту.

Вторая фишка. Если два пространственно разнесённых события происходят как одно, только "большее по размеру", то мы говорим об их одновременности. Фактически, это одно из возможных определений одновременности! И вот "суд присяжных" в лице нынешней физики – это обязательность доказательств этакое "как одно", индивидуально на каждый из случаев. Доказательств в лице каких-либо физически восприимчивых факторов. Ну, на их именно основе. Чем неявно производится уплощение свойств времени: фактически сводим его к свойствам физ. агента, употреблявшегося для выстраивания доказательств. Дело не спасает, что агент обычно берётся "самый лучший" – свет, с его наибольшей для природы скоростью, и всем таким особенным прочим. Время – это всё ж не свет! А нечто, я уверен, большее.

Что сказать в порядке резюме? Мироззрения Ньютона и Эйнштейна – две крайности. Так бывает сплошь и рядом: надоела одна крайность, бросаются в другую, противоположную. **Нет абсолютного времени и абсолютного пространства, как считал Ньютон, но нет и абсолютно относительных времени и пространства, как пусть невыговоренно, но считал Эйнштейн! А есть некая природная оптимальность, в которой и время имеет разную выраженность хода – для предметов на разных скоростях к пространственной целостности мира, и пространство оказывается текущим в своих локалях, а не всеместно только неподвижным, с тем, однако, что всё это, с ними имеющее место (ну, с временем и пространством), не отменяет их в качестве вселенского целого, как то фактически провозгласил Эйнштейн – в пику Ньютону.**

Добавим о неподвижности пространства, что совсем неподвижно оно лишь именно как вселенское целое, но всё ж и в локалях бывает почти неподвижным – в непосредственной близости чёрных дыр, ежели нет в том районе никаких материальных объектов, и если в поисках его движения иметь в виду только три обычные миромеры. Потому что "в пределы" этих трёх из-за чёрной дыры почти не подпускается нового (дополнительного) пространства – со "стороны" четвёртой. Тем самым нечему – в локале того района – составлять и "течение" пространства.

Вот так. И теперь, в поконченности с первым поспешным трактомом Эйнштейна, ничто не мешает нам до конца разобраться со вторым. С равноправностью инерциальных систем отсчёта. Что ж, математически они, пока преобразованием движения берётся именно преобразование Лоренца, а не что-

то более продвинутое, в самом деле равноправны, но физически – нет. Для человеческого восприятия, в силу способности его развивать мироявленческие иллюзии, они тоже равноправны. В том смысле, что находясь в одной, вы способны воспринимать другую в одинаковости, как первую при находимости в той другой. Например, довольно легко перестроить восприятие, находясь на задней площадке последнего вагона плавно идущего поезда: сам себе зрительно предстаёшь неподвижным, а ж/д полотно видишь вытекающим из-под твоих ног и убегающим в направлении горизонта. Налицо равноправность для тебя систем отсчёта "поезд" и "рельсы", но это равноправность деланная. Иначе сказать, иллюзорная равноправность. Движение рельсов – зрительная иллюзия, по-настоящему движется только поезд. И благодаря тому, что сам тыходишь в тогдашнюю реальность – ну, принадлежишь ей, со своим таким "перебрасываемым" восприятием, – она способна делать на тебя поправку – как на обладателя такого восприятия (ну, попросту учитывает факт его негодности, чтоб не "покупаться" на результаты!), чем системы отсчёта "рельсы" – "поезд" получается ей держать неравноправными. Ну, в смысле, ты сам на себя можешь сделать подобную поправку, став на точку зрения такой реальности.

Другими словами, в относительной скорости всякого тела надо различать мнимую и немнимую компоненты. Когда скоростные векторы двух тел, относительную скорость которых рассматриваем, направлены в одну сторону, одно из тел имеет целиком мнимую относительную скорость, другое – целиком немнимую. Целиком мнима относительная скорость у того из них, которое с точки зрения пространства как целого имеет меньшую скорость. И прямое преобразование Лоренца обязано осуществляться от тела с целиком мнимой относительной скоростью – к телу с целиком немнимой. То есть, с точки зрения первого время у второго действительно замедляется, а размеры по линии, совпадающей с вектором относительной скорости, сокращаются. С точки же зрения второго – того же у первого быть не должно: время должно у него ускоряться, а размеры по линии вектора относительной скорости – увеличиваться. То есть – обратное преобразование Лоренца не должно быть тождественно прямому. К этому его призывает факт наличия неподвижной вселенской пространственной целостности – как представителя эфира. Представителя его нам, нуждающимся в таком уплощающем представительстве – из-за своей пребываемости в физической форме бытия.

Ну а когда скоростные векторы тел направлены в противоположные стороны, относительная скорость каждого из них имеет мнимую компоненту, равную абсолютной скорости другого тела. И прямое преобразование движения, тем самым, должно тут быть преобразованием от системы отсчёта в лице тела, мнимая компонента в относительной скорости которого больше, к телу, у

которого она меньше. Правда, оно тут, так сказать, лишь преимущественно прямое. Потому что обратное тоже будет прямым, только что несколько менее выраженным в данном статусе. Как это понимать? А так, что эфир в этом случае держит тела – в их относительном движении – в равном качестве. Всё в силу того, что перемещаемость каждого тела пары относительно пространства тут выступает его удаляемостью от другого тела пары. С той лишь разницей, что у одного такая удаляемость несколько более выражена, чем у другого. Это в отличие от случая одностороннего движения пары тел, в котором у одного из них такой удаляемости нет вообще. В отражение сказанного и преобразование движения от первого тела ко второму (как собственных систем отсчёта) проходит в том же качестве, что преобразование от второго к первому. С точки зрения одного – время замедляется у другого, как с точки зрения того другого оно замедляется у первого. Вот только степень замедления – разная. А именно: если относительная скорость, установившаяся меж телами, первому из них в лице себя являет бóльшую мнимую компоненту, нежели второму, то с точки зрения первого – время у второго замедляется больше, нежели с точки зрения того второго оно замедляется у первого. И на столько больше, на сколько мнимая компонента относительной скорости одного больше мнимой компоненты той же по величине относительной скорости другого. Чем имеем, что если тела разбегаются в противоположные стороны с одинаковыми абсолютными скоростями, то отношение их мнимых скоростных компонент равно единице, и тела существуют в одинаковом временном режиме. С нашей точки зрения на них обоих – фактически как точки зрения сразу на все наличные во Вселенной тела. Такая точка зрения вынуждена быть приуроченной к пространству как вселенскому целому, а потому она – абсолютная точка зрения.

Плюс такая ещё грань: в инерционном движении имея субсветовую абсолютную скорость, тело может отделить от себя половину, послав её по ходу того движения относительно себя разогнаться. Вопрос: сможет ли та разогнаться до поимения половинами субсветовой относительной скорости? По СТО, так для отделившейся половины это обыкновенный разгон с нуля, так что никакого вопроса просто не возникает. На наш же взгляд, вопрос стоит, причём как нетривиальный! Вообще оставляю его читателям, сам же отвечу в том духе, что вроде должна смочь. Ведь разогнаться относительно движущейся оставшейся половины – не одно и то же, что относительно неподвижной пространственной целостности. Относительно последней отделившаяся половина разгоняется плохо (поскольку и так уже хорошо разогналась – под самый предел абсолютных скоростей, что в лице скорости света), но это не мешает тому разгону быть вполне хорошим (ну, выраженным) разгоном к оставшейся половине – в силу её именно движущести, весьма выраженной, из-за которой она есть эфир возмущённого состояния, для себя аннулирующий разогнав-

шесть отделившейся половины к эфиру в состоянии пространства. Направленная аннуляция! Другими словами, половины в своём друг относительно друга движении являют как бы эфирную струю, определяющуюся сама в себе, независимо от остального эфира.

То есть, что всё это значит? А яркая демонстрация иллюзорности как неизбежного принципа при относительной скорости: сидя на ушедшей половине, вроде хорошо разгоняешься – видимым образом, используя для получения той видимости остающуюся половину, но на самом деле (ну, образом как раз невидимым!) – разгоняешься едва-едва, в смысле добавляемости скорости как плода разгона. Невидимая настоящесть против иллюзорности глаз? Трудно сказать! Такие уж нетривиальные штучки вытворяет эфир с нами (ну, в смысле, с самим собой, поскольку в телесном отношении все мы – как раз эфир, только что возмущённый), и с этим надо как-то примиряться.

Мыслим, кстати, и случай, противоположный разобранному. С тела, разогнавшегося от нулевой до субсветовой скорости относительно пространства, стартует другое тело – в противном разгону первого направлении. Начав разгоняться и тем приобретя относительно первого субсветовую скорость, оно оказывается с нулевой относительно пространства, как должно быть ясно без особых пояснений. И если разгон свой тот продолжит, начнёт опять иметь скорость относительно пространства – всё бóльшую, вплоть до субсветовой. Но относительно первого тела то не будет "двойная суперсветовая" скорость, как ясно, – то есть набирая скорость относительно пространства, второе тело в лице того совсем не так выражено набирает скорость относительно первого тела: в этой относительности у него скорости и так уже чуть не "под завязку", и тем самым – просто некуда добирать, что называется.

Рассудить же наши с Эйнштейном подходы сможет следующий эксперимент. Стартовав с Земли, корабль относительно неё разгоняется до субсветовой скорости, и далее выключает двигатели. Затем с него стартует космошлюпка – в обратном направлении, то есть в направлении Земли, и достигает относительно него той же субсветовой скорости, какую он достиг относительно Земли. Ясно, что в скоростном отношении к пространству она тогда в том же положении, что и Земля. Выключив двигатели и побыв так неделю – по своим шлюпочным часам, разгоняется опять в обратном направлении – вдогонку, то есть, за кораблём, и достигает скорости, с каковою от него отваливала. То есть сравнивается с ним в скоростном отношении, далее выключая двигатели. Благодаря чему меж ней и им устанавливается некое неизменное расстояние. И сеанс радиосвязи с кораблём обнаруживает, что часы шлюпки ушли вперёд – сравнительно с его часами. Ну, должен такое обнаружить – согласно нашим воззрениям. Поскольку скорость корабля относительно неподвижного пространства была больше, нежели у шлюпки (целую неделю). Согласно же

СТО – часы шлюпки должны были отстать: она ведь разгонялась относительно корабля, а затем возвращалась к его скоростному состоянию, оба раза испытывая ускорения. Точно как улетавший с Земли близнец – по отношению к оставшемуся на ней, а ведь именно ему – в этом классическом для себя примере – СТО вменяет прилетать моложе. Вот эксперимент и рассудит! Это в том, правда, случае, ежели Земля, в незаметности того, случайно не имеет субсветовой скорости – относительно всё того же неподвижного пространства. Тогда, чтоб всё было по написанному, корабль должен был бы стартовать по направлению вектора такой скорости Земли. А если нечаянно стартовал в противоположном, то результаты окажутся обратными: уйдут вперёд корабельные часы – по отношению к шлюпочным. Корабль ведь, обретая субсветовую скорость относительно Земли, тем незаметно оказывается на близкой к нулю абсолютной скорости, и возвращение его шлюпки к старому скоростному состоянию означало пребывание её на большей абсолютной скорости, нежели он. Но не беда, взамен реализуется другой эффект, не совпадающий с предсказаниями СТО: по возвращении на Землю корабль со шлюпкой обнаружат, что их часы ушли вперёд сравнительно с земными: у корабля больше, у шлюпки меньше (но всё-таки тоже). А по СТО, так уйти вперёд должны были часы на Земле. Если же корабль стартует по направлению вектора субсветовой скорости Земли, то и по СТО, и по нашему он со шлюпкой должны вернуться менее постаревшими, чем Земля.

Итак, две и.с.о. в имеющей относительной скорости. Согласно СТО, описанности ими друг друга взаимообратны и равноправны. Ну, то есть, выстроенность одною своей относительности к другой – полностью равноправна с такой же по виду выстроенности той другою своей относительности к первой. Согласно же теории, опирающейся на "новый эфир", взаимоописанности и.с.о., непокоящихся друг относительно друга, как раз неравноправны. Справедливость чего мы и пытались всячески продемонстрировать.

И под занавес этого блока кратко всё резюмируем – в неупотреблявшихся доселе смыслоформах, что полезно. Преобразование движения, дающее релятивистские эффекты, называется преобразованием Лоренца, а не преобразованием Эйнштейна, то есть последний лишь подсоединился: заново вывел, исходя из своих вводных, да физически трактовал полученные математические выражения. В двух моментах – поспешно. Первый момент поспешной физической трактовки – абсолютизация относительности одновременности. Второй же то, что можно назвать полной обратимостью движения и.с.о. друг относительно друга. Математически полная взаимоперерасчётность и.с.о. в преобразовании Лоренца – не имеет физического наполнения, вопреки Эйнштейну как автору физической истолкованности тех преобразований. Сказать иначе, мате-

математическая взаимозаменяемость инерциальных систем отсчёта, движущихся друг относительно друга, когда каждая с равным основанием может считаться покоящейся, а вторая "берёт на себя" всю "совместно изготовляемую" изменимость расстояния между ними, – такое в ранге физического принципа есть ложность, игнорирующая существование эфира. Существование его в ипостаси целостного пространства, прежде всего.

Принцип относительности допустимо понимать лишь как одинаковость формы физических законов в инерциальных системах отсчёта, имеющих друг к другу не равную нулю относительную скорость, отчего физические эксперименты, проводимые в пределах любой из таких систем, выступают обращаемостью к одному и тому же (ну, к той единой форме физ. законов), а потому и не могут сказать, в какой из тех систем ты находишься. Вот и всё, а не в той степени расширительности, какую незаметно взял Эйнштейн: что происходящее с одной системой с точки зрения другой – есть то же самое, что происходящее с той другой с точки зрения уже первой. Нет, оно-то так, но в том-то и фишка, что точка зрения одной из систем тут неизбежно ложна, то бишь та система пребывает в иллюзивности касательно своей товарки! Одинаковость точек зрения у систем лишь на самих себя – вот что есть принцип относительности по-настоящему. А вовсе не одинаковость точек зрения на других. У каждой на каждую из прочих – на том основании, что они тоже, мол, инерциальны, как и она сама. Ну и добавить, что точка зрения системы на саму себя – это, считай, точка зрения её на физические законы, как неизменность для всех систем в ней подвизующиеся. Отчего и получается, что все и.с.о. видят в себе одно и то же.

И в конце этих разговоров о принципе относительности уместным – из-за наговоренного – начинает выглядеть **расширенный принцип относительности**: распространяющиеся на мат. тела законы природы – в своей форме независимы и от параметров неравномерного прямолинейного движения тел, а не только от выраженности равномерного прямолинейного, – другое дело, что когда (и если) их постигаешь из положения неравномерного, то выйти на них (как продекларированную инвариантность) на ступень труднее.

Всё наговоренное также дало понять, что СТО – внутренне противоречивая теория. В порядке неё что? Постулатом вводят инвариантность скорости света от систем отсчёта (почему-то постулатом – при инвариантности той как экспериментальном факте от Майкельсона – Морли!), и хоть через постулат, но её имея, в отталкиваемости от её факта вторично выводят преобразование Лоренца (которое сам Лоренц до того вывел "под другим соусом", а именно – в задавности условием, чтоб уравнения электромагнитной волны сохраняли свой вид при переходе в любую возможную ИСО). Выводят это преобразование, чтоб затем страковать его как абсолютизированность относительности, исключаящую абсолютную систему отсчёта для мира, меж тем молчаливо (ну,

невыговариваемо!) имея свет именно в качестве такой системы, то есть – противореча самим себе.

Многопосылочные построения детей – в неизменности внутренне противоречивы. Не умеют просто дети ещё сводить концы с концами – при умствовании взрослого уровня. И коль скоро СТО как раз внутренне противоречива – стала такой, не сумев свести концы с концами в вопросе соотносимости инерциальных систем отсчёта, – то мы и отмечали в своё время, что она – с элементами инфантильности.

И далее! Все внутренне противоречивые теории – лишь частично правильны, если можно так сказать. То есть, в чём-то приводят к верным следствиям, а в чём-то к неверным. Ну, это просто в логистике есть та непреложная смыслопосылка, что у внутренне противоречивых построений среди верных следствий обязаны возникать и неверные, а также следствия, приводящие к парадоксам. И в случае СТО – неверно следственное утверждение относительности одновременности, а предвосхищаемый логистикой парадокс – это парадокс близнецов.

Давно, по выходе из юности во взрослость, мне пришла в голову следующая смыслоформула: **Земля притягивает предметы потому, что течёт время.** Тогда эта формула казалась мне чем-то, у чего нет дна. Теперь же, в опоре на уже наговоренное, можем подступить к ней в поисках того дна.

В том наговоренном прежде прочего напрашивается вопрос: а какое же конкретно пространственное изменение не замечаем, чтоб незамечаемость та оборачивалась характерным ощущением "текущести" при субъективном феномене времени? Можно предполагать, то как раз прирост пространства, являемый расширительностью Вселенной (ну, и являющий ту расширительность – то две стороны одной медали). И поскольку сей прирост обуславливает планетарную гравитацию, то и получается та наша смыслоформула. Вот так.

Прирост пространства – не единственный, но главный поставщик ощущенческого фантома "бег времени". Пространственные изменения вокруг нас – неподвижных! – непрерывно происходят, прямоощущенчески замечать мы их подспудно отказываемся (ничего не делаем ведь, чтоб психораспространяться по четвёртой миромере!), оттого постоянно имеем принудительную непрямую ощущенческозамеченность, предстающую тем пресловутым временным "бегом".

Итак, главный, но не единственный поставщик. Ибо прирост пространства, ежели брать в предельной непосредственности, связан только с четвёртой миромерой, тогда как вообще – мир бесконечномерен. И за счёт каждой из этих мер, не считая первых уже четырёх, что-то там касательно нас тоже происходит – нами, естественно, замечаемое уж никак не более, чем пространст-

воприрастаемость со "стороны" четвёртой меры. Происходит, тем внося свою лепту в общий ощущенческий фантом, владеющий нами. С тем, однако, что "парциальное давление" каждой следующей квазипространственной меры – меньше в этом фантоме, чем предыдущей, с асимптотическим приближением к нулю по возрастанию числа берущихся мер до бесконечности. Ну, в смысле, лепта в общем ощущенческом фантоме от квазипространственной мерности всё большего номера – всё меньше. Со сходящестью на нет.

Можно также сказать, что пространство вообще не имеет никакой мерности. Это и его бесконечномерность – просто "две стороны одной медали". Заставляет его быть мерным наша психосила. Которая ведь вполне может быть и не пущена в ход: тогда-то оно и не будет иметь для вас ни одной меры (а тем фактически и существовать для вас не будет, как таковое лишь маяча в качестве голой возможности). Будь же ваша психосила бесконечно велика, и вся пущена в ход на стезе мерностного разворота мира (ну, в смысле, на проявляемость вами себе пространства – "изготовлением" его мерностей: сначала первых трёх, обычных, а затем последующих квазипространственных), так мир явился бы вам бесконечномерным.

Итак, заставляет мир быть мерным человеческая психика. Прежде всего ваша – когда дело касается именно вас, но и психика всех (затем уже, неким подпирающим к первому фоном). В ориентации же на свою психику (в частности, на её состояние) человек и определяет, сколькомерным быть миру, в принципе у него уже "полезшему в мерность". Психосилы низших животных хватает, чтоб держать мир лишь в одной мерности. Ну, иметь его ухваченным лишь одною пространственною мерою. Такова, например, улитка. Психосилы животных высших – хватает на ухваченность двумя мерами. Этологические опыты это вполне подтверждают: волк, например, не способен взять в толк, куда девается предмет, когда его кладут в непрозрачный стакан, и пытается искать тот предмет за стаканом; с точки зрения волка тот предмет, надо полагать, улечучивается из пространства. Волк так же не допирает, что заходит в помещение: для него такой заход – лишь приход к нему некоего хитродейственного заворота всё того же уличного "интерьера". Ну а человеческой психосилы хватает на воспрятийное награждение вообще "ни мерного, ни немерного" мира аж тремя пространственными мерами. Или скажем так: психосилы той хватает на воспрятийное оформление пространства аж в трёх мерах. На воспрятийное держание его тринеправленным.

Имелась в виду обычночеловеческая психосила. Ибо у выдающихся людей её хватает на организацию "воспрятийно превращающегося в пространство нечто" в четыре меры. То же и у наркоманов – иногда и некоторых из тех, что принимают психоделики типа ЛСД: при удачном раскладе наркотик побуждает такого человека перераспределять свою психосилу так, что её хватает

потянуть и четвёртую пространственную меру. Пусть в ущерб важным жизненным функциям. Это, конечно, не то, что срабатываемость добавочной психосилы выдающихся людей, но всё-таки. В общем, куда уж дальше в демонстрацию нашей декларации, что нет науки-физики, а вынужденно есть лишь наука-психофизика!..

Ну и то наконец, что всю бесконечность пространственной мерности охватывает только бог. А для людей всегда будут оставаться какие-то "в прямом отношении пока неощущаемые" пространственные (ну, квазипространственные) процессы, тем самым оборачивающиеся в "бегущее время". Но всё-таки, чем больше психосилы ты бросаешь на прямое ощущение различие пространственно многомерных миропроисходящих, тем меньше подвержен ощущенческому фантому такового "бега".

Специально работая с четвёртой (по привычке вроде как пространственной) мерой – на предмет её развития для себя в видимом мире, ты заодно неспециально "останавливаешь время". А можно приостанавливать его специально – в своей субъективистике, – тогда четвёртая "пространственная" мера приходит к тебе неспециально. То есть субъективная прекращаемость "бега" у времени и мерностная расширительность пространства – две стороны одной медали, не бывающие друг без друга. Медаль к тебе может быть повернута каждый раз только одной стороной, определяя ею текущую психометодику подхода, но не забывать при том, что есть и противоположная сторона. И с любой стороны подхода при успехе получается нечто такое, что захватывает дух, можете мне поверить. Однако тут надо чётко понимать: субъективно остановить время – частично возможно, длительность же мира (ну, непрерывную его для нас длящсть) нисколько прервать для себя нам нёвозможно.

Почему длительность у вещества растягивается с увеличением его скорости в пространстве – как довещественной возмущённости эфира? Потому что длительность – атрибут вещества как полновозмущённости эфира, возникающий вместе с веществом и вместе с ним исчезающий. Увеличивая же скорость "относительно" эфира, вещество состоянчески становится ближе к нему. Ну, то есть, увеличиваясь, как некая квазиструя, в скорости относительно "общего количества" себя, эфир как вещество (которое в любом поступательном своём движении и есть как раз упомянутая "струя") всё больше как бы вмазывается в себя обратно. Становится ближе к состоянию влитости в себя обратно, то бишь. А значит – к своему исчезновению как качества самоотторгательности, в демонстрацию чего нам и длительности при нём остаётся меньше. Через явление растягиваемости её у него для нас, когда на "единицу" нашей приходятся лишь доли единицы его. В привычноречьи это называем замедлившестью времени того вещества как тела.

Сказать иначе, с увеличением скорости вещества в эфире – встроенность его в последний поступательно меняется: выделенность из него становится всё менее выраженной, где на рубеже скорости света маячит полная потеря выделенности (потеря, по крайней мере, до уровня превращаемости в физический вакуум как субвещество). Световой поступательной скорости элементарной частицы соответствует критическая угловая скорость её "вращаемости в самой себе": то угловая скорость той величины, которую частица себя уничтожает, как эфироворот достигнув срывного рубежа. Уничтожает, как таковая отдаваясь тому, из чего вышла.

Но вернёмся к общему состоянию вопроса длительности. В философском отношении тут работает следующее. Создав пространство, невозможно не создать время – как длительность его, того пространства. Длительность – дериват его возникаемости, равно как и возникаемость (ну, наличка) – продукт срабатывания длительности. Взаимоатрибутика, что на ступень сильнее, нежели философское статус-кво своеобразной анизотропии, когда одно является атрибутом другого при невозможности обратного. Итак, взаимоатрибутика: начав творение мира не с пространства, а с времени, невозможно параллельно не создавать пространства, ибо не может быть длительности без того, что длится.

Повторяемся, из-за важности. В общем длительность, как атрибут материи, возникает и наличествует в слитности с протяжённостью – как другим атрибутом. А далее, в порядке этой их налички, длительность проходит базовой составляющей огульного феномена времени, владеющего нами, протяжённость же организуется в пространство, бесконечно надставляющееся для нас в своей мерности. Вот и всё.

Можно сказать, что длительность есть выделившееся существование пространства. Ну, существование его во взятости отдельно от него (как того нечто, что существует), насколько такое вообще допустимо как акция. Само по себе существование чего-то, да в берущести без того чего-то, – этакая вот акция! И когда в качестве такого "чего-то" выступает пространство (с веществом как своей "существованческой усугубившестью"), то самим по себе его существование и оказывается длительностью мира.

Пространство, не оощуренное вами ни в одной мере, длительность имеет, но непроявленную, а тем самым – оощуренчески является вам целиком в виде времени (ну, временного фантома). Для предстатия с проявленной длительностью ему у вас необходима хотя бы одна мера: тогда только в феномене (он же и фантом!) времени затравочно оказываетесь при прямой (ну, некосвенной) оощуренческой выйденности на его, времени, конструктивную суть, его "ядро" в лице длительности (потому что обрели то, чему есть длиться).

Так что если нет для вас ни одной меры у пространства, то имеющаяся у него длительность присутствует у вас временным сплошняком. Ну, в виде сплошного времени – как тотального иллюзивного феномена. То бишь время есть один из двух способов нашей обращаемости с длительностью пространства, а именно непроявленная – нами себе – прилагаемость её к пространству, наличная из-за нашего игнорирования пространственной меровыраженности. Второй же способ – как раз проявляемая нами прилагаемость её к пространству. У существ в их обычном состоянии означенная непроявленность частична. Например у современных людей, в их подавляющей массе, имеется лишь непроявленность, что из-за психоневзятости большей, нежели трёхсоставная, пространственной меровыраженности. И субъективно останавливать время – означает допроявлять себе длительность вещества и пространства. Реализовал такую остановку – получаешь квазизастывший мир. Своим присутствием знаменующий некоторую добравшесть твою прямого контакта с длительностью вещества-пространства. "Бесплатным" приложением у чего проходит твоя непривычно-большая меропроницаемость мира. Ну, наличка для тебя в материальном мире некой квазипространственности, органически дополняющей психопривычную пространственность-трёхмерность. Офигенная штука: воспритийно повисаешь (как бы вместе с привычным пространством!) над некой невообразимой бездной, не имеющей дна (потому что она как бы всюду!). И так и висишь, не проваливаясь.

Мир это четырёхмерное "эфирово яблоко", кожура которого есть привычное нам трёхмерное пространство с вкрапленностями вещества. Привычная – повторяю – наша явь из трёхмерного вакуумного пространства и вещества – лишь кожура такого "яблока"! Охватывает его аналогично тому, как двумерная – если не считать её малой толщины – зелёная кожурка охватывает обычное яблоко как трёхмерный объект.

То есть всё замешано на той общей посылке, что чистый эфир возмущается, тем оборачиваясь нам вакуумным пространством. В смысле оборачиваемости некой начальной материей – в лице вакуума, организованного в пространство как воплощённую трёхмерность. Довозмущаясь же из этой вакуумной стадии, эфир оборачивается веществом – то есть материей, вполне уже оформившейся как таковая.

Таким образом эфирный супершар, возмущаясь по своей квазипериферии, одевает себя в "оболочку" из трёхмерного вакуумного пространства и вещества. Вот вам и "яблоко" с "кожурой"!

Почему трёхмерно пространство? Потому что треугольник фигура жёсткая, единственно из всех!

Вообще-то вселенское "яблоко" бесконечномерно, а не четырёхмерное это "яблоко", но из всей этой бесконечности наиболее непосредственно мы имеем дело с четвёртой мерой в лице эфира. Она нам как бы представляет оставшуюся за ней мерную безбрежность Вселенной. Нам как трёхмерной "кожуре" эфира, выступающего её, четвёртой меры, естественным воплощением. Когда в качестве "кожуры" мы трёхмерны потому лишь, что треугольник – единственная жёсткая из геометрических фигур.

Так что если строго, то само пространство не может иметь четвёртой меры, эта мера для нас уже в эфире – как том, из чего "производится" пространство. И психосильный человек, сподобившийся "увидеть" эфир, должен говорить о видимости им четырёхмерной квазипространственности. Ну или о дополнительной появляемости у пространства некой квазимеры.

Поверхность сферы как квазиэкватор супершара – в каком-то смысле ведь не меньше самого этого шара! Подобно как окружность на плоскости, вращением которой вокруг её диаметра (как линии конечных размеров) образуется сфера, в каком-то смысле не меньше этой сферы, поскольку у них общий радиус. Ведь суперсфера, ограничивающая супершар, аналогично есть продукт вращаемости обычной сферы "вокруг" своего диаметрального сечения (как плоскости конечных размеров), и у них (ну, у обычной, пространственной сферы и производной от неё сферы суперпространственной) тоже общий радиус.

Таким образом, с ростом числа привлечённых мер – размер вселенского "яблока" не растёт, а как бы растёт, и по тому же принципу, по которому исчезает бесконечно перфорируемая (по некоему математическому правилу увеличиваемости числа дыр) плоскость.

Эфирное четырёхмерное "яблоко", как теперь ясно, лишь первой степени грубости модельное приближение к действительности. Которое мы подробно и разбираем, в отличие от последующих возможных приближений. Ибо, в силу своей начальности, это приближение автоматически представляет нам все последующие.

В разговоре о суперсфере мы могли бы, кстати, и не привлекать понятие вращения. Тогда надо было бы её наметить так: обычная (ну, наличная за счёт пространства) сфера как поверхность параллельно каждой своей точкой "не пойми куда протягивается" за свои пределы, в протягиваемости этой выходя в конечном счёте на саму себя же, – чем и получается из неё суперпространственная сфера.

Для "эфирного яблока" естественно возмущаться именно на своей поверхности – ведь это места (поле мест!), через которые "яблоко" в своей разбухаемости возвращается в самоё себя (ибо некуда ему дальше своей поверхности распространяться, в силу сведённости к нему Вселенной).

Ещё раз. Дальше своей поверхности наполнению "яблока" распространяться некуда – по ней оно в своём распространении упирается в самое себя. Так сказать, из-за своей распространяемости вынуждено встречаться с самим собой... оттого и возмущение его в определённо тонком внешнем слое своей эйкумены.

Итак, совокупь пределов "яблока" есть та условная поверхность, которой оно вынужденно граничит лишь с самим собой, если можно так выразиться, – вот там оно единственно и призвано возмущаться из-за своей разбухательности, потому как именно через ту "поверхность" вынуждено возвращаться в самое себя в порядке той разбухательности.

Вопрос, какой это по размерам слой его четырёхмерной "толщи"? Не запрещено, думаю, чтоб эфир оказался способен обойтись лишь слоем, квазитолщина у которого в квант длины. Чем у эфира "яблока" окажется кожура толщиной в такой квант.

"Кожура" та есть наш мир пространства и вещества в их длительности. То есть пространство и вещество – как двухвидовая воплощёнка возмущённости эфира.

В центре "эфирова яблока" – выдыхающий рот Брахмы. Ежели образно выражаться. То есть изначально расширяется не пространство, а просто эфира прибывает в "яблоке" – из-за выдоха Брахмы, отчего пространство как "кожура" тоже увеличивается.

Но подробнее, что это за "рот Брахмы" такой. Ну, то условное, с привлечением ведантизма, обозначение. Подразумевает точку центра вселенского эфирного супершара, из которой появляется эфир. Ну, непрерывно лезет! Что значит появляется и лезет? Ну, в "глубине" той точки залегает на ступень менее грубая проявленность бытия, нежели эфир, – вот она и возмущается в последний. И очевидно, тоже посредством вихрения. Ну, типа того, то есть в общем тем же образом, каким эфир возмущается в материю на квазиграницах супершара, коим нам является.

Так что, ежели под Вселенной понимать "вселенную вообще", а не одну материальную Вселенную, то мы, в своём материальном мире, находимся в буквальном смысле слова на краю Вселенной – потому что "край" этот материальному миру имманентен. Ну, последний чисто происхожденчески им оказывается. Согласно "задумке", содержащейся в конструкции Вселенной, способен воплотиться именно таким краем, и никак иначе.

И если у материального мира действительно нет центра – в том смысле, что любое его место имеет равное право на таковую роль претендовать, как любая точка сферы (обычной трёхмерной) имеет право считаться на ней центральной, – то у "мира вообще" он, центр, есть: расположен от нас в малово-

образимой дали по направлению "четвёртого перпендикуляра", ведущего в квазиглубь окружающего нас вещества.

А если совсем точно, то направление на центр Вселенной как "мира вообще" – может быть указано только в своеобразном асимптотическом ключе. Когда "четвёртый перпендикуляр" как соединитель нас с центром – лишь первая ступень той асимптотической своеобразности.

Ежели у нас была бы простая асимптотическая приближаемость к направлению на центр, то никакое из конкретновзятых направлений точно на него не указывало бы, оказываясь лишь большей или меньшей угловой приближённостью к точноуказующей линии. Здесь же у нас своеобразие: каждая ступень асимптотического приближения есть точная указываемость на центр – пока не имеется в виду следующая ступень. А как только начала, так предыдущая – в качестве направления – оказывается ложной сразу на 90° . Ну, начинает задавать новую – в смысле дополнительного качества – ширь материального мира, направление на вселенский центр соответственно уступая новому сверхперпендикуляру – тому, что строго индивидуально присущ именно этой "новой мировой яви с дополнительной ширью". А если понятие "ширь" кажется вам тут слишком стереотипным, то будем говорить о новом продленческом качестве материального мира. Вслед за Риманом, который ввёл для этих дел понятие "продлённость". Когда создавал построения, впоследствии названные римановой геометрией.

Так что четвёртый перпендикуляр в нашей привычной (пространственной) мирояви – как сверхперпендикуляр для неё, а сказать иначе – как перпендикуляр сверхпространственный! – указывает именно на центр Вселенной, без каких-либо отклонений. Пока не иметь в виду четырёхмерную мироявь, при которой центр Вселенной видится вдоль по линии уже пятого перпендикуляра (как сверхперпендикуляра нового). И такие надставки подразумеваются возможными до бесконечности.

Или скажем иначе. Мировая явь – в принципе не имеет фиксированной мерности. То есть она с мерностью, принципиально уходящей в бесконечность. Эту бесконечность способен охватить только бог, так сказать, – а мы же вынужденно стоим всегда на каком-то конечном варианте. Психопребываем в мирояви, имеющей конечное число мерностей. И вот, ежели брать то число суммой единиц ($1+1+1\dots$), то единица сверх той суммы и будет тем по счёту перпендикуляром – в розетке взаимоперпендикулярностей, что определяет в вашей мирояви квазиглубину, ведущую во вселенский центр (ну, центр Вселенной, которую эта мироявь для вас незаметно-упростительно воплощает).

По возможности отобразим это математически. Всё сведётся к формуле: $N_0 = \lim n + 1$, при $n \rightarrow \infty$. Где n – количество мерностей вашей мирояви (ну,

порядковое число последней вообразимой для вас линии в "розетке" взаимоперпендикулярных линий), а № – номер (ну, фактически тоже порядковое число) первого невообразимого перпендикуляра в той же розетке (на каком как на линии и лежит как раз точка центра Вселенной – как "мира вообще", видимым образом реализуемого – вами себе – в привычновеликомерной пространственности). И остаётся добавить, что "привычная великость мерности" сейчас у нас три.

Так что можно сказать, вечно "невообразимый пока" перпендикуляр в розетке вообразимых взаимоперпендикулярностей – вот та линия, что от нас-материальностей ведёт к точке центра Вселенной.

Вернёмся, однако, к вопросу "рта Брахмы". Автор вовсе не приглашал физиков стать брахманистами. А хочет лишь сказать, что точка первичной сингулярности, из которой, как то следует по теории Большого Взрыва, вышла наша материальная Вселенная с её временем и пространством, вовсе не исчезла, как то по умолчанию почему-то сейчас у физиков считается. Не исчезла, а остаётся и действует, удалённая от нас, материальных, на расстояние радиуса суперсферы Вселенной. Или лучше сказать – на такое квазирасстояние. А действует – в смысле что "надувает" Вселенную эфиром, а тем самым мат. Вселенную – пространством.

Выражаться скрупулёзней, то говорить однако надо не о "надуваемости" Вселенной эфиром – как работе означенной точки, а о том, что Вселенная как разносостоятельная эфирова совокупь благодаря работе точки наддувается.

Только прошу не спутать точку сингулярности с самой сингулярностью. Это не одно и то же! Выразиться о точке обтекаемой, так оно просто место первичной сингулярности осталось, и как-то там проявляется до сей поры. Только и всего. Сама же сингулярность разрослась до размера нынешней Вселенной. То бишь – в общем-то тоже не исчезла.

Впрочем, Вселенная по нашей концепции – бесконечномерна. Оттого и картинка центра эфирного супершара Вселенной, служащего точечным "отверстием", через которое тот "шар" надувается эфиром, есть всего лишь удобная стилизация происходящего, когда бесконечность мерности усечена до четырёх. Ну, то есть, что центр Вселенной – это центр эфирного супершара, суть огрубление, так вот стилизующе для удобства подающееся. А в строгом смысле, так эфирный супершар увеличивается не за счёт работы своего центра, а за счёт работы равно всех складывающихся его точек. То есть – увеличивается сразу всем своим суперобъёмом. Последний, стало быть, разрастается точно тем же манером, как разрастается и наш мат. вселенский объём! И то же будет и с "объёмом" пятимерного шара (ну, супер-супершара), если огрубляющее свести Вселенную именно к нему, и с "объёмом" шара любой конечной степени суперности. Потому что шар такой (ну то, что им каждому из нас однообразно

кажется – в наблюдаемости изнутри!) на деле есть лишь замкнутая "поверхность", ограничивающая соответственный ему супершар. Ну, охватывающая последний суперсферическая "плёнка", в её минимальновозможной суперизмеренческой толщине. "Плёнка" такая как раз увеличивается сразу вся – по мере возрастания радиуса супершара. Но предстаёт – повторюсь – внутри неё пребывающему наблюдателю вовсе не плёнкой. В частности, мат. Вселенная – в лице кубатуры вакуумного пространства – каждым из нас автоматически воспринимается как неопределённо-далеко распространяющийся шар, центром которого являешься, где бы ни находился на момент выстраивания той воспринятости.

Ну а Вселенную – в порядке уменьшения понятийного её огрубления – последовательно можно считать шаровым вакуум-пространством, супершаровым эфиром, супер-супершаровым сверхэфиром (как вселенским наполнителем, на ступень более "тонким", нежели эфир), и так далее в уходящей бесконечности. Вместо полноценной фигуры Вселенной постоянно имеем лишь более или менее охватное сечение той "фигуры"! Шар – это получающееся диаметральной сечением супершара кубатурой, подобно как круг получается диаметральной сечением шара плоскостью. Понятно? И дать тому кругу минимально умозримую толщину в третьем измерении – получится диск. А шару дать минимальную толщину в четвёртом – получится супердиск. Вот последним Вселенная фактически и является обычным людям! Ну, в смысле, именно в качестве того они её держат, в неназываемости себе этого. Всё из-за психо-несовершенства! Их, так сказать, психонедостаточности. Давая же себе отчёт в наговоренном, тем автоматически пытаемся воспринимать Вселенную корректнее. Что получается лишь с неизбежной – из-за предельной смелости такой попытки – образностью. Ну, в смысле, выходит лишь заявка, что постоянно имеем только более или менее блёклую понятийную тень вселенской фигуры. Диаметральный отрезок – "понятийная тень" круга. Диаметральный круг – шара (как круг шириною в диаметр того шара). Тем же манером вычленяющийся диаметральный шар – "понятийная тень" уже супершара. И так далее. Понятно? Земля к своему экватору не сводится, но его не превосходит. Подобно как тень не превосходит предмет, от коего возникла. Потому-то и используем тут образ именно тени.

Ну, в смысле, экватор шара ограничивает его проекцию на плоскость, а тень-то предмета как раз и есть такая проекция. Тень как плоское выражение предмета как чего-то объёмного, – вот это, подхватываясь как сам принцип, и используется нами – в обрисовке того, что способно получиться из попытки постижения фигуры Вселенной.

Выразимся в духе римановой геометрии, употребляя категорию "продлённость". Способны вы умозрить лишь одномерную продлённость, так Все-

ленная является вам окружностью некой длины (и определение последней – нетривиальность, поскольку у окружности нет конца!), способны умозреть двумерную продлённость – Вселенная является вам сферой некой площади, способны умозреть трёхмерную продлённость – Вселенная предстаёт вам суперсферой некоего объёма (ведь объём – это суперплоскость, а тем самым суперсфера – это "завернувшийся на самого себя" объём), и так далее.

Объём является нам вакуум-пространством. Суперобъём – эфиром. На вопрос же, какая такая "тонкая материя" заполняет вселенский "супершар неограниченной суперности" на уровне пятого измерения (ну, то есть, на уровне дваждысуперности), мы походя уже давали ответ: заполняется тем, что можно назвать сверх-эфиром. А в уходящей в бесконечность ментальной дали маячит эфир, приставка "сверх" при котором имеет бесконечно большой номер (ну, повтор). Говорить о такой бесконечности заставляет принципиальная наша неспособность полностью постичь Брахму! Вот и вынуждены привлекать её понятие в разговоре о вселенском наполнении...

Итак, Вселенную – в её неотстранённой близости к нам – мы умозрительно выхватываем в качестве какого-либо (по счёту) члена следующего ряда: окружность, сфера, суперсфера, супер-суперсфера и так далее до бесконечности. То есть замыкаемость сама на себя – определяющее свойство Вселенной, с неограниченной её надставляемостью в такой своей замыкаемости. Каким же по счёту членом ряда умозрим – это в зависимости от ваших умозрительных способностей, которые вообще могут быть сколь угодно большими. Но это в принципе, а на практике, то иметь их хоть на один размер бóльшими, чем у всех, значит переставать где-то быть человеком.

А что до пространства и эфира, то коль скоро первое "производимо" из второго – через его, второго, самовозмущаемость, – то под эфиром где-то пристало понимать вакуум второго рода – на ступень более выраженный, нежели обычный, физический вакуум.

То есть вопрос существования эфира – вопрос существования вакуума второго рода. Он же супервакуум, сказать иначе. Вот что получается в русле излагаемых нами идей.

Первичное возмущение превращает эфир в пространство, воплощаемое физическим вакуумом. Превращает в пространство, то есть делает имеющим размеры. А помимо возмущённой своей части эфир остаётся – для нас, материальных – по-прежнему квазиразмерен.

Вторично (надставочно) самовозмущаясь, эфир превращается в вещество. Ну, в смысле, возмущаясь уже как своя возмущённость в физический вакуум, эфир превращается в мат. тела. Вытесняет ли такое тело собой вакуум, появляясь? Мой взгляд тот, что в некотором смысле – да. Мат. тело ведь есть

усугубившись в своём роде некоего "куска" вакуума. Ну, нематериального содержания некоего вакуумного объёма – до материального содержания. Тем самым оно – заменитель собою того "куска", призванное вместо него воплощать "свет божий". Частновоплощаемость последнего тем телом – вместо частновоплощаемости вакуумом на том месте, что и есть своеобразное вытеснение вакуума.

А заменяется ли вакуум в кабине поступательно движущегося космического корабля? В смысле, чтоб заменялся тем, что был перед кораблём – по ходу его движения? Или же междустеночная локаль кабины всё дальше уносит прежнее своё вакуумное "наполнение", незаметно как бы раздвигая окрестный вакуум ради того? Как уносила бы она воздух, будучи им наполнена? Мой взгляд тот, что не уносит. Появление передней стенки кабины на новом участке пространства – означает принудительную довозмущаемость вакуума того участка в вещество стенки. С последующей его развозмущаемостью обратно до стадии вакуума – когда стенка уходит ещё дальше вперёд. Чем он и оказывается в кабине – вместо вакуума, только что её "заполнявшего", который – точно по тому же механизму – вышел через заднюю стенку.

Другими словами, поступательное перемещение вещественно-материального объекта (ну, мат. тела) по вакуум-пространству – это путешествие по вообще (ну, в целом) неподвижному вакууму участка его возмущённости.

Но вообще-то это – теоретизационные пока спекуляции! Вернёмся к вещам менее спекулятивным. В начале этого блока напросилась, если вдуматься, вот такая теоретизационная стилизация. Пространвостатическое квазидавление? Оно как "имеемость быть" замешено на том, что в пределах мат. тела дополнительное пространство не прибывает (или, во всяком случае, прибывает в меньшей принципиальной выраженности, чем то характерно для свободных мест), тем самым на месте вещества того тела присутствует новопространственное отсутствие – новопространственный вакуум. Или сказать – вещество мат. тела являет собой пузырь в нарождающемся вакуум-пространстве, то бишь нечто, не "заполненное" новорождённым вакуумом при его характерной для окрестности присутственности, и это даёт определённое право считать, что мат. тело – вакуум в вакууме, вакуум вакуума! Где форма такого "пузыря" – это форма, которую имеет вещество того мат. тела. И новорожденное вакуум-пространство, естественно, стремится в себе пузырь уничтожить. Что и выглядит как то, что на тело в некотором смысле давит окрестная пустота.

Так что, вынуждены различать "вещественный вакуум", он же вакуум обычный, вакуум физический, и "пространственный вакуум", он же вакуум необычный, вакуум сверхфизический. Первый это то, что есть (остаётся от мира

в некоем месте), когда нет вещества (всё оно убрано из того места). Второй это то, что остаётся от мира в том месте, ежели убрать там и сам вакуум, или хотя бы уменьшить его "количество". Тогда от мира остаётся чистый (ну, невозмущённый) эфир, вот он и есть сверхфизический вакуум в собственном смысле слова. Ну а мат. тело, в своём наличии в каком-то месте, – это как бы модель такого вакуума, то есть квази-сверхфизический вакуум. Ибо факт убранности физического вакуума в месте своего расположения мат. тела так и являет, что чем-то подобно "заполнению" того места чистым эфиром.

Сверхфизический вакуум удобно ещё называть двойным вакуумом. А что до "пузыря" в новопространственности, ограничиваемого абрисом всякого вещественного предмета, то мы забыли отметить, что нарождающееся пространство "давит" на него равно со всех сторон. Чем предмет оказывается в положении силового равновесия (ну, силовой уравновешенности). Такое равновесие – как незаметный поддержатель квазиламинарности эфиропотока в лице инерционной перемещаемости мат. тела через пространство.

Итак, пространственностатическое квазидавление, фактически означающее, что поверхность Земли перманентно стремится упасть внутрь её объёма. Ну, "задним числом" постоянно так получается, будто стремилась. Ещё бы не так, когда изнутри земного объёма пространства прибывает меньше, чем извне его. То есть такое "давление" – только благодаря прибытию дополнительного пространства, да при дисбалансе того прибытия между местами с земным веществом и без оно. Не будь хотя бы дисбаланса, не было бы уже и квазидавления, не говоря, что тем более не было бы, отсутствуй сам пространственный прирост. У кругового к телу дисбаланса прироста роль, аналогичная роли гравитационного поля планеты – в его действии на молекулы жидкости: поле порождает давление молекул на погружённое в жидкость тело, и такой суммарный эффект от всех молекул мы называем гидростатическим давлением.

Так что не удивительно, что при определённых своих плотностях мат. тела коллапсируют, – на то оно и давление на них, хоть бы и "квази", со стороны вакуумной народительности.

В контексте содержания трёх последних блоков всюду напрашивается заявка: длительность – как основополагающее свойство материального мира – связана с возмущаемостью эфира! То есть, не только и даже не столько с веществом и пространством – как бросающимися в глаза эфирозвозмущаемостями, а вообще с любой возможной эфирозвозмущаемостью (ну, поддерживаемость эфирозвозмущённости в лице вещества или пространства – тоже ведь эфирозвозмущаемость, только что первой – самой малой – выраженности в своём роде). Эфирозвозмущаемостью длительность атрибутивно порождается, и, стало быть, где эфирозвозмущаемость более представлена, там и длитель-

ность должна быть более насыщена, если можно так сказать. Что выражается в более быстром – там для нас – ходе времени, говоря в привычном – скрыто тавтологическом! – ключе.

В сущности, можно даже заявить, что эфировозмущаемость и есть длительность. Ну, в смысле, является каждому из нас как длительность, да и вся недолга!

Разбирая же вопрос длительности в соотносимости с самим эфиром, а не с нами, надо говорить так: возмущаемость заставляет эфир выражаться в факте обретаемости длительности, а бóльшая возмущаемость – соответственно заставляет его проявленной в том выражаться.

Итак, в области более возмущающегося эфира – более насыщенная длительность. Ну, более выраженная в своём роде, иначе будь сказано. Откуда бóльшая же выраженность движения у мат. тел из той области – сравнительно с областью меньшей эфировозмущательности (сравнить эти области можно с помощью синхронизированных часов: после синхронизации часы медленно разносятся – каждые в свою область, а там – движущимся маятником своим – подпадают под общую выраженность движения, характерную для области, и тем самым – автоматически как бы считывают её собою).

Вообще сказать, движение есть проявленная длительность, а покой – не проявленная. Так что задвигавшись предмета – проявление им своей длительности. То есть, она наличествует и так у всякого предмета, без его движения, однако оно её нам визуализует, то бишь делает ощущенчески наглядной у того предмета.

Но не спутать: "наличествует и так" – в смысле отсутствия движения предмета как целого. Но не отсутствия движения в связи с ним вообще. Ведь каждый покоящийся предмет полон внутреннего движения! Как движения составляющих его элементарных частиц. А последнее – это те или иные течения эфира в самом себе. Так или иначе его в себе перетекаемости! Вот их-то и синонимизируем с длительностью. Длительность мат. объекта как то, чем себя нам проявляет оборачивающееся тем объектом движение эфира в самом себе. И чем выраженной – в своём роде – такое движение в лице объекта, тем больше у последнего длительности пред нами (ну, относительно нас – как обладателей своей индивидуальной длительности).

По градиенту усиления различим четыре ступени возможной возмущённости эфира. Первая – физический вакуум как чистое трёхмерное пространство. Вторая – обычное вещество. Наши с вами физические тела, например. Третья – ядерная плазма звёзд. И четвёртая – "материал" чёрных дыр.

Остановимся подробнее на второй и четвёртой. Обычное вещество имеет агрегатные состояния – в числе трёх. Такие состояния – как разные подвозму-

щённости в пределах одной ступени возмущённости. Причём твёрдое состояние вещества напрашивается считать наибольшей подвозмущённостью – в силу большей плотности у вещества именно в этом своём состоянии. За редкими исключениями. Ну а чёрная дыра – локальная сингулярность. Она же сингулярность частная, в отличие от самой первой сингулярности, общей. И вот время там – бесконечно замедляется. Ну, длительность приобретает бесконечно малую выраженность – в силу неограниченной возмущённости там эфира. Или сказать – в отражение безграничной возмущённости эфира в лице чёрнодырного материала неограниченной плотности. Ведь возмущённость эфира в вещество выступает препятствием его возмущаемости в вакуум-пространство, так сказать поставляющей миру длительность. Когда сила такой препятственности на взятой локале – пропорциональна степени выраженности там вещества. И тем самым, безграничная его выраженность – соответственно запредельное препятствие, так что в локале чёрной дыры – почти на нет сведена вселенская расширительность, а значит – почти остановлено время (коль, повторюсь, именно расширительность считать его нам "поставщиком"). Всем этим получается, что чёрные дыры – застывшие участки эволюционной рани Вселенной.

Итак, эфирова возмущаемость в вакуум-пространство – как некая квазитурбулентность – меньше поближе к Земле. Из-за выступления Земли ей помехой. Фигурирования её присаживателем. И если меньше поближе к Земле, то значит – меньше у подножия небоскрёба (сравнительно с его вершиной). Это то и причина доказанного расхождения показаний синхронизированных сверхточных часов, ежели медленно разнести их по высоте небоскрёба и дать достаточно времени для хода.

Мы обратились, как ясно, к опыту, одно время нашумевшему в ненаучных кругах. И тут же его объяснили. Необходимо только добавить, что, возможно, часы идут медленнее у подножия не только благодаря, но и вопреки большей близости его к Земле. Частицы вещества последней – ламинарная круговая возмущаемость эфира (ну, то есть, первая стадия возмущаемости – как лишь поддержание уже наличной возмущённости), и чем ближе к ней, тем быстрее, по идее, должно течь время. Но просто это с лихвой перекрывается уменьшением эфирозвозмущаемости второй стадии – турбулентной возмущаемости в лице пространственного прироста. Такое уменьшение – как замедлитель времени – тоже ведь проистекает от большей близости Земли.

Ещё раз. Прирастаемость Вселенной пространством – как эфирозвозмущаемость турбулентного вида – есть, похоже, главный поставщик нам времени как физического фактора (ну, то есть, времени в ипостаси длительности). И

коль скоро мат. тело экранирует такую прирастаемость, то чем ближе к его центру, тем меньшее "количество" времени мы имеем – в силу большести там экранного эффекта. Другими словами, выраженность хода времени там меньше. А если совсем привычными словами, то ближе к центру мат. тела время должно течь для нас медленней, нежели дальше от того центра. Что как теоретическая выкладка и подтверждается экспериментом: замер хода времени на вершине небоскрёба и у его подножия даёт разные результаты. Ну, в смысле, из двух синхронных и сверенных атомных часов постепенно всё больше отстают те, что поставлены у подножия.

Так что длительность – это основополагающий физический фактор, как и пространство, и вот как с нею обстоят у нас дела, ежели брать в первом приближении.

Но далее. Ускорение мат. тела – это ведь ещё и возмущаемость эфира, по которому – в качестве его вихря – проходит то тело. Ну, в смысле, возмущаемость физического вакуума, что представляет собой эфир движущемуся – в нём, в вакууме – телу. И напрашивается думать, что ускорявшийся часовой механизм должен уйти вперёд (в своих показаниях) сравнительно с неускорявшимся. Или, что то же самое, чем больше весят часы, тем, получается, они быстрее идут – сравнительно с состоянием меньшего своего веса! Или скажем так: имеющие больший искусственный вес часы – будут идти быстрее таких же с меньшим подобным весом. Например, синхронизировать два однотипных часовых механизма, а затем один "покатать" на центрифуге, медленно его туда поместив. После снятия с центрифуги такие часы должны спешить – по отношению к оставшимся в комнате, где помещалась центрифуга. Наверно, такой опыт даже и проводили – слишком уж он напрашивается. И хотел бы я точно знать его результаты! А то ведь увеличение скорости тела – само по себе – замедляет его время. В альтернативу ускорению, ту скорость увеличивающему. И тело, вращаемое центрифугой, имеет как раз большую линейную скорость.

Что ещё должны сказать в русле разводимой логики? Ну, вот что: поскольку часы на первом этаже небоскрёба весят больше, чем на последнем, то и идти там они должны быстрее. А коль идут-таки медленнее, то, значит, и это убыстрение их хода с лихвой перекрывается замедлительным эффектом, что возникает из-за выступаемости Земли экраном пространственной разбухательности. Вот так вот. Однако необходимо добавить, что и имеемое тобой на центрифуге центростремительное ускорение, и обладаемость весом в своём стоянии на земной поверхности – это нетривиальные ускорения. Чего мы коснёмся ниже, а здесь пока говорим, что из-за нетривиальности их не уверены, распространяется ли на них приведенный анализ – как анализ, вообще вполне

применимый к понятию ускорения (и вменяющий ускоряющемуся телу иметь быстрее текущее время).

Итак, если два изначально равноскоростных тела (ну, покоящихся друг относительно друга) по-разному ускорять, то более ускоряемое будет подвержено более выраженной длительности, – то есть, говоря по-нашему, привычно-человеческому, будет пребывать в быстрее идущем времени. Что и констатируется в разных показаниях циферблатов, ежели те два тела взять в лице двух идентичных и предварительно синхронизированных часовых механизмов. Свести эти механизмы для сличения показаний – вполне возможно. Начав, с некоторого момента, более ускоряемый ускорять с обратным знаком, но так же по абсолютной величине. Сказать иначе, начав его тормозить с той же интенсивностью, с какой ускоряли. Для подстёгивания "бега времени" у тела – равно годится и его ускорение, и его заторможка, ибо одинаково выступают – хоть и в подходе с противоположных концов – турбулированием эфира. И вот, если часовые механизмы изначально ускорялись по одной прямой в одном направлении, то передний вполне сможет состыковаться с задним, так вот перебросив свою ускоряемость по знаку. Прекратить тогда прилагать к каждому силу, и можно их сравнивать, рассматривая циферблаты.

Только не путать в этом контексте скорость у предмета – с его ускорением! Перешёл предмет на бóльшую инерционную скорость, так его как эфировихря движенье через физический вакуум есть, по большому счёту, квазиламинарность течения эфира не худшая, чем бывшая в лице его движенья с меньшей инерционной скоростью. А потому и время не должно течь для предмета быстрее, чем было, – это как минимум. Но более того: на большей инерционной скорости – меньше самоотторгнутость эфира, что в лице вещества того предмета (поскольку вещество тогда как совокупный эфироворот – из-за большей угловой своей скорости ближе к срыву, а значит, к своему слиянию с остальным эфиром, – слиянию, которое есть прекратившееся эфировой самоотторгнутости в лице того вещества, то бишь – его возмутившее в последнее). Отсюда мёньше насыщенность (выраженность в своём роде) у длительности того вещества (в его организованности в предмет).

Сказать ёмче, более скоростной поступательно-инерционный эфировихрь в лице мат. тела – виртуально бóльшая отсутственность, нежели такой же менее скоростной, но не худшая за него ламинарность (имеется в виду квазиламинарность эфиротечения в лице поступательно перемещающегося по эфиру вихря), – оттого и выраженность длительности у первого меньше, чем у второго.

С другой стороны надо отметить, что бóльшая инерционная скорость тела – это таки бóльшая эфиротурбулентность в лице его движения, только что

непроявленная. А оттого и время оказывается текущим быстрее в районе того тела. Ну, окрест него. То есть для самого тела как вещества – время замедляется с ростом его инерционной скорости, а вот для окрестностей его – оно, наоборот, из-за него, более скоростного, тогда убыстряется. Ну, в смысле, из-за него убыстряется для тел, расположенных в тех окрестностях. Такая хитрость! В духе развиваемых нами идей так можно думать, во всяком случае. Если всё так, то очередной раз в природе реализовано диалектическое единство противоположностей!

Итак, когда эфировихрь в лице мат. тела увеличил свою инерционную скорость – по отношению к физическому вакууму, большей становится непроявленная квазитурбулентность непосредственно прилежащего эфира (ибо это движение по нему более близкого к срыву эфировихря). Ну, то есть, эфиробрамление более скоростной инерционности вихря воплощает собой непрерывную готовность предъявить в своём лице миру бóльшую квазитурбулентность, нежели та, которую обещает собой миру обрамление менее скоростной инерционности того вихря – обещает в ответ на малейшую попытку его ускорения. Бóльшую квазитурбулентность, а значит – бóльшую сопротивляемость ходу вихря, что оборачивается нам большей массой того вихря как мат. тела – в попытке его ускорить. Так что получается: на уменьшение выраженности длительности у ставшего инерционно более скоростным тела – работает одна эфироскрытость при нём, а на увеличение его массы (увеличивается его плотность, а параллельная уменьшаемость его размеров если и происходит, то не такая большая, чтоб благодаря ей масса его оставалась прежней) – работает другая.

Теперь ещё дальше. Переход вещества от одного своего агрегатного состояния к другому – есть гомолог ускорения мат. тела в вакууме (ну, или его замедления там). Ибо оба – равно есть вызов квазитурбулентности эфира, а значит – наиболее выраженная его возмущаемость. Разнятся только как формы такого вызова. Следовательно, в месте смены агрегатных состояний – увеличивается ход времени, как и в месте, которое являют собой окрестности ускоряющегося мат. тела.

Ещё раз: ход времени увеличивается в окрестностях процесса смены агрегатного состояния, как и в окрестностях ускоряющегося мат. тела. Причём не важно, переходится ли от более плотного к менее плотному состоянию, или наоборот, – роль играет только интенсивность перехода. Чем интенсивней переход, тем больше увеличивается ход времени в округе. Ведь мы уже указывали: затормаживание мат. тела квазитурбулирует эфир не хуже, чем его ускорение, и поскольку агрегатные переходы – в вопросе эфиротурбуляции есть гомолог переменному движению тел, то в них и подвизуются те же отношения.

Впрочем, укажем подробнее. Турбулентность вакуума в лице замедляющегося перемещения мат. тела в нём – берём как переход к новой непроявленной турбулентности, скрытой в ламинарном вакуум-потоке, которым выступит инерционное движение тела с уменьшившейся из-за того замедления скоростью. К новой непроявленной турбулентности, которая меньше непроявленной старой – как готовность оказаться инертностью рассматриваемого тела. Плюс точно так же возможен переход к новой непроявленной турбулентности, которая больше непроявленной старой.

То есть проявленная турбулентность вакуума – как переход от одной его непроявленной к другой, и вне зависимости от знака перехода (ну, в смысле, от меньшей ли непроявленной к большей, или наоборот). На турбулирование, то есть, работает только факт перехода, а не его знак. Выраженность перехода, а не его направление определяет выраженность турбулентности. У эфировихрей – сопряжённость поступательности с вращательностью: изменяющий поступательную скорость вихрь изменяет и угловую скорость своей вращательности, и эта изменяемость угловой как раз и турбулирует эфир – вне зависимости от своего знака.

Пребываемость определённого вещества в определённом агрегатном состоянии – гомолог установившейся инерционности мат. тела. Ну, то бишь, не меняющее свою агрегатность тело – есть некое замкнутое течение эфира в режиме ламинарности, точно как инерционное движение мат. тела в вакууме – есть незамкнутое ламинарное эфиротечение. Прямолинейное, ежели совсем точно. И вот, означенное замкнутое эфиротечение способно переходить от режима одной своей ламинарности – к режиму другой. Ну, то есть, от наличной своей ламинарности к новой, с другими характеристиками. Которая и оказывается другим агрегатным состоянием тела, этим эфиротечением являющегося. Ну, в смысле, другим агрегатным состоянием вещества, организованного в это тело. А означенный переход оказывается турбулентным режимом подобного эфиротечения.

Или скажем об этом так. Вещество в определённом агрегатном состоянии – есть установившаяся взаимосоотнесённость элементарных эфировихрей, в своей совокупности призванных являть это вещество. Фактически, установившись картины их взаимоналоженности, тех вихрей, и смена агрегатности того вещества будет турбулентным эфиропереходом к новой такой картине. То есть, пока картина устанавливается, микровихревая совокупность турбулирует, а установилась – ламинирует. Ещё бы ей не турбулировать при переустановке картины – ведь микровихри тогда от одной, можно сказать, взаимопроникнутости переходят к другой, тем в определённом смысле разрывая друг друга: чем же такому разрыванию оказываться, как не турбулентностью!

Итак, в окрестностях места, где меняются агрегатные состояния, должен увеличиваться ход времени. Представьте себе, были и опыты, выявляющие такое действие агрегатных переходов! Я просто обалдел, когда на описание их вышел. В том смысле, что это надо же, даже и здесь кто-то сподобился пошарить! Этот кто-то – пулковский астроном Козырев. И опыты давние – делались где-то в годах шестидесятых, двадцатого века. У научно-физической общности, как я понял, они не котируются до сих пор – по причине растерянности, что с ними делать. В какую такую брешь теорфизического фронта сунуть их результаты. То бишь опыты – явочным порядком теоретиками замалчивались, оттого фактически остались проигнорированными и экспериментаторами – на предмет повтора и доразвития. Не обращать же внимания на всякие экспериментальные курьёзы! Тем не менее, опыты были, а значит, требуют: или перепроверяй в доказывании их артефактности, или принимай и пытайся их теоретически куда-то "присобачить". Мы, конечно, принимаем – прямо как подарок.

Касающийся нас опыт заключался в следующем. Вращающийся гироскоп уравнивался на точных весах, а затем к нему подносился стакан воды с растворяющимся сахаром: стрелка весов отклонялась, затем постепенно возвращалась в старое положение – по мере схода на нет процесса растворимости (сход такой – в исчерпание количества нерастворённого сахара в стакане). Для контроля подносился и стакан воды без брошенности туда сахара – весы не реагировали.

Базовый элемент опыта – использование гироскопа. Не знаю, на основании чего к этому вышел сам экспериментатор, но с нашей точки зрения всё понятно: своим движением мат. тела проявляют нам длительность, которой обладают, а высокооборотистое вращение гироскопа – естественный концентратор движения. То есть гироскоп – устройство концентрации проявителя длительности, если можно так сказать, и начни на длительность что-либо влиять – например, растворение сахара – как эквивалент его перехода от твёрдой к жидкой своей агрегатности, – то на участке сконцентрированности того проявителя – изменяемость длительности естественно оказывается с бóльшим проявляющим её моментом.

Конкретнее, что это за проявляющий момент изменяемости. Оно всё как? Где становится выраженной длительность, там становится выраженной движенье у мат. тел, которым они обладали, и эта бóльшая его выраженность означает, что оно – со сравнительно большей инерцией. То есть можем говорить о сравнительной увеличиваемости инерционных свойств у тел, движущихся в районе с увеличившимся ходом времени. И вот дальше! Во вращающейся центрифуге имеем возможность наблюдать, что чем больше весят часы – из-за

большой скорости её вращения, тем быстрее они идут. Здесь же имеем возможность наблюдать нечто похожее на обратное: чем быстрее идут часы в районе растворяющегося сахара, тем больше момент инерции у вращающихся тел в том районе. Что вполне понятно: если не находишься в том районе, то за твою единицу времени вращающееся тело совершит в нём больше для тебя оборотов, чем совершило бы, будь оно рядом с тобой, ну а большинство оборотов за единицу времени и означает большинство момента инерции у имеющего эти обороты тела. То есть что? Возьми два идентичных гироскопа, запусти их, установив на одинаковый режим вращения, а затем один перемести в район с быстрее идущим временем, – этот перемещённый будет вращаться для тебя быстрее неподвижного (для себя оставаясь вращающимся, точно как и вращался). Такие дела. Но к чему мы всё это? К тому, что об изменении длительности в районе – судим по факту изменения момента инерции попадающего туда вращающегося тела, а факт такой обнаружить тем легче, чем большее такое изменение (в абсолютном значении) выдаёт то тело – как тестор района. Выдаёт же оно его тем бóльшим, чем больше обороты имело непосредственно перед попаданием в тестируемый район. Иначе сказать, чем большим концентратором тестирующего начала выступало – в лице вращательного своего движения. В самом деле, ежели тестируемый район с нашей точки зрения приращивает телу обороты на 10%, то при ста его изначальных оборотах в секунду – это даст лишних 10 об/сек, а при тысяче изначальных – даст уже лишних 100 об/сек, когда лишние сто – являют телу в десять раз больший дополнительный момент инерции, нежели лишние десять. А потому и оказываются в десять раз бóльшим проявляющим моментом – касательно к изменениям, которыми характеризуется тестируемый район. Поскольку обнаруживаются в десять раз легче – в смысле затраты фиксирующих средств.

Изменёнку длительности у мат. тела в районе растворения – мы могли бы фиксировать и непосредственно, через употребление пары сверхточных синхронизированных часов, одни из которых устанавливались бы возле чана с постоянно поддерживаемым там растворением. Они бы должны были, достаточно долго там постояв, явить себя ушедшими вперёд – сравнительно с дальними от чана часами. Но Козырев по наитию сконструировал другой способ фиксации. Который мы с позиций нашей теории по возможности и разобрали.

Итак, в районе растворяющегося сахара работающий гироскоп заполучает дополнительный момент инерции. А уж возможность выявиться этому эффекту даёт, как я понимаю, особое свойство гироскопов – сохранять плоскость своего вращения. Свойство, подобное свойству маятника сохранять плоскость своих колебаний. В воплощение этого свойства, инерция вращения

гироскопа ответно-автоматически начинает действовать на причину, заставляющую гироскоп поворачивать свою плоскость вращения. Сказать проще, эта инерция вращения противится всякому воздействию, поворачивающему конструкцию гироскопа так, что б она пересекала плоскость вращения его маховика. И если подобное воздействие проистекает от чашки весов, – в силу, например, осевого вращения Земли, на которой стоят весы вместе с чашкой, или ещё из-за какого на ту чашку воздействия, хоть бы и космического, это не считая возможные наши на неё воздействия с помощью рук, – то гироскоп ответно будет действовать именно на чашку. А в районе, являющем его с несколько большим моментом инерции, соответственно будет действовать несколько повышено. И если, при всём при этом, чашка выступает причиной, заставляющей гироскоп сопротивляться не как-нибудь, а по линии, не параллельной поверхности Земли, то действие его на чашку оказывается со стрелкоотклонятельным эффектом на весах. Это понятно: сила его сопротивляемости тогда имеет возможность хотя б частично складываться с силой его веса, давящей на чашку. Ну, то есть, хотя б некой своей составляющей прилагаться к поверхности чашки по вертикали. Будет у силы сопротивляемости тот же знак, что у силы веса, давление гироскопа на чашку увеличится (для наблюдателя, то есть, гироскоп станет тяжелее), а будет знак обратный – давление уменьшится, и весы для наблюдателя зафиксируют полегчавшесть гироскопа.

Почему гироскоп давит-таки на чашку, на которой стоит, ежели она пытается поворачивать плоскость вращения его маховика? Ну, маховик, из-за вращения не подчиняясь поворачивающему его плоскость действию чашки, поворачивается тою плоскостью относительно плоскости (ну, поверхности) чашки, тем составляя некий момент инерции, который через станину до чашки и доходит (ну, ей передаётся). Или скажем так: чтоб повернуться, маховик должен на что-то опереться, то бишь приложиться как какая-то давящая сила на это что-то, вот он и опирается на станину, на которой висит, а та, соответственно, на чашку, на которой стоит, оказывая тем на неё дополнительное – к весу гироскопа – давление.

В общем, в отличие от обычного мат. тела, лежащего на чашке весов в районе растворимости сахара, гироскопу (как прибору) в таком положении удаётся, видать, проявляться для нас в увеличившейся своей инерционности. Благодаря особой составной своей конструкции. Удаётся, ежели применить достаточно технической хитрости – дабы в правильной ориентации организовать сопротивляемость его маховика изменению плоскости своего вращения, исходящему от чашки. А именно, речь об вертикальной ориентации сопротивляемости. Сказать шире – негоризонтальной.

Заставить же чашку менять плоскость вращения маховика гироскопа – тут Козырев, сколько мне удалось выяснить, не полагался всецело на состав-

ляющие движения Земли, а применял спец. средства – вряд ли осознавая, что гонится именно за сказанным нами. Какие средства? Ну, например, ставил под станину весов вибратор, "методом тыка" подбирая частоту его и амплитуду, способные дать эффект в присутствии тающего сахара. Успешности такого пути я вполне могу поверить: вибрация есть весьма неспецифическое воздействие (сказать иначе, воздействие широкого спектра), так что одна из составляющих её, нам, может, и не явная, вполне могла оказаться способной действовать (на систему "гироскоп – чашка") необходимым образом. Ну, через чашку передаваться гироскопу так, что сохранение плоскостью его вращающегося маховика угла своего наклона к поверхности чашки – вынуждено было бы оказываться поворотом той плоскости (которая, естественно, поворачиваться "не захочет", и угол тот соответственно будет меняться). Другими словами, вибрация в роли виртуального наклонятеля горизонтальной чашки весов. Ну или сказать – она как эквивалент наклонятеля. А уж от чашки "наклон" тот за-получает станина гироскопа, коль она на ней стоит.

Скажем о том ещё так: передаваясь через чашку весов (и станину гироскопа) на маховик, вибрация способна, наверное, вынуждать его поворачивать относительно звёзд плоскость своего вращения, отчего та, тому сопротивляясь, и оказывается поворачивающейся относительно чашки.

Ещё о том, где наибольшие шансы обойтись без всякой там вибраторной стимуляции действия гироскопа на чашку. Шансы к тому наибольши на экваторе Земли. Там маховик, плоскость вращения которого перпендикулярна экваториальной плоскости, разовьёт максимальный опрокидывающий момент на станину гироскопа – из способных быть спровоцированными суточным вращением Земли. Момент, на который должна, по идее, отзываться чашка весов, при невращающемся на ней гироскопе уравновешенная с противоположной чашкой. Должна, коль станина на ней стоит, тем составляя с ней как бы одно целое. Должна отзываться своей смещённостью по вертикали на некую фиксированную величину: то смещённость, требующая новой уравнировки. Без последней она будет присутствовать постоянно, ибо осевое вращение Земли постоянно и в одинаковой выраженности атакует вращающийся маховик – на предмет задатия ему иной плоскости вращения. Которой, как ясно, выступает всегда плоскость его диска. И вот суточная вращаемость Земли постоянно и норовит повернуть маховичный диск – через посредничество чашки. Ежели он расположен так, что часть земного меридиана способна выступить его диаметром. Только тогда его плоскость и бывает перпендикулярна плоскости экватора. За сутки вокруг такой диаметральной своей оси диск маховика совершает поворот на 360 градусов – относительно станины гироскопа и нас, рядом с ней стоящих на земле. Если же меридиан будет перпендикулярно "протыкать" маховичный диск, то вращение Земли не будет его поворачивать (ведь диск то-

гда лежит в плоскости экватора). В средних же широтах опрокидывающий момент вращающегося маховика на станину сравнительно уменьшен. С тем, что на полюсах планеты его нет вообще. Ибо диск маховика там хоть и поворачивается, но всегда остаётся перпендикулярным поверхности чашки весов, то есть не меняет своего к ней наклона, отчего конечный (ну, окончательный) момент у него – по отношению к станине гироскопа – не опрокидывающий, а скручивающий. Другое дело было на экваторе – там из-за поворачиваемости Земли диск маховика ползуще менял угол своего наклона к поверхности чашки, оттого и конечный момент его был к станине опрокидывающим.

Впрочем, за физ. корректность приведённого анализа не ручаюсь. Гироскоп – штука нетривиальная. В ответное действие его вращающегося маховика, подвергающегося воздействию, подмешивается, скажем, прецессия, и в результате конечное воздействие маховика на станину оказывается ориентированным перпендикулярно тому, о котором мы говорили. А это означает, что опрокидывающего к станине момента на экваторе как раз не будет, а будет на полюсе. С этим не разбираюсь, оставляю читателям. Здесь ясно только, что в средних широтах опрокидывающий момент будет меньше максимального – в неважности, экваториальный тот или полюсной.

Итак, на экваторе, будем условно считать, шансы обойтись лишь использованием Земли – наивысши. Но они реальны, в этой своей наивысшести? Думаю, не очень, слишком уж медленно вращается Земля вокруг своей оси. Так что напрашивается механизация. И тут повторяюсь, что вполне допускаю: Козырев её, дающую эффект, таки нашёл. Ибо вспоминаю виденный однажды сепаратор, сконструированный на базе вибратора. Наклонная плоскость засыпается слоем камешков разного размера (и, соответственно, веса), а затем начинает трястись вибратором. Тут камешки, что тяжелее некой критической величины, скатываются вниз, а которые весом до той величины не доходят – мелко скачут вверх по плоскости, чтоб упасть с её края в отдельную посудину. Думаю, угол своего наклона к поверхности чашки весов плоскость маховичного диска меняет по той же природе, по какой мелкие камешки скачут вверх по железному листу сепаратора.

Для порядка заострим сущностный момент козыревской детекции. Он в том, что так или иначе производится действие чашки весов на вращение маховика гироскопа, в воплощение третьего закона Ньютона оборачивающееся действием того вращения на чашку. Гироскоп, стоя на активной по отношению к нему чашке, и действуя на неё как вращением маховика – из-за подвергаемости того маховика воздействию вибратора, так и просто весом, в таком своём суммарном действии уравнивается грузом, располагающимся на противоположной чашке весов. Но подносится растворяющийся сахар, увеличивается инерция маховика, его вращение начинает добавочно действовать на

чашку, и груз на чашке противоположной оказывается уже неуравновешивающим. Стрелка весов отклоняется...

Что это её отклонение – из-за действия времени, то Козырев интуитивно понимал, вот только считал, что время – как физический фактор! – изменяет здесь вес гироскопа, и изменяет так много, что аж до заметности того весами. Но всё не совсем так, и мы уже показали, насколько! Действительно, это изменившийся ход времени заставляет отклоняться стрелку, но, во-первых, не посредством весового воздействия гироскопа на чашку, и, во-вторых, отклоняющее стрелку воздействие гироскопа на чашку – конструкционно умножительно к действию времени как физического фактора: чем больше обороты маховика перед экспериментом, тем на меньшее воздействие времени окажутся способны отозваться весы.

И на всякий случай заострим также, что система из гироскопа и весов сначала должна тестироваться, способна ли в самом принципе быть детектором изменения момента инерции маховика гироскопа. То есть что? Обнаружит ли – в случае с сахаром – она изменение момента инерции маховика, или не дотянет на основе того изменения выстроить замечаемый нами эффект, это тут другой вопрос, до которого надо ещё определиться, а способна ли она вообще создавать инструментальный эффект такого сорта? Определиться в этом просто. Ставим гироскоп на чашку невращающимся, уравновешиваем весы, зажимаем их коромысла, снимаем гироскоп, запускаем его и ставим обратно, разжимаем коромысла: если весы потребовали новой уравнировки, хоть на минимальную цену деления, то всё в порядке, система несёт в себе нужный нам детекторный принцип, а не потребовали – значит, не несёт.

И ежели несёт, то гироскоп там нужен был, не забывать, просто как концентратор движения. И тем самым даватель длительности проявиться. Ибо проявляется она – нам, во всяком случае! – как раз через движение.

И разумеется, оба раза ставили гироскоп на фоне действующей "механизации" весов – при вибрировании, то есть, их станины или с чем-либо тому эквивалентным (в своём действии на весы). Плюс контролька: после новой уравнировки снимаем гироскоп снова, ставя обратно с той ориентацией маховичной плоскости, при которой "механизация" весов на маховик не действует: весы должны потребовать ещё одной уравнировки – в обратную сторону к предыдущей, тем отмечая предположение оппонентов, что нужда в уравнировке после первого цикла "снял – поставил" – просто из-за материальной неэквивалентности работающего гироскопа неработающему (мол, дрожать начинает чашка от вращения маховика – и тем сбивает стрелку весов, или ещё что в том же духе продуцируется тем вращением).

Так, в первом приближении разобрались – со связью таких понятий, как "возмущённость эфира" и "длительность". Но именно что в первом – ещё висят вопросы второго ряда. Которые по возможности мы обязаны затронуть.

Для начала тогда вот о чём. У эфира стоит различать возмущаемость и возмущённость. Первое у него – переход от состояния к состоянию, второе же – наличка одного и того же состояния, в которой от возмущаемости то лишь, что неизменное возмущённое состояние для налички должно непрерывно поддерживаться.

Другими словами, установившееся, а потому ламинарное течение эфира в самом себе – мы понимаем как его возмущённость, а нарушение установившегося – как турбулентный переход от одной ламинарности к другой – понимаем как возмущаемость.

Хотя, конечно, тут существует понятийный перекрёст. Уместно ведь заявить, что возмущаемость есть турбулентная возмущённость, а возмущённость – ламинарная возмущаемость (всё-таки где-то именно возмущаемость, коль ламинарность, чтоб наличествовать, непрерывно должна воссоздаваться!).

Ладно, так или иначе, но под возмущаемостью эфира обычно подразумеваем устанавливаемость нового его течения в самом себе из позиции какого-то старого течения (или просто устанавливаемость течения, ежели вообще никакого не было). А под эфировозмущённостью – некую уже установившуюся и поддерживаемость тою же.

И особо отметим только что намеченный случай. Случай вынужденности плясать от отсутствия вообще какого бы то ни было течения в эфире. Тут что? Когда возмущёнки – как течения эфира в самом себе – не было вообще, даже в ламинарном виде, то появление первой какой-то ламинарности – с начальными (самыми низкими!) характеристиками – есть, так сказать, смена характеристик нулевого номера. Именно это имеет место в явлении нарождаемости нового пространства, поэтому расширение Вселенной – первейший поставщик длительности. Первейший предьявитель её как базы мира. А народившееся пространство, как ясно, и есть тот первый уровень ламинарности в эфировозмущённости, когда ламинарность имеет самые низкие характеристики.

Ламинарность вращательности поступательно не перемещающегося эфировихря, имеющая место при неизменности его угловой скорости, как возмущённость ограничивается самоё собой, поэтому длительности не даёт, так сказать, на экспорт (ну, в окрестности того вихря), в отличие от турбулентной вращательности (вращательности с изменяющейся угловой скоростью). Но себе-то самой (в предстающей нам материальным телом) даёт-таки? Или нет? Оставляю вопрос пока открытым.

Оставляю открытым даже большее: оборачивается ли длительностью вообще какое бы то ни было ламинарное эфиротечение? Или только турбулентное, как единственно настоящая, так сказать, возмущаемость?

К происходящести длительности вообще-то пора подойти системней. В смысле перечисления всех видов эфировозмутительности, имеющих теоретическую возможность оказаться причастными к ней у пробного тела, опирающегося на земную твердь. Вот как мы с вами – в порядке своей выступаемости мат. телами.

Итак, возможные причины наличия длительности у такого тела. Первая – само оно. Будучи покоящимся, является совокупностью ламинарных микроэфировихрей, которая обрывается по его абрису – как возмущёнка эфира. Ну или сказать, границы её как возмущёнки задают его абрис, того тела. Вот оно всё как! И тогда длительность-образующий эффект возмущёнки всецело заключён в пределах абриса, то есть тело наше само по себе длительность создаёт, но строго лишь для себя самого. И это если считать, что и установившаяся возмущённость оборачивается длительностью, а не только одна возмущательность – как переустанавливаемость возмущённости.

Но если так считать, тогда и само пространство – как уже народившестъ и существующестъ – выступает причиной длительности у тел, в нём находящихся. Ведь из пространства пробному телу никуда не выскользнуть! В том смысле, что всегда фигурирует внутри него, а значит – подлежащим длительности, которую пространство фактом себя имеет строго для себя (по механизму, в предыдущем абзаце описанному для мат. тел). Пространство ведь – эфировозмущённость предельно низкого уровня, а значит – возмущённость прежде всего ламинарная, и более того – самая ламинарная ламинарность, если можно так сказать. Ламинарная перетекаемость эфира в самом себе, да с предельно низкими характеристиками! Но всё-таки перетекаемость, а не неподвижность, а потому – оборачивающаяся длительностью возмущённость, да ещё, повторяю, такая, от пребывания в которой любому телу никак и никуда не скрыться. Так что уже народившееся пространство – само по себе как вторая возможная причина длительности тел. Ну, неисклѳчѳнная.

Третья причина – окружное – к телу Земли – расширение пространства, ежели считать одним телом её и стоящее на ней наше тело. Другими словами, вселенская разбухательность даёт вам длительность как части планеты, которой вы касаетесь ногами, тем для разбухательности той сливаясь с планетой в одно целое. И ещё бы не давала, ведь расширяемость вселенского пространства – первовозмущаемость эфира, от затронутости которой заведомо ничто в материальной Вселенной не способно быть свободным. Всё новый и новый эфир возмущается до состояния вакуум-пространства, плюсоющегося с уже

наличным вакуум-пространством, – это и оборачивается длительностью всего того материального, что покрывается такой возмущаемостью.

Ещё одна неисключаемая причина длительности у тела – экранирование им пространствоприрастательности. Ну, это общее свойство всех экранов – возмущать агент, от которого защищают. Понятно: придерживаешь тот агент, тем сопротивляясь ему, значит – возмущаешь (заставляя сопротивляться твоему сопротивлению)! То есть мат. тело, если хотите, возмущает саму возмущаемость эфира в пространство, потому что придерживает её! Чем эта возмущаемость оказывается при некоторой кратности, и телу поставляется больше длительности. Это у нас уже четвёртая причина. Которая – в происходящести от вас как тела – действует на вас в одной мере что на первом этаже небоскрёба, что на его крыше, а вот в происходящести её от Земли как тела – действует на вас в большей мере на первом этаже, нежели на крыше. И стало быть, бóльшая – из-за Земли как локального репрессора вселенской расширительности – придерживанность третьей причины на первом этаже сравнительно с крышей – с лихвой перекрывает эффект большей проявленности четвёртой причины тому первому этажу (коль часы на нём идут-таки медленнее, чем на крыше).

Не стоит также здесь сбрасывать со счетов, что всякий вещественный объект ещё и сам у себя уменьшает длительность. Ну, в смысле, сам для себя замедляет время, – помимо того, что это же делает для него и Земля. Замедляет, поскольку – как и Земля! – уменьшает прирост пространства в месте своего нахождения. Меньше даёт там эфиру возмущаться в пространство. Что оказывается альтернативой четвёртой причины.

Пятая причина – земная гравитация как эфиротурбулентность в виде "потока пространства", квазинабегающего на то пробное тело. Турбулентность такая ближе к Земле тоже больше, что как эффект также должно с лихвой перекрываться эффектом меньшей выраженности там третьей причины.

Кроме односторонней сдвигаемости пространства, в фоне вселенской пространствоприрастательности наличной относительно тела, когда достаточно близко от него имеется другое тело, – сдвигаемости, составляющей пятую причину, – различаем и окружную сдвигаемость пространства. Ну, его сферический квазипоток к одинокому пробному телу, который последнее в фоне вселенской пространствоприрастательности вызывает чисто само по себе (ингибирующим – по всем направлениям – воздействием на пространствоприрастательность в своей локали). И вопрос, не оборачивается ли длительностью и такая пространствосдвигаемость? Другими словами, не является ли пространствостатическое квазидавление, испытываемое одиноким пробным телом, само по себе эфирозмутительностью тоже? Склоняюсь засчитать его таковой, тем самым добавляя шестую причину.

Седьмая же – турбулентность того эфиротечения, которым оказывается тело как вихрь при своём ускоренном ходе по эфиру (ну, вакуум-пространству как представительской ипостаси эфира для тел). Говоря конкретней, пробное тело может начать ускоренно катиться по земле (ну, перемещаться без отрыва от неё), и это добавочно окажется поставщиком ему его длительности. Та его поступательная ускоренность – она и линейная турбуляция вакуума, и суммарная микрокруговая – в прямой сопряжённости с первой. Так что, как времяускорительный фактор действует и на само тело, и на тела в его окрестностях.

Восьмая причина – процессы внутри Земли, типа плавки или кристаллизации пород. Как агрегатный переход, подобный процесс является турбулированием своей вакуум-пространственной окружности, а значит – как такое возмущение касается нашего пробного тела, в силу располагаемости его в той округе (поскольку вся земная поверхность так или иначе в ту округу входит, а тело располагается на ней).

При агрегатном переходе перераспределяются соотносённости ламинарных вращательностей тех эфирных микровихрей, что составляют подверженное переходу тело. Оно как? Огульно установившаяся взаимодействуемость микровихрей в пределах абриса тела – есть ламинарная эфиротекучка. Характеризует одно какое-либо агрегатное состояние того тела. Перестановка же взаимодействия вихрей – это уже турбулентная эфиротекучка.

Девятая причина – нахождение нашего пробного тела рядом с ускоряющимися телами. Ну, в районе пролетающих мимо ускоряющихся тел. Но это при условии, что ускоренно перемещающийся эфировихрь как вещественно-материальный объект в качестве эфиротурбулентности не замыкается в своих пределах. Или замыкается, но запертая вихревая турбулентность аукается невихревой турбулентностью за теми пределами. И в том, и в другом случае пробное тело, будучи рядом с ускоряющимся, оказывается в зоне эфиротурбулентности – как зоне породительности его длительности.

Наконец десятая причина. Впритык к пробному телу – огромная область ламинарно-вихревого возмущения эфира, коль скоро таким возмущением является вещество Земли (в упрощающей считаемости, что она пребывает в неподвижности). И если – вопреки сказанному при разборе первой причины – посчитать, что поступательно неподвижный эфироворот в режиме ламинарного вращения оборачивается-таки некой эфировозмущёнкой за своими пределами (то есть речь об области за абрисом тела, выступающего тем эфироворотом), то пробное тело будет получать свою длительность и от факта нахождения рядом с ним Земли. Ну, то есть, Земля – самим по себе своим вещественным существованием – будет у вас, на ней стоящих, являть длительность. Причём на крыше небоскрёба меньше, чем на его первом этаже, что как эф-

фект тоже должно с лихвой перекрываться эффектом недостающей других причин на том первом сравнительно с крышей.

Из-за несостыкуемости первой и последней причин ясно, что вопрос с абрисом требует основательной разборки. Что ж, разбираем.

Пусть мат. тело покоится. Тогда элементарные эфировороты, в совокупности дающие, пребывают во вращательности с установившейся угловой скоростью. Надо думать, благодаря такой установившейся получается ламинарная эфировращательность – как круговое эфиротечение. Что мы и отмечали.

Далее тело берём поступательно движущимся – в инерционном режиме. Тогда оно являет статус-кво ламинарно скользящей по вакууму довозмущаемости его в вещество. Другими словами, вихревую возмущённость эфира, поступательно передислоцирующуюся к реализации за счёт всё новых участков невихревой (ну, недовихревой) его возмущённости. Этак передислоцирующийся вихрь может не оставлять "инверсионного следа", ежели брать идеальный случай. То есть речь о случае, когда эфировозмущённость на все 100% удерживается в рамке вихря – при его передислокации. Но вряд ли такая идеальность реализуется в природе, так что стоит говорить о своеобразной инверсии – затухающе тянущейся за вихрем нити вакуумной возмущённости. Являющей вакуум в активной фазе существования (так скажем!), тем не менее не дотягивающей до превращённости его в вещество. То есть, оставляемость такого "инверсионного" следа – то довозмущаемость эфира в его возмущённости в вакуум-пространство, но довозмущаемость всё же не до степени налички вихревых образований.

Итак, из-за поступательной перемещательности эфировихрь как эфировозмущённость как-то диффундирует из абриса мат. тела, которое собой нам представляет. То есть захват в себя вихрем новых "порций" эфира (с сопряжённым выпуском из себя таких же по величине порций) – сам по себе оказывается эфировозмутительностью, а не просто так реализуется.

Тогда вырисовывается состыкующий – первую и последнюю причины – вариант. Того смысла, что если б Земля действительно была неподвижна, то она бы и не определяла твою как тела длительность: стоячий ламинарный вихрь за своими рамками эфировозмущёнкой не оборачивается. Но поскольку Земля поступательно движется – по многим составляющим, то ты оказываешься в "инверсионном следе", который она оставляет в вакууме. Оказываешься, и тем сколько-то Земля твою длительность сама по себе так определяет. Ведь всё, что на поверхности Земли, в первую очередь той инверсииподобностью "омыто", – а значит, и ты... Итак, оказываешься в "инверсионных" пределах, и тем сколько-то Земля твою длительность сама по себе так определяет.

Повторим, что причина "инверсии" – в обмене тела с вакуумом своим наполнением: то обмен, проходящий как раз по абрису тела (в передне-заднем направлении, считая по линии его движения).

А затем пусть тело поступательно ускоряется. Являющий его совокупный эфироворот – в сопряжёнке с тем раскручивается, из-за того начиная в своём лице являть круговую локальную эфиротурбулентность – из круговой локальной же эфироламинарности, которую только что являл. Да? Соответственно и исчезающий протяжённый след, который – как ламинарно выражающуюся потревоженность вакуума – он только что являл поступательностью инерционного своего перемещения, теперь оказывается турбулентно выражающейся потревоженностью вакуума. Так сказать, инверсионным следом турбулентного вида. Но это – если турбулентный эфировихрь ведёт себя – касательно вакуума – во всём подобно ламинарному. А такое вовсе не обязательно.

Мне тут думается, вязкость вакуума достаточно велика, чтоб являющий элементарную частицу стоячий эфироворот мог возникнуть, но достаточно мала, чтоб он – в своём ламинарном вращении – мог напрочь обрываться по достижении критически большого радиуса (такой обрыв – в смысле стопроцентной прокрутки вихря относительно охватывающего его вакуума, где прокрутка – в смысле кругового прохода эфира вихря без малейшего увлечения того охватного вакуума). Что же до турбулентных эфироворотов, то мыслится целый интервал величин эфировой вязкости, малости которых ещё достаточно, чтоб ламинарный эфироворот этак вот резко прерывался при своём критическом радиусе, но уже недостаточно, чтоб турбулентный эфироворот не мог – как структура – по затухающей уходить в бесконечность окружающего эфира (ну, вакуум-пространства, коль уж речь об окружении, – сам-то эфир мат. телá не окружает, а лишь квазиокружает).

То есть в природе вполне возможен вариант, когда видимый телесный абрис пропускает во вне внутреннюю эфиротурбулентность тела, но задерживает таковую в нём эфироламинарность. И всё же это только вариант, конкурирующий с двумя возможными другими: когда абрис задерживает в себе и турбулентность, и тем более ламинарность, и когда обоих из себя выпускает. Вопрос реализуемого в природе варианта вынуждены оставить пока открытым.

Однако распространёнка эфироворотной окружной турбулентности – до бесконечности, по затухающей в окрестном эфире, – это что такое? Вовлекаемость, пусть хотя символическая, всего наличного эфира в поступательно ускоряющийся локальный эфироворот? Тогда мат. тело, этим эфироворотом выступающее, оно что, разбухает в метрических размерах? Нет, из-за остающей ускоряющегося тела при старых своих для нас границах – следует вывод об обрываемости составляющих его турбулентных эфироворотов, подобно обры-

ваемости ламинарных! Но, может, увеличения телесного объёма мы просто не замечаем – из-за пропорциональной тому для нас увеличиваемости хода времени того тела? Ведь ускоряемость тел как раз увеличивает ход их времени! Тело объёмно увеличивается, но пропорционально больше и проживает (две, скажем, секунды за каждую очередную нашу!), так что прибавляемость его объёма как процесс "расходится" по такой как бы факультативной к нашему времени – а потому нам незаметной! – части времени его жизни, и соответственно становится небывальщиной для нас. Тем, чего с нашей точки зрения вроде как и не было – из-за временного трюка! А? Как насчёт такого? В порядке шутки?

Ну а если эфироворот разгонного мат. тела таки исправно обрывается по кругу – в том же духе, как обрывался, когда тело было инерционнодвижущимся, а он, соответственно, ламинарным, – то окрест такого тела ведь возможна и некруговая возмущённость эфира – как порождёнка им, тем телом. Например, эфирова вибрируемость: каждый оборот вихря оборачивается толчком по эфирной окрестности – вследствие сопрягаемости вращательности с поступательностью вихревого распространения. Подобную возмущёнку в своей округе вызывает и поступательно-инерционное тело. Только что получается она у него пожиже, так сказать (ну, спокойная вибрируемость, в отличие от первой – турбулентной). То есть "инверсионный вакуумный след", остающийся за разгонно перемещающимся эфировихрем, считаем эфировозмущёнкой турбулентного вида, в отличие от ламинарного вида "следа" инерционно перемещающегося тела. И кстати сказать, периодически (или хотя бы аperiodически) толкать эфир, вибрируя его своим вращением, вихрю не заказано и без поступательной перемещаемости (хотя, из общих соображений, предрасположенность природы оборотиться таким толчком – она при поступательной перемещательности больше). Потому из всего наговоренного заявка: **вакуум в окрестностях мат. тел – не тот, что за теми окрестностями: на ступень более возмущённый, хотя и невидимо. Во всяком случае, что касается поступательно движущихся тел, и уж тем более – ускоряющихся в таком движении...**

Теперь остались вопросы третьего ряда. С определённой условностью говоря. Что ж, пройдёмся и по ним. Хотя это уже совсем зыбкий проход: по вопросам такой степени смутности иначе не пройдёшься, иметь в виду.

Итак. Вопрос связи длительности тела с агрегатными переходами вещества, его составляющего, не такой смыслолинейный, как могло показаться в предыдущем выписном блоке. Что значит твёрдое состояние вещества – как состояние большей его плотности? Сравнительно с жидким и газообразным?

Да просто больше элементарных вихрей эфира – в лице единицы вакуумного объёма. Как несколько таких единиц захваченного пробным количеством того вещества (как соответственно определённого количества эфировихрей). То есть что? То же количество эфировихрей, да в сумме показывающее меньший объём, – получается бóльшая представленность эфировозмущённости как качества – в лице того объёма. Большая из трёх для вещества характерных.

Итак, вакуумный объём, трансформированный в означенное количество нашего вещества, суммарно показывает бóльшую выраженность явления эфировозмущённости, чем в двух других возможных случаях. Что является нам организованностью того количества вещества в меньший объект с большей плотностью – как воплотитель его твёрдого агрегатного состояния. Организованность такая у того количества – в силу изменёнки характера взаимодействия (ну, взаимосоотнесенности) эфировихрей, его являющих.

Когда большой вес элементарной частицы увязывали с большей угловой скоростью эфировихря, ею выступающего (условно считая все частицы вихрем одного размера!), то являли другую смыслоформу воплощения того же самого принципа: телесность определённых размеров имеет плотность тем большую, чем большей возмущённостью эфира в своём внутреннем подспуде суммарно выступает. Что именно этот принцип и здесь, понятно: чем больше угловая скорость вихря как эл. частицы определённых размеров, тем больше возмущённость эфира в лице того вихря, а значит – выраженность возмущённости в тех телесных размерах частицы.

Что же получается? Ежели вакуум, каким-то своим участком, возмущаясь превратился в некую по величине массу некоего конкретного вещества, то в твёрдой своей агрегатности та масса вещества будет иметь более выраженную длительность? В сравнении с жидкой и газообразной? Ну, то есть, время у тебя потечёт быстрее, уплотнись ты как тело (в смысле заполнения меньшего пространства при той же массе)? Не исключено! Правда, если только длительность как миросвойство увязана и с установившимися эфировозмущёнками, а не только с турбулентной эфировозмущаемостью в лице перехода от одной установившейся к другой. И не считая того, что потечёт быстрее в налагаемости на бóльшую потёкшесть медленее – из-за твоей начавшести являть собой более насыщенный экран возмущаемости эфира в вакуум-пространство (масса, не забывая, у тебя осталась прежней, но в распределённости на меньший объём, отсюда и бóльшая насыщенность тебя как экрана).

Но это мы отвлеклись, вернёмся в русло. Что имеем? Конкретное вещество есть стандартные микровихри эфира, общие для всех веществ, но с уникальным характером их взаимосоотнесённости по объёму, как и взаимоувязанности их там, в том объёме (а до какой-то степени можно даже сказать – взаимопроникнутости). И когда более насыщенная агрегатность того вещества, то

наличествует несколько (но не на целую ступень!) большее число тех вихрей в единице вакуумного объёма, что воплощён в него, в то вещество. Налицествует благодаря увеличенности взаимопроникания вихрей! Тем являя бóльшую возмущённость эфира в лице той единицы, то есть – более плотную единицу. И поскольку вещество составляется такими единицами, то и показывает несколько большую плотность, всё ещё оставаясь самим собою. Не теряет свою конкретику благодаря тому, что изменён характер лишь самого внешнего горизонта взаимоувязанности микроэфировихрей, призванной то вещество являть. Вот что получается, если плотность видеть в связи с "концентрацией" эфировозмущённости.

Но с другой стороны, меньше плотность, так больше свобода движения микроэфировихрей, а значит, и скорость их мотаемости в границах того вещества. Чем же больше такая скорость вихря, тем больше эффект его присутствия в тех границах (ну, объёме), а значит, и выраженность того объёма в качестве эфировозмущённости, коль скоро вихрь есть элементарный носитель последней. То есть что? Из-за уменьшения плотности вещества, эфировозмущённость в лице единицы его объёма вроде падает, с другой стороны вроде возрастая именно благодаря тому плотностному уменьшению. Парадокс! Оборачивающийся тем, что некую – закритически-высокотемпературную – плазму должны мы считать чем-то более плотным, нежели твёрдое тело, в неё превратившееся. Понятие квазиплотных объектов! А вот до состояния плазмы (в некотором смысле – четвёртого агрегатного!) означенное возрастание возмущённости с лихвой ещё перекрывается её падением – от той же причины.

Это что касается разных агрегатностей. Но и в остальном можно сделать много интересных заявок сомнительного свойства. Например такую: время для Земли течёт медленнее, чем для тебя, на ней стоящего, потому что, помимо прочего равного, она тебя хорошо ускоряет, а ты её – не очень. Правомочно так будет сказать?

Или вот такая забористая заявочка. О градированном приросте пространства вокруг одиночного тела. Который – фактически – означает наличку ускоренческой турбулентности в телесной округе, но отсутствие самого ускорения у того тела! То бишь пространственостатическое квазидавление, коим тело заставляет оборачиваться к себе саму расширительность Вселенной, есть "технически чистый" поставщик длительности телам, тогда как ускорение их – "технически грязный" (коль видимым гнетущим образом затрагивает тело – в плату за поставку)?

Далее в повторе подчеркнём вот что. Эфир, возмущаясь, порождает длительность для самого себя. Такое базовое отношение бытует. И в порядке него стоит строго различать: есть возмущённость – в смысле некой поддерживающейся наличности, и есть возмущаемость – как переход к такой наличности

(от, соответственно, неналичности или другой по характеристикам наличности). Это разные типы возмущенческого качества эфира.

Ещё одно подчёркивание в фактическом повторе. Плотность – выраженность возмущённости эфира в единице некоего объёма, коим эфир в порядке самовозмущаемости явился. То есть та посылка, что объём (вынужденно читай: пространство!) – сам порождение эфировозмущаемости, о выраженности которой в его (вынужденно читай: в своих!) пределах потом говорим. Вот как должны быть расставлены акценты в излагаемости этой вещи!

Или вот ещё. В покое все тела вращаются с одной скоростью – как вихри? Наверное, нет, коль эл. частицы – наблюдаемы разномассными? Хотя, может, разномассность у них не за счёт разной плотности в пределах стандартного объёма, а за счёт разной их величины (ну, объёма) при стандартной плотности покоя?

Не забывать ещё, что когда мимо тебя пролетает ускоряющееся тело, то и твоё время быстрее идёт, не только его. Наверно, не настолько быстрее, как у него, а всё-таки. Но это краткосрочно – не будешь же ты за ним бежать, чтоб и дальше так! Нет, оставаясь неподвижным, быстренько выходишь из его времязатрачивающей тени, пропуская её вперёд, и до свидания. А вот в случае растворяющегося сахара – бежать необходимости нет. Эфиротурбуляция вокруг тебя сохраняется, потому что не имеет природу надставляющейся в пространстве линии. Не в пример эфиротурбулентности в лице ускоряющегося мат. тела, которая как раз такова.

Ускорившись мат. тела – то переидённость его, в себе как эфировихре, на новое перманентно-сменное количество эфира. И новое – в смысле большее. Установившись в новой – более быстрой – поступательной своей инерционке, тело за единицу времени будет пропускать через себя (в себя включая и затем отдавая) некое большее количество эфира, сравнительно со старой своей инерционкой. Ведь новой соответствует бóльшая угловая скорость вихря того тела, что воплощает потенциально бóльшую его пропускную способность: быстрее вращается, так за единицу времени больше и материала через себя пропустит, было бы только куда отдавать (а при появлении у него поступательного движения – такую возможность вихрь как раз и получает: оставляет своё наполнение в том месте, которое покидает, и чем быстрее покидает, тем быстрее оставляет).

Когда тело инерционно движется – контакт его с эфиром (в лице вакуумпространства) постоянен. Больше скорость инерции – больше контакт, меньше скорость – и контакт меньше, но уж какой есть, такой и продолжит быть. А вот ускоряемость тела – то расширяемость им такого своего контакта!

Что ещё из той же оперы? А вот: поступательная перемещаемость мат. тела – как скользящая ревозмуцательность эфира. Так вроде?

Или вот: нормальное ускорение – холостое ускорение. Ускоряемость с перманентной изменяемостью своего направления, а потому непрерывно как бы зачёркивающая себя. Так сказать годится? Речь о зачёркивании себя ускоряемостью в своей сущностной роли – увеличении скорости "взятого в обработку" тела по некому направлению. Ну, то есть, что касается любого направления от тела на центр окружности, по которой оно движется, то начинаемость телом изменять по нему свою скорость заодно выступает и заканчиваемостью её изменять, если можно так выразиться! Потому-то никакое из означенных направлений и не приносит телу дополнительную по нему скорость. Что и даёт основание маркировать ускоряемость тела холостою. Когда она как происходящая (имя которой – скоростеувеличиваемость) есть, но в результатах по сути её происходящего – отсутствует.

Что ж, хорошо, но тогда уж – и далее о подобном. Об ускоренческой не-тривиальности, о которой, как ясно, завели наконец речь, в своё время обещающую. Продолжим её заявкой: ускорение свободного падения – это "вихрь частицы раскручивается пространством", а обычное (за счёт ракеты) – сам раскручивается "в опоре" на пространство.

Что за опора? Ну, то неизменное статус-кво, что по линии четвёртого перпендикуляра, восставленного из центра вихря, последний распространён вплоть до кромки пространства: исчерпывает, то есть, его всё – в этом нестандартном направлении. Тем самым получая возможность касаться своим краем кромки полностью невозмущённого эфира. Отсюда и своеобразная опора – предоставление вихрю возможности как бы катиться по кромке.

А если – в гравитационном поле планеты – не давать телу свободно падать? Ведь именно это проделывает с каждым из нас твердь земли, выступая упором, на который натываемся в земном гравитационном поле! Тогда что? Ну, это означает для нас сопротивляться ускорению свободного падения – путём равной и противоположно направленной ускоряемости себя. На подошвы ног от земной тверди проистекает действующая сила, вот испытывать её – и значит так сопротивляться! Этой силой ты разгоняешься в направлении от центра Земли – по перпендикуляру к её поверхности, а в свободном падении разгоняешься по тому же перпендикуляру, но в обратном направлении – к центру. То есть что? А имеется такая равновесность: дисбалансная – из-за Земли – прибываемость пространства относительно твоего тела – оборачивается линейным квазипотоком пространства к нему, то бишь потоком, как бы идущим со стороны Земли и раскручивающим твоё тело как эфировихрь (с поставкой пред фактом обладания всё большей скоростью в пространстве по направле-

нию к центру Земли), но земная твердь, можно говорить, линейно ускоряет тебя с противным – и не меньшим! – рабочим выходом, то есть раскручивает вихрь твоего тела в направлении, обратном к потоковой его раскрутке, и так же выраженно, заодно прибавляя ему поступательной скорости в направлении от земного центра. В результате вихрь тот не меняет ни своей угловой скорости, ни скорости поступательной. То есть тут, на поверхности Земли, мы тоже, как на центрифуге, пребываем в холостой по сути ускорительности, только с иной физической подоплёкой того. Ну, то есть, за счёт другой физ. механики.

Повторимся, из-за важности вопроса. Находясь на земной поверхности, тело как эфировихрь явочным порядком оказывается всё больше раскрученным – из-за дисбалансной прибываемости пространства на линии, проходящей через тело и центр земного шара. Где дисбалансной – в смысле меньшей ближе к центру того шара. И ради оставаемости нераскрученным вихрь того тела вынужден раскручиваться в обратном направлении. За счёт вызывающей такую раскрутку поступательной своей ускоряемости в опоре на земную твердь – в направлении от центра земного шара по означенной его радиальной линии.

А вообще говоря, на всё на это правомочен и такой взгляд: попадаем в поле притяжения планеты, пространство окрест нас тогда перманентно сдвигается её взаимодействием со вселенской разбухательностью, однако сдвига того (а происходит он – на всех радиальных линиях планетного шара – в направлении от планеты) как такового не фиксируем, а потому "переворачиваем действительность с ног на голову": находим себя противоположнонаправленно сдвигающимися в пространстве – в виде приближения к той планете как невольному маркёру сдвинувшегося пространства (в силу её автоматической для нас вписываемости в него).

Или происходящее – всё-таки на ступень нечто большее? А именно: пространство перманентно как бы отодвигается от планеты, а значит и от пробного тела в её окрестностях, которое ответно – в соответствии с первым законом Ньютона – стремится проходить в обратном направлении по пространству расстояние, равное той отодвигаемости, тем "забирая назад" пространственную смещённость, необходимо и достаточно набрав себе в пространстве противного смещения...

Ещё раз. Пространство фактически отодвигается от планеты, а пробное тело вблизи неё, стремясь "вернуть назад" его к себе позицию, на столько же придвигается к планете (тем оказываясь там, где оно в пространстве – как вселенском целом! – было бы, не сместись последнее в той своей припланетной локале). Такое "стремление" у тела – из-за первого закона Ньютона. Который вообще-то должен звучать так: **всякий вещественно-материальный объект удерживается в наличном инерционном состоянии (в лице покоя или**

равномерного прямолинейного движения) относительно пространства как вселенского целого, пока другое материальное (и не обязательно вещественное!) работой против той удерживаемости не понуждает объект за собою следовать, тем изменяя то его состояние, или пока само пространство (всё так же как вселенское целое) не меняет своего стояния к объекту, начиная фактически смещаться относительно него, чем без затрагивания его являет в новом состоянии движения. Надеюсь, всё это звучит для читателя уже не очень дико: что материальность не обязательно вещественна – того уж по-всякому не раз касались, как и принципиальной возможности отсчитаться к мат. вселенской целостности. Ещё бы той возможности не быть, коль прежде прочего целостность такая – то выступаемость всего заполняющего мир вакуумного пространства конкретным макрообъектом. Конкретным макрообъектом, а не просто как-то там! Плюс макрообъект такой – как что-то вполне материальное, только что непривычным образом.

Заодно привожу версию Ньютона – чтоб "не отходя от кассы" можно было сравнить. Версия в переводе академика Крылова, почти подстрочном, а потому наилучшем – из встреченных мною. Вот она: "Всякое тело продолжает удерживаться в своём состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние".

И тут уж напрашивается с большей конкретизацией привести нашу версию: всякий вещественно-материальный объект сохраняется в определённом скоростном состоянии инерционного движения относительно вакуумного пространства как вселенского целого, пока другое материальное – и не обязательно вещественное! – не переведёт его в том движении на другую скорость, какое-то время попринуждав за собою следовать, или пока само вакуумное пространство на какое-то время не оказывается квазиподвижным по отношению к объекту, тем самым ненасильственно уже переводя его на ту другую скорость – как скорость равномерной прямолинейной двигаемости с предельным возможным вариантом в лице покоя.

Так что тело придвигается к планете, чтобы маркировать собой точку пространства, которая остаётся неподвижной в пространстве как вселенском целом. Другими словами, следуя первому закону Ньютона, тело не позволяет смещающейся пространственной локали увлечь себя. Тем и оказывается придвигающимся к планете.

Сказать обо всём этом немного иначе, будет так: окрест себя планета порождает дисбаланс пространственного прироста, тем пробное тело со своей стороны, внешней по отношению к планете, оказывается набравшим пространства больше, чем со стороны внутренней, вот и устремляется в последнюю, дабы добрать его (до равенства с обеих тех своих сторон). Благодаря та-

кому добиранию тело остаётся пространственно уравновешенным, а не остаться ему таким – значит нарушить первый закон Ньютона.

Короче, к текущему моменту читателю уж надо бы понять, что если пространство (само!) сдвигается к тебе за спину некой своей локалью, то тебе следует – с интенсивностью того сдвига – бежать вперёд, чтоб мочь сказать о себе, что ты нисколько не изменил своей позиции в нём как целом. Это в отличие от случая сдвигаемости к тебе чего-либо вещественно-материального, когда бежать необходимо как раз за сдвигающимся, чтобы аналогично мочь заявить о его к тебе несдвигаемости.

Что из сказанного вытекает? А то, что мы стоим на месте – так надо считать, – а перманентная квазисдвигаемость пространства – в направлении от планеты – имитирует нам нашу суперускоренную перемещаемость в противоположном направлении – к планете. И эту симитированную перемещаемость мы называем своим свободным падением на планету.

Не о сдвигаемости же пространства, а о квазисдвигаемости говорим потому, что пространство не перетекает (типа налички в нём чего-то подобного струе в газе), однако неравенство его прибытия (по линии перпендикуляра к поверхности планетарного шара) перманентно воссоздаёт статус-кво, как будто именно сколько-то перетекло.

И подчёркиваю, что перемещаемость наша именно симитированная: приближаемся к планете возрастающе ускоренно, а соответствующих ускоряемости телесных ощущений не испытываем (ну, нагружающего ткани давления по линии перемещения).

Теперь можем на ступень квалифицированной переизложить абзац, с которого начали сей разговор о свободном падении тел. Суть в том, что своим "поведением" пространство ставит нас, неподвижных самими по себе (ну, в смысле, нисколько не пытающихся перемещаться в нём), пред фактом в нём переместившести (а уточняюще бы сказать – изменившести в нём состояния своего движения). И этот факт, продолжаясь и продолжаясь (ну, повторяясь и повторяясь!), раскручивает микроэфировихри, в совокупности составляющие наши тела. А дальше так: натыкаясь при всём при этом на земную твердь, начинаем состояние своего движения с той же выраженностью менять в противоположную сторону. Испытывая уже настоящее (а не имитируемое!) ускорение, сопровождающееся силовым давлением на подошвы ног. И в порядке этого ускорения как микроэфировихревая совокупность раскручиваемся в противоположном направлении. Тут и "собака зарыта"! Раскрутка в одном направлении натыкается на раскрутку в противоположном, и в результате остаёмся нераскрученными. То есть своё ускорение по линии радиуса Земли в направлении от её центра, испытывание коего называем личным весом, когда стоим на земной поверхности, также должны считать холостым ускорением, подобно ускорению центро-

стремительному. Холостым, то есть как ускорение на нас исправно проявляющимся (ну, так сказать, заставляющим себя испытывать, ощущать как нагрузку), но не приносящим нам с тем ни увеличения скорости, ни – соответственно – увеличения массы. И не путать его с ускорением симитированным. Такое ускорение имитируется пространством, и увеличенность скорости и массы тебе как раз даёт, не давая зато себя испытывать. Подобную нашу ускоряемость надо понимать как "ускоряемость чисто явочным порядком", и свободное падение твоё на планету в своём лице её как раз являет.

Хорошо, всё ясно. Но бегло обскажемся ещё по одному кругу – ради несколько иной трактовки, которую выше уже пытались развивать – в лице одного короткого абзаца. Свободное падение тела на планету – как его возрастающе ускоренная приближаемость к ней без испытываемости ускорения (или сказать, как его приближаемость к ней без испытываемости ускорения, но с имеемостью его!) – есть сохраняемость тем телом состояния покоя в окружающей его околопланетной пространственной локали. Оно ведь что? Окрест себя планета пространство сдвигаёт (в смысле возникаемости в последнем затухающей вдаль деформации сдвига, ежели выражаться в аналогии с происходящим в твёрдом теле), причём автоматически вписывается в этот вызываемый ею сдвиг (то есть в новом пространственном раскладе начинает существовать так, как существовала в старом, то бишь – будто всегда в нём была, этом новом), а находящееся поблиз той планеты тело, согласно первому закону Ньютона стремясь не менять состояние своего движения в пространстве как вселенском целом (то есть – не начинать к нему двигаться иначе, чем уже двигается, а если вообще не двигается в нём, то значит – и не начинать двигаться), ничего не делает и этим предстаёт движущимся относительно планеты. Ну, в смысле, перманентно выступает приходящим в движение по направлению к ней. Чем и оказывается – для нас как наблюдателей его и планеты – ускоряющаяся сближающимся с нею.

Что теперь можно сказать в коротком обобщительном резюме? А так или иначе, но у нас постоянно выступают задействованными две смыслотрактовочные формы. Первая та, что пространство смещается по линии планетарного радиуса в направлении от планеты, а пробное тело, находящееся на той линии, спешит набрать по ней своей пространственной сдвинутости в противоположном направлении – дабы "отработать назад" то смещение, тем достигая позиции, что всё у него с пространством как вселенской совокупностью остаётся, как было. Этакого "как было" от тела требует первый закон Ньютона. Оно ведь что? Мы как мат. тела "вшиты" в пространство. Ну, как бы слиты с ним в некое целое. Ещё бы нам не быть этак "вшитыми", коли и мы, и пространство – по большому счёту один и тот же эфир! Вот из такой "вшитости" и происте-

кает первый закон Ньютона. В том смысле, что "перепрошить" можно, только нарушив уже наличную "вшитость". То есть – помучив нас "вспарыванием" её. Испытываемость нами ускорения (в смысле давящего действия ускоряющей силы) и оказывается таким мучением. Вот и не мудрено, что стремимся – в ранге закона для своих тел! – сохранить старую "вшитость": этим мучений избегаем.

И вторая смыслоотрагочная форма. Предположим, мы выпрыгнули из самолёта, пока не раскрыли парашют и тем находимся в состоянии свободного падения на Землю. Если б непосредственно замечали перманентную смещаемость пространства вблизи Земли (это локальная смещаемость его в самом себе – как вообще говоря неподвижном вселенском целом), так вот, повторяю, если б нечто этакое замечали вблизи Земли (и относительно неё, с тем что такая относительность – заодно и относительность к пространству как вселенскому целому, в силу встроенности в него Земли), то воспритийно находили бы, что при таком своём "свободнопадающем поведении" остаёмся себе в покое в том пространственном вселенском целом, но поскольку не замечаем (каждую очередную сместившись принимая за то же пространственное статускво, что было до неё), то происходящее с собой находим тем, что как раз смещаемся в пространстве как вселенском целом – в направлении Земли.

Вообще оно как? Что касается ускорений – ускорения свободного падения и обладаемости весом как ускорения, сообщаемого тебе земной поверхностью, на которой стоишь, – то по поводу их выше было много излагательных стилизаций. И каждая, как и положено стилизации, в чём-то оказывалась условна. На счастье, условности разных стилизаций не совпадают. Отчего смысловая сумма стилизаций позволяет вырисовываться уже безусловной картинке. Когда последняя тем больше безусловна, чем больше стилизаций суммировалось. Что приглашает нас расширить число стилизаций.

Приглашение принимаем, а потому – ещё одна стилизация. Земля порождает квазиветер пространства, который несёт (с ускорением свободного падения) на неё мат. тела, находящиеся рядом с ней. Именно квазиветер, поскольку падаем на землю вниз без испытываемости давления сверху, тогда как обычный ветер гонит тебя вперёд за счёт давящести своей на тебя сзади. Другими словами, будучи мат. телом, ускорение свободного падения имеешь следствием действия на себя некой квазисилы: ускоряешься вперёд без испытываемости давления на себя сзади. Без испытываемости такого давления как характерности при приложенности к тебе толкающей силы.

Квазисила! До сих пор это у нас напрямую не звучало, а напрашивается. Действует как сила (ну, вызывает у тела ускорение), но силой меж тем не является – так как на тело не давит, – отсюда и "квази". Увеличивающаяся же ско-

рость, которую такое недавящее ускорение даёт тебе, оказывается скоростью относительно пространства как вселенского целого.

Когда же квазиветер пространства прижимает тебя к земной тверди, начинаешь испытывать ускоряющую силу – как давящесть на подошвы ног. Ускоряет тебя эта сила по отношению к пространству, входящему в "ветер". Ну, составляющему последний как некую локаль – в пространстве как вселенском целом. То есть что? На участке окрест планеты – пространство являет признаки своей ускоряемости в направлении от планеты. То есть ускоряемости относительно планеты, равно как и относительно остальных пространственных участков, объединяющихся в целостность вселенского пространственности. И поскольку эта пространственная локаль представляет (в силу твоей находящести в ней!) для тебя пространство как нечто, всегда остающееся к тебе неподвижным, ты тем оказываешься ускоряющимся относительно планеты в обратном направлении – к ней, к планете. Земная же твердь, давя на подошвы твоих ног, ускоряет тебя по отношению к этому ускоряющемуся пространству – в направлении, совпадающем с направлением его ускоряемости, и с равной последней выраженностью. В результате чего эта ускоряемость локального пространства перестаёт для тебя существовать, компенсируясь, – то есть оказываешься неизменяющим своей скорости нигде относительно пространства. А тем самым – и относительно Земли, поскольку последняя тебе собой в этом случае маркирует всевселенское пространство (принципиально не участвуя в тех локальных сдвигах пространства, которые порождает).

Ещё возможно стилизовать всё следующим образом. Когда ты рядом с планетой, относительно тебя пространство – её стараниями – как бы сдвигается в направлении от неё, тем самым тебя к ней приближая – путём сообщаемости тебе скорости относительно себя (которая будет вектором к планете, коль скоро вектор сдвига пространства имеет направление от планеты, как ясно). Планетарная же твердь, в контакт с которой в результате того приходишь, не даёт тому "как бы сдвигу" касательно тебя реализоваться, ускоряя тебя в его направлении с необходимой для компенсации выраженностью, – так что скорости своей по отношению к пространству ты оказываешься уже не меняющим.

Или обскажем всё это так. Пространства за тобой прибывает больше, чем в промежутке меж тобой и планетой. В результате ты чисто явочным порядком оказываешься всё ближе к планете. Ну, по отношению к планете предстаёшь "оставляющим за собой пространство", а значит – приближающимся к ней. Когда же натыкаешься на планетарную твердь, нереализующееся оттого приближение оборачивается прижимом тебя к той тверди. Словно она, давя, ускоряет тебя в направлении, противном обрисованной твоей приближавшести к планете.

Неравномерно относительно тебя прирастая (стараниями планеты, и по линии, соединяющей тебя с её центром), пространство делает тебя ускоряющимся относительно себя. Подчёркиваем: не ускоряет тебя относительно себя, а именно делает ускоряющимся, то есть факт твоей ускоряемости оказывается при тебе чисто явочным порядком.

Как, однако, делает? Ну, неравномерно – по указанной линии – относительно тебя прирастая, пространство (как вселенское целое) в любой берущийся момент может быть найденным как бы сдвигающимся мимо тебя, то есть начинающим мимо тебя перемещаться – со стороны планеты вовне. Такая начинающествь его, как ясно, оказывается его относительно тебя ускоряюществью, а тем самым и твоей относительно его и относительно залегающей в нём слитно с ним планеты – по направлению к последней.

Ну и "под занавес" даже можем развить объяснительность первого закона Ньютона. Нарботки нашей "новоэфирной" теории, наличные к этому моменту, позволяют сделать такую попытку. Первый закон Ньютона объясняется тем, что тело и пространство с противоположных его сторон – это эфир, который сам в себе стабилизируется по возмущёнке. Больше виртуальных частиц с одной из сторон тела – значит, больше эфирвозмущённость с той стороны, стремящаяся уравниваться с эфирвозмущённостью на стороне противоположной. А как ей уравниваться? Да через смещаемость того тела в ту противоположную сторону. Ясно? Ведь тело, о коем речь, подразумевается в гравитационном поле другого тела, квазиперекачивающего пространство с ближней к себе стороны первого – на дальнюю. Откуда и большее число виртуальных частиц с той дальней его стороны, ведь вакуум-пространство – это виртуальная материя, из таких частиц "состоящая". Смещаемость же тела в некую сторону – как приобретаемость им поступательной в ту сторону скорости, – автоматически оказывается увеличением угловой скорости эфировихря, тем телом выступающего, – в силу конструктивной сопряжённости поступательного движения вихря с его вращательным движением. А увеличив свою угловую скорость, вихрь своим лицом являет эфирвозмущённость большую, чем являл. Вот увеличивая свою поступательную скорость в сторону меньшей эфирвозмущённости, тело-вихрь как бы и приносит дополнительную эфирвозмущёнку той ущемлённой стороне – против стороны противоположной. Чем вам в итоге и получается "давление виртуальности на тело" из-за присутствия рядом планеты. Получается как "недавлящее давление", заставляющее тело ускоряться к планете без проявляемости своей инертности. Без "огрызаемости" ею, так сказать! Тут ему не на кого "огрызаться", кроме как на себя самого. Ведь вместе с прочим оно составляет ту область эфира, что занята перераспределением наличной в ней возмущённости.

Итак, первый закон Ньютона: неодинаковая прибывшесть пространства с противоположных сторон тела – это фактический сдвиг его относительно тела, и первый закон как раз вменяет тому создавать себе (своим движением) противонаправленный пространственный сдвиг – чтобы в целом не поменять своей встроенности в пространство. Вот теперь и знаем, что за этим стоит. Самоуравновешивающийся в своей возмущаемости эфир. Ну, в смысле, явление такой его самоуравновески.

Теперь можем развить последнюю стилизацию – более обстоятельную, нежели предыдущие. Помещаем шарик на ж/д платформу. Платформа трогается с места, выкатываясь из-под шарика, а он тем самым свободно катится по ней в противоположную сторону. Таков опыт. И вот по аналогии с происходящим в нём можно сказать, что помещаемое рядом с планетой тело остаётся себе неподвижным относительно пространства как вселенского целого – ничуть не хуже шарика на платформе, – и это просто "платформа" – в лице неопределённо-великой припланетной пространственной локали – "выкатывается" из-под того тела по линии вектора, начинающегося в центре планеты и заканчивающегося в центре тела. "Выкатывается" в принципе ничуть не хуже, чем выкатывалась ж/д платформа из-под размещённого на ней шарика. Благодаря чему "выкатывается"? Ну, ж/д платформа выкатывается стараниями двигателя, размещённого на локомотиве, а "платформа" оговоренной локали пространства – стараниями "двигателя" в лице планеты, на краю той локали приспособленного. Двигатель локомотива крутит шестерёнки и в конечном прикиде – колёса, а "двигатель" в лице планеты – смещает "слои" пространства в пространственной локали так, что последняя ползёт, подобно амёбе. И "ползёт", не забывайте, здесь относительно всей "массы" вселенского вакуумного пространства как чего-то целого. С тем добавлением, что это лишь виртуальная ползущестъ, однако. Смотрите: как только возникает "сдвиг пластов" пространства (ну тот, что оборачивается "ползущестъю" локали), так он автоматически вписывается в огульную вселенскую пространственность – словно так, как только что стало, испокон веков и было. Другими словами, огульнопространственность принципиально не терпит никаких в себе сдвигов, стремясь непрерывно оставаться непрерывным целым без малейшего даже намёка на свою прерывистость (коим намёком и оказывается каждый очередной локальный сдвиг пространства планетой, провоцируя всё пространство его ассимилировать). В результате на тело, находящееся в районе планеты, пространство как целое предстаёт налетающим – вкупе с планетой, – а тело, стало быть, увеличивающим свою скорость относительно негó (ну, их).

Итак, всевселенское пространство предстаёт налетающим в силу "берущести на себя" той локальной сдвигиваемости, что планета постоянно в нём вызывает. Ориентиров же, к которым бы припланетное тело "прикрепиться" могло в отслеживаемости вселенского целого, нет в самом принципе, посему ав-

томатически неизменно и оказывается, что это тело несётся по вселенной, а не она мимо него... Что ж, оказываться – оказывается, однако не ты тут (как вещественно-материальный объект) себя раскручиваешь в качестве эфировихря, как следствие той раскрутки поступательно ускоряясь, а тебя раскручивают в этом качестве, – что есть "две большие разницы"! А именно, когда ты сам себя, приходится тратиться (привлекая силу), а когда нечто – тебя, то не приходится, отсюда и сила инерции на тебя не действует (ну, в ответ не возникает). То есть твоё тут ускоренное движение – так называемое свободное падение, а не разгон. Падение в смысле свобод­ного разгона, а не разгона обычного.

Всё в аналогии с игрушечным воздушным винтом. Стоишь на месте – он не вращается, а побежишь – плоскостью его вперёд, – начинает вращаться, благодаря силовой потраченности на бег. Но когда спереди дует ветер, и ты ему подставил плоскость винта, то последний будет вращаться не хуже, чем когда ты с ним бежал вперёд, несмотря что стоишь на месте и на бег не тратишься.

Итак, стараниями планеты, приложенными ко всевселенскому вакуумному пространству, ты как находящееся рядом с ней тело безынерционно изменяешь свою скорость относительно того пространства (ну, ускоряешься или тормозишься относительно "неподвижных звёзд", в зависимости от расклада). С тем что это изменение перманентно предстаёт твоей ускоряемостью к планете. А наткнувшись в этом на её твердь, изменять скорость к пространству как целому перестаёшь, представ компенсационно ускоряющимся в обратном тому изменению направлении, причём ускоряющимся с испытыванием уже действия силы инерции – как направленности против действия ускоряющей силы, сообщаемой тебе земной поверхностью в точке твоего с ней телесного соприкосновения. То есть предстаёшь ускоряющимся уже обычным (а не нетривиальным!) способом.

В общем, можно говорить, что планета, когда на ней стоишь, от тебя во вне отгоняет пространство, но заодно и тебя гонит вслед за ним – с меньшей выраженностью, за счёт давленья на подошвы твоих ног, – так что в сумме ты позиции своей в пространстве не меняешь. Понятно? Сдвигая от себя пространство, планета фактически ускоряет тебя в нём – по направлению к себе, но одновременно равно ускоряет тебя в пространстве по обратному направлению, в конечном счёте оставляя без какой-либо в нём ускоренности. Так и живём. С тем добавлением, что когда "фактически ускоряешься" планетой, самого по себе она тебя нисколько не затрагивает, а вот в обратной тому ускоряемости тебя – как раз именно затрагивает, в лице контакта с подошвами твоих ног.

То есть что? Через "сдвиг" пространства от себя – планета просто ускоряет его относительно тебя, на ней стоящего. С тем что направление той ускоряемости совпадает с направленьем "сдвига". Просто ускоряемость простран-

ства относительно тебя, однако её наличка автоматически означает, что равно ускоряешься и ты относительно пространства – только в противном уже направлении (то есть по направлению к планете, коль "сдвиг" был в направлении от неё). И не получая возможности реализовать это ускорение – из-за своего упора в земную твердь, тем фактически получаешься ускоряющимся той твердью – в обратном тому нереализуемому ускорению направлению, и равно ему по выраженности. Что выглядит для тебя имеющей вес.

Короче, вес получается просто одним из проявлений нам силы инерции! Земная твердь разгоняет тебя вслед пространству, которое в ускорении от себя как бы отгоняет, а ты, как всякое тело обладая свойством инертности, этому "разгону вслед" сопротивляешься, вот преодоление землёй этого сопротивления и воспринимается нами как собственный вес (когда на той земле стоим).

Такая вот объяснительная стилизация. И покончив здесь с нею, заодно уж пространней коснёмся этого вставшего вопроса нетривиальных ускорений (как мы их в своё время обозвали). Движение тела под действием так называемой силы инерции – в сути своей подобно движению его под действием так называемой гравитационной силы: происходит с ускорением, но без испытываемости телом давления на ту из своих сторон, что смотрит в обратном ускорению направлении. В самом деле, шарик по трогаящейся с места платформе катится вполне свободно, если не пытаться специально его задерживать, – то есть в реальном отношении действия катящей силы не испытывает. Испытывал бы, если б она была для него чем-то давящим, а этого нет. И так же – у свободно падающего (с высоты на землю) тела. Тем самым, свободное качение и свободное падение – аналоги! Из-за чего и сила инерции – другой образчик квазисилы. Образчик ничуть не хуже силы гравитации, в утверждении принципа, шутливо названного нами (в начале книги) принципом сверхэквивалентности гравитационной и инертной масс.

Инерция и тяготение – прямая и обратная стороны квазисиловой проявляемости чего-то одного, подобно пресловутой медали обязанного иметь для нас именно две стороны. Это "одно" – относительность движения, соединяющая вещественно-материальные объекты и вакуумное пространство. Ну, то есть, сначала представляется не бессмысленным само понятие движения таких объектов относительно пространства, а тем уж как понятие начинает иметь смысл и движущая относительность пространства к ним, таким объектам.

Всем этим – в порядке следующего шага! – получаем, что нормальное ускорение как понятие эквивалентно весу. Ну, центростремительное ускорение, как его иначе ещё называют. Ведь провоцируется оно центробежной силой инерции, которая на самом деле есть квазисила (как мы через сравнение показали). И провоцируется, когда тело напарывается на преграду, не дающую ему свободно перемещаться под "действием" этой "силы", представляя результатом налички (ну, спровоцированной возникаемости!) силы давления на тело со

стороны той преграды. То есть всё – точно как и отношения у тела с силой гравитации: последняя, как квазисила, делает его свободно падающим в сторону поверхности Земли, и эта поверхность, когда тело на неё напарывается, тоже начинает на него давить, что оборачивается весом того тела как ускорением, направленным противно гравитационной силе.

Так что, вес тела и его центростремительное ускорение – это холостые ускорения, соответственно идущие лишь на компенсацию ускорения свободного падения и ускорения от центробежной силы, а тем самым не приносящие телу изменения скорости по линии своей приложенности. Ускорение же свободного падения с центробежным ускорением составляют у тел пару имитационных ускорений: изменение скорости телу приносят, как и положено ускорению, но фактически (по сути переносимости их телом!) ускорением не являются.

В связи с наговоренным напрашивается отметить, что Ньютон подсчитал лишь фантом центростремительного ускорения Луны. Ну, фантом того центростремительного ускорения, которое Луна имела бы, вращай мы её на верёвке с теми вращательными параметрами, которые она имеет в своём нынешнем движении относительно Земли по круговой орбите (верёвка, как ясно, должна бы иметь длину, равную расстоянию меж центрами Земли и Луны). Величина такого фантома, по Ньютону, равняется $0,27 \text{ см/сек}^2$. На деле же Луна центростремительного ускорения не имеет, так как на неё – при её ходе по орбите центробежная сила инерции не действует. Не действует вследствие того, что сила притяжения Земли – лишь квазисила, и по линии к земному центру ускоряет тело лишь имитационно, а не по-настоящему, как то делала бы с ним сила обычного рода (к примеру, сила натяженья верёвки, на которой вращается тело). Как раз из-за своего неимитационного действия на тело она и порождает его центростремительное ускорение – ну, оборачивается им, работая против центробежной силы инерции, которую вызывает как противную себе приложенность к телу.

Другими словами, Земля к себе Луну приближает, но не тянет (ну, в смысле, приближает не за счёт того, что тянет, а иным образом!), и коль нет тяги, то нет и противотяги – в лице центробежной силы инерции, – на то он и третий закон Ньютона (в форме своей смысловой изнанки).

Итак, гравитационная сила не аналогична верёвке! На роль верёвки не годится! Её действие на тело эквивалентно действию трогаящейся с места ж/д платформы на шарик, незакреплённым лежащий на плоскости той платформы. Как известно, шарик начинает катиться (то есть получает ускорение!) в сторону, противоположную той, в какую тронулась платформа. То есть последняя не тянет шарик за собой, предоставляя ему возможность свободно по себе катиться под действием силы инерции. То есть – не работает против силы инерции шарика! Так и здесь: верёвка против центробежной силы инерции работа-

ет, а гравитация нет. Ну, в смысле, сила натяжения верёвки и сила гравитации. А что касается свободного качения шарика, то это в пренебрегаемость его трением качения, подобно пренебрегаемости силой сопротивления воздуха в случае свободного падения тела в атмосфере.

Ну и то ещё, что начинающий вращаться горизонтальный диск – с незакреплённо лежащим на нём шариком – даёт эквивалентацию не хуже трогаящейся ж/д платформы. Даже сподручней было бы говорить именно о нём (коль всё это – для разбора движения тел вокруг планеты под действием её гравитации).

Можно бы остановиться на сказанном, однако действительность здесь ещё круче! В том смысле, что ежели фактически, то о круговом движении тел говорить мы вóвсе не должны – когда они крутятся (для нас!) вокруг планеты, удерживаемые силой её гравитации. В самом деле, вот летит по инерции мимо планеты тело, попадает в зону её гравитации, и в результате трюка с пространством, что производит планета, оказывается к ней ближе, чем было бы, лети оно по продолжению своей первоначальной траектории. Ну и что с того? Для себя-то тело продолжает здесь свободно (!) лететь вперёд, как и летело, то есть имеет возможность "не обращать внимания" на подобные трюки, с ним проделываемые. В общем, планета – её гравитацией – траекторию тела изгибает, пока вокруг себя не замкнёт, но тело, изгибания того упорно не замечая, и в круговом движении относительно планеты для себя летит фактически лишь вперёд (читай: по-прежнему по прямой). Такие вот дела!

То есть что? Движение гравитационно захваченного планетой тела по замкнутой вокруг неё орбите – это продолжающаяся инерционная его пролетаемость мимо той планеты. Для тела того это так, во всяком случае! Стало быть, никакого центростремительного ускорения оно и не испытывает – для себя самого, во всяком опять-таки случае. С тем что это "для себя самого" – для него что-нибудь только и значит. Ну, единственно только и имеет смысл, с тем что всё остальное, – например, что для вас оно предстаёт ведущим себя в качестве имеющего центростремительное ускорение, – его нисколько не касается.

И как же тогда – в свете только что наговоренного! – обстоит дело с опытами, доказывающими пропорциональность инертной и гравитационной масс? Начаты были ещё Ньютоном – в эксплуатацию специально выводимого равенства, одним из членов которого выступает отношение гравитационной массы к инертной: тут доказав постоянство членов остающихся, должны будем считать некой постоянной и это отношение, иначе равенство перестанет соблюдаться. И добавим, кому не ясно, что если отношение таких масс – постоянная, то массы те – пропорциональны.

Подобных равенств представлялось возможным сконструировать несколько. Но все составлялись, так или иначе, за счёт приравнивания двух вы-

ражений силы, действующей на тело в поле тяготения: одно выражение – как получаемое через закон всемирного тяготения, связывающий тело и планету, а другое – как получаемое через второй закон Ньютона (в его прилагательности к телу как тому, что имеет ускорение). Посредством такого приравнивания получалось возможным выразить – через ряд постоянных членов и отношение инертной и гравитационной масс – что ускорение свободного падения тела (g), что период колебания (T) маятника, грузом в котором это тело фигурирует (с условием конструирования маятника близким к математическому). А заодно подобно выразить представлялось возможным и центростремительное ускорение тела – как не просто свободно падающего на планету, а свободно падающего с описыванием равных окружностей вокруг планеты как центра. Так вот, что выражался то всего лишь фантом, мы уже разъяснили. Что же касается использования g и T , то дело благополучней: их тело действительно имеет в своём взаимодействии с планетой, и опытно доказуя их постоянство (а в земных условиях им будет факт независимости их значений – в пробном месте – от массы и материала используемого тела), мы доказываем тем пропорциональность гравитационной и инертной масс. Один только нюанс: выражая силу, действующую на тело со стороны планеты, через посредство второго закона Ньютона, мы выражаем вес тела, но последний как сила приводит тело не к ускорению свободного падения, а к компенсационному ускорению, как мы уже показывали. Компенсационное ускорение как ускорение, автоматически всегда равное g по величине, обратное ему по направленности и с обратностью же природы своего происхождения. А заодно с той же, что и у g , независимостью в своей величине от массы тела и его материала, – оттого-то увеличение массы тела, за счёт какого бы материала оно ни делалось, оборачивается строго пропорциональным увеличением его веса. И опыты с маятником показывали нам постоянство именно компенсационного ускорения, а вовсе не ускорения свободного падения. Другими словами, это на основании постоянства пёрвого мы делали вывод о пропорциональности у тел двух видов массы, а не на основании постоянства второго. В незаметности себе такой подмены! А формула веса тела отныне должна иметь не вид $P = m_{ин}g$, как везде даётся, а вид $P = m_{ин}g_{ком}$, где P – вес тела, g – его ускорение свободного падения, $m_{ин}$ – его инертная масса, а $g_{ком}$ – компенсационное ускорение, им получаемое от земли.

Ладно. Теперь о другом. Например, об увеличении хода времени для тела как эфировихря. Ну, о прибавляемости у него длительности. Сменой каких состояний того тела она последовательно реализуется, такая прибавляемость? Это мы продолжаем вопросы третьего ряда, заявленные в качестве объекта сего выписного блока! Отвечая на только что заданный, стоит выделить три базовых состояния: тело как ламинарный вихрь в быстром поступательном движении (ну, ламинарная вращательность эфира, пребывающая в таковом движении), тело как медленный ламинарный вихрь, и оно как медленный турбу-

лентный. Где быстрый и медленный – относительно эфира. Как минимум – относительно "неподвижных звёзд". Читателю должно быть ясно, что это имеются в виду три движеческих режима мат. тела: инерционное движение его на субсветовой скорости, таковое же его движение со скоростью, значительно меньшей световой, и движение его в лице только что начавшейся ускоряемости из положения таковой малой скорости. В последнем режиме у того тела – наибольший ход времени. Из чего следует: начни ускорять тело, обладающее субсветовой скоростью, и та уменьшенность хода времени, которую оно имело, частично будет "съета" – тем больше, чем выраженной ускорение. А то возможна и вовсе забористая картинка: делай скорость тела всё больше приближающейся к световой – путём всё большего его ускорения из положения покоя в пространстве, так бесконечная уменьшаемость хода его времени из-за той приближаемости – покроется бесконечной увеличиваемостью того хода из-за такой ускоряемости, а в результате – будет тело с длительностью, сравнимой с длительностью малоскоростных (к пространству) инерционных тел. Так вроде?

Почему, однако, уменьшается ход времени в первом базовом состоянии? Сакраментальный для релятивистской механики вопрос, что бы там ни говорили! С наших позиций – вот почему: из-за поступательности движения – всё новый эфир в вихре. То есть вихрь обменивается своим наполнением с остальным эфиром – заставляемый поступательностью своего инерционного движения. Причём обменивается тем выраженной, чем быстрее то его движение. Новопоступающий эфир, естественно, закручивается – чтоб стать, так сказать, вровень с остальным наполнением вихря. Но не успевает та завращавшесть – в качестве возмутителя его – дать ему толком длительность, как он уже выходит из вихря, а значит, и вращательности, – выходит в пользу ещё более нового эфира, совсем не возмущённого. С которым происходит затем то же самое, и так оно – дальше и дальше. Как эффект бывая тем заметней, чем больше скорость вихря в своей поступательной инерции. Откуда и уменьшение хода времени для определяемого тем вихрем тела: такие разовые недополучения им длительности (ну, "составляющим" его возмутившимся эфиром) ведь складываются в перманентность.

Подобные объяснения таких вещей – это "объяснения на пальцах". Всего лишь расстановка качеств, так сказать. Прошу читателей того не забывать – дабы в забытьи не потребовать большего, чем "пальцы" принципиально способны дать. А мы добавим ещё один объяснительный вариант – более корявый, нежели первый, но где-то всё ж уместный. Эфир в движущемся по инерции эфировороте – непрерывно заменяется, да? Где эфироворот тем больше не успевает с той заменяемостью справиться, чем больше его инерционная

скорость? Не успевает справиться – в смысле что ассимилировать замену. Значит, при увеличении скорости такой своей поступательной перемещаемости – вихрь всё больше как бы становится "эфиром в целом", который неподвижен, а потому лишён длительности. То есть вихрь всё больше становится виртуальной невозмущённостью. Возмущённость, которую собою воплощает и которая несёт ему длительность, он как бы топит в эфировой целостности, тем, в некотором смысле, от её статуса где-то освобождаясь, а значит – и от обладания длительностью...

И последний, и предпоследний объяснительные варианты – лишь вспомогательные. Ну, то есть, чёткой очевидности нет, что они фигня, а потому и привести их в тексте можно. Во всяком случае, наш текст такое позволяет.

Заодно с этими вариантами напоминаем, что у мат. тел на субсветовой скорости – масса увеличивается только "на экспорт". Для самого тела она увеличиться не может, так как замедляется пропорционально его время, и от своей ставшей большею массы – соответственно меньше телу удаётся взять, в порядке взаимодействия с самим собой. Так что нет, только "на экспорт" оно "наращивает массу скоростью", то бишь для нас лишь, его наблюдателей.

Напрашивается также заговорить об эффекте возрастания плотности тела для сторонних его наблюдателей – по причине более выраженного его обладания длительностью (например, вследствие всё большей отодвинутости от планеты). В самом деле, стало обладать выраженной, то для удалённых его наблюдателей, которые вне причины сего, за одну их секунду вихрь его оказывается вращающимся, скажем, целых полторы своих секунды – с той угловой скоростью, что была у него – для тех наблюдателей – перед "уплотнением" его длительности, чем являет в ту секунду наблюдателей в полтора раза больше своих оборотов, а это – полуторная увеличенность его угловой скорости для них, то есть – полуторно бóльшая его плотность пред ними.

За счёт чего же тело выступает экраном пространствоприрастательности – оставляю открытым. Нет, кое-что понятно: такой телесный экран тем вообще больший, чем тело массивней, а при неизменности массы тела – тем более злостный, чем оно плотнее. Так можно выразиться! Что это означает? Поясним. Для чего возьмём два шарообразных (для простоты) тела, достаточно разнесённых, чтоб гравитационная картина одного не искажалась таковой другого. И пусть первое – в два раза массивней второго, зато второе – в два раза плотнее его. Взять тогда пробное расстояние – в два, скажем, радиуса первого, то на таком удалении от своего центра первое даст экранный эффект пространственному приросту в два раза больший, нежели второе на таком же метраже от своего центра. (В самом деле, силы притяжения пробного тела этими телами, подсчитанные для такого расстояния по формуле закона всемирного тяго-

тения, будут различаться в два раза, а силу притяжения, развиваемую телом, считаем пропорциональной его экранному эффекту.) Вот это и означает, что первое тело – экран пространствоприросту вообще больший, нежели второе. Но зато второе способно дать бóльшее абсолютное значение достигаемой экранности: всякое тело наибольшую экранность даёт на уровне своей поверхности, и вот у второго экранность на уровне его поверхности больше, чем у первого – на своём подобном уровне (я уж не подсчитываю, насколько, за принципиальной неважностью оставляя это читателям). Такая большесть и означает, что как экран второе тело более злостно, нежели первое. А лучше сказать – более злостно как способность экранировать, как сродство к экранированию. Хороший пример здесь – Земля и Сатурн. Последний много массивней первой, но она – в несколько раз плотней его, отчего и оказывается способной на уровне своей поверхности притягивать пробное тело примерно с той же силой, с какой его притягивает Сатурн на своей (условной, поскольку он не твёрдый) поверхности.

Теперь можно идти далее. Коль плотность тела мы увязывали с угловой скоростью эфировихря, им нам являющегося, то, значит, экранирующим свойством обладает вращательность эфира в самом себе: мол, хватит здесь тебе возмущаться, – "говорит" себе эфир, – хорошая возмущённость в своём лице и так у тебя тут имеется – через вращение. Похоже, что примерно этак "обращается" к окрестному невозмущённому эфиру каждая локальная в-себе-вращаемость эфира – как его самовозмущённость. В оправдание затрудняемости ему рядом с собой возмущаться в дополнительное вакуум-пространство. Или сказать – возмущаться в виде явления пространственной мироприрастательности.

И вот тут – самый подходящий момент заявить то, что до сих пор у нас фактически не прозвучало – несмотря на его очевидность. **По мере возрастания поступательной инерционной скорости время у тела замедляется прежде прочего потому, что тело становится всё бóльшим репрессором пространствоприрастательности – из-за релятивистской возрастаемости его массы.** Чем больше ускорение свободного падения на поверхности планеты, тем медленнее течёт время у той поверхности: никто не станет ныне с этим спорить. И это то же самое, что не спорить, что тем медленней течёт время у поверхности планеты, чем больше её масса при том же объёме. Или чем меньше её объём при той же массе. Не говоря уже о случае, когда выступает мёньшим объём при увеличившейся массе. Так почему у тела, с которым нечто подобное именно и происходит из-за большей инерционной скорости (релятивистски возрастает ведь его масса – при неувеличиваемости им своих размеров по мере заполучения той большей скорости!), время не должно течь медлен-

нее? Вот оно и течёт медленнее, по той же самой причине, что при означенных планетах! И упомянутое тело, и те планеты – больше затрудняют пространству прирост в своём районе, а пространствоприрост – первейший наводитель миру (а значит, и телу тому с теми планетами) длительности. Вот так.

Повторительно пройдемся, откуда бóльшая репрессорность пространствоприрастательности у начавшего быстрее двигаться тела. Всякое мат. тело – эфировихрь, а возмущённость эфира как вакуума – в лице быстрее двигающегося эфировихря больше, чем в лице его, медленнее двигающегося (речь о движении относительно всего вакуум-пространства). Это так, поскольку вихрь в первом случае быстрее вращается – пропорционально разнице в поступательных скоростях. Возмущёнка же – конкурент возмущёнке! Если где-то имеется возмущённость одного сорта, то возмущённости другого сорта там меньше "светит" появиться – место, так сказать, уже занято. Новоявленное пространство – это дополнительная возмущённость эфира. Соответственно и появляться новому пространству – менее с руки в районе составляющего бóльшую эфировозмущённость вихря, нежели в районе составляющего меньшую.

Тут стоит ещё добавить. Из-за того, что он бóльшая латентная эфировозмущённость, более быстрый – сравнительно с собой прежним – инерционный эфировихрь оборачивается большей эфиротурбулентностью – при попытке изменить его инерционную скорость, дающей возможность той латентности проявиться. И поскольку инертность тел – это сказываемость именно эфиротурбулентности в течении эфира, то тот более быстрый – как мат. тело – и оказывается как раз более инертным, то есть получается (ну, выступает) большей массой, сравнительно с собой на меньшей инерционной скорости. И как у более массивного тела (как минимум, того же объёма!) время у него тогда должно течь медленнее.

Можно сказать, что замедляемость своего времени инерционно быстрее задвигавшимся телом – то своеобразная спасаемость им себя от возрастаемости – из-за той быстроты – его массы: в свете замедлившегося собственного времени последняя для обладателя её будет представлять нормальной (читай: той же самой, прежней). Тем, в свою очередь, маскируя ему временную его хоодоослабленность. Как говорится, рука руку моет! Так что, с точки зрения тела на самоё себя, ничего с его временем и массой не происходит.

А мы, извне, наблюдаем две эти происходящести с телом такими, какими они количественно и должны – как изменения его – быть, чтоб у него – для себя – всё оставалось так вот по-прежнему – благодаря непрерывной у тех происходящестей взаимонейтрализуемости. То есть наблюдаем и увеличиваем-

мость его массы, и замедляемость его времени – в некоей постоянной их соотносённости как изменений, а наличие этой соотносённости такою, а не другою понимаем как нужность тому телу для внутренней стабильности (ну, своей неизменности в собственной системе отсчёта).

Короче, тело ничего у себя не замечает, а мы замечаем в нём то, что и должно с ним быть, чтобы оно ничего у себя не замечало!

Ты стал массивней – с нашей точки зрения, так с тем самым заодно – стал и с удлинившимся ходом времени, отчего проживаешь, по нашему ходу времени, скажем сто пятьдесят лет, пока не умрёшь естественной смертью, – это вместо ста, которые по биоресурсу должен был, останься на одной с нами инерционной скорости. Но для тебя эти сто пятьдесят предстают именно такой индивидуально-биоресурсной сотней, то есть мышечные усилия обращаемости с собственной массой, выданные тобой за сто пятьдесят наших, распределяются по сотне твоих, чем в жизни той своей оказываешься в полтора раза сильнее, что и даёт возможность обращаться с возросшей массой, не замечая её возрослости.

Ну, и это только кажется, что передача гравивоздействия мгновенна. Она ведь происходит через невозмущённый эфир – как некую вселенскую целостность, а он – вне всякой длительности. Другими словами, передача происходит вне времени – как феномена, тем самым она ни мгновенна, ни немгновенна. А "мгновенность" её – лишь уплощённое видение её такими "повязанными временем" образованиями, как мы. Лишь стилизованная – из-за своей отдавственности ходу времени – являемость её себе нами.

Ещё раз. Гравитация распространяется вне времени. Потому что – по невозмущённому эфиру, или сказать – через его посредство, а уж он-то как раз вне времени, поскольку последнее, вместе с вакуум-пространством, есть дериват его возмущённости. То есть гравитация пробного тела в любой берущийся момент уже наличествует по всей мат. Вселенной, – просто потому, что наличествует на тот момент невозмущённый эфир, в своей целостности мат. Вселенную "подстилающий". Благодаря его наличке гравитация от пробного тела непрерывно "разлита" по всей мат. Вселенной. Уже наличествует, а значит – и передаваться ей не надобно, строго говоря! Но мы, в повязанности феноменом времени, наличку чего-то в происходящести его от чего-то другого не мыслим иначе, кроме как через "передачу", ежели речь о наличке его в удалении от того другого. Соответственно и гравитацию от тела, на некоем удалении от него, ментально видим "мгновенно передавшейся".

Теперь, что называется, наводка на размышление. Скорость света, в известном нам по опытам её значении, есть, оказывается, закон природы, а не

нечто по статусу меньшее, тогда почему она должна меняться при переходе к другой и.с.о., ежели по принципу относительности законы природы во всех и.с.о. не меняются?! Вот так-то...

А статья на пирс при хорошем накате? Подходящие с моря гребни периодически ударяют по нему – так сильно, что вы это чувствуете ногами. Так что же, это "кванты" воды бьют, или всё-таки её волны?! Наверное, волны. В отталкиваемости от этого вопрошаем: что теоретически, так сказать, законней – свет как последовательность волн или он как поток частиц-фотонов? Нет, научные объяснения – это всегда стилизация, то есть брать допустимо по-разному – как тебе удобно (лишь бы при этой взятости своей мог свести концы с концами). Так что заданный вопрос – фактически лишь вопрос оптимизации привлекаемых стилизаций. Где такая оптимальность для случая света? Вот тут я бы и сказал: **свет как волна-квазичастица, при том что неверно обратное – он как частица-квазिवолна.** Такая расстановка акцентов оптимальна: позволяет, в первойшей из частныхей, хорошо и правильно поработать с результатами опыта Майкельсона – Морли. В иных же акцентировках этого вопроса – научная мысль при работе с теми результатами незаметно уводит-ся не туда.

Так что ежели по трезвому размышлению, то в квантово-волновом дуализме света приоритет получается всё ж за волновой составляющей. Поскольку последняя оказывается способной объяснить и такие явления, как фотоэффект. Логика простая. При меньшей длине волны "горб" её, передислоцирующийся по границе раздела сред, более крут по форме, оттого и бьёт в стоящую на пути преграду резче, тем выбивая из неё то, выбить чего не в состоянии "горб" более пологий. Вот вам и объяснение фотоэффекта, ничуть не худшее фотонного (ну того, что привлекает физ. категорию фотона – как составляющей свет "частицы"). Просто некогда фотоном "за глаза" нарекли минимально возможную часть волнового цуга. А при разборке по типу "в глаза" – это всплывает. Заставляя в фотоне видеть в общем-то лишнюю теоретизационную стилизацию.

Ещё интересность. Недавно прочёл в одном научно-популярном журнале, что энергия летящего фотона уменьшается по мере пространственного расширения Вселенной. То есть фотон становится всё краснее. Что ж, растягивай поверхность воды с волной на ней, и волна та по мере того оказывается положе! Причём "растягивать поверхность" просто: например, раздвиганием стенок сосуда с той водой. Свет распространяется по квазиповерхности меж вакуум-пространством и невозмущённым эфиром, и эта "поверхность" возрастает по мере вселенской расширительности, отсюда аналогичный эффект. Вот и всё.

Чем массивней мат. тело, тем больше пространственностатическое квазидавление, коим оно заставляет к себе оборачиваться вакуум-пространственную разбухаемость. Поскольку выступает бóльшим экраном пространствоприрастательности, соответственно больший порождая градиент пространства по линии от любой точки своих окрестностей к точке своего центра.

И вот тут – инертность материальных тел! А не возможна ли её объяснительность и на базе пространственностатического давления? Ежели у мат. тела – инерционное движение, то от занимаемости одного места оно переходит к занимаемости другого, но с таким же пространственностатическим давлением, как у первого. Ежели же движение у него – неинерционно (ну, равнопеременное или неравнопеременное), то переходит оно к месту с бóльшим или меньшим пространственностатическим давлением, чему вакуум и противится. Давление же такое на тело в каждом новом месте оказывается иным потому, что скорость его изменяется от места к месту, а значит – и масса его, вместе с дериватной от неё экранностью пространствоприрастательности (а уж иная экранность, так иное и "давление" от такой прирастательности на экран).

Недавно открыл энциклопедический физический словарь – на слове "тяготение". Прочёл об ОТО, наконец, в полном объёме. А то пока писал – осторожничал. Что перебьёт ментальность и помешает писать.

Что можно о прочтённом сказать? Ну, сразу ясно главное: локальная искривлённость пространства мат. телом – эквивалент птолемея эпицикла. В смысле, приход к понятию такой искривляемости – как явление в науке эквивалентен объясняющему мир приходу Птолемея к понятию эпицикла. Ввод эпициклов дал возможность просчитывать движение планет – как оно выглядит с Земли, и это в игнорирование наличия их вокругсолнечного движения. Как и ввод локальных искривительностей пространства телами даёт возможность просчитывать взаимопередвигаемость тех тел – в игнорирование факта их влияемости друг на друга из-за находимости в фоне огульновселенской пространствоприрастательности. Ну, из-за находимости в сверхструе новопространственности, так сказать. Тем самым Эйнштейн – Птолемей современности! (Если не считать, что к идее эпициклов первым пришёл вовсе не Птолемей, а задолго до него – какой-то малоизвестный античный автор.)

Просто абстракция искривляемости пространства телом – формально позволяет до логического упора реализовать принцип эквивалентности гравитационной и инертной масс. Сводя поле тяготения того тела к движенью от него одним потоком слегка по-разному ускоренных систем отсчёта – каждой на каждую точку телесной окрестности (если иметь в виду две соседние точки, а ес-

ли достаточно разнесённые, то системы отсчёта в них ускорены уже не слегка по-разному). Сказать иначе, взамен движения тел под действием силы тяжести того тела – движение означенных систем относительно тех тел, в единый поток организованное. Но ведь наличка такой "системы систем отсчёта", в лице означенного потока, фактически есть смоделированность пространствоприрастательности – в неназываемости её по имени! То есть подсоединённость, так сказать, к тому, что имеет место в действительности. Свести же тяготение к движению такой системы – на это Эйнштейн спровоцировал себя принципом эквивалентности. Поставил на него, пошёл до логического конца, и пожалуй-ста – создалась "система эпициклов", количественно правильно отражающая происходящее в разбухающем материальном мире в связи с телами. Отдельный "эпицикл" здесь – отдельная ускоренная система отсчёта, приуроченная к выбираемой по произволу (ну, где тебе удобно) точке пространства. Ну, в смысле, такая система отсчёта – как аналог птолемея эпицикла. А ускоренческие характеристики такой системы – как аналог радиуса эпицикла. Так это можно подать! И таких систем отсчёта, как и эпициклов, можно подбирать сколько угодно на каком угодно участке – по теоретизационной нужде.

Итак, вместо поля тяготения тела – как чего-то непонятного – ввели движенье от него его окрестности как бесконечносоставной системы отсчёта. Мозаично разноускоренное её движенье. На ввод же спровоцировали себя принципом эквивалентности: мол, он позволяет такое представление, значит будем считать, что требует его. Спровоцировали так себя, не вдаваясь, откуда берётся то движенье системы: мол, просто есть как фигуральность, да и всё тут. Фигурально имеет право быть, коль есть гравитационное притяжение, принцип эквивалентности такое переименование позволяет! А уж локальная искривляемость пространства в районе тела – как понятие была подтянута позднее. Подтянули просто оттого, что надо же было предъявить хоть какой-то природный механизм образуемости той подменённости движений точечных тел окрест пробного тела. Вот по непроизнесённому заказу и "родили" искривлённость пространства к пробному телу – как фактически засасывающий к нему другие тела механизм! Тогдашняя ментальность этак вот "по заказу" ничего лучшего выдать не могла, постаравшись "закрывать глаза" на шаткий момент в том выданном. Ну, помните "фирменный" пассаж из ОТО: тело-де просто движется по инерции, и такое его движение в районе планеты – как районе искривлённого по "направлению" к ней пространства – автоматически из-за той искривлённости оказывается ускоренной его приближаемостью к планете. Ан нет! Чтобы ускоренное приближение было, "просто движения по инерции" в районе искривлённого пространства для тела недостаточно: оно ведь может относительно планеты быть и в покое, и тогда, значит, околопланетная ис-

кривлённость пространства тело специально засасывает к планете, образно будь сказано, – иначе ускоренного его приближения объяснительно не получить. Ну а засасывает, так на основании чего? Нет, идея красивая: планетарная масса "изгибательно склонивша к себе" пространство, причём тем больше, чем ближе к ней происходит дело, а тем самым в сумме наличествует этакая четырёхмерная пространственная воронка, в жерло которой и норовит "стечь" (так сказать, по стенке раструба!) любое попадающее в район планеты тело. Вот как мы помогаем Эйнштейну! Но далее: почему "стекает"? Я ещё понимаю, если бы "прямое" пространство в некоем отдалённом от планеты районе вдруг начало искривляться – тем больше, чем ближе дело подходило бы к той планете: в силу того оно постепенно разверзлось бы воронкою под находившимся над планетой телом, и тогда можно было бы сказать, что тело к планете засасывает пространствоискривительная динамика. То есть единственное спасение для ОТО – считать в областях планет наличною не какую-то статическую пространственную искривлённость, а перманентную динамику искривления пространства к планете по линии четвёртой миромеры, тем большую, чем к планете ближе: этим пространство оказывается организовано в текущий сужающийся к планете штопор. Другими словами, речь о ввинчивающейся к планете текучести пространства, то бишь о четырёхмерном пространствовороте, в жерле которого планета. Такой пространствоворот видится как раз способным засасывать к планете тела (для которых "встроенность" в пространство – то бишь органическая невозможность выйти из него, а значит, не следовать за ним, если оно куда-то следует! – есть атрибут их существования). В общем, тут бы всё ничего, только встаёт вопрос: откуда берётся такая перманентная пространствоискривительная динамика?..

Плюс предлагаю ещё и вдуматься: искривлять что бы то ни было, в частности и пространство, можно только куда-то, то есть – только в некоем направлении, и это обязано быть направление, пространству не принадлежащее, иначе искривлённость получится лишь имитационной, а не настоящей. Другими словами, действительно искривиться пространство может только в чём-то, где оно "находится", то есть – в надпространстве, как воплощённости как раз того не принадлежащего пространству направления.

Итак, только в надпространстве. И вот если бы в последнем залегало мат. тело, обладающее массой, то относительно такого тела пространство могло бы искривляться. Однако таких нет и быть не может – все наблюдаемые мат. тела залегают в самом пространстве, иначе бы они не были мат. телами. Оттого пространство относительно них кривиться и не может – для него бы это было искривлением в самом себе, что есть вещь невозможная (как было обрисовано в предыдущем абзаце).

Правда, от апологетов нынешнего положенья дел довелось мне услышать и такую оговариваемость подоплёки тяготения: мол, пространство в какой-то своей локале меняет свою метрику (отступая от псевдоевклидовой, которую вообще имеет), и эта-то локаль и выступает вещественной массой. То есть вещественная материя – лишь способ являемости (себя нам) самоизменяющейся метрикой пространства, в том изменении приуроченной к какой-либо его локале? Пусть, но надо сказать, что всё сущее вот так нагло сводить к пертурбациям метрики – философски слишком большая цена! Гравитацию объясняет, зато портит кучу имеющихся объяснённостей других вещей. Не говоря уже, что организованная в предмет вещественная масса (например стул, на котором вы сейчас сидите) обрывается в пространство резко. То есть имеет в нём (или с ним!) чёткую границу, тогда как пространственная локаль с изменённой метрикой – способна быть вписанной в пространство только плавно. Ну, то есть, сходит в нём на нет асимптотически, и не может по-другому. Иначе надо будет говорить, что пространство "рвётся".

Хитрость эпициклирования, повторюсь, в том, что эпицикл можно подобрать со сколь угодно большой точностью, отчего и сколь угодно большая точность приближения к реальности у вычисленности на его основе. Такая подборка – лишь вопрос времени и сил. У Эйнштейна, насколько я понял, аналогичная подборка осуществляется путём работы с метрическим тензором g_{ik} , определяющим гравитационное поле (как задаватель, так сказать, количественной выраженности движения находящихся в том поле тел). Мы это к чему? К тому, что эйнштейновский метод подсчёта взаимоперемещений мат. тел – по результатам его никак опровергнут быть не может. Поскольку конструкция его такова, что он – в перманентной автоматичности – подгоняется к тем взаимоперемещениям, ассимилирует их характер, причём с неявностью того. И если правильность подсчитанности на базе теории – брать правильностью теории, как это фактически и происходит, то теория Эйнштейна – ОТО неопровержима.

Что же делать? Математизировав нашу теорию "нового эфира", можем произвести подсчёты, но они заведомо не будут лучше эйнштейновских. А экспериментальная подтверждаемость принципа эквивалентности – как подтверждаемость независимости ускорения свободного падения мат. тел от их массы и вещественного состава, она работает и на ОТО, а не только на нас. Что ещё? Ещё ОТО доказывают фактом гравитационного красного смещения: его подсчитанность по ОТО – достаточно совпадает с замерами. "Новый эфир" тоже требует такового смещения, однако в подсчёте его – ОТО заведомо не переплюнешь! Тогда, может, на нас срабатывает искривление светолуча при проходе вблизи массивных тел? Ну, в смысле, эффект смещения (для нас на небосклоне) той звезды, изображение которой тем лучом переносится? Нет,

и тут точно то же самое! Как и с эффектом замедляемости светолуча при проходе вблизи массивного тела. Согласно ОТО, луч следует локальной кривизне пространства, тем незаметно для нас проходя большее расстояние, чем проходил бы, не будь там того массивного тела (ведь следовать кривизне – значит идти к нам по кривой, которая длиннее, нежели прямая). Проходит большее расстояние, отчего и поспекает к нам позже, а выглядит это, будто уменьшает из-за того тела свою обычную скорость, оттого к нам и запаздывая. Это, повторяю, объясняющий расклад ОТО. Но всё точно так же раскладывается и согласно нашей теории, с той только разницей, что удлинять свой путь в районе тела луч заставляет квазипоток пространства (снося тот луч по направлению к телу). И подсчитать замедление луча лучше ОТО – нашей теории вряд ли удастся.

Так что же делать? Так всё и оставить? Нет, есть некоторые зацепки! Метод эпициклирования – это всего лишь метод, а не теория (с её внутренней ограничивающей логикой), поэтому к нему можно присобачить всё, что угодно: со всем уживётся, лишь бы вычислять не мешало. Подобно и Эйнштейн присобачил – в уравнении исчисления гравитационного поля – космологическую постоянную, когда она понадобилась "для спасения" Вселенной от схлопываемости – из-за огульной взаимопротягательности составляющих её мат. тел, и точно так же он ту постоянную забрал обратно – когда нашёлся более естественный спаситель (вселенская расширительность пространства, в существование которой упёрли работы Хаббла). В том же духе оказалось возможным не перечёркивать СТО, положив в ОТО скорость распространения гравитации $V = C$. То есть, скорости света. За что и можно экспериментально зацепиться. Правда, доказанность несостоятельности такой скорости для гравитации – лишь моральный вред ОТО: иную скорость она "проглотит" так же легко, как "проглотила" ввод – вывод космологической постоянной.

Но дальше – больше. Метод эпициклирования (читай: подгонки!) Птолемея и его современные эквиваленты – обязательно должны порождать физические химеры, оказываясь в ранге всеохватной научной теории. Другими словами, удачная исчислительность у таких методов – обязательно должна быть оплачена, поскольку вводится в науку фактически произвольно. Ну, то есть, появление означенных химер – автоматическая плата за фактический произвол очередного способа подгонки. Что до эйнштейновского "эпициклирования", то таких химер две: искривительность пространства всяким мат. телом – как наделение того "эпициклирования" физическим смыслом, и гравитационные волны – как логическое следствие из привлечения оправдывающих "эпициклирование" физических воззрений именно этого (ну, пространствоискривительного!) толка, а не какого-либо другого.

Что касается упомянутых "волн", то напрямую они не зафиксированы, но согласно ОТО, период орбитального движения в двойной звёздной системе должен уменьшаться из-за излучения их системой, и такое уменьшение открыто в системе, одним из компонентов которой является пульсар PSR 193+16. Вот тут и двойственность! Такое уменьшение природа может вполне являть и за счёт другого механизма, безо всяких там "волн гравитации". И читателям мы предлагаем прикинуть, не следует ли оно из теории "нового эфира", не предполагающей распространяющейся волною пространственной искривленности (которая и понимается как гравитационная волна, если кто не знает).

Впрочем, гравитационных волн нет как свободного – не связанного с источниками – переменного гравитационного поля. Но связанное с источниками таковое поле – вполне должно быть! В том смысле, что притяжение вас (как мат. тела) равномерно движущимся мат. телом, и притяжение вас тем телом, движущимся неравномерно, суть разные вещи. Во втором случае оно притягивает вас несколько иначе. Поскольку ускоренная перемещаемость тела – это добавочная возмущённость эфира в его лице, изменяющая свойства его как экрана вселенской прирастательности пространства. Добавочная – в смысле к той, которую тело являло в своей инерционной перемещательности по вакуум-пространству. Тем самым – возможная имитация гравиволны: ускоряй тело, прилагая к нему силу, затем сбрасывай ускорение, убирая ту силу, потом снова прилагай её, снова затем убирая, – вот и "волна"! В смысле, что ундуляция притягательности со стороны тела: как по величине, так, возможно, и по направлению даже – в смысле его от вас утыкаемости время от времени не прямо в то тело. В конце концов зафиксируют нечто в этом роде, и будут на вершине счастья: мол, волны гравитации обнаружены, ОТО окончательно подтвердилась. Тут остаётся только пожелать экспериментаторам поухватистей разбираться с объектом фиксации.

Что до другой химеры, то тут следующее. Когда люди психоосвоят четвёртую мерность мира, да научатся ещё и видеть (особое эфирное зрение!) вакуум-пространство, тогда чисто воспритийно и убедятся, что никаких "локальных искривлений" последнего в районах мат. тел – нет. Другого доказательного пути не вижу.

Плюс то ещё, что химеры ОТО исправно порождает, а вот в самом деле должный иметь место факт – из неё не следует. Имею в виду уменьшаемость гравитационной постоянной со временем. По ОТО, сколько бы пространства окрест тела ни оказывалось, "искривительные" свойства у последнего остаются прежними, а значит и притягивать тела оно будет по-старому. То есть ОТО оставляет здесь не у дел увеличиваемость мат. вселенского размера. А тот меж тем всё больше, соответственно уменьшая взаимопритяжение тел, и как только замеры начнут твёрдо показывать, что нынешняя гравитационная постоянная

меньше кавендишевской, как не у дел уже останется ОТО. Что касается её натурфилософской подоплёки, во всяком случае.

Теперь вернёмся к уподобляемости гравитации свету по скорости. Тут, во-первых, в ОТО натяжка и без имени в виду всяких наших теорий. По СТО, так только электромагнитное излучение обладает скоростной исключительностью в природе. Ну, в смысле, на том, что только один объект природы – при такой исключительности, фактически всё и замешано. А тут появляется второй такой... И поскольку ОТО официально не перечёркивает СТО, то вот вам и нестыковка.

Однако в русле нашей теории мы отметили это лишь в порядке факультатива. Поскольку в этом русле скорость гравитации выглядит для нас бесконечно большой! Ну, в смысле, должна таковою выглядеть, согласно факту налички "нового эфира". Что предлагаем проверить. Солнце ведь, как известно, "дышит". Ну, пульсирует своей условной поверхностью – то ближе ею к Земле, то дальше, да и протуберанцы ещё испускает – огромной массы. И "дыхание", и протуберанцы – вполне наблюдаемы визуально. Так почему не попытаться зафиксировать их гравиметрически – на восемь минут раньше светофиксации? Сколько мне доводилось слышать, уже пробовали, и успешно, но то ли это замалчивается – подобно козыревским опытам, то ли произведены некие теоретизационные выверты, объявляющие результат "фактической неотклоняемостью от скорости света"... Плюс я, как биолог, слышал и об опытах на амёбах, продемонстрировавших их ориентацию на проекцию Солнца на небосвод, а вовсе не на видимый солнечный диск на нём. От которого проекция смещена вправо на три его диаметра (как раз столько Солнце проходит по небосклону за восемь минут – время хода света от него до нас). Что позволяло амёбе выбирать правильное направление на Солнце? Знать, где оно, раньше чем свет или другое электромагнитное поле донесли до неё эту весть? Нет, я не настаиваю, ни с одним из упомянутых опытов я не разобрался, но даже если считать их лишь "непроверенными слухами", то ведь ничто не мешает оговоренное в них действительно попытаться проделать.

Ну что, заканчивать выписной блок? Нет, пройдемся ещё раз, для верности.

Итак, ОТО – классный метод подсчёта, и только. А в натурфилософском отношении – она фигня. Ну, в смысле, чистейшей воды надуманность. Вот как должны быть расставлены акценты в теоретической физике.

Классным же методом подсчёта эйнштейновский метод оказался потому просто, что "за глаза" как раз моделирует именно дисбалансный прирост пространства окрест тела. То бишь то, что происходит окрест последнего на самом деле.

Ну, в смысле, к моделированию именно этого приводит употребление множества точечных систем отсчёта, согласованно движущихся окрест тела (ускоренно отходящих от него – каждая под своим к нему углом). Думая что делает одно, Эйнштейн работой с этими системами делал другое. Всерьёз (ну, как настоящее) описывая фикцию, неосознанно моделировал наличное на самом деле.

И в русле сказанного допустимо считать, что эквивалентом очередного эпицикла, вводимого Птолемеем для повышения точности, у Эйнштейна выступает каждая дополнительно вводимая точечная система отсчёта – в той многокомпонентной системе отсчёта, в которую ОТО превращает окрестности всякого мат. тела.

Что же касается гравитационных волн, то не гравиволну, а периодическое изменение силы гравивоздействия на нас какого-то тела – вот что фактически зафиксируют ловцы таких волн! Тела или группы тел! И объявят волной.

Ещё раз. Имеются в виду периодические изменения силы притяжения, возникающие от конкретных тел в каком-то месте космоса. И доходящие до нас через посредничество эфира, "подсигивающего" материальный мир. То посредничество в игнорирование длящести – как первосвойства такого мира: реализуется, так сказать, "под" нею! А потому является нам мгновенным. Ну, в смысле, оборачивается для нас чем-то вроде фантома, который по умолчанию называем "мгновенность". А всё из-за нашей "с головой погружённости" в материальный мир! Не будь которой, так и не иллюзировали бы подобным образом.

Но мы ведь писали об уменьшении периода обращения пульсара – как компонента двойной звезды – вокруг другого её компонента. Откуда такое уменьшение берётся, ежели нельзя его "списать" на гравиволны, возбуждающиеся тем пульсаровым обращением? Ну, если уменьшение радиуса орбиты (того пульсара, а значит и вообще – любого мат. тела в его вращении вокруг другого мат. тела) считать наблюденческой доказанностью, то нами теоретически привлекается квазидинамика пространства – как нечто, автоматически устанавливающееся меж телами. Благодаря ей тело, по инерции уходящее от другого тела (ну, пролетало мимо, поравнялось и ушло вперёд), начинает оттягиваться назад (пусть не прямо, а под углом, но всё-таки!), то есть – фактически тормозится. Даром что торможения как действия силы не испытывает. Назовём этот режим свободным замедлением тела (по аналогии с понятием свободного падения тел). Можно считать, что элемент таковой "свободной замедляемости" своей инерционно-поступательной перемещаемости тело, по выйденности его на замкнутую вокруг того другого тела орбиту, имеет постоянно. Поскольку в любой произвольно взятый момент его инерционное движение по той орбите допустимо находить его уходом вперёд от притягиваю-

щего тела (из положения с ним поравнявшесть). В качестве тормозности, повторю, такой режим категориально менее выражен – сравнительно с "обычной" тормозностью, которая через испытывание телом воздействия тормозящей силы, – но всё ж, наверно, в каком-то смысле тормозен и он. Так что если мимо вас пролетает какой-либо вещественно-материальный объект, то устанавливающаяся меж вами и им квазидинамика пространства совершенно естественным образом приводит его к спиральному спуску на вас, ежели вашей массы изначально достаточно для замыкания вокруг себя того его пролёта.

Можно ещё добавить следующее. Тут режима своей инерционки тело не меняет, но вдоль по линии, соединяющей его с телом, мимо которого оно пролетает, взаимодействует с пространством (так сказать, "трётся" о него!) в духе ускоренно идущего по нему тела (а не инерционно идущего, как должно бы... и как оно и было до встречи его с тем другим телом), – вот это в подспуде и оборачивается тормозностью его по означенной линии (как бы ориентированной в пространстве она ни была).

В порядке "объяснения на пальцах" можно параллельно развить и такие соображения. Убрать гравитационное притяжение планетой по инерции пролетающего мимо тела, то последнее окажется перманентно набирающим высоту над поверхностью той планеты. В самом деле, перпендикуляр от тела к поверхности планетного шара в каждый последующий момент оказывается больше предыдущего – после прохода телом позиции поравнявшесть с планетой. И поскольку такой перпендикуляр допустимо трактовать высотой тела над планетой, то вот вам и пожалуйста! Тем в присутствии гравитационного притяжения получается, что вниз тело увлекается ускорением (даром что свободного падения!), а вверх – лишь инерционным режимом, вот последняя увлекаемость постепенно и пасует перед первой (тело оказывается всё ближе к планете).

Спросил я мнение и у племянника, так он сразу предложил самую общую возможную "отмазку": вихри-де неизбежно влияют друг на друга – в их друг относительно друга проходящесть. Если, к примеру, близко друг к другу стоят два однонаправленных (по вращаемости в самих себе) водоворота, то со временем они – каждый! – должны вращаться в себе медленней: к тому приводит вода как посредник между ними, противонаправленно к вращению соседа увлекаемая каждым из них. А при ходе одного водоворота вокруг неподвижного другого – вращение неподвижного должно (по той же причине наличия посредника) как-то сказываться на том круговом ходе первого. Ну, как-то там зацеплять его, тот ход, – как минимум. Или напрямую зацеплять, или посредством хотя б изменяемости внутреннего вращения того первого водоворота (направленное изменение вращаемости вихря в самом себе наверняка повлияет на его орбиту, – я уж тут не вникаю в конкретику подобного, оставляя то на от-

куп читателям). И поскольку планета с мат. телом на круговой к ней орбите – конгломератные эфировихри, а вакуум-пространство между ними – невихревая фаза возмущёнки того же эфира, вполне способная выступить посредником, то и здесь, в общем, должно получаться нечто аналогичное нами разобранным.

И это я уже не говорю о такой совершенно законной (по логике нынешних физиков) "отмазке", как влияемость на орбиту тела периодических приливов, вызывающихся в его веществе гравитацией того тела, вокруг которого оно вращается. Приливные силы могут орбиту как расширять, так и сужать, насколько я знаю, – то или другое в зависимости от конкретики физических вводных. (И чаще, кстати, именно сужают!) Так почему не посчитать, что это приливы заставляют пульсар – как первый компонент двойной звезды – постепенно сближаться со вторым её компонентом, вместо того чтоб объяснительно привлекать гравитационные волны?

Брать на макроуровне, так вселенская расширительность стягивает материальные массы в одно целое – из-за локального экранирования её каждой из тех масс, зато на мегауровне она их разносит: пространства-то в конечном счёте всё больше и больше, а оно ведь – между масс. Как говорится, левая рука убирает то, что ставит правая! Так что, получается, на затронутый счёт имеем вроде как некую общевселенскую нейтраль.

Итак, пространственная разрастаемость Вселенной – палка о двух концах. В локалях норовит придвинуть мат. объекты друг к другу, но в то же время – во вселенском масштабе неизбежно делает их более разнесёнными. Или сказать, докритически разнесённые объекты норовит сблизить, а закритически разнесённые – ещё больше разнести. То есть, ежели именно пространствоприрастательность понимать причиной гравитации, то мирозданье не нуждается в космологической постоянной "лямбда", введённой Эйнштейном для "спасения" вселенной от гравитационного схлопывания: наша причина гравитации – самонейтрализующаяся.

Ещё расхожее среди физиков мнение, что галактики-де разбегаются по инерции – той, которую составляющее их вещество получило при Большом Взрыве (ну, получили материальные первообразования, которые со временем стали тем веществом). И ежели средняя плотность материи во Вселенной больше некой критической, то гравитационные силы погасят эту инерцию, и разбегание сменится сбеганностью, ежели же не больше, то не погасят и разбегание будет вечным (я так понимаю, под средней плотностью имеется в виду число, что получается, ежели массу всей вселенской материи как значение разделить на вселенский объём).

Какая чушь! Очередной образчик "плоскопараллельного" мышления. Ведь чтобы "разбежаться по инерции", надо иметь, куда разбежаться. По-другому сказать, во что разбежаться. А иначе, в одном направлении мы с вами будем удаляться друг от друга, но в противоположном направлении это в конечном счёте окажется нашей друг к другу приближаемостью – в силу пространственной ограниченности. (Ну, то есть, имеется в виду, что глядя друг на друга, мы всё время способны находить себя взаимоудаляющимися, но повернувшись – каждый – на 180° , с некоего момента обнаружим вдали приближающегося товарища: вы меня, а я, соответственно, вас.) Нет, галактики разбегаются не по-инерции, а потому что во Вселенную принудительно "вдувается" дополнительное пространство, фактом своего появления те галактики разносящее. Появляемость нового пространства во Вселенной – некий активный (или сказать – специальный, нарочитый!) надфизический процесс (ежели такое уместно только называть процессом), и когда он прекратится, мир окажется без гравитации, пребывая в некой безбрежной невесомости, а заодно, похоже, и в безвременьи. Что бы это ни значило. И от "средневселенской плотности" материи тут ничего не зависит: какой бы большой она ни оказывалась (как конечная величина), Вселенная будет расширяться точно так же, как и при меньшей величине, – исправно прибывало бы только в неё пространство.

Большой Взрыв – это, прежде прочего, образуемость пространства (являющая себя феноменом времени тому, кто в том пространстве находится). Сказать корректней, образуемость вакуум-пространства – самая внутренняя статья Большого Взрыва: всё прочее, составляющее наш материальный мир, появляется в порядке более внешних статей. И вот, коль скоро пространство до сих пор прибывает, то Большой Взрыв, можно сказать, продолжается. Другими словами, само существование мат. Вселенной фигурирует Большим Взрывом. Ну, её длящесть – такой взрыв. Или сказать, она как длящесть – он. Вот оно всё как! А не так, что был-де Взрыв, породивший материальную Вселенную, которая теперь, так сказать, на его месте – как то следствие, в которое он перешёл. Что-де мат. Вселенная началась со Взрыва, но он давно закончился, и её нынешнее существование – его последствия. Нет, мат. Вселенная-то продолжает порождаться (коль скоро непрерывно оказывается всё новым вакуум-пространством, не теряясь при том как старое), а значит, мы живём во Взрыве (ну, являемся им!), а не выступаем его наследниками. Что есть "две большие разницы".

Два последних выписных блока напрашиваются на более детальное рассмотрение. Собственно, ими незаметно начался космологический разговор, внутренняя логика которого требует выхода.

Например, встаёт сакраментальный вопрос распределения массы вещества во Вселенной – как чём-то целом. Что имеем? Явление вселенского пространственного разбухания, с одной стороны стягивающего массы вещества (из-за взаимозатеняемости ими друг друга в сферическом "потоке" прибывающего пространства), а с другой стороны – обязанном разносить-таки те массы. Ну и как эти противоречивые тенденции распределяют – в конечном счёте! – массы по вселенскому объёму? Да ежели бы стягивание не мешало, так сказать, самому себе, то всё вселенское вещество стянулось бы в один конгломерат, да и вся недолга! Был бы сей единый конгломерат (возможно, увеличивающийся из-за притяжения к нему новообразующихся масс, коль скоро вакуум как "полувозмутившийся" эфир имеет свойство спорадически довозмущаться до стадии вещества), а вокруг него "до края мира" – одна разбухающая вакуум-пространственность. Но стягивание мешает самому себе! Не трудно сообразить, что ежели имеем линию из несостыкованных масс вещественной материи, то из-за гравитации заметно двигаться будут лишь две крайние массы: правая крайняя – влево, а левая – вправо. Остальные же пребудут гораздо менее подвижными, поскольку каждую из них тянет сразу и вправо, и влево, причём в одну из сторон – не намного слабее, чем в другую. А если нет крайних масс – благодаря замкнутости линии в окружность (с условием, что взаимопритягиваются массы только вдоль линии)? Да ещё взять все массы равновеликими и равноудалёнными (а потому равно тянущими друг друга)? Это будет система устойчиво взаиморазнесённых масс! В ней длина окружности при своём увеличении имеет возможность равномерно распределять то увеличение по интервалам между массами. Вот мат. Вселенная и выступает чем-то вроде такой окружности! Мат. Вселенная как система из вакуум-пространства и вещества, в своей длящести опирающихся на "подстилающий" их невозмущённый эфир. И однотипность её с описанной окружностью означает, что должна она в конечном счёте оказаться организованной в условную трёхмерную сеть (ну, решётку), в узлах которой – массы вещества, а по шести направлениям от каждой – одинаковые притягательные напряжения (не обязательно совпадающие по величине у разных узлов: скорее надо думать, что строго индивидуальна такая величина у каждого узла). И пространственная вселенская разбухательность неуклонно увеличивает расстояния между узлами – все сразу, но "с индивидуальным подходом" к каждому на предмет величины его удлиняемости (величина та автоматически получается той, что не нарушает баланс силовой изомерности в "сетке").

Итак, мат. Вселенная как описанная условная сеть из вещества в замкнутом самоё на себя вакуум-пространстве – и есть аналог той нашей стилизующей окружности с массами.

Попутно вопрос, так сказать, о ранге величины той массы, что в узле сети. Величина та должна определяться величиной гравитационной постоянной. Чем последняя больше, тем и массы в узлах должны быть в общем бóльшими. (Ну, из-за большей гравитационной постоянной – больше массы в узле успевают собраться, прежде чем заметно проявится противоположный процесс – разносимости узлов.) Похоже, ранг величины узловой массы – "скопление галактик" (а не "звезда" или "галактика"). Ибо именно мегасеть из скоплений галактик просматривают с недавнего времени астрономы – навстречу нашим теоретическим построениям.

Впрочем, насколько я понял, астрономы на пределе просматривают мегасеть другой формы – некую ячеистую структуру, наподобие пчелиных сот: внутри ячеек пусто, а стенки составлены скоплениями галактик, относительно близко подошедшими друг к другу. Что ж, такая структура тоже обещает быть устойчивой – в исходящести из наших теорфизических вводных. Устойчивой и такую, в какой находится место и стягиваемости вещества всемирным тяготением, и разносу его законом Хаббла. Это просто надо переводить наши теорфизические вводные в математическую форму и считать, в конечном счёте получая упираемость математикой в один метагалактический вариант из двух.

Наговоренное попутно преодолевает и парадокс Ольберса. В том же духе, как у первого его преодолевателя – Шарлье, но не совсем так. Да, действительно, наше ночное небо не пылает светом от звёзд потому, что они заполняют пространство не равномерно, а в лице надзвёздных конгломератов, последовательно всё больших. Первый из них – галактика. Второй известный нынешним астрономам – скопление галактик. Бóльших пока не обнаружено. Но я думаю, что их и нет. Природа ограничилась скоплениями галактик (коль именно они, согласно наблюдениям, оказались "кирпичами" в сотовом "здании" метагалактики). В этом отличие наших воззрений от воззрений Шарлье. Он от ночной засветки неба спасался допущением, что звёзды надстраиваются в конгломераты, всё бóльшие до бесконечности. Что автоматически предполагало бесконечный же мат. вселенский объём и, соответственно, бесконечную массу материи во Вселенной. Тем давая среднюю её плотность, стремящуюся к пределу, равному нулю (как о таком принято говорить у математиков). Что ж, при бесконечности числа звёзд (одно из условий Ольберса) – бесконечная же конгломеруемость их есть единственное спасение (если не считать возможные непрозрачные экраны), и Шарлье его нашёл. Однако условие бесконечности числа звёзд – ментальная инфантильность, неспециально исключаемая нашей теорией (ну, конечность вселенского объёма, выступающая базовым её элементом, заранее предполагает конечное же число наличных звёзд). То есть: мы от ночной засветки спасаемся как раз принципиальной конечностью все-

ленского объёма – в помноженности на конгломерируемость звёзд, которой фактом той конечности автоматически позволяется быть, не теряя эффективности, конечной по числу ступеней. Да у которой и не получится оказаться бесконечноступенчатой, откажись она от такого позволения: в один прекрасный момент просто некуда станет надстраивать ступени.

Для забывчивых стоит добавить, что объём мат. Вселенной есть у нас площадь квазипограничной эфировой возмущённости, как суперповерхность обрамляющей раздувающийся четырёхмерный эфирный шар. Ну, то есть, предельновозможнотонкая (по четвёртой миромере) оболочка возмущения на манер суперсферы охватывает супершар невозмущённого эфира в его раздуваемости, и площадь такой "сферы" предстаёт объёмом в нашем мире, то бишь есть привычная нам трёхмерность. Сам же означенный эфирный "шар", этак квазиповерхностно возмущённый, составляет Вселенную: так сказать, уже всю, которая, повторим, в лице своего квазипограничья (здесь "квази" потому, что граничить-то ей не с чем, кроме как с самой собой!) выступает мат. Вселенной – как Вселенной вакуум-пространства и вещества. И масса материи в последней складывается не только из массы вещества, но и квазимассы вакуум-пространства. Это как теорфизическую новацию стоит подчеркнуть.

Так что конечная масса светящейся материи достаточно конгломерирована по отношению к нам в своей от нас отставленности, чтоб нашему ночному небу попадал весьма малый световой поток (который был бы не бесконечным, но всегда большим, в силу огромности числа наличных звёзд в их небесконечной численности). Вот и всё. То есть что? Ольберс взял два условия (ну, допущения). Что вместимость Вселенной бесконечна (откуда и бесконечное число звёзд в ней), и что распределены они по ней равномерно. Тогда наше ночное небо должно было бы являть беспредельную же засвеченность (а не "быть таким же ярким, как Солнце", как постоянно приходилось мне читать в пересказах парадокса Ольберса, – не знаю уж, как конкретно сам он выражался). Беспредельную засвеченность, от которой Шарлье теоретизационно спасался аннуляцией второго условия – равномерности распределения звёзд (предусмотрительно не забывая устремлять неравномерность их распределения в бесконечность – в пику бесконечности их числа). Тогда засветка обещает быть малой (какою и наблюдается). Если же аннулировать первое условие Ольберса, второе оставив, то засветка обещает быть уже не беспредельной, но большой (наверное, как раз "такой же яркой, как Солнце"). Наша же теория аннулирует оба условия Ольберса, с тем что при аннулированности первого – аннуляция второго избавляется от необходимости замешиваться на бесконечности. В порядке такой двойной аннулированности засветка тоже обещает быть и не беспредельной, и не большой в той своей небеспредельности. Конечно, согласно "бритве Оккама", надо делать как Шарлье. Но мы ведь не специально боремся

с парадоксом Ольберса! Просто в нашей теории – по сторонним причинам! – не находит себе места ни одно из его условий, благодаря чему тоже не возникает его парадокса.

Вопрос, насколько велика мат. Вселенная в своей конечнообъёмности: если закритически, то имеются (по отношению к нам) галактики, скорость "убегания" которых больше световой?! Или и эта скорость не может превзойти световую, и может только бесконечно приближаться к последней как к асимптоте? Но тогда закон Хаббла должен иметь релятивистскую форму (ну, оказаться с подмешанностью в него преобразования Лоренца), а не представлять собой простую пропорциональность скорости "убегания" галактики её удалению от нас!

Вообще тут всё как? Разбегание галактик, всё более скоростное при всё большей их разнесённости, есть попросту "другая сторона медали" вселенской расширительности. Одна сторона её – гравитационная взаимоустремляемость мат. тел, а другая – вот как раз их убегаемость друг от друга. И в своём существовании обе выступают следствием **ныне продолжающегося Большого Взрыва**. Лемэтр (родоначальник теории Взрыва) и его последователи (в лице большинства современных физиков) упустили из виду эту продолжающуюся. А она, меж тем, вопиюще очевидна: в том, что скорость объектов (ну, галактик) фиксируется большей по отношению к нам по мере их от нас удалённости, естественней видеть признак действующей на те объекты силы, а не когда-то в разной выраженности разово подействовавшей! Ну, то есть, напрашивается перестать мудрить и начать думать проще: ежели галактики тем быстрее удаляются, чем дальше от тебя находятся, так то попросту действует на них на всех некая единая отгоняющая сила. Размерности ускорения свободного падения и постоянной Хаббла – эквиваленты по своей внутренней сути. По большому счёту, то бишь, они одно и то же. Судите сами: вблизи Земли пробное тело приращивает свою скорость сближения с ней на 10 м/сек за каждую дополнительно проходящую секунду, а галактики демонстрируют приращенность скорости своей удаляемости на 90000 м/сек по каждому дополнительному мегапарсеку в их уже наличной от нас удалённости. Там добавочные метры в секунду, ежели телу дать лишнюю секунду времени, а здесь – добавочные метры в секунду, ежели галактике (в общем-то, тоже телу!) дать лишний мегапарсек удалённости, что фактически является тоже датием времени – некоего его отрезка, за который галактика как раз и набирает тот дополнительный мегапарсек. То есть, разбегаются галактики с ускорением, как и положено им из-за действия на них силы вселенского раздува (ну, квазисилы), – вот что означает наличка в теоретической физике такой вещи, как постоянная Хаббла.

Но во всём этом есть добавочный момент. Более далёкая галактика, имея бóльшую относительно нас скорость, дополнительный мегапарсек удалённо-

сти набирает быстрее, нежели менее далёкая, то есть – быстрее набирает увеличенность скорости на те сакраментальные 90000 м/сек (величина постоянной Хаббла!), а это значит, что галактики разбегаются не только не по инерции (лучше бы сказать – разносятся не только не инерционно), но даже и не равноускоренно, – а с увеличивающимся ускорением. Постоянная же Хаббла тогда – завуалированно записанное значение той увеличиваемости.

Что ж, это у Вселенной – лишнее соответствие понятию взрыва! Насколько мне представляется, любой взрыв – как разброс осколков из условной точки – есть прежде прочего придание тем осколкам ускорения. Ну, в смысле, осколки, изначально покоясь в той условной точке, некую определённую скорость отлетания от неё могут получить, лишь имея – в течении какого-то промежутка времени – ускорение, которое тоже должны сначала получить – как определённое значение величины. Сказать иначе – как величину определённого значения. Которое первоначально было нулевым. Вот ускорение в Большом Взрыве и нарождалось – возрастало от нуля до такого определённого значения, в своей прилагательности к параллельно нарождающейся вещественной материи. То есть было увеличивающимся! Если отвести соображение, что мгновенно оказывалось с тем своим определённым значением. Вообще говоря, вопрос появляемости определяющего взрыв ускорения – это вопрос появляемости силы, способной приложиться к осколкам. Ну и как она появляется? Мгновенно во всей своей величине? Ну, нет, если судить по химическим взрывам – типа взрыва пороха в патроне. Выталкивающее пулю давление газов появляется быстро, но не бесконечно быстро! Хим. реакция, создающая повышающие давление продукты, вполне имеет некую временную протяжённость. В порядке которой выход продуктов (ну, количество их, появляющееся в единицу времени) сначала нарастает – до некоего значения, а затем опадает – более или менее круто. И динамика прироста давления – соответственна тому. (Чтобы проследить её в чистом виде, пуле не даём вылететь, а в стенки патрона монтируем датчики.) Что оказывается? Ну, если бы выход продуктов был постоянен, давление – как толкающая здесь сила – прирастало бы в неизменном темпе. А так – сначала нарастает в убыстряющемся темпе, а затем – в убывающем, чтоб в конечном счёте – по законченности выхода продуктов – вообще перестать нарастать. И как некая достигнутая величина продолжать оставаться в патроне, если он абсолютно герметичен. Что и показывалось бы датчиками. (Как ясно, это имеется в виду патрон, у гильзы которого достаточно прочные стенки, а пуля завальцована герметично и тоже опережающе прочно – к давлению газов.)

Итак, взрыв – это небесконечно быстро нарастающее увеличение ускоряемости осколков, более или менее плавно переходящее в затухающее её увеличение. Венчающееся моментом переставшести её увеличиваться, который есть момент максимальной – для этого конкретного взрыва – достигнутой ускоряемости, и он же – момент её падения до нулевого значения. Другими словами, ускоряемость увеличивается, увеличивается, достигает конечного (оно же максимальное) значения и резко тем обрывается до нуля, поскольку достижение ею конечного значенья здесь – это исчезновение породительной к ускорению причины. Итак, повторяю, обрывается до нуля, и тем знаменует конец взрыва. И Большой Взрыв, пока будем полагать, не выделяется из этой общей взрывной кинематики. Тогда добавим, что у одного взрыва ускоряемость осколков успевает дорасти до одного значения, у другого – до другого, – в зависимости от мощности взрыва. И тут вопрос "на засыпку": ускорение галактик увеличивается в затухающем темпе, или в возрастающем? Или в постоянном? Последнее отмечаем первым: не сделать это, значит инфантильно признать бесконечность существования мат. Вселенной. А из оставшихся двух второе означает, что живём в "молодом Взрыве", а первое – что живём в "старом Взрыве". Ну, то есть, Взрыв – как даватель нам жизни – либо ещё прогрессирующий, либо уже регрессирующий. Конкретный же ответ зависит от "поведения" постоянной Хаббла со временем: если через несколько веков (или тысячелетий?) обнаружится её увеличившесть – сравнительно с нынешним своим значением, то темп – возрастающий, а обнаружится уменьшенность, то темп – затухающий.

То есть что? Соглашаться на отбрасываемость идеи постоянного темпа – значит лишать постоянную Хаббла постоянства! Такое вполне адекватно общему строю разволившихся нами идей: ежели гравитационной постоянной "не выгорает" быть постоянной – как мы то показали в своём месте, – то почему постоянная Хаббла должна быть лучше – они ведь "сёстры".

Так что, гораздо менее наивным – сравнительно с объяснительной идеей Лемэтра – видится считать, что вселенская прибывающесть вакуум-пространства представляет собой продолжаемость – до наших дней! – Большого Взрыва: как то и положено всякому взрыву, он разносит вещественные объекты друг с другом, а именно – являет разгон галактик в форме увеличивающестя ускоренной их взаимоотдаляемости (что касается, по крайней мере, закритически разнесённых галактик – отстоящих друг от друга на расстояния порядка десятков мегапарсек). У Лемэтра как? Мол, далёкие галактики – сравнительно с близкими – уходят от нас с большей скоростью потому, что сформированы из материи, при давно закончившемся Взрыве получившей (относительно материи, которая потом составила нашу галактику и нас) как раз эту

большую скорость, и сохранившую её – как инерционную – до сей поры: ясно, что при такой скорости та материя к сему моменту и должна была оказаться дальше от нас, чем материя с меньшей к нам изначальной скоростью (тоже организовавшаяся затем в галактики). Прекрасно, только что Взрыв тем самым получается слишком уж какой-то идеальностью – с совершенно плавной градацией скоростей зародившихся в нём мат. частиц: на каждый ведь лишний метр наличной удалённости от нас пробно наблюдаемой галактики требуется своя (чуть-чуть большая) изначальная скорость частиц, из коих та галактика сформирована. Лишь чуть-чуть большая по отношению к частицам, из которых образованы мы с нашей галактикой! То есть что? А то, что на практике (которая отнюдь не идеальна!) должна бы наблюдаться организация множества убегающих от нас галактик не в непрерывный ряд по скорости убегания (когда на любое произвольно взятое значение скорости убегания можно подобрать галактику, которая как раз её и имеет), а в прерывистый. Хоть мелко, но всё ж прерывистый! А во-вторых, **чтобы куда-то из-за взрывного толчка передвигаться, народившейся во Взрыве мат. частице нужно ещё иметь, куда передвигаться!** То есть она нуждается в пространстве – как таковом! – пред собою. Тем самым, у Лемэтра с последователями молчаливо предполагается, что либо Взрыв происходил в априорно уже наличествовавшем пространстве (что предполагает его абсолютным ньютоновым пространством, теоретизационно стоящим выше понятия первичной сингулярности и вмещающей в себе точку последней возникать в нём: такое как теорэлемент даже комментировать не хочу – то ментальная инфантильность позапрошлого века), либо пространство в точке сингулярности возникало (ну, появлялось из неё), но в качестве, так сказать, чисто служебного процесса – ровно столько, сколько требовалось, чтобы вместить движение мат. частицы, получавшей во Взрыве самую большую скорость (а более медленные, стало быть, могли уже следовать за нею – в том же пространстве, поскольку оно не "одноразовая салфетка"). Такое лучше, но принадлежит, однако, классу идей, "притягиваемых за уши" для оправдания идеи базовой – в её слабости. Когда имеешь дело с базовой идеей, нуждающейся в таких "притяжках", так и напрашивается поставить обстановку "с головы на ноги"! Не пространство для мат. частиц, а мат. частицы для пространства! Вторичное для первичного, а не первичное для вторичного! В точке изначальной сингулярности не было ни пространства, ни времени (в смысле длящести). Это не говоря уже о веществе. И Большой Взрыв представлял собой появившесть первой порции именно вакуум-пространства, – так сказать, открывающей наш мир. Открывающей – благодаря сопряжённой появляемости длящести того пространства. А оно, продолжая появляться стараниями точки сингулярности, как "полувозмутившийся" эфир довозмущалось в элементы вещества, которые исправно – тем своим доприбытием – по себе и

разносило, не забывая, однако, при том его и конгломерировать во множественных своих локалях – на базе изложенного нами механизма гравитации. Так оно всё и разрасталось. Вот примерно какая напрашивается картина!

Поддерживать идею Лемэтра, то из постоянной Хаббла следует, что за время существования мат. Вселенной элементы вещественной материи, получившие при Взрыве (по отношению к подобным элементам, что организовались потом в нашу галактику) скорость в 90 км/сек, должны были разнестись с нами на один мегапарсек расстояния. То есть, раздели это расстояние на ту скорость, и получится числовое значение времени мат. вселенского существования. Оно оказывается равным 11,5 миллиарда лет. Что считаем приближённым значением, поскольку сама постоянная Хаббла нынешними астрофизическими средствами способна быть определена лишь весьма приближённо.

Следовать же нашим идеям, так оценка времени существования мат. Вселенной оказывается менее тривиальной. Много менее! И чтоб внятно её предъявить, начать придётся издалека. С заявки, что к происходящему со Вселенной мы общую кинематику взрывов примеряли лишь в порядке адаптации читателя. Привыкшего к концепции Большого Взрыва. Тогда как более адекватной тут представляется концепция Большого Выдоха. Ну, в смысле, на понятии выдоха аналогия получается полнее.

Что такое выдох? Имеем грудную полость, расширяем её – работой рёберных мышц и диафрагмы, и в лёгкие засасывается воздух. Произошёл вдох. В его положении эластичные межрёберные связки растянуты (против их упругости рёберные мышцы как раз и работали), и стоит их, те мышцы, расслабить, как связки те, на манер резинки стремясь стянуться, сжимают грудную полость, тем сжимая лёгкие и выгоняя из них воздух. Происходит выдох. Характер коего определяется тем, что сжимающая сила связок уменьшается по мере уменьшения объёма грудной полости. Ведь чем меньше этот объём, тем меньше они растянуты. То есть что? В начале описанного выдоха воздух изгоняется интенсивней, чем в конце. Это каждый может определить у себя по звуку. Такой тип выдоха физиологи называют пассивным, и именно его мы находим подходящим для использования в аналогии. А выдох активный, уж к слову сказать, есть выдох, идущий с сокращением межрёберных мышц, способных сжимать грудную полость (то есть альтернативных тем, что её расширяли).

Возможна и ещё одна подобная модель. Надувной резиновый шарик. Такими каждый из нас играл в детстве. Работая против сил упругости резиновой оболочки, мы в шарик вдуваем воздух. Когда же у надутого его раскрываем входное отверстие, из последнего тот воздух вырывается. Стремящаяся сократиться оболочка его выгоняет! Сначала слышим свист, означающий быстрый выход воздуха. Затем шипение, означающее, что воздух выходит медленнее. Ещё бы нет, ведь оболочка стала более дряблой! Далее же шипение становится

всё более слабым, означая, что воздух выходит всё медленнее. Это, повторяю, каждый должен помнить из детства.

Да, и выброс (ну, выход) пули из гильзы, если мгновенно её из той гильзы развальцевать (но после достигнутой в гильзе максимального давления пороховых газов, знаменующего конец их образования!), по своей динамике оказывается подобным динамике такого описанного выхода воздуха из шарика. Она же – динамика пассивного выдоха человека. То есть вполне можно говорить о "выдохе пули" набравшей максимального внутреннего давления гильзой!

Итак? Эфир втягивается обратно в точку центра Вселенной – из-за тянущей его расширяемости некой "лёгочной полости". Полости такой где-то там и в чём-то, стоящем не только над временем и пространством, но даже и над эфиром – как их "подстилкой". При полной втянутости эфира та "лёгочная полость" оказывается напряжённо расширенной (ну, растянутой), отчего по прекращённости действия расширяющей её силы начинает самопроизвольно сжиматься, тем из себя эфир выталкивая. Затравочная вытолкнутость оказывается зарождением Вселенной. Полная вытолкнутость – апогеем Вселенной. За которым – обратно втягиваемость. И важный момент: коль существование Вселенной не Взрыв, а Выдох, то в первое мгновение того существования материя, вместе с ним, тем мгновением, родившаяся (сколько её сумело этак параллельно стать в соответствие тому первому мгновению!), ускоряемо расталкивается с максимальной величиной нарастания ускорения. То есть во второе мгновение существования – величина нарастания ускорения меньше перво-мгновенной.

Выталкиваемый эфир по своей квазиповерхности возмущается, что оказывается зарождением уже мат. Вселенной – в пределах "Вселенной вообще". Мат. Вселенной как воплощения пространства и длительности – прежде всего, а там уже и вещества, за счёт длительности организующегося по пространству в галактики. **Чем дальше отстоят галактики друг от друга в пространстве, тем больше ускорение их разноса им в силу его повсеместной прибываемости "из ниоткуда". Это понятно: чем дальше отстоят, тем больший "кусок" мат. Вселенной участвует в их разносе (работает на него, так сказать), то есть большее число "мест прибываемости" пространства суммируют свои усилия (ну, квазиусилия) в деле разноса, отчего и разносящая сила (ну, квазисила) оказывается большей. А больше сила, больше и ускорение, ею вызываемое, ежели речь об одном и том же объекте её приложения.** Как ясно, это мы "на пальцах" попытались разобрать внутреннюю подоплёку фактически наблюдаемой (хоть наблюдатели того и не по-

нимают!) большинства ускорения разноса галактик по мере роста их разнесённости.

Однако, если галактики разносятся с увеличивающимся ускорением, то надо говорить о находящести их под действием некоего суперускорения. Тут как? Скорость можем назвать мерой увеличиваемости пути, ускорение – мерой увеличиваемости скорости, а далее маячит безымянная пока у физиков мера увеличиваемости ускорения. И постоянная Хаббла как раз и есть завуалированная запись одного из значений этой меры! Которая, в силу приведенной нами последовательности, напрашивается быть названной суперускорением. Именно на него – как элемент метагалактической кинематики – по типу "за глаза" вышел Хаббл в своих наблюдениях за галактиками.

Итак, постоянная Хаббла, как числовое значение выраженная в принятой ныне у физиков форме, есть замаскированное (или сказать – закодированное!) значение меры увеличиваемости ускорения галактик – в их друг от друга убегаемости. В чём замаскированность? Ну, последовательное увеличение взаиморазбежной скорости галактик Хаббл относит на последовательно же прибывающие мегапарсеки разбежки, а не на последовательно прибывающие единицы времени. И получает постоянную в размерности км/сек \times мпс (а именно – 90 км/сек \times мпс). Однако от времени тут нам никуда не деться: каждый следующий мегапарсек своей разбежки галактики получают за некое время, на которое – как отрезок – и приходится полученная ими (в порядке прохода того мегапарсека!) прибавка скорости. И разделить эту прибавку (ну, 90 км/сек) на тот отрезок, получится значение ускорения разбежки на участке в лице того мегапарсека. Который – сравнительно с метагалактическими размерами – есть малая величина, что позволяет полученное значение считать мгновенным значением ускорения. Прекрасно. Однако чтобы разделить на временной отрезок, надо его знать. Как узнать время разбегаемости галактик – нашей с наблюдаемой – на очередной по счёту мегапарсек в их разнесённости? А за счёт использования понятия средней скорости! Которую получаем, разделив на два сумму двух разбежных скоростей: той, что существует между нашей галактикой и какой-либо галактикой, находящейся в самом начале того мегапарсека, и той, что существует меж нашей галактикой и какой-либо галактикой, находящейся в самом конце того мегапарсека. Отличаются эти скорости на 90 км/сек – величину постоянной Хаббла. Значит, средняя скорость разбега на дистанции того мегапарсека равна скорости относительно нас галактики, расположенной в его – как дистанции – начале, да увеличенной на 45 км/сек – половину числового значения постоянной Хаббла. И разделив мегапарсек – как расстояние – на эту среднюю скорость, получаем искомое значение времени.

Итак, мы способны посчитать мгновенное значение разносящего нас с галактиками ускорения. Была бы только задана точка пространства, в соотносимости с которой считать, да находилась бы в той точке галактика, пригодная для наблюдения. А там просто: мгновенная скорость убегания от нас той галактики определяется красным смещением её спектра – при известности постоянной Хаббла, а больше ничего определять и не надо. Но подчёркиваем, что находимое значение ускорения – именно мгновенное значение. Другими словами, ускорение разноса галактик непостоянно – растёт по мере их отдаления друг от друга. Ведь чем дальше от нас галактика, тем больше у неё скорость убегания от нас (как то следует из самого существования в физике такого понятия, как постоянная Хаббла), а значит – быстрее она проходит дистанцию в мегапарсек, приносящую ей увеличение к нам скорости на 90 км/сек. И следовательно, ускорена она к нам больше. Отчего задача: взять на одной прямой с нами две галактики – ближнюю к нам и дальнюю, посчитать относительно нас мгновенное ускорение каждой, прикинуть время прохода – пробной галактикой, "уносимой" от нас пространством – расстояния между теми двумя галактиками, и разность их ускорений разделить на это время: как раз и получим значение суперускорения – как базовой характеристики разноса вещества прибывающим пространством. То есть значение постоянной Хаббла, но выраженное в других единицах. Представленное, то есть, в другой размерности. Эта размерность – м/сек³ (ну, то есть, м/сек² за секунду). В таком виде постоянная Хаббла менее связана с методиками астрофизических наблюдений – не запечатлевает их в своей структуре, так сказать, чем оказывается влита в русло привычных физических величин.

Да, а время прохода прикидывается опять-таки через посредство средней скорости: мгновенную скорость относительно нас ближней галактики (из тех двух бравшихся) плюсуем с таковой скоростью дальней, а сумму делим пополам – полученное числовое значение и будет средней скоростью прохода пробной галактикой дистанции меж теми двумя.

Но вернёмся к Выдоху. Его главное отличие от Взрыва то, что постоянная Хаббла только уменьшается в его ходе – от изначального максимального значения, тогда как в ходе Взрыва представляется сначала увеличивающейся, а только после того уже уменьшающейся. Обрисованное "поведение" постоянной Хаббла в Выдохе маркирует явление, аналогичное последовательной сходящести на нет интенсивности выпуска воздуха носом – при пассивном нашем выдыхании (ну, когда межрёберные мышцы и диафрагма не работают на изгон воздуха, и он изгоняется только стремящимися стянуться межрёберными связками, растянутыми вдохом, – таким выдыхание бывает у нас в покое, тогда как активный выдох – у спортсменов на дистанции). Так же, как от самого начала

пассивного выдоха неуклонно падает выгоняющее воздух давление (связки-то растянуты тем меньше, чем больше воздуха выпущено!), падает и квазидавление, из точки центра Вселенной выгоняющее пополняющий Вселенную эфир. Что и оборачивается уменьшающимся от самого начала темпом разрастания вселенской квазиоболочки. И так как последняя представляет собой мат. Вселенную из длительности, пространства и вещества, то эта обернувшись оказывается падением – по ходу времени – темпа увеличиваемости ускорения разноса галактик пространствоприбыванием. Что обязано нам являться уменьшением со временем постоянной Хаббла. Ну, в смысле, её уменьшением по мере старения мат. Вселенной.

То есть что? Ускорение разноса галактик увеличивается всё медленнее – вот что значит уменьшение постоянной Хаббла со временем. И это уменьшение имело место на протяжении всего существования Вселенной, то есть в первое мгновение того существования – постоянная Хаббла была наибольшей.

На какой стадии уменьшения постоянной Хаббла мы находимся? Пользуясь лишь строго научными данными, точно сказать мы это не можем: располагаем только абсолютным значением постоянной Хаббла. Ну, в смысле, только одним её значением – нынешним, без относительных к нему, хотя бы одним! Правда, есть косвенная информация: насколько я знаю, уже наблюдаемы галактики, красное смещение в спектрах у которых суть характерное для объектов со скоростью, близкой к световой. А это значит, что мат. Вселенная хорошо разбежалась, где-то уже до упора. Так что на пороге – сжатие её вместо расширяемости. И, стало быть, имеющееся значение постоянной Хаббла – значение одной из последних стадий её уменьшаемости.

Плюс есть информация ненаучная, но вполне культурная: свидетельства ведантизма – как свода знаний, добытых людьми того былого уровня, до которого нам далеко. Ведантизм утверждает, что мы на уровне пятьдесят первого "года" нынешнего Брахмы, с тем что "жизнь" последнего – сто таких лет. Это надо понимать, что пол-срока своего мат. Вселенная уже просуществовала (о сроке существования эфирной вселенской составляющей я здесь не заикаюсь – за некорректностью подобного: та составляющая – по определению вне времени и пространства, а потому с точки зрения повязанных временем и пространством образований, как мы с вами, она ни существует, ни не существует). Пол-срока мат. Вселенная уже просуществовала, и если на расширение и на сжатие, как напрашивается, положить ей по пол-срока, то и получается, что мы на уровне смены первого вторым. Большой Выдох – на излёте! То есть, постоянная Хаббла раньше была много больше нынешней, – вот как надо думать. Ей осталось быстренько упасть до нуля, и начнётся "брахмин эфирный вдох" –

как втягиваемость "подстилающего" нас эфира в точку центра Вселенной. Для мат. Вселенной оборачивающаяся её пространственной ужимаемостью.

Но как обстоит, однако, дело с оценкой возраста мат. Вселенной? Мы ведь взяли его оценить – в пику оценке по Лемэтру! Тут надо заявить, что точно посчитать его не можем – нехватка вводных. А можем только именно что оценить. Для чего действий осталось проделать не много. Мы уже показали, как получить значение суперускорения, с которым закритически удалённые друг от друга тела разносятся вселенским пространством, а также значения мгновенных ускорений, производных от того суперускорения. Дальше же – школьная формула $S = at^2/2$, где a – ускорение тела в равнопеременном движении, t – время, в течение которого тело то ускорение испытывало, и S – путь, который тело за то время прошло. Время это из формулы находим: $t = (2S/a)^{1/2}$. В качестве a берём мгновенное ускорение, с которым убегает от нас самая удалённая из видимых галактик (она же – галактика с наибольшей скоростью убегания от нас). Именно это ускорение, как ясно, есть наибольшее из наличных ныне мгновенных ускорений. Какую же галактику считать самой удалённой – вопрос открытый. Наблюдаются вроде уже галактики со субсветовыми скоростями убегания. На этом основании берём галактику, скорость которой малоотличима от световой (предполагая, что такая галактика есть уже, да просто ещё телескопы не в состоянии её заметить). Во всяком случае, она обязательно будет в будущем, так что наши вычисления, что называется, не пропадут. Правда, только с допущением, что когда такая галактика относительно нас в мат. вселенской истории появится, постоянная Хаббла не будет ещё заметно меньше нынешней, – что вполне может быть. То есть предположение, что остающееся падение постоянной Хаббла придётся в основном на период близкосветовых скоростей убегания окраинных к нам галактик (где окраинных – в смысле галактик с наибольшим возможным – на момент рассмотрения – удалением от нас). Расстояние до галактики с такой скоростью убегания (то есть S из формулы) определяется легко: это примерно столько мегапарсек, сколько раз значение постоянной Хаббла укладывается в значении скорости света. Другими словами, скорость света разделим на постоянную Хаббла, и получим ответ – число мегапарсек. С переводом последних в световые года у меня приближённо получилось 10,87 миллиарда световых лет. Будем считать 10 миллиардов, коль скорость убегания той наиудалённой галактики всё-таки несколько меньше скорости света. Что это за расстояние? Ну, если считать, что более отдалённых, нежели обрисованная, галактик нет (по одной из двух причин: либо действительно ни одна галактика с нами разнеслась дальше этой не успела, либо таковой больший разнос вообще не возможен – в силу барьера световой скорости, и тогда можно обойтись без допуще-

ния, что сподобились в лице обрисованной в самом деле обнаружить наиудалённую галактику), то это расстояние – половина длины одной из бесконечно-го множества окружностей, влитых в суперсферу мат. Вселенной. Ну, в смысле, длина полуокружности от таковой окружности. Полумировое расстояние, так сказать. И именно об объекте, находящемся на таком расстоянии от нас, говорим что он расположен на "краю" мира. Можно также сказать, что мы и такой объект – объекты на разных "краях" мат. Вселенной. Подставив это расстояние в формулу, получим время, за которое мат. Вселенная разрослась бы до нынешнего своего состояния (ну, размеров), если бы вещественная материя от самого начала разбегалась в ней с оговоренным – как предельное из существующих на нынешний момент – ускорением. Которое равно, кстати, $0,874 \text{ нм/сек}^2$ – согласно приближённому подсчёту по описанному алгоритму. Выразить его словами, будет восемьсот семьдесят четыре тысячных нанометра в секунду за секунду. Время же прихода мат. Вселенной к нынешнему состоянию (читай – её возраст) получается 14,75 миллиарда лет. Или, во всяком случае, это возраст, которого мат. Вселенная довольно скоро достигнет.

Что по этим подсчитанностям можно сказать? Возраст мат. Вселенной получился близким к вычисленному по Лемэтру – всего в полтора раза больше. Но с условием, что вещество (в лице двух пробных его частиц на разных "краях" мат. Вселенной) разносилось пространством с ускорением $0,874 \text{ нм/сек}^2$ на всех вселенских стадиях. Как такое может быть? А вот как: когда галактика, уходящая ныне от нас почти со скоростью света, была ближе к нам и оттого уходила лишь с полусветовой скоростью, мгновенное ускорение её было в половину нынешнего – если постоянная Хаббла была той же, что сейчас. Но если большей в два раза, то ускорение сохранялось равным нынешнему. Как сохранялось оно таким же, когда та галактика убегала от нас с четвертьсветовой скоростью, но постоянная Хаббла была вчетверо большей, чем ныне. И так далее по линии в прошлое.

Но вряд ли так всё подбиралось! И если постоянная Хаббла в ретроспективе увеличивается быстрее сказанного, возраст мат. Вселенной ближе подходит к лемэтровскому. С дугой стороны, если увеличивается-таки медленнее, то возраст тот оценочно отходит дальше от лемэтровского – в сторону увеличения.

В приведённых прикидках есть, однако, одно "но". Нынешнее полумировое расстояние мы определяли, считая постоянную Хаббла действительно постоянной – в истории мат. Вселенной. Ну, то есть, размер в десять миллиардов световых лет получается лишь в допущении, что наиудалённая от нас галактика и за первый свой мегапарсек удаляемости приобрела к нам 90 км/сек скорости, и за последний. А это не так: за последний – да, а за первый... фиг его зна-

ет сколько, но больше! Стало быть, наличное полумировое расстояние должно быть меньше. А за ним и возраст мат. Вселенной должен оказаться меньшим, чем полученные нами пятнадцать миллиардов лет.

Отчего же тогда мы не испугались – использовать в своих прикидках то полученное значение в десять миллиардов светолет? Потому что положение спасается вот чем: в начале мат. вселенской истории изменения скорости разноса на участках длиной в мегапарсек пусть и большие, но сами-то скорости разноса малые – для больших нужно время становления. А когда оказываются наконец большими, постоянная Хаббла успевает стать малой. И поскольку львиную долю мегапарсеков своей величины мат. Вселенная получает именно за период тех больших скоростей (это ясно, стоит взглянуть на график функции $y = x^2$ с его крутым подъёмом, а ведь при ускоренном движении пройденное расстояние увеличивается именно по такому закону – как минимум!), то получается, что в прикидке её размеров допустимо ориентироваться на времена лишь малых значений постоянной Хаббла. Сравнимых с нынешним её значением. Погрешность в оценке расстояния разноса окажется небольшой.

Есть такое понятие – частные предположения. Вот на них в наших оценках всё и жиждется! Одно частное предположение – одна оценка, другое – другая. А как на самом деле – пока не знаем, потому и нуждаемся в частных предположениях. Среди которых, как помним, вполне легитимно и то, при котором мат. вселенский возраст оказывается большим – заметно больше лемэтровского. Ну и на сколько? Тут опять начинают маячить Веды: согласно им, "год" Брахмы суть 3,11 млрд. наших земных лет, что в умноженности на возраст Брахмы даёт 155 млрд. лет. Таким Веды видят возраст мат. Вселенной (коль скоро Брахма в порядке своей "жизни" претворяется во всё сущее). А наша теория в одном (по крайней мере) из частных предположений тому не перечит. Я посчитал даже подходящее ускорение разноса – то, при расширении на котором – как неизменности меж её крайнеразнесёнными точками – мат. Вселенная дошла бы до нынешних размеров за 125 млрд. лет. То есть за их количество, сравнимое с ведическим. Таким мгновенным ускорением при нынешней постоянной Хаббла обладают галактики, имеющие скорость убегания от нас в 4700 км/сек. А галактики, убегające со скоростью 2350 км/сек, имеют мгновенное ускорение, разнос на котором потребовал бы 176 млрд. лет.

Оценку мат. вселенского возраста можно произвести и на базе значения суперускорения. Что желательно – в качестве сравнительной параллели. Необходимые тут значения мгновенных ускорений надо считать для галактик с предельно известными ныне субсветовыми скоростями убегания от нас, ибо постоянная Хаббла какого-либо момента – в своём абсолютном значении однозначную заданную может быть только предельными на тот момент ускоренческими достижениями мат. Вселенной для своего вещественного наполнения,

то есть значениями ускорения разбега галактик с двух "противоположных краёв" мат. Вселенной. И поскольку мы с нашей галактикой – автоматически один из этих "краёв", то второй задастся галактикой, находящейся в наибольшем возможном на сейчас удалении от нас по мат. вселенской суперсфере.

Итак, подсчёты надо вести на базе галактик с предельно известными ныне субсветовыми скоростями убегания от нас. Это как минимум – в надежде, что именно они и есть галактики наибольшего возможного на сейчас от нас удаления (а то ведь, может, наши средства наблюдения слабы и есть потому галактики со скоростями убегания, ещё более близкими к световой). Я взял скорости убегания 285000 км/сек и 295000 км/сек. В более или менее отдалённом прошлом галактики мат. вселенского "края" имели б относительно нас скорости, меньшие за эти, и тоже именно те скорости мы должны были бы брать тогда в аналогичном вычислении. Можно бы вторую из таких скоростей брать ближе к первой, чем мы взяли, – погрешность была бы меньше. Но сойдёт и так, зато разница находимых мгновенных ускорений – чётче. У галактик, имеющих первую относительно нас скорость, мгновенное ускорение находим равным $0,833 \text{ нм/сек}^2$, у имеющих вторую – $0,862 \text{ нм/сек}^2$. Вот разницу (ну, прирост) в $0,029 \text{ нм/сек}^2$ и надо разделить на время, за которое разбегающиеся галактики свою относительную скорость увеличивают (при нынешней постоянной Хаббла) с 285000 км/сек до 295000 км/сек. Для вычисления этого времени надо определить разбежный отрезок, на котором происходит означенное увеличение относительной скорости у галактик (ну, увеличение на 10000 км/сек), и разделить его величину на среднюю скорость их на нём разбегаемости. Она равна, как ясно, 290000 км/сек. А сам отрезок – $10000 \text{ км/сек} : 90 \text{ км/сек} \times \text{мпс} = 111 \text{ мпс}$. Из чего и получаем время – 374 миллиона лет. Делим на него прирост ускорения, и получаем значение суперускорения $0,246 \times 10^{-26} \text{ м/сек}^3$. Означающее, что сейчас галактики, предельновозможно отстоящие друг от друга (и уж тем более достаточно отстоящие, чтоб разноситься прибытием пространства, а не сноситься им по механизму возбуждения гравитационной силы!), ускорение разноса имеют увеличивающимся на $0,246 \times 10^{-26} \text{ м/сек}^2$ за каждую последующую секунду своего существования.

Что даёт нам знание этого значения? А можем вычислить возраст мат. Вселенной – тот который был бы, разрастайся она от самого своего начала единственно только на этом суперускорении. Имей, то есть, на протяжении всей своей истории постоянную Хаббла в нынешнем её значении $90 \text{ км/сек} \times \text{мпс}$. Считать возраст возможно, исходя из формулы $S = a_{sup} t^3/4$. Откуда $t = (4S/a_{sup})^{1/3}$, где S , как помним, есть расстояние от нас до нынешнего "края" мат. Вселенной (ну, примерно 10 млрд. световых лет, по нашим прикидкам). Первую формулу мы вывели, исходя из следующих соображений. По отношению к

скорости суперускорение есть то, что ускорение по отношению к пути (а именно – вторая производная). Формулой же пути, проходимого телом при постоянном ускорении за некоторое время, является $S = at^2/2$. Значит, $v = a_{sup} t^2/2$. В такой-то форме прирост скорости и берём (вместо $\Delta v = at$ как её прироста, характерного для равноускоренного движения) при выводимости по школьному (образно-графическому) способу формулы пути, проходимого равноускоряющимся телом за время действия ускорения. И получаем тем самым вместо такого пути – путь проходимый телом при равновозрастности его ускорения, то есть $a_{sup} t^3/4$ вместо $at^2/2$.

Ну или – несколько иная логика. Как – фактически если брать! – выводится формула пути, проходимого при равнопеременном движении? А вытягивается формула пути, проходимого при равномерном движении, – $S = vt$, – и подставляется в неё среднее значение v – найденное на временном участке, приходящемся на пройденный путь. То есть $v_{cp} = (v_0 + v_t)/2$. И поскольку $v_t = at$, а для простоты берём $v_0 = 0$, то получается $v_{cp} = at/2$. Подставляем это в первую формулу, и получаем формулу искомую: $S = (at/2)t = at^2/2$.

Тогда что? Аналогично поступаем и дальше! Выраженность пути через ускорение у нас есть, но ускорение равномерно меняется (ну, увеличивается – в нашем случае) при ходе тела с неким постоянным суперускорением. Тогда выражаем его среднее значение – какое оно есть на выделяемом временном участке, – и используем это среднее в той имеющейся формуле пути: это такое правомочно благодаря тому, что величина, к среднему значению которой обращаемся, на выделенном временном интервале меняется не абы как, а равномерно. Итак, $a_0 = 0$, $a_t = a_{sup} \cdot t$, $a_{cp} = (0 + a_{sup} \cdot t)/2 = a_{sup} \cdot t/2$, а далее $S = at^2/2$, где a эквивалентно a_{cp} , то есть $S = a_{cp} \cdot t^2/2 = a_{sup} \cdot t \cdot t^2/4 = a_{sup} \cdot t^3/4$.

Итак, подставляем значения и получаем время в 17 миллиардов лет. А так как постоянная Хаббла раньше была больше нынешней, то возраст мат. Вселенной должен быть меньше этого. Такая вот оценённость.

Это, конечно, не столько оценённость мат. вселенского возраста, сколько очередной ориентир для дальнейших частных предположений. Которые оставляем на откуп читателям. А недвусмысленно во всём этом сказать возможно то лишь, что **галактики разбегаются с уменьшающемся увеличивающимся ускорением. В смысле, со всё менее увеличивающимся.**

Ладно, дело с числовыми прикидками будем считать законченным. Различая мат. Вселенную и Вселенную вообще, возраст первой мы оценили, говорить же о возрасте второй – бессмысленно, так как она – вне времени. Ведь это онó в ней (возникает в ней вместе с пространством, и вместе с ним заканчивается), а не она в нём.

К перебитому прикидками изложению возвращаемся на уровне излагавшего подхода Лемэтра. Изложив, мы его раскритиковали, дав более адекват-

ную картину разрастаемости мат. Вселенной. Вот теперь и спрашивается, до чего в таковой разрастаемости она может прийти? Вспомним: точка сингулярности – ныне в смысле точечного места, где "в начале времён" была сингулярность, к которой сводилась Вселенная. Сейчас это место – центр четырёхмерного эфирного шара Вселенной (разросшейся до такого своего вида из той первичной сингулярности). И это "точечное место" исправно до сих пор "работает" – поставляет эфир в тот супершар, чем последний непрерывно увеличивается, как эфир от того возмущаясь по своей квазивнешней суперповерхности. Такая его возмущаемость является нам его превращаемостью в вакуум-пространство и далее в вещество: фактически, как появляемость их "из ниоткуда". С тем, что вещество при том по пространству равномерно ещё и распределяется – в определённом образе той равномерности. И, повторяю, к чему всё это придёт? Тут видятся возможными три варианта.

Первый в том, что наводимая прибытием пространства взаимоудаляемость частиц вещества по скорости не может сравниться со светом (а только бесконечно приближается к его скорости как асимптоте). Вообще, согласно нашему пятому постулату, так и должно быть, если только ведь означенную взаимоудаляемость частиц тоже считать перемещаемостью эфира в самом себе (просто наиболее "хитрой" формой такой перемещаемости). Ведь перемещаемость эфира в самом себе, согласно пятому постулату, имеет естественный предел выраженности, задаваемый характером внутренней устроенности эфира. Тем самым получается, что мат. Вселенная асимптотически упирается в какой-то потолок? А прилагаясь к галактикам, находящимся на очень больших от нас расстояниях, закон Хаббла из своей классической формы (простая пропорциональность скорости галактики расстоянию её от наблюдателя) должен переходить в форму релятивистскую?

Второй гипотетический вариант, что вещество на диаметрально противоположных концах мировой суперсферы – например, две галактики, каждая на своём конце, достигнут-таки скорости света друг относительно друга. Именно для таких двух точек суперсферы расширение последней даёт наибольшую скорость разбегания, которая при некоей критической величине суперсферы и окажется световой. Подобное не исключаю, поскольку в базе здесь лежит втекаемость в эфирный супершар нового эфира как квазипроцесс, а это штука, теоретизационно пока малоопределённая в своих конкретиках. Да и превращаемость эфира в вакуум-пространство, создающая здесь для мат. тел их взаимоотношительное движение, качественно всё ж не совсем то, что процесс, так сказать, обычного движенья – ну, самочинной перемещаемости мат. тела как эфировихря по пространству как недоэфировихрю (типа случая автомобиля, едущего по дороге). Всем этим здесь, возможно, способна возникнуть поправка к пятому постулату (ну, некая корректировка его), разовым образом

(так сказать, штучно!) преодолевающая наводимый им для вещественной материи скоростной барьер.

Итак, в диаметрально противоположных точках мировой суперсферы частицы вещества фактически стоят, а "за них" всецело движется, расширяясь, вакуум-пространство, своими суперполусферами их расталкивая. И, возможно, расширяемость такая как "движениемейкер" способна – хотя бы квантовым образом! – заскочить в световую скорость. Что для нас видится – подчеркиваю, только для нас, в силу нашей внутренней ограниченности, но не для Брахмы! – как становящееся массы вселенской материи бесконечной величиной, благодаря чему она, так сказать, самопередавливается в своём расширении на сжатие (здесь не забывать, что пространство суть тоже материя). Ну, то есть, из-за ухода в такую бесконечность оболочка эфирного супершара начинает так неудержимо давить на него, тем как бы стягивая, что невозмущённый эфир под нею начинает "втекать" обратно в точку центра того "шара". Наивно вато, но при наличных категориях только так пока и можно выразиться.

Становящееся суперсферы мат. Вселенной такую – предел возмущённости эфирного супершара в своей "оболочке". Являя такую степень эфировозмущённости, оболочка (как возмущённый эфир) нисколько не способна далее довозмущаться. А это прежде всего означает, что не способна выступить дополнительным вакуум-пространством. Эфирный супершар вроде как застывает в такой своей оболочке, и поскольку центр его (точка изначальной сингулярности, как место дожившая до наших дней) продолжает поставлять в него дополнительный невозмущённый эфир, "давление" последнего в супершаре растёт, пока не прорывает некий "клапан" в той точке, тем получая возможность гнать эфир в неё обратно. В результате супершар Вселенной начинает "сдуваться". Это, как ясно, мы развили вторую объяснительную модификацию второго гипотетического варианта.

Итак, галактики, находящиеся на противоположных концах диаметра эфирного супершара Вселенной, достигают световой скорости удаляемости друг от друга. Достигают из-за критической увеличившести того диаметра, которая есть критическая же – в своей "площади" – увеличившестя суперсферы материального мира (который есть вакуум-пространство плюс вещество). Такая суперсфера, не забывать, выступает "поверхностью" означенного супершара. Достигают, и тогда мат. Вселенная оказывается тем, что по отношению к нам напрашивается назвать чёрной антидырой. Ведь что касается чёрной дыры, то мы как наблюдатели располагаемся вокруг её горизонта событий, а здесь всё наоборот: горизонт событий располагается вокруг нас.

Галактику, находящуюся на противоположном к нам конце вселенского диаметра, в принципе можно наблюдать. Причём как в прямом, так и в обратном направлении, оба раза как астрономический объект одной и той же звезд-

ной величины (если, конечно, по одному из направлений не присутствует что-то, уменьшающее яркость света). Луч света ведь летит по суперсфере, автоматически изгибаясь вместе с нею, и прийти к нам может за счёт любой из её половинок! То есть: гляжу в противоположном направлении, чем только что глядел на такую галактику – как на удаляющуюся почти со скоростью света, и вижу её же (только что с другого её бока), и тоже удаляющейся почти со скоростью света. Обалдеть, да? А уж когда диаметр Вселенной достаточно подрастает, чтоб исчезали для тебя как наблюдателя те "почти" (ну, рост расстояния между галактиками прибавляет им относительной скорости, а полумировое расстояние – в смысле кратчайшей по суперсфере меж диаметрально противоположными галактиками – как раз увеличивается по мере роста диаметра), то на базе мат. Вселенной и возникает чёрная антидыра. Что знаменуется потерей нами возможности наблюдать ту галактику (с помощью материальных сигналов, во всяком случае).

Причём ещё вот что. Та галактика для нас исчезает, но ведь мы (ну, наша галактика) точно так же исчезаем для неё! И так по всем прочим материальным парам, то бишь по вещественным образованиям на концах всех диаметров супершара, возможных к проведению. Таких диаметров – бесконечное число, то есть подобные материальные пары исчерпывают всё вещество Вселенной. А это значит, что вся мат. Вселенная начинает пребывать внутри чёрной дыры в лице себя самой. Как хотите, так этакое и понимайте! Я понимаю так, что мат. Вселенная в один прекрасный момент попросту исчезает для себя самой – в себе самой. Исчезает из-за своей критической расширившести (ну, раздувшести).

Наконец третий космологический вариант на базе наших теоретизационных вводных. Случай, когда скорость разбегания галактик берётся штукой мнимой. Ну, разбегание такое просто видится как "фокус" вакуум-пространства – производимый последним над фактически покоящимися в нём частицами вещества. И в результате фокуса возможна и сверхсветовая скорость – на то он и фокус. Или сказать – на то она и мнимость у скорости, чтоб последней не бояться сверхсветовых значений. Награждает вакуум-пространство далёкую галактику сверхсветовой скоростью по отношению к нам – та галактика для нас перестаёт быть зрительно наблюдаемой. Световолны от неё квантово (ну, враз) переходят в разряд сдуваемых назад встречным потоком среды своего распространения. И по перешедшести эфирным супершаром Вселенной критического диаметра – таких галактик становится к нам всё больше: противоположный нашему концу диаметра упирается в центр увеличивающегося (по мере дальнейшего роста Вселенной) суперкругового участка невидимого нам вещества – как участка в виде локальной круговой площади на суперсферической

поверхности. Суперсферической поверхности, являющей собою мат. Вселенную.

Тогда что? Тогда, возможно, сам "выдох Брахмы" идёт с замедлением (которое мы, в силу огромности его периода, не шибко-то склонны замечать). Тем самым – две составляющие в уменьшаемости гравитационной постоянной (а заодно и постоянной Хаббла) со временем: одна из-за увеличения площади суперсферической поверхности эфирного супершара Вселенной, другая из-за означенной затихаемости поставки эфира в супершар. И вторая, при подспорье первой, должна свести те постоянные на нет. Что реализуется в момент остановки "брахмина выдоха".

Как видим, в каждом из трёх вариантов так или иначе маячит конечность вселенского расширения. В порядке его остановки материальный мир на секунду зависает (не на нашу, конечно, а на секунду Брахмы, фигурально будь сказано). Зависание то у него – в смысле неимеемости какого-либо перемещения по четвёртой миромере. Тем скопления галактик, галактики и системы типа солнечной распадутся. Ведь всё перечисленное – оно вращается вокруг своих осей, вот центробежная сила и разгонит их элементы, только исчезни гравитационное их стягивание. Для скоплений галактик элементами выступают галактики, для галактик – звёзды, для солнечных систем – планеты. Не удержится и плазма звёзд – она ведёт себя подобно газу, а последний всегда стремится, как известно, заполнить весь предоставляемый ему объём, если его ничем в пределах того объёма не стягивать. В нашем же случае "предоставляемый объём" – это всё вселенское пространство. Вот по нему и разойдутся плазмой звёзды. Из макротел останутся лишь кристаллы (ну, и минералы как их друзья). Может, ещё что-то – в чём телесное целое составляется не гравитационными силами (или не только ими).

Но пройдёт "секунда Брахмы", и Вселенная опять придёт в движение. Начав сжиматься (если не сказать – ужиматься своим вакуум-пространством). В каждом из трёх наших вариантов к этому ведёт своя причина, но тем не менее. В третьем, например, замедление "выдоха Брахмы", если уж оно есть, имманентно обязано перейти во "вдох" (иначе зачем было замедляться?!).

Итак, Вселенная начнёт ужиматься. И что будет в результате? Да гравитационная постоянная и постоянная Хаббла поменяются местами! И то, что привносится в мир процессом, в котором фигурирует постоянная Хаббла, начнётся привноситься процессом, в котором фигурирует гравитационная постоянная, и наоборот. То есть закон всемирного тяготения сменится законом всемирного отталкивания, зато разбегание вещества, заполняющего критически далеко разнесённые участки вселенского пространства (ну, вещества одного участка – касательно к веществу другого участка), происходящее сейчас по закону Хаббла, сменится сбегаемостью по однотипному противоположному за-

кону. И формула исчисления взаимоотталкиваемости тел тоже будет старой, ньютоновской: чем массивней пробное тело в виду вас, тем сильнее оно вас отталкивает, с затуханием этого эффекта пропорционально квадрату вашего расстояния до него, того тела. А что будет именно отталкивать, понятно: и вы и то тело – затрудняете убыль пространства, точно как раньше затрудняли его прибытие, отчего в промежутке меж вами убывать его будет меньше, чем в остальных ваших окрестностях, что и должно оборачиваться вашим с тем телом разносом.

Так что же, новая вселенская эволюция на базе космологических постоянных обратного знака (ну или сказать – обратного вида)? Вполне возможно! И какой вещественной структурой она увенчается (на средних своих промежутках, которые есть промежутки относительной вселенской устойчивости)? Не исключено, что всё той же ячеистой мегасетью! Так сказать, в двух половинках своего существования знаки у Вселенной разные (ну, противоположна её движенческая направленность), но "по модулю" она – одно и то же оба раза.

Фу, устал. Как образно выразился американец Корлисс, в космологических текстах рисуются самые грандиозные картины самыми разбавленными красками. Что правда, то правда! Недостаток фактического материала, и иметь с ним дело – утомляет.

Вернёмся лучше к базовому элементу текущей темы. К подмене дисбалансной расширительности вакуум-пространства вокруг мат. тел на локальные искривлённости его ими. Эйнштейновская ирреальность, а нам вычухивай, ибо из-за такой подмены меняется вся подоплёка космологии, смело можно сказать.

Тут как? Употребляемость метрического тензора g_{ik} – это научный аналог исползуемости птолемея эпицикла. Сама же по себе обращаемость к принципу эпициклов – здесь аналог обращаемости к представлениям о локальной искривительности пространства всяким мат. телом конечной массы. Представления об эпициклах или локальных искривительностях – это инструментальные представления. То бишь от физической реальности отвлечённые, но состоящие с ней в некой неизменной смычке, благодаря чему (ну, неизменности такой) реальность на их базе можно просчитать. На базе подобранных эпициклов просчитывается – без учёта Солнца! – движение относительно Земли планеты, идущей вокруг Солнца по замкнутой определённопараметральной орбите, а на базе специально составляемых метрических тензоров – движение выбираемой телесной массы относительно какой-нибудь другой выбираемой, и просчитывается тоже без прямого учёта реалии – в лице прибывания вакуум-пространства вокруг тех масс. Реализуется не прямой учёт той реалии – самим характером составления метрических тензоров.

Ну, что ещё? В ОТО, помимо представления о локальных искривительностях пространства телами конечных масс, имеется представление об общей искривлённости вселенского пространства – как целого. И по той же причине – мол, это вся вселенская материальная масса его таким делает. В нашей же теории – не так! Да, конечнообъёмное вселенское пространство как целое искривлено (везде постоянно), однако не из-за чего-то другого, помимо него наличного во Вселенной, а потому, что Вселенная попросту "так устроена". Ну, то есть, потому, почему постоянным образом искривлена поверхность шара: последнего просто не было бы, не будь она таковой. Вот так же "просто не было бы" супершара Вселенной, не будь в определённой степени искривлена суперплоскость его поверхности. Другими словами, нашей – покоящейся на невозмущённом эфире! – материальной Вселенной не было бы, не имей она возможность искривиться "вокруг" того эфира до замкнутости на самоё себя.

В этом космологическом выписном блоке уместно упомянуть и "загадку квазаров". Мол, излучают в сотни раз сильнее галактик, имея размеры в десятки тысяч раз меньшие. Но всё просто: стадию квазаров в своей эволюции проходят все первичные галактики! Из-за рекордной удалённости в миллиарды световых лет, через посредство света квазары являют себя нам такими, какими были миллиарды лет назад. Сейчас же то, что наблюдаем как квазары, давно не квазары, а галактики. На ранних своих стадиях бывшие, так сказать, полусингулярностями, оттого и размеры имевшие малые, и излучавшие сильно. Это, повторяю, что касается первого поколения галактик. Галактики же второго, если таковое есть или будет, возможно и не проходят квазарную стадию. Ибо вводные их формирования другие. Первичные формируются из облака свехплотной плазмы, в которое разрослась первичная сингулярность (просто выделяется "кусочек" этого облака, который, остывая и расширяясь, постепенно и превращается в галактику), вторичные же теоретически должны конденсироваться из, так сказать, вторпродукта первого поколения галактик – газа и пыли.

И вторая часть "загадки". Её обычно выражают в том духе, что если верить нынешним измерениям, то центральные радиоисточники ряда квазаров расширяются или разлетаются на части со скоростью, явно превышающей скорость света. На это хочу сказать, что не расширяются и разлетаются, а просто в том центральном радиоисточнике по эфиру распространяется сигнал, запускающий радиоизлучаемость. Ну, провоцирующий к ней материальное наполнение того источника (чем бы оно ни было!). Невозмущённый эфир – не вполне материя, а потому способен на сверхсветовое проведение сигнала. Распространение же света в вакуум-пространстве – это проведение сигнала невозмущённым эфиром, происходящее с минимальным, но привлечением материи. Оттого барьерность по скорости у такого сигнала.

Несколько подробней о грядущей стадии вселенской ужимаемости. По её наступлении закон всемирного тяготения превратится в закон всемирного отталкивания, как мы уже говорили. А гравитационная постоянная, соответственно, превратится в антигравитационную постоянную. По величине сравниваемую с гравитационной, но обратную в своей проявляемости. Плюс увеличивающуюся со временем – в отличие от гравитационной, которая со временем уменьшается. Точно так же и антихаббловская постоянная будет со временем расти. Кстати, о времени: что, в свою очередь, произойдёт с ним? Ну, не то чтобы оно потечёт вспять... но что-то неуловимо изменится. Останется для нас текущим по-прежнему вперёд, но на противной, чем ныне, основе. И мы это будем подспудно фиксировать: вместо подсознательной ощущения себя куда-то взнимающимися (непонятно куда и непонятно как!), будем постоянно ощущать себя куда-то – точно так же непонятно – опускающимися.

То есть что? На уровне своей "оболочки" эфирный супершар Вселенной и при уменьшаемости будет возмущаться, тем порождая вакуум-пространство и длительность, но то уже – противно направленная возмущаемость, нежели нынешняя (если можно так выразиться). Противно направленная – со всем отсюда вытекающим. Которое фактически оставляем на откуп читателям, мало что по его сути сказав...

Итак, противно направленная эфировозмущаемость как возмущаемость, даваемая противоположным к нынешнему ходом суперфизического процесса, производящего мат. Вселенную.

Нынешней же гравитационной постоянной по величине антигравитационная постоянная станет равной, когда ужимающаяся мат. Вселенная окажется на стадии, зеркальной нынешней. То есть в размерах своих станет равной нынешним своим размерам.

И для тех кто не допирает, почему гравитационная постоянная сменится на антигравитационную. Супершар Вселенной начнёт уменьшать свой "радиус", так? Значит, опоясывающая его суперсфера возмущённого эфира начнёт уменьшаться тоже – как суперповерхность, предстающая нам вакуум-пространственной безбрежностью нашего мира. Но это и означает, что будет "пропадать в никуда" для нас вакуум-пространственность, как целое становясь по отношению к нам всё меньше. И что тогда? А вот что: как эфировихрь (в лице мат. тела) затрудняет ныне вакуум-пространству прибытие, будет затруднять он и его убытие – в ту грядущую вселенскую эпоху. Тем самым, дальше от пробного тела пространство перманентно будет больше недодающимся ему, нежели к нему ближе, что и должно оборачиваться взаимоотталкиваемостью его с поднесённым к нему другим телом. Дисбаланс пространстводина-

мики сменит полярность относительно пробного тела, отчего и гравитационная постоянная сменит знак.

Итак, анти-G и анти-H. Благодаря первой, так оно чем ближе тела друг к другу, тем выраженной они взаимоотталкиваются, а благодаря второй, так чем дальше от вас галактика, тем с большей скоростью она к вам приближается. Синее смещение в спектре имеет большее. Вот какие вещи происходят на режиме вселенской ужимательности.

На этом думал и закончить блок, но да ладно, кой-чего всё ж добавим про эпоху обратного вселенского хода. И про связанное с ним. Тут как? Большой Взрыв (ну, Выдох) останавливается, заканчивая эпоху увеличиваемости вселенского супершара, всё сущее замирает в безвременьи, а дальше время начинает свой обратный отсчёт, знаменуя эпоху уменьшаемости вселенского супершара. То есть запускается Большой Вдох. Это базовые вехи, что называется.

"Обратный отсчёт" у времени прошу, однако, не спутать с поворачиванием вспять. При обратном отсчёте время продолжает идти вперёд, только задом (другими словами – идёт "задом наперёд"), а повернув вспять, идёт назад, возвращая имеющих его к тому, что было.

Ещё вопрос, что есть "замершеть в безвременьи"? Что остановимся в своём передвижении по четвёртой миромере, и тем лишимся привычного фантома бега времени, – это ясно. Но что ещё? Может, это ещё и потеряемость сущим длительности? Но тогда оно уже не сущее! Вопрос, однако!

Тут напрашивается такой анализ. Прибываемость эфира останавливается, квазиоболочка супершара Вселенной перестаёт поддерживаться в своей возмущённости, и последняя... что? Враз исчезает, или постепенно сходит на нет? А если второе, то доходит до конца такое схождение, или не доходит – в силу успеваемости возникнуть сбухаемости Вселенной?

Тут сошедшеть на нет возмущённости квазиоболочки – это переставшеть мат. мира существовать. Так сказать, растворяемость его в эфире. Но начинается Большой Вдох, и возмущённость квазиоболочки возрождается, оказываясь возрождённостью мат. мира. Который, скорей всего, будет не совсем таким, как был. А именно – эфировихри меняют направление раскрутки! Крутятся в одну сторону, останавливаются, тем исчезая как таковые, и возникают снова – но уже вращающимися в сторону противоположную. В силу хода квазиоболочки в обратную сторону по четвёртой миромере. При Большом Выдохе она отходит от центра супершара, а при Большом Вдохе – подходит к тому центру. То есть смена двух базовых вселенских эпох – то смена на противное направления радиально-поступательного движения оболочки супершара. Отчего и возмущаться она скорей всего будет противным манером.

Как ясно, наш анализ замешан на том, что длительность – как базовая суть времени – есть имманента эфировозмущённости. И если – по окончании Выдоха – возмущённость квазиоболочки сходит на нет постепенно, то можно говорить, что до полной её сошедшести на нет мат. мир существует за счёт остаточного времени. Ну, имеет остаточную длительность.

Здесь возмущаемость эфира понимаем как продуцирование его возмущённости. Когда поддерживание уже наличной возмущённости – как недаваемость ей затухать – есть просто самая слабая форма возмущаемости. И самый базовый (в том смысле, что остальные – лишь производны от него!) наводитель возмущаемости – это изменяемость эфирного наполнения супершара Вселенной. Ну, увеличиваемость или уменьшаемость того наполнения. Ибо она оборачивается изменяемостью размеров супершара, а по большому счёту только эта изменяемость и заставляет дрожать (читай: возмущаться!) его квазиповерхность. Превращая последнюю в мат. мир. Тогда ясно, что если по окончании Выдоха возмущённость квазиоболочки затухает постепенно, то это может лишь значить, что возмущённость та – при свойстве частичного самоподдержания. Обладает некой квазиинерционностью! А если не обладает, то вот тогда-то и исчезает враз – с окончанием Выдоха.

Оставляю на суд читателей, может в принципе обладать, или нет. А сам скажу лишь, что если обладает, то "замершеть в безвременьи" у мат. мира, наступающая с концом Большого Выдоха, суть пребываемость наша без фантома бега времени, но всё ж оборачивающаяся нам нашим существованием. В смысле нашей – как мат. объектов – обладаемости длительностью. Но это блёклое существование! Поскольку длительность у нас лишь остаточная, а не полноценная – с главной компонентой, производной от изменяемости супершаром своих размеров. Лишь пережидательное то будет существование, так сказать.

И если не дотянем в нём до Большого Вдоха, то это будет означать, что безвременье мира сменилось растворёнкой мира в эфире. Как мат. тела потеряем существование – вместе со всем мат. миром. Назовём это усугубившимся безвременьем мат. мира. В отношении коего бессмысленно спрашивать, сколько оно длится. Ибо времени тогда нет, значит нет за счёт чего чему бы то ни было и длиться. Другими словами, эта зависимость наша равно выступает как вечностью, так и мигом. При том, что и та и та выступаемости – лишь наши фантомы.

Можно ещё добавить, что описанная мирорастворённость в эфире – то контрсингулярность. Так её обозначать – вполне правомочно. Нечто с сущностным свойством первичной сингулярности (ну, мат. мир ещё отсутствующ – и там, и там!), но при том и в корне противоположное ей (объём имеет безграничный –

сравнительно с точечным у первичной сингулярности!), – как такое иначе назовёшь?..

В порядке продолжения дописок (космологического блока) стоит развенчающе пройти по вот уже десять лет, как маячащему у физиков в соображении, что Вселенная расширяется ускоренно. Что произошло? К концу девяностых годов смутно упёрлись в понимание того, что разбегаемость галактик отнюдь не инерционна. Вот только не сообразили, что разбегаемость галактик – лишь видимый образ вселенской разрастаемости, но не сама она! То есть что? Под расширением наивно понимают видимую разбегаемость галактик, тогда как оно – это прибываемость пространства, ту разбегаемость в качестве следствия вызывающая. Ну, к ней приводящая, а ещё лучше сказать – ею для нас оборачивающаяся. Так вот, пространство прибывает равномерно (а то и замедляющаяся – с очень большим периодом!), так же, стало быть, расширяется и мат. Вселенная, а вовсе не ускоренно, но вещественно-материальные объекты это приводит как раз к ускорению: с одной стороны, оборачивается для них ускорениями свободного падения (каждого на каждое, когда тела соседствуют в виду друг друга), а с другой – ускоряющимся убеганием друг от друга (когда закритически далеко отстоят они друг от друга, будучи организованы в галактические конгломераты). На эти две вещи – как следствия из одного и того же явления! – мы уже обращали внимание в предпредыдущем выписном блоке, аналогизировав размерности постоянной Хаббла и ускорения свободного падения.

Ускоренная падаемость тел друг на друга – наблюдаема, разбегаемость галактик астрономы тоже наблюдают – тем бóльшую по скорости, чем дальше они отстоят друг от друга, что вполне позволяет видеть их дольше подвергавшимися разносящему ускорению.

Так же стоит специально подчеркнуть, что всю мат. Вселенную можно считать одним гигантским эфировихрем – разнохарактерным в своих локалях и многонадставленным в себе. Одним таким вихрем, а значит, и неким единичным материальным телом. Ну, сүпертелом. Имеющим, кстати, виртуальную массу. Почему виртуальную? Да потому что масса – мера инертности мат. тел. А инертность тело проявляет только через движение. Мат. Вселенной же – как целому! – двигаться просто некуда (кругом она одна).

Так что вот оно как! Бесчисленные эфировихревые составляющие, всячески и помногу надставляющиеся одни над другими (когда бóльшая включает в себя меньшую), в конечном счёте сложены в единый макровихрь – в лице всего вещества мат. Вселенной. В его "одетости" в огульную недовихревую ак-

тивность эфира, являющуюся нам вакуумным пространством. Причём макровихрь сей – явочным порядком суперсферен. Или сказать – суперсферичен. Это тоже специально подчёркиваем.

И при всём сказанном – конечность мат. вселенских размеров. Как знаковый момент, без которого космологическая картина, разводившаяся нами, не имеет смысла. Означенная конечность общелогически ведь увязана с мат. вселенской как раз сводимостью к единому вихрю. Поскольку бесконечноразмерный эфировихрь представляется чем-то бессмысленным. Да и факт взаимоприятельности мат. тел работает на конечность вселенских размеров, к слову уж тут сказать. Именно небесконечность длины любой замкнутой линии, вписанной в мат. вселенскую суперсферу, позволяет сказать на вас большей прибываемости пространства над вашей головой – при меньшей под вашими ногами, когда вниз ими спрыгиваете с крыльца на землю. (Сказываемость такая – в лице вашей приближаемости к земле, как ясно.) Будь в мире возможна означенная линия бесконечной длины, то этакая сказываемость на вас непропорциональной – относительно вас – прибываемости пространства бесконечно бы откладывалась. Другими словами, только как конечное целое пространство способно приложиться к вам квазисдвигающим образом.

Для тех, кто ещё не понял, что это за "сестринство" такое у гравитационной постоянной с постоянной Хаббла. "Сёстры" – значит имеют общее происхождение. Ну, то есть, явления, которые они маркируют, позволяя общитывать, проистекают от одной причины – разрастаемости вселенского вакуумпространства. Именно на однопричинность указывает кинематическое тождество тех явлений: два пробных мат. тела падают друг на друга с увеличивающимся ускорением, и убегают друг от друга с увеличивающимся ускорением тоже – когда макромасштабная пространственная их разнесённость сменяется на мегамасштабную. А что сносятся тела друг с другом возрастающе ускоренно – должен понимать любой школьник: вес пробного тела тем больше, чем ближе оно к поверхности Земли, то же самое и ускорение свободного падения – у тел оно тем больше, чем ближе они к Земле. Так что можно сказать, что закон всемирного тяготения и закон Хаббла – просто разные стороны одного и того же физического закона. Оттого разнос мат. тел ещё и динамически тождественен их сносу, помимо кинематической тождественности. Ну, то есть, ускорение разноса галактик – в проявляемости своей сродни ускорению свободного падения: галактики его друг относительно друга имеют, но не испытывают, так сказать. Точно как свободно падающие друг на друга тела: движутся друг к другу ускоренно, но приложенности к себе силы – в качестве породителя того движения – не испытывают. А потому фактически не находят той силы, будучи разумными.

Что из этого вытекает? А можно говорить, что имеется некое критическое, по гравитации, разнесение – у любых двух пробных вещественно-материальных объектов. До которого они видимым образом ещё сносятся друг с другом, а после которого – уже расталкиваются. Возможно, мы способны даже вычислить такое разнесение, конкретизировав себя параметрами берущейся пары тел. Последнее именно что важно! То есть не думаю, что критическая разнесённость одна и та же для любой берущейся пары: она зависит от конкретики распределения масс материи в районах пар.

Итак, тела любой рассматриваемой пары всегда сносятся и всегда расталкиваются, вопрос только, какой из двух этих процессов превалирует для пары (ну, по своему рабочему выходу превышает противоположный). А во-вторых ещё вопрос, насколько нейтрализуется рабочий выход первого из них: другие тела, окружающие пару, вполне своим притяжением способны растаскивать её компоненты (ну, то есть, иметь вокруг пары конфигурацию, приводящую именно к этому). То есть вполне возможна ситуация, когда рабочий выход процесса сноски тел пары – больше такового у процесса их расталкивания, однако видимым образом тела таки расталкиваются: их взаимопритяжение достаточно нейтрализуется притяжением правого телами, расположенными вправо от пары, и притяжением левого – телами что слева от неё. Тут интересен идеальный случай, когда в мат. Вселенной лишь два тела всего только и имеются: каким будет критическое разнесение тогда? Очевидно, оно будет задаваться той точкой удаления второго тела пары от первого, в которой его Хаббловское ускорение по отношению к первому – равно его ускорению свободного падения на то первое. Мне тела этой пары представляются навечно зависающими в такой своей критической разнесённости: мат. Вселенная будет исправно пополняться пространством, тем самым исправно же поддерживая тела на описанном "хитром" расстоянии друг от друга, ежели мы специально их так друг от друга отставим.

Правда, это только когда второе тело меньше по массе за первое, или равно ему. А когда больше, то надо учитывать, что и оно притягивает первое, а не только первое его. И с точки зрения этого выдаваемого вторым притяжения, которое больше выдаваемого первым, точка критического удаления выступает ещё не достигнутой. То есть что? При расчётах необходимой критической разнесёнки тел в подобных идеализированных телесных парах – надо рассматривать всегда случаи всё более дальней помещаемости именно менее массивного из тел по отношению к более массивному (пока не упрётся наконец в необходимо и достаточно дальнюю).

Как ясно, этакая точка критической удалённости менее массивного тела от более массивного – есть что-то типа точки Лагранжа. Так возможно ска-

зять, проводя параллели с имеющимися ныне космологическими и космофизическими наработками.

И в такой "вселенной двух тел" есть у тел вторая устойчивая взаимопозиция: располагаемость на противоположных концах диаметра вселенского супершара. Ну, в смысле, в точках суперплоскостной его поверхности, получающихся с двух сторон по "протыканию" её тем диаметром. Такая "поверхность", не забывая, суть объём вакуум-пространства как базы нашего материального мира. И вот, в этой позиции наши два тела – заведомо расталкивающиеся. Ибо они равносильно притягивают друг друга по любой взятой паре противоположных сторон света, так что для пространствоприрастательности естественным оказывается не что иное, как равномерно распределяться по всем сторонам меж телами, тем перманентно их отдаляя друг от друга. А что равносильно притягиваются – по любой паре противоположных направлений, это понятно: в любом взятом (от того или другого из тел) направлении расстояние меж телами равно половине суперсферы, на которой они находятся, тем самым в противоположном тому направлению оно равно второй суперсферной половине, дополняющей первую до полной суперсферы, то есть – равно первому расстоянию, в силу идентичности суперсферных половин, а уж равенство расстояний предопределяет равенство и притягательностей – каждым из тел своего соседа – через эти расстояния.

Ещё хотелось бы "на пальцах" объяснить, почему пробное тело одинаково притягивает тела разной массы. Ну, в смысле, почему тела с разными массами, находясь на равном удалении от пробного тела, имеют одно и то же ускорение свободного падения на него. Такое оттого, что любое из этих – так называемых притягиваемых – тел на самом деле находится в состоянии покоя (ну, неизменяющейся своей инерционности, сказать шире), а потому масса его не работает, тем самым получая возможность быть взятой какой угодно (всё равно ведь в разбираемой ситуации не "приложит руку" к движению тела). В скрытой от глаз действительности меняет свою инерционность (ну, перемененно движется) лишь притягивающее тело (наше пробное, то есть), вот его-то масса – как то, что проявляется переменным движением – в ситуации всё и определяет! Ну, в смысле, пробное тело квазидвигается: чем ближе к себе, тем больше затрудняя пространству прирост, этим фактически подтягивает себя к любому отстоящему от него в пространстве телу. Чисто явочным порядком оказывается всё более близким к нему – из-за "выкачки" своим присутствием пространства меж собой и им! В самом деле, бóльшая недопускаемость новопространственности ближе к себе, да при меньшей дальше от себя, – что это, как не эквивалент откачиваемости от себя пространства, ежели из-за такой неравной допускаемости – ближе к тебе пространства в любой берущийся момент обна-

руживается меньше, чем было бы, не срабатывай та неравная допускаемость? И вот, наводя картину как бы некоторой выкачанности пространства меж собой и другим телом, тем наше пробное фактически подставляет себя всё ближе к тому другому телу (ибо без пространства меж ними, пробным и "притягиваемым" телами, ситуация в самом принципе не способна быть: если между собой и чем-то вы убрали – в частности, "выкачали"! – пространство, то просто обязаны оказаться пространственно ближе к тому чему-то, а не так, чтоб оказывалось, что по соединяющей вас с ним линии наличествуете вы, затем не-пойми-что на месте только что убранного вами пространства, затем оставшееся пространство, до которого вы не дотянулись "выкачать", а за ним наконец то нечто, тот веховый объект, с которым вы пространственно соотносились до "откачки"). Ясно? И уж каким по выраженности "качателем" выступит пробное тело – то всецело определяется его массой. Ну, в смысле, лишь его массой, и больше ничем: больше масса, больше и выраженность как "качателя". Оттого и в формуле $a = GM/r^2$, определяющей ускорение силы тяжести для тел в районе пробного тела, фигурирует только масса последнего (M).

Но давайте, однако, посчитаем ускорения тел в окрестности пробного тела, и посмотрим во что нас упирают расчёты. Не мудрствуя, в качестве пробного берём Землю. Ускорение силы тяжести на уровне моря – $9,81$ м/сек². В самом деле, в вышеприведенную формулу в качестве M подставляем массу Земли $5,97 \times 10^{24}$ кг, в качестве r – средний земной радиус $6,37 \times 10^6$ м, и при гравитационной постоянной $G = 6,672 \times 10^{-11}$ м³/кг·сек² получаем: $6,672 \times 5,97 \times 10^{24} \text{ м}^3 \cdot \text{кг} / 10^{11} \times (6,37 \times 10^6)^2 \text{ кг} \cdot \text{сек}^2 \cdot \text{м}^2 = 9,81$ м/сек². А далее – формула $g_h = g_0 (R_3 / (R_3 + h))^2$, где g_0 – ускорение силы тяжести на уровне моря, g_h – оно же на высоте h над уровнем моря, и R_3 – средний земной радиус. Найдём g_h для $h = R_3$. Получается $g_h = g_0 (R_3 / 2R_3)^2 = g_0 (1/2)^2 = g_0 / 4 = 9,81 / 4 = 2,4525$ м/сек². Соответственно, для $h = 2R_3$ получается $g_h = g_0 / (1/3)^2 = g_0 / 9 = 1,09$ м/сек², а для $h = 3R_3$ получается $g_h = g_0 / 16 = 0,613$ м/сек². Как видим, ускорение свободного падения, сообщаемое телам Землём, последовательно растёт – по мере помещаемости тех тел ближе к Земле. Отчего остаётся только повторить уже говоривавшееся: телам, находящимся в окрестностях Земли, последняя сообщает суперускорение свободного падения. Давайте прикинем его значение. Может быть, нынешняя физика способна вычислить его и точно, однако я не вникал, поскольку для наших целей достаточно и прикидки – по предлагаемому ниже способу. Первую точку берём на уровне моря, вторую – на высоте в земной радиус над морем. Соответственно, разность ускорений свободного падения, характерных для тел в этих точках, будет $\Delta g = 9,81 - 2,4525 = 7,356$ м/сек², а среднее значение такового ускорения на интервале между точками (g_{cp}) оказывается $(9,81 + 2,4525) / 2 = 6,132$ м/сек². Ну и путь, который

тело проходит между точками, равен радиусу Земли. Тогда по формуле $t = (2R_z / g_{cp})^{1/2}$ находим время, за которое тело прошло бы этот путь, на всём его протяжении двигаясь с найденным средним ускорением. То есть: $t = (2 \times 6,37 \times 10^6 / 6,132)^{1/2} = 1441,4$ сек. Это время прикидочно и будет временем, за которое в реале тело проходит расстояние между нашими точками, на участке между ними свободно падая со всё большим ускорением. Ну и разделив разность ускорений (как значение прироста ускорения для тел при переходе от дальней точки к ближней!) на это прикинутое время (как время, за которое сей прирост происходит), получаем значение суперускорения свободного падения: $g_{sup} = \Delta g / t = 7,356 / 1441,4 = 0,0051033$ м/сек³. То есть ускорение свободного падения получилось увеличивающимся примерно на 5 мм/сек² за секунду. Прекрасно, но этак же посчитав суперускорение за счёт интервала между точками, дальше отстоящими от центра Земли (первую взяли на расстоянии в два земных радиуса от него, а вторую – в три), получаем значение в 0,0005078 м/сек³. Которое заметно меньше первого. А это значит, что по мере размещаемости тел ближе к ней, Земля сообщает им большее и суперускорение, а не только большее ускорение! То есть, в своём свободном падении на Землю тела приближаются к ней с увеличивающимся даже суперускорением, а не то что только с увеличивающимся ускорением! Чем получается, что надо говорить о степени "суперности" у суперускорения! Ну, увеличивающность суперускорения, организуемая Землёй в своих окрестностях для тел – по мере их к ней приближения, есть факт нахождения тех тел при суперускорении второй степени суперности (g_{sup2}). Которое мы можем прикинуть всё по тому же, в общем, способу: разность суперускорений, наличных у тел в разноудалённых от Земли точках, делим на время прохода телом интервала между точками – в равноускоренном движении на среднем для интервала ускорении свободного падения. Такие точки у нас – это точки с высотой над уровнем моря в два радиуса Земли и в три её радиуса, лежащие на линии, проходящей через центр Земли. Расстояние между ними равно земному радиусу, разница между суперускорениями в них – соответственно $0,0051033 - 0,0005078 = 0,004595$ м/сек³, а среднее между ними ускорение свободнопадения у тел находится как $(2,4525 + 1,09) / 2 = 1,77125$ м/сек². Откуда $t = (2R_z / g_{cp})^{1/2} = (2 \times 6,37 \times 10^6 / 1,77125)^{1/2} = 2682,9$ сек и $g_{sup2} = \Delta g_{sup} / t = 0,0045955 / 2682,9 = 0,0000017$ м/сек⁴. Это значение суперускорения второй степени, наличного в любой из точек, имеющих высоту в три земных радиуса над уровнем земного моря.

Далее мы ничего не подсчитываем, но ясно, что по той же схеме обнаружится определённое суперускорение и третьей степени суперности – для точек пространства с высотой (если это можно так назвать!) в четыре земных радиуса, и определённое четвёртой степени – для точек с высотой в пять радиусов.

И так далее до бесконечности? Похоже! То есть можно говорить, что телам, находящимся в окрестностях Земли, последняя наводит суперускорение свободного падения g_{supN} при $N \rightarrow \infty$. А лучше бы даже сказать – к телам тем приставляет такое суперускорение! Вот оно всё как неожиданно обернулось! И речь о нахождении тел в любой из точек земной окрестности: ни одна из них тела таким g_{supN} не обделяет. Это понятно: отстоящесть точек от Земли кратно её радиусу брали только ради простоты вычислений, а вообще можно использовать любую кратность, что и делает возможным распространить продемонстрированные нами вычисления на любую наперёд заданную точку.

Итак, Земля в любой точке своей округи сообщает телам некое g_{supN} с $N \rightarrow \infty$, которое оказывается в конкретной точке одним и тем же для любого попадающего в неё тела. Другое дело – в разных точках: чем дальше точка от центра Земли, тем менее мощным как прогрессия оказывается это g_{supN} . Такая же связь у него и с массой тела, округу которого рассматриваем: уменьшается масса, уменьшается и мощность означенной прогрессии в каждой из точек округи. А ещё и в порядке вселенского историзма то же самое: чем старше мат. Вселенная, тем меньше гравитационная постоянная, что и уменьшает мощность g_{supN} как прогрессии в точках округ мат. тел.

Но что за прогрессия, однако? Ну, имеется в виду следующее. Если стремление увеличить скорость – это ускорение, то тело в виду другого тела находится в увеличивающемся таком стремлении! И тогда вопрос – в как увеличивающемся: стационарно или прогрессирующе? Ведь принцип же позволяет и так и этак! Сразу отвечаем: если стационарно, то стремление увеличить скорость у тела оказывается сведено к обладанию всего лишь суперускорением – как чем-то постоянным. А если прогрессирующе, то это подразумевает ещё вилку: в конечной прогрессии увеличивается или в бесконечной? Вот наши вычисления и дали ответ: не стационарно, а прогрессирующе, где прогрессия не конечна, а бесконечна. Мощность же прогрессии понимаем как быстроту возрастания некой величины – ну, величины чего-то – в порядке её прогрессирования, той величины-то. И с мощностью связана прежде всего гравитационная постоянная: чем больше величина у последней, тем прогрессия увеличения ускорения выраженной.

Ещё раз, для пользы дела. Дисбалансная – из-за пробного тела – прибываемость пространства делает всякое тело в его округе пребывающим в стремлении увеличить свою скорость по отношению к тому пробному телу. Простейшая же реализация такого стремления любым телом – находимость в некоем постоянном ускорении (ну, пребываемость в равноускоренном движении). Но это именно что простейшая возможная реализация, на которой все зациклились! Тогда как вообще возможно бесконечно надставленное стремление увеличить скорость, и фантазия Брахмы, что называется, не преминула нас

пред ним поставить (как показали наши вычисления!). Бесконечнонадставленное стремление увеличить скорость – как стремление её увеличить, над которым надставлено стремление уже самого его увеличить, над которым, в свою очередь, надставлено аналогичное, и т. д. в бесконечность. Сразу всеми этими стремлениями тело обладает, находясь в виду другого тела: деформированная последним пространствоприрастательность делает его таким обладателем.

Всякое же стремление разворачивается временем. То есть дать телу время, и оно исправно начинает увеличивать свою скорость по статье каждого из этих своих стремлений, параллельно. То есть сразу за счёт всех их! Значит, **предельновозможно неравноускоренное движение – вот что такое движение тела по направлению к другому телу.**

То есть что? Прогрессия – в надставках! Благодаря им как принципу пробное тело-то и способно в любой точке своей окружности сообщать всякому телу неограниченное стремление увеличить свою скорость – по направлению к нему, тому пробному, и относительно него. О таком стремлении мы и говорим: пребывающее в бесконечной прогрессии стремление. Через понятие надставки выходим и на категорию мощности прогрессии: чем больше гравитационная постоянная, тем с большего уровня начинается прогрессия в пробной точке окружности пробного тела, то есть – тем больше величина, так сказать, нулевой надставки (в лице ускорения, рассчитываемого для помещаемого в ту точку тела по формуле $a = GM/r^2$). А заодно – и всех остальных (не нулевых уже) надставок, каждой на одну и ту же относительную величину. Что в совокупности составляет прогрессию с большей мощностью.

Встаёт, правда, вопрос: если в пробной точке своей окружности Земля сообщает телу именно неограниченное стремление увеличить скорость сближения с ней, так почему то тело не достигает предельно возможной скорости сближения мгновенно, как только мы его в той точке отпустим – к свободному на неё, на Землю-то, падению? Ну, такое было бы лишь при бесконечной величине гравитационной постоянной. А так стремление увеличить свою скорость оказывается у тела составленным по типу неограниченной перфорации поверхности, проходящей по следующему закону: берём квадратный участок поверхности 3×3 клетки, и центральную клетку вырезаем, затем каждую из оставшихся восьми разбиваем 3×3 меньших клеточек, из девяти получающихся центральную опять вырезая, а восемь остающихся так же разбивая на ещё более мелкие, и в том же духе до бесконечности. Надеюсь, дальнейшие пояснения излишни.

Осталось в этой связи пройтись по постоянной Хаббла, в силу её "сестринства" с гравитационной постоянной. Постоянную Хаббла мы свели в своё время к понятию суперускорения разбегаемости вселенской материи. И это

было правильно – в первом приближении. Вполне годящемся для прикидок возраста мат. Вселенной, и прочему тому подобному. Ну а вообще, как теперь ясно, постоянная Хаббла есть нечто более крутое (на молодёжном жаргоне будь сказано). А именно, a_{supN} с $N \rightarrow \infty$. Суперускорение разбега галактик с неограниченной степенью "суперности"! То есть каждое конкретное значение постоянной Хаббла в мат. вселенской истории – оно что? А определяет (ну, по некому закону задаёт) каждую из бесконечного числа степеней повышения выраженности убегательного ускорения галактики, где-либо по отношению к нам находящейся. Такая степень (можно назвать её степенью очередной надставки в задании ускорения) есть доля от ускоренческой выраженности при степени "суперности" N , на которую эта ускоренческая выраженность возрастает при переходе к степени "суперности" $(N + 1)$. То есть меж N и $(N + 1)$ – своя доля, меж $(N + 1)$ и $(N + 2)$ – своя, но они – при одной и той же постоянной Хаббла – одни и те же для точек любого от нас удаления, и соответственно увеличиваются для них при увеличении постоянной Хаббла. Другое дело, что величина удалённости галактики сама по себе влияет на её ускорение – параллельно влиянию величины постоянной Хаббла, и по тому же механизму. Ну, в смысле, когда изменяется, так тем же манером, как это делала изменяющаяся постоянная Хаббла, изменяет характер сообщённости ускорения той галактике. То есть, чем удалённей от нас галактика, тем от того оказывается больше каждая из бесконечного числа последовательных степеней ускоренческой надставки, реализованных в огульной заданности ускорения, сообщаемого той галактике вселенской разрастательностью. Отсюда больше и мощность той заданности как прогрессии. И обсказываясь на уровне первого члена этой прогрессии, представительствующего её в первой степени приближения, должны будем заявить, что наличное значение постоянной Хаббла оборачивается тем бóльшим по отношению к нам суперускорением первой степени у галактик, чем более удалённые от нас точки пространства галактики занимают.

Вообще оказывается, что у расстоянья от нас до галактики, с которой нас Вселенная разносит, роль эквивалентная массе тела, с которым нас Вселенная сносит (Земли, например). Это понятно: и снос и разнос – от одной причины в лице вселенской пространственной разбухаемости, и насколько последнюю – через затрудняемость её – заставляет всё больше работать на снос увеличивающаяся телесная масса, настолько увеличиваемость расстоянья до галактики приводит к обратному: всё больший участок мат. Вселенной начинает работать на наше с нею разнесение, тем естественно и увеличивая его выраженность. Ну, в смысле, оборачиваясь бóльшим разносительным эффектом – в лице выраженности уносящего ускорения, сообщаемого галактике по отношению к нам.

Сказать иначе, пространственная разбухательность затрудняется явленностью в работе некоего агрегата, представляющего нам телесной массой (ну, фактом имеемости телом массы). Чем выраженной этот агрегат в работе, то есть – чем больше масса у рассматриваемого тела, тем больше затруднена пространственная разбухательность окрест него и оттого больше притяжение им других тел. Увеличение же расстояния меж нами и некой галактикой являет в работе другой агрегат – так сказать, мобилизацию всё большего мат. вселенского участка к организации нашей с той галактикой разносимости, отчего последняя и оказывается выраженной организована. Что в конечном счёте выливается в большесть абсолютной величины ускорения, ту галактику от нас уводящего.

И для тех, кто до конца не врубился: большой участок пространства работает на разнесение (ну, организует его для нас с рассматриваемой галактикой) – это, если фигурально выразаться, означает что задействовано соответственно большее число "пор" наличного пространства, из которых "сочится" новое пространство, потому эффект пространственной прибытости и оказывается бóльшим.

О числе же "пор" говорили условно. Ведь оно в любом случае бесконечно – что большой участок пространства работает, что меньший. Ибо новое пространство "сочится" сплошняком по всему объёму уже имеющегося пространства, отчего "порой" выступает буквально всякая точка последнего, а даже мало-мальский объём описывается (ну, охватывается, покрывается) бесконечным множеством точек. Но когда работает объём большой, то соответственно больше и мощность бесконечного множества точек, его составляющего, а значит, и задействованных "пор", – вот такая разница.

Но посмотрим на вычислениях, больше ли, как мы заявили, по отношению к нам суперускорение первой степени у более отдалённых галактик – сравнительно с менее отдалёнными. За счёт расстояния между галактиками, имеющими скорости убегания от нас соответственно 285000 км/сек и 295000 км/сек, суперускорение первой степени мы уже вычислили ранее: $0,246 \times 10^{-26}$ м/сек³. Теперь вычислим за счёт расстояния между галактиками со скоростями 275000 км/сек и 285000 км/сек. Сначала узнаем время, за которое галактика на скорости 275045 км/сек проходит дистанцию в 1 мпс. Указанная скорость есть средняя скорость галактики на мегапарсековой дистанции, коль в начале последней скорость её 275000 км/сек, а в конце – 275090 км/сек (то есть на величину постоянной Хаббла больше: именно на такую величину прирастает скорость за мегапарсек галактического хода). Итак, $t = 1 \text{ мпс} / v_{\text{ср}} = 30,8 \times 10^{18}$ км / 275045 км/сек = $1,1198 \times 10^{14}$ сек. И если вышеозначенный прирост скорости (то есть 90 км/сек) разделить на это время, то получим значение ускорения, в достаточной степени представляющее ускоренческое состояние

галактики на том мегапарсеке. Итак, $90 \text{ км/сек} / 1,1198 \times 10^{14} \text{ сек} = 90000 \text{ м/сек} / 1,1198 \times 10^{14} \text{ сек} = 0,804 \times 10^{-9} \text{ м/сек}^2 = 0,804 \text{ нм/сек}^2$. Это условно-мгновенное значение ускорения галактики в точке имеюности её 275000 км/сек скорости по отношению к нам. Аналогично подсчитав ускорение галактики со скоростью убегания 285000 км/сек , получаем $0,833 \text{ нм/сек}^2$. Тогда прирост ускорения галактики между точкой пространства, где её мгновенная скорость 275000 км/сек и точкой, где её мгновенная скорость 285000 км/сек , оказывается $0,833 - 0,804 = 0,029 \text{ нм/сек}^2$. Из первой точки во вторую галактика попадает посредством пройденности – в направлении от нас – ста одиннадцати мегапарсек расстояния: $285000 \text{ км/сек} - 275000 \text{ км/сек} = 10000 \text{ км/сек} / 90 \text{ км/сек} \cdot \text{мпс} = 111 \text{ мпс}$. Это понятно: коль за пройденность мегапарсека расстояния галактика увеличивает свою относительно нас скорость на 90 км/сек , то для увеличения скорости на 10000 км/сек ей надо пройти столько мегапарсек, сколько получится от деления 10000 на 90 . А далее то, что расстояние в эти 111 мпс галактика проходит на средней скорости $(275000 \text{ км/сек} + 285000 \text{ км/сек}) / 2 = 280000 \text{ км/сек}$, откуда время прохода оказывается $111 \text{ мпс} / 280000 \text{ км/сек} = 111 \times 30,8 \times 10^{18} \text{ км} / 280000 \text{ км/сек} = 122,1 \times 10^{14} \text{ сек} = 387,1 \text{ млн лет}$. Разделив на него определённый выше прирост ускорения, получаем значение суперускорения первой степени: $0,029 \text{ нм/сек}^2 / 122,1 \cdot 10^{14} \text{ сек} = 0,237 \cdot 10^{-26} \text{ м/сек}^3$. Вывод: убегательное суперускорение первой степени достаточно заметно возросше для галактик в точках, на 111 мпс более удалённых от нас, нежели точки имеюности галактиками скоростей убегания $275000 \text{ км/сек} - 285000 \text{ км/сек}$, то есть вычисленная конкретика утвердила в числах вообще ожидаемое.

Время, за которое галактика приращивает ускорение с $0,804 \text{ нм/сек}^2$ до $0,833 \text{ нм/сек}^2$, можем вычислить и другим способом, чем вычисляли. Поступаем так в задавшести вопросом: а получится ли то же самое значение? Этот другой способ – вычисление на базе формулы $a = \Delta v/t$, отражающей то, что ускорение равно изменению скорости по величине за единицу времени. Здесь a – ускорение, Δv – изменение скорости, а t – время, за которое это изменение произошло. У нас $\Delta v = 285000 \text{ км/сек} - 275000 \text{ км/сек} = 10000 \text{ км/сек}$, при скорости 275000 км/сек мгновенное ускорение убегавшей галактики нашли равным $0,804 \text{ нм/сек}^2$, при скорости 285000 км/сек – равным $0,833 \text{ нм/сек}^2$, то есть среднее ускорение её движения на участке этого приращивания скорости оказывается $(0,804 + 0,833) / 2 = 0,8185 \text{ нм/сек}^2$, вот на него и надо разделить прирост скорости, чтобы узнать время заполучения галактикой того прироста (оно же время приращения ею и своего ускорения до $0,833 \text{ нм/сек}^2$). Итак, $t = \Delta v/a_{cp} = 10000 \text{ км/сек} / 0,8185 \text{ нм/сек}^2 = 10^7 \text{ м/сек} / 0,8185 \cdot 10^{-9} \text{ м/сек}^2 = 122,2 \cdot 10^{14} \text{ сек}$. А подсчёт первым способом дал, как помним, $122,1 \cdot 10^{14} \text{ сек}$, –

то есть оба способа дают фактически одно значение. Что намекает на достаточную адекватность принципа разводимых нами подсчётов.

Остаётся добавить, что показанное для свободного падения тел на планету – один к одному может быть перенесено на хаббловское разбегание тел. Что показали? Что ежели отпустить тело в какой-либо точке планетной окрестности, то скорость сближения его с планетой прирастает до возможной максимальной не мгновенно – несмотря на пребываемость тела в неограниченном стремлении ту скорость увеличить. Так же "ведёт себя" и относительная скорость хаббловской разбегаемости тел. А значит, и проходимый последними путь – как производное от той скорости. И вот тут спрашивается: если не мгновенно оказываются тела "на разных краях мат. Вселенной", то как, по какому закону? Определить это фактически означает узнать, по какому закону увеличивается мат. Вселенная. Определение такого сводится к определению формулы пути, проходимому одним из тел по отношению к другому телу при обладаемости относительным к нему ускорением. Для случая равноускоренного движения формула пути известна и школьнику: $S = at^2/2$. Для движения же на суперускорении мы нашли (по крайней мере, прикидочно!) формулу пути такой: $S = a_{sup} \cdot t^3/4$. И из сравнения формул довольно прозрачно вытекает, что для суперускорения второй степени формула будет $S = a_{sup2} \cdot t^4/8$. Что в полном обобщении оборачивается формулой $S = a_{sup(n-1)} \cdot t^{(n+1)}/2^n$, при $n \rightarrow \infty$, где n – натуральное число. А уж такой закон прироста расстояния эквивалентен функции $y = e^x$. То есть фактически мат. Вселенная увеличивается по экспоненте. Вроде так, но окончательный ответ оставляю всё ж на читателей, более чем я продвинутых в математической физике.

Но вообще-то наговорено ещё недостаточно. Разводившиеся вычисления оказались способны обернуться весьма крутыми обобщениями. Которые и хочу привести. Чтоб их сделать, понадобилось наработать более точные числовые значения ускорений (сравнительно с достигавшимися нами доселе), и в большем количестве. Они составили следующие ряды. Ряд первый: 0,774482; 0,803703; 0,832925; 0,862143 нм/сек². Это ряд "мгновенных" ускорений, которыми – получается! – обладают по отношению к нам галактики со скоростями убегания соответственно такими: 265000; 275000; 285000 и 295000 км/сек. Суперускорения же первой степени у этих галактик составляют свой ряд: $0,2308 \cdot 10^{-26}$; $0,2393 \cdot 10^{-26}$; $0,2478 \cdot 10^{-26}$ м/сек³ (для галактик со скоростью 295000 км/сек суперускорения здесь нет: чтоб посчитать его, потребовалось бы брать ещё одну скоростную точку, ближе – чем точка "295000 км/сек" – лежащую к скорости света).

Что из рядов вытекает? А две новые постоянные! Из первого – $0,02922$ нм/сек² (именно на эту величину отличаются члены ряда друг от друга!), а из последнего – $0,0085 \cdot 10^{-26}$ м/сек³ (именно на такую – одну и ту же! – величину

тоже отличаются в нём члены). Что за величины? Ну, каждая следующая по скорости галактика ряда отстоит от нас дальше за предыдущую на 111 мпс (как мы подсчитали в исходящести из постоянной Хаббла текущего исторического периода мат. Вселенной). Вот каждые следующие 111 мпс удаления от нас и получаются дающими галактике $0,02922 \text{ нм/сек}^2$ добавочного ускорения по отношению к нам, и они же – каждые следующие – добавляют ей $0,0085 \cdot 10^{-26} \text{ м/сек}^3$ суперускорения первой степени (опять-таки по отношению к нам). То есть – прямопропорциональный рост в обоих случаях! И в приведённости к 1 мпс удаления это будут соответственно значения $0,0002632 \text{ нм/сек}^2 \cdot \text{мпс}$ и $0,0000765 \cdot 10^{-26} \text{ м/сек}^3 \cdot \text{мпс}$. Ну, или $0,2632 \cdot 10^{-12} \text{ м/сек}^2 \cdot \text{мпс}$ и $0,765 \cdot 10^{-30} \text{ м/сек}^3 \cdot \text{мпс}$.

То есть что? Закон Хаббла – это прямопропорциональность скорости убегания галактики расстоянию от неё до нас, где коэффициент пропорциональности равен $90 \text{ км/сек} \cdot \text{мпс}$ и называется хаббловской постоянной. Но можно и нужно говорить о **надставленном законе Хаббла**, подобно закону Хаббла касающемуся уже не скоростей убегания от нас галактик, а ускорений их убегания от нас. То есть, говорить о прямопропорциональности ускорений убегания галактик удалённости от нас тех галактик. Где коэффициент пропорциональности равен $0,2632 \cdot 10^{-12} \text{ м/сек}^2 \cdot \text{мпс}$ и напрашивается быть названным **суперхаббловской постоянной**. Также нужно говорить о **вдвойне надставленном законе Хаббла**, касающемся суперускорений первой степени у убегающих от нас галактик (и тоже сходно с тем, как касается закон Хаббла скоростей тех галактик). То есть: первая степень суперускорения у убегающей от нас галактики прямопропорциональна степени убежавшести той галактики (как расстояния, на которое она успела отбежать). Коэффициент пропорциональности в этом законе равен $0,765 \cdot 10^{-30} \text{ м/сек}^3 \cdot \text{мпс}$, и может быть соответственно назван **суперхаббловской постоянной второй степени**. Читатель может освоенным – надеюсь! – образом посчитать и суперхаббловскую постоянную третьей степени, и так далее, – то есть открываем **бесконечное множество последовательных суперхаббловских постоянных**. Первый член коего должен по-полному называться суперхаббловской постоянной первой степени, а закон, в котором он фигурирует, соответственно однонадставленным законом Хаббла.

И напоследок в этой связи вот что. Однажды выше я уже упоминал о выйденности космологов на факт ускоренной разбегаемости галактик. Вышли где-то в конце 90–х, в растерянности и недоверии к полученным данным. Не знаю как вышли, но по зрелому размышлению напрашивается предположить, что разрешение астрофизических методов стало достаточным, чтобы произвести – в достаточно отстоящие друг от друга моменты времени – прямые за-

меры скорости убегания одной и той же галактики, и разницу значений не "утопить" в погрешности. Галактика, скорее всего, была одной из весьма удалённых: именно ведь у таких ускорение относительно Земли больше, согласно нашей теории, а стало быть, и заметить его легче... Итак, второй замер дал значение скорости большее, чем первый, а при "разбегаемости галактик по инерции" оно должно бы оставаться прежним. И что же? Подвигло это физиков на логику, подобную нашей? Как бы не так: для объяснения ускоренья у разбега попросту реанимировали эйнштейновскую "лямбду", как вычитал я недавно в одной научно-популярной статье! Ну, акт понятный: вводилась космологическая постоянная Эйнштейном, чтоб "спасти" от схлопнутости рассредоточенное по мат. Вселенной вещество. Схлопнутости, представляющейся должной наступить из-за гравитационных сил меж компонентами того вещества. А когда от этого мат. Вселенную "спас" Хаббл – открыв разбегание галактик, "лямбда" в эйнштейновских уравнениях стала ненужной, и её ввод Эйнштейн назвал "самой большой ошибкой своей жизни". И, однако, что было в теории способно компенсировать силы гравитационного притяжения – в их наличности меж разнесёнными компонентами вселенского вещества, то автоматически оказывается способным теоретизационно наводить ускоренный разнос тех компонентов – если какая-либо другая теоретизационная вводная "берёт на себя" компенсацию сил гравитации меж ними. Естественно, мимо такого не прошли: зачем выдумывать новое, если есть ещё не хорошо забытое старое! Эйнштейн объявлен поторопившимся себя бичевать, "лямбда" реанимирована, и "дело в шляпе". Выбрали, то есть, путь наименьшего сопротивления. Именно он у людей – самый любимый, и учёные, как видим, не исключение. Что с этим поделаешь? Как у Высоцкого в песне – "осталось только материться!"

Ну, а что касается нашей теории, то она, конечно, ни в какой наводке не нуждается – через означенные-то разномоментные замеры скорости убегания какой-нибудь конкретной галактики. Наоборот, необходимость таких замеров она предопределяет и предсказывает их результат. Так что если они ещё не произведены, то надо произвести – чтоб прямо убедиться в наличии ускоренности убегания, а если произведены, и дали разные результаты, то бояться этой разности не надо, греша на несовершенство измерительного процесса, – она и должна быть, эта разница, подтверждая нашу теорию. Ну, демонстрируя её.

Впрочем, насчёт обнаружения изменения скорости убегания какой-либо из "окраинных" галактик – это я загнул: такое в принципе возможно, но вряд ли могло быть пока осуществлено. Судите сами: "мгновенное" ускорение "окраинных" галактик нашей эпохи мы оцениваем примерно в 1 нм/сек^2 , а это значит, что на 1 м/сек скорость подобной галактики увеличится за миллиард секунд. То есть – за треть века. Почему взяли 1 м/сек ? Потому что знаем: метод лучевых скоростей, посредством которого ищутся экзопланеты, на сейчас

способен обнаружить изменение лучевой скорости на 1 – 3 м/сек. Ну, в смысле, астроном способен ныне различить смещение спектра звезды, производимое изменением её скорости на 1 – 3 м/сек вдоль луча зрения на неё. То же, надо полагать, он сможет и для галактики. И если взять спектр какой-нибудь галактики, полученный треть века назад, да сравнить с нынешним (если найдёшь теперь именно ту галактику), то... Но треть века назад оптика была хуже, так что тогдашние спектры не могут на равных сравниться с нынешними. Да и увериться, что речь идёт о той же самой галактике, тоже непросто.

Короче, на умозаключение об ускоренной ныне разбегаемости галактик вышли как-то иначе, менее прямым образом. Отсюда и неполная уверенность в факте такого ускорения, всё ещё характерная для академических кругов. Тут уместно привести отрывок из "краткой истории времён", как она – в свете наличия такого ускорения – видится современным физикам (в пересказе одною из научно-популярных статей, что довелось мне читать в журналах за текущий год).

"По неизвестным пока причинам, возможно, из-за квантовой флуктуации, в пространстве Вселенной возникает физическое поле, которое в возрасте (Имеется в виду возраст Вселенной. – Прим. автора.) около 10^{-35} секунд заставляет Вселенную расширяться с колоссальным ускорением. Этот процесс называют инфляцией, а вызывающее его поле – инфлатоном. В отличие от экономики, где инфляция является неизбежным злом, с которым нужно бороться, в космологии инфляция, то есть экспоненциально быстрое увеличение Вселенной, – это благо. Именно ей мы обязаны тем, что Вселенная обрела большой размер и плоскую геометрию. В конце этой короткой эпохи ускоренного расширения запасённая в инфлатоне энергия порождает известную нам материю: разогретую до огромной температуры смесь излучения и массивных частиц, а также едва заметную на их фоне тёмную энергию. Можно сказать, что это и есть Большой взрыв. Космологи говорят об этом моменте как о начале радиационно-доминированной эпохи в эволюции Вселенной, поскольку большая часть энергии в это время приходится на излучение. Однако расширение Вселенной продолжается (хотя теперь уже и без ускорения) и оно по-разному отражается на основных типах материи. Ничтожная плотность тёмной энергии со временем не меняется, плотность вещества падает обратно пропорционально объёму Вселенной, а плотность излучения снижается ещё быстрее. В итоге спустя 300 тысяч лет доминирующей формой материи во Вселенной становится вещество, большую часть которого составляет тёмная материя. (Под этим термином здесь подразумевается тёмное вещество. – Прим. автора.) С этого момента рост возмущений плотности вещества, едва тлевший на стадии доминирования излучения, становится достаточно быстрым, чтобы привести к образованию галактик, звёзд и столь необходимых человечеству пла-

нет. Движущей силой этого процесса является гравитационная неустойчивость, приводящая к сгущиванию вещества. Едва заметные неоднородности оставались ещё с момента распада инфлатона, но пока во Вселенной доминировало излучение, оно мешало развитию неустойчивости. Теперь основную роль начинает играть тёмная материя. Под действием собственной гравитации области повышенной плотности останавливаются в своём расширении и начинают сжиматься, в результате чего из тёмной материи образуются гравитационно-связанные системы, называемые гало. В гравитационном поле Вселенной образуются "ямы", в которые устремляется обычное вещество. Накапливаясь внутри гало, оно формирует галактики и их скопления. Этот процесс образования структур начался более 10 миллиардов лет назад и шёл по нарастающей, пока не наступил последний перелом в эволюции Вселенной. Через 7 миллиардов лет (это примерно половина нынешнего возраста Вселенной) плотность вещества, которая продолжала снижаться из-за космологического расширения, стала меньше плотности тёмной энергии. Тем самым завершилась эпоха доминирования вещества, и теперь тёмная энергия контролирует эволюцию Вселенной. Какова бы ни была её физическая природа, проявляется она в том, что космологическое расширение вновь, как в эпоху инфляции, начинает ускоряться, только на этот раз очень медленно. Но даже этого достаточно, чтобы затормозить формирование структур, а в будущем оно должно вовсе прекратиться: любые недостаточно плотные образования будут рассеиваться ускоряющимся расширением Вселенной. Временное "окно", в котором работает гравитационная неустойчивость и возникают галактики, захлопнется уже через десятков миллиардов лет.

Дальнейшая эволюция Вселенной зависит от природы тёмной энергии. Если это космологическая постоянная, то ускоренное расширение Вселенной будет продолжаться вечно. Если же тёмная энергия – это сверхслабое скалярное поле, то после того как оно достигнет состояния равновесия, расширение Вселенной станет замедляться, а возможно сменится сжатием. Пока физическая природа тёмной энергии неизвестна, всё это не более чем умозрительные гипотезы. Таким образом, с определённой уверенностью можно сказать только одно: ускоренное расширение Вселенной будет продолжаться ещё несколько десятков миллиардов лет.

За это время наш космический дом – галактика Млечный Путь – сольётся со своей соседкой – Туманностью Андромеды (и большинством галактик-спутников меньшей массы, входящих в состав Местной Группы). Все прочие галактики улетят на большие расстояния, так что многие из них нельзя будет увидеть даже в самый мощный телескоп. Что касается реликтового излучения, которое приносит нам так много важнейшей информации о структуре Вселенной, то его температура упадёт почти до нуля, и этот источник информации

будет потерян. Человечество останется Робинзоном на острове с эфемерной перспективой обзавестись хотя бы Пятницей."

Вот такая вот наукоимитационность. Чем-то иным такие воззрения никак не назовёшь! К избавляемости от наукоподобия фактически и сводится прогресс физики как науки, и именно такому прогрессу способствует наша "новоэфирная" теория. Благодаря ей, надеюсь, все эти нынешние "инфлатоны" и "тёмные энергии" отомрут так же, как отмерли – благодаря молекулярно-кинетической теории – бывшие "флогистоны". Ведь они – явно суррогатные физнаучные категории! Потому и должны отмереть. Такова общая судьба наукообразной костыльности в науке физике.

На такой высокой ноте думал и закончить – эти наши космологические разборки. И надо бы. Но долг зовёт, как говорится! Специально для читателей ещё разобрался я таки и с теми наблюдениями конца девяностых, что спровоцировали космологов заговорить об ускоренном расширении вселенной.

Всё оказалось тривиальней, чем представлялось. Используя сверхновые звёзды типа Ia как "стандартные свечи", расстояние до которых можно вывести из их наблюдаемого блеска, исследовали зависимость скорости их убегания от расстояния. Ну, от их удалённости от нас. То есть занимались фактически тем же, чем и Хаббл в своё время. Лишь отличие, что использовались очень далёкие звёзды. И отличие оказалось существенным! На базе далёких сверхновых пронаблюдалась нарушаемость линейной закономерности Хаббла. Ну, отклоняемость от неё.

Закон Хаббла в том, что скорости убегających галактик пропорциональны их удалёностям от нас. А коэффициент пропорциональности – постоянная Хаббла H . Величина скорости убегания звезды получается из величины "красного смещения" линий её спектра, величины же удалёностей звёзд дают нам несколько независимых астрономических методов. И вот далёкие сверхновые по замерам оказались дальше, чем получается для них из формулы Хаббла (путём деления измеренной скорости убегания на постоянную Хаббла). Измерение скорости по смещениям спектров – проверенный-перепроверенный акт, так что грешить приходится на постоянную Хаббла – она больше, чем нужная для получения правильного расстояния до далёких сверхновых. Можно, конечно, специально из-за далёких сверхновых (ну и автоматически галактик, в которые они входят) пересмотреть эту постоянную – в её значении, – но тогда продолжением новоиспечённой линейности не получается быть у зависимости скоростей от расстояний для близких звёзд (из наблюдений за которыми Хаббл как раз и вывел свой закон!). Как говорят для таких случаев в народе: хвост вылез – нос увяз, нос вылез – хвост увяз. Такая вот получилась раскладочка... В которой космологи не могут определиться до сей поры, являя классический пример "заблудшего в трёх соснах".

Интрига – в самом законе Хаббла. Мы-то в исходящести из нашей теории знали, что он изначально не верен. В смысле что он – лишь грубое приближение к действительности. Сказать мягче, отражённость действительности в первом приближении, а второе даёт уже как раз наша теория. Нынешние же теоретики от космологии держали закон Хаббла за единственный, отчего обнаруженные отклонения от него вынуждены объяснять посредством привлечения дополнительных факторов. Их однажды появляемостью и действием на фоне того, мол, лигитимного расклада, что оборачивался (до них!) законом Хаббла. В таком различии подходов, повторяю, интрига нашего космологического детектива.

Свой закон Хаббл пронаблюдал, и надо было искать ему объяснительную подоплёку. Её – к общему признанию – и нашёл Сэлье. Первую представлявшуюся логичной, и как обычно бывает – из-за этой первости наивную. Расширение вселенной Сэлье виделось в лице самого разбегания галактик – из одной – ныне как бы затерявшейся! – точки в автоматически привлекающемся для того пространстве. То есть, по умолчанию, в пространстве как некой бесплатной прилагаемости, подобно няньке у карапуза, всегдашнему присутствию которой он не удивляется, потому что она, мол, и должна всегда быть.

Разбегание представлялось инерционным. То есть равномерным, и протекающим с заполученными в той первоточке относительно нас скоростями – своими у каждой из убегающих от нас вещественных частиц. Тогда действительно, любая такая частица, относительная к нам скорость которой установилась – в результате взрыва в первоточке – вдвое большей, чем относительная к нам скорость какой-либо другой частицы, должна на текущий момент (то есть за время, прошедшее от первовзрыва до наших дней) получаться отошедшей от нас вдвое дальше той другой частицы. В силу школьной формулы $s = vt$, где значение t – то же самое, а значение v – вдвое бóльшее. Вот вам и хабблова линейность!

Соображения об изначальной верности закона Хаббла – а тем самым – и найденной ему Сэлье подоплёки! – незаметно довлеют над нынешними космологами. Откуда и "единственно логичный" ответ их на вопрос, сразу вытекающий из наблюдений 1998 года. Вопрос такой: почему на базе именно только далёких звёзд вырисовалась нарушаемость намеченной Хабблом линейности? А ответ, соответственно, следующий: свет, мол, от далёких сверхновых шёл к нам миллиарды лет, и тем приносит доклад о вселенском раскладе, что был тогда, а не есть сейчас. Сейчас тот расклад может быть – сохранившись, а может и не быть. Вот на те времена, значит, и появлялось во вселенной что-то такое, чего сейчас уж нет. Тогда оно и заставляло галактики вести себя "не так", в своём разбеге отклоняясь от хаббловской закономерности. А сейчас закон Хаббла выступает опять вполне адекватным законом. Что и подтверждается более близкими звёздами – в наблюдаемости нами их характеристик (и в рас-

пространяемости понятия "сейчас" на моменты ухода к нам света от тех звезд)...

Такая вот спекуляция, основывающаяся на вольном допущении. Есть техническая возможность проспекулировать, и спекулируют, – а что другого остаётся, ежели стоять на позиции изначальной верности закона Хаббла?

Меж тем закон этот – всего лишь эмпирический закон, ежели принимать ту подоплёку, что дал ему Сэлье. А это совсем не одно и то же, что настоящий физический закон (типа закона Ома, всем известного по школе, и ему подобных). В случае Хаббла настораживающее отличие обнажается легко. Пусть из некой занимаемой нами точки вылетают три тела: одно – на скорости 1 м/сек, второе – 2 м/сек, и третье – 3 м/сек. За взятый промежуток времени в три секунды первое тело окажется удалившимся от нас на три метра, второе – на шесть, и третье – на девять метров. Из трёх точек уже можно составить график, что и делаем, по ординате отложив три перечисленных значения скорости, а по абсциссе – три соответственных значения удаления. Получается прямая, под углом к оси абсцисс выходящая из начала координат. Величина этого угла определяется коэффициентом пропорциональности, эквивалентным постоянной Хаббла. Коэффициент здесь такой: $H = v/d = 1 \text{ м/сек} : 3 \text{ м} = 2 \text{ м/сек} : 6 \text{ м} = 3 \text{ м/сек} : 9 \text{ м} = 1/3 \text{ сек}^{-1}$. Это означает, что если бы из занимаемой нами точки разлеталось некое множество тел – каждое на своей скорости, то через 3 сек времени мы о скоростях их, применяя график, могли бы судить по величине их удаления от нас: на каждый дополнительный метр в наблюдаемой удалённости тела приходится большесть имеемой им скорости на 1/3 м/сек. Такой вот первый расклад.

Но взять здесь промежуток времени в 6 сек – то есть вдвое больший, – так первое тело будет удалившимся уже на шесть метров, второе – на двенадцать, и третье – на восемнадцать. И графиком окажется прямая, выходящая из начала координат под углом к абсциссе, вдвое меньшим предыдущего. То есть удаления тел увязаны с их скоростями по-прежнему линейно, но с другим уже коэффициентом пропорциональности – вдвое меньшим, равным $1/6 \text{ сек}^{-1}$. Другими словами, должен приходиться новый Хаббл и переустанавливать свой закон, вводя новую свою постоянную! Так всякий раз, стоит обратиться к другому промежутку времени, прошедшему от начала разлёта тел из начальной точки. Говоря совсем строго, закон Хаббла работает, лишь если автоматически переустанавливается для каждого последующего момента времени. Для нынешнего человечества это означает, что пусть через десять миллионов лет, но придётся закон этот реально переустановить, беря на сколько-то меньшую постоянную Хаббла.

Так что, каждый новый период времени надо "менять эмпирику" – заново переустанавливать (если не сказать, что переоткрывать!) хаббловскую закономерность. Это достаточно даёт понять, что закон Хаббла – так сказать нена-

стоящий. Или выражаются мягче – эмпирический. Являющий собой то, что можно лишь принимать к сведению. Подразумевая получше разобравшись с ним в будущем. Доработку вплоть до замены! Понимали б космологи это, не были б настроены привлекать вольные допущения в пользу закона, как то мы описали.

Нам-то вообще было легче. Наша теория изначально исключала равномерность галактического разбега, соответственно и закон Хаббла – как бывший связанным с нею! – изначально отправлялся в "свободное плавание". Ну, в смысле, призван был заново себя утверждать – на фоне новых вводных. И выдержал его, то плавание, не утонул. Представился тем, то есть, чем можно удовлетвориться – в первом приближении! Ибо по отбросе объяснительности, сконструированной для него Сэлье, он достаточно оказался соответствующим тому мироустроенческому моменту, что по мере удалённости от нас галактик возрастать должно и ускоренье их от нас ухода, а не только скорость. То есть, без особых эксцессов вписывался в картину возрастающе-ускоренного разбега галактик, вытекавшую из нашей новоэфирной теории. Вписывался, вполне позволяя посчитать суперхаббловские постоянные – как маркёры надставляющейся ускоренности у галакторазбега. Чем мы, повторяю, и удовлетворились в первом приближении. Ну а коль разгорелся сыр-бор из-за наблюдений 1998 года, то так уж и быть, удовлетворённость эту отставляем. И на упоминавшийся интригующий вопрос (ну, почему именно только далёкие звёзды демонстрируют отклонение от хаббловской линейности?) ответ сразу тот, что если есть два близких графика, не пересекаясь исходящие из точки начала координат, то рядом с этой точкой они бывают практически слиты в своём ходе, видимым образом расходясь лишь подальше от неё. У нас в такие графики превращены две зависимости скоростей звёзд от расстояний до них. Одна зависимость хаббловская, линейная, другая наша, слегка не линейная. Которую можно получить из новоэфирных представлений, не удовлетворившись хаббловской. Скорость в этих зависимостях – функция, расстояние – аргумент, и поскольку дальше от начала координат графики зависимостей уходят при бóльших значениях аргументов, то лишь далёкие звёзды покажут скорости, устойчиво соответствующие одной зависимости при несоответствии другой.

Итак, изначально наша отказываемость Хаббл в исключительности, правильность чего лишь подтверждается наблюдениями 1998 года. В качестве соответствующего фона тут напомним кое-что. Большой Взрыв прежде прочего заключается в появляемости вакуумного пространства – как "тонкой" составляющей материи. Ну, возникает дополнительный вакуум как эта составляющая, и автоматически является нам пространством. Народившись первой "порции" пространства, собственно, и составила первое мгновенье существования материальной вселенной, и нарождаемость такая не прерывается до наших дней, занимаясь квазирасталкиванием вещественной материи – от момен-

та её – в свою очередь – появившести. Квазирасталкиванием в лице безынерционной ускоряемости тел друг относительно друга – из-за "бесплатной" появляемости дополнительного вакуума между ними. Что и задаёт нелинейную связь относительных скоростей тел и расстояний между ними. Поскольку – из-за ускорения – связь эта оказывается замешаной на формулах с величинами, проходящими не в первых степенях.

Но какая именно нелинейность реализуется? Их ведь бесконечное множество! Промоделируем на цифровой конкретике, упрощающее взяв разбег равноускоренным. Пусть – опять-таки для простоты – ускорение $a = 1 \text{ м/сек}^2$. Мы находимся в покое, а от нас с этим ускорением стартует некое тело. Посчитаем скорости и удаления, какие оно будет иметь относительно нас в моменты времени $t = 1 \text{ сек}$, $t = 2 \text{ сек}$ и $t = 3 \text{ сек}$ после старта. Скорость считаем по формуле $v = at$, а удаление – по формуле пути, проходимом равноускоряющимся телом: $S = at^2/2$. Для времени 1 сек получается скорость 1 м/сек и удаление 0,5 м, для времени 2 сек – соответственно 2 м/сек и 2 м, а через 3 сек скорость оказывается 3 м/сек, удаление – 4,5 м. Эти три последовательные значения скорости – как значения функции – откладываем по ординате, соответствующие им значения удаления – как значения аргумента – откладываем по абсциссе, и строим график по трём точкам. Получается полупарабола. То есть линия, выходящая из начала координат и сначала почти вертикально уходящая от абсциссы, но затем становящаяся всё более горизонтальной, подразумевая свою параллельность абсциссе при устремляемости аргумента в бесконечность. Вот такая конкретно нелинейность! Это график функции $y = kx^{1/2}$, вообще говоря. С коэффициентом $k = 1,43$. Так что $v = kd^{1/2}$ при $k = 1,43 \text{ м}^{1/2}/\text{сек}$. Назовём подобный коэффициент **парахаббловской постоянной**. И поскольку это мы выразили лишь второе приближение – после хаббловского $v = Hd$ как приближения первого, – то надо говорить здесь о первой парахаббловской постоянной. Тем подразумевая существоемость второй, третьей и т. д., где каждая последующая фигурирует в законе, выступающим на ступень бóльшим приближением. На ступень полнее отражающим действительность. Хотя, с ростом номера ступени уменьшаются, так что единственным весомым приближением – после хаббловского – выступает это наше $v = kd^{1/2}$.

Последовательность приближений вытекает из выведенной нами ранее формулы $S = a_{sup(n-1)} \cdot t^{(n+1)}/2^n$, при $n \rightarrow \infty$, где n – натуральное число. Как должны понимать, это закон, по которому мат. вселенная раздвигается своей вещественной составляющей – в отражение перманентной появляемости в ней нового вакуумного пространства. При $n = 1$ получаем a_{sup0} – суперускорение нулевой степени, означающее отсутствие роста ускорения, и значит – движение равноускоренное. Брать именно его в лице вселенского вещественного раздвига, получаешь первое приближение по формуле (для нас – второе, коль хаббловское, которое вне формулы, уж считаем первым). В общем, сколько

возможных значений n – в качестве натурального ряда чисел, начиная с единицы, – столько и приближений, степень коих возрастает с ростом n . Что касается первого (ну, второго – с учётом Хаббловского), то раздвиг при нём считается по формуле пути, проходимом равноускоренно движущимся телом, – именно в эту формулу – $S = at^2/2$ – превращается та общая при $n = 1$. Что касается второго приближения (третьего, с учётом Хаббловского), то раздвиг при нём идёт по формуле $S = a_{sup} t^3/4$. Именно в неё превращается общая формула, если взять $n = 2$. Предлагаю читателям самим тут всё обчислить. Для простоты с a_{sup} поступая так же, как поступали мы с a : брали $a = 1$ м/сек², так берём и $a_{sup} = 1$ м/сек³. Скорость же – для моментов времени в одну, две и три секунды от начала разбега – считается тут по формуле $v = a_{sup} t^2/2$. А я лишь скажу, что график получается менее спешащий стать параллельным абсциссе, нежели это делает график первого приближения, а посему и расходиться с Хаббловским графиком получаться должно у него хуже (ну, требует для этого совсем уж больших значений аргумента).

Лучше давайте возвратимся к первому приближению (второму с учётом Хаббловского). Сравнительно с Хаббловским его проанализируем. Прежде всего тут то, что ускорение разбега очень мало, даже с учётом его возрастаемости (относительно нас) у всё более далёких галактик – из-за действия суперускорений всех наличных степеней. А сравнить два графика – посчитанный для $a = 1$ м/сек² и посчитанный для $a = 2$ м/сек², – то второй оказывается более спрямлённой полупараболой. Ну, менее спешащей становится параллельной абсциссе. Из чего вывод, что нам ещё повезло: являй природа бóльшие ускорения для галактик – в их взаимоотноительном разбеге, – так разницу с Хаббловским графиком могли б не обнаружить даже и за счёт сверхдалёких звёзд. Поскольку именно за счёт загибаемости к абсциссе полупарабола второго приближения расходится с Хаббловской прямой – как графиком приближения первого.

Если прямая зависимости Хаббла пересекает достаточно спрямлённую полупараболу, от заключённой внутри неё площади отрывая некий нетолстый верхушечный сектор (который тем самым будет располагаться над этой Хаббловской прямой), то вполне можно говорить о практической совпадаемости графиков зависимостей на значительном их участке, упирающемся в начало координат. И уж только много дальше по ходу графиков, когда Хаббловский продолжает по-старому уходить от абсциссы, а ускоренческий всё больше загибается к ней, становится явным расхождение. И в природе именно тем образом подобрались ускорения и прочее, что как раз к такому варианту приводят, коль несовпадаемость зависимостей первого и второго приближений (ну, Хаббловской и первой нашей) демонстрируется лишь очень далёкими звёздами (имею в виду сверхновые типа Ia в галактиках, убежавших от нас на миллиарды светолет).

Плюс постоянная Хаббла, посчитанная на базе скоростей и удалённостей таких сверхновых, оказывается меньше ныне признанной – как посчитанной (так уж исторически сложилось!) на базе относительно близких звёзд. Меньше, а не больше, что есть знаковый момент, и – как факт – совпадает с прогнозом от первой нелинейной зависимости. График её построили по трём найденным точкам, как помним. И вот первая точка даёт $1 \text{ м/сек} : 0,5 \text{ м} = 2 \text{ сек}^{-1}$. (Размерность сек^{-1} вполне имеет право быть размерностью постоянной Хаббла: стоит у последней вместо мегапарсека взять значение его в метрах, как метры в числителе и знаменателе сокращаются, размерность оттого становится сек^{-1} , а значение постоянной – численно совсем иным. Это я тому, кто сразу всё сам не понял.) Вторая же точка даёт $2 \text{ м/сек} : 2 \text{ м} = 1 \text{ сек}^{-1}$, а третья – $3 \text{ сек} : 4,5 \text{ м} = 0,67 \text{ сек}^{-1}$. Налицо уменьшаемость. Ну, уменьшай при больших значениях аргумента.

То есть что? У каждой звезды на каждый берущийся момент её хода есть, так сказать, индивидуальная постоянная Хаббла. Как отношение показываемой звездой скорости убегания к наличной у неё удалённости. И вот для ускоренного разбегания звёзд как раз характерно, что чем дальше звезда, тем меньшей должна быть у неё такая "индивидуальная постоянная". Для разбегающих же с замедлением – всё наоборот, "индивидуальные постоянные Хаббла" призваны быть больше у более далёких звёзд. То есть момент это знаковый, сам по себе позволяющий судить о том, какой вариант реализован в природе. Ускорительная ли, или замедлительная нелинейность у изменения скорости звёзд по мере всё более дальней их от нас расположенности.

Так что, из самого по себе факта большинства скоростей убегания у более отдалённых звёзд – сравнительно с менее отдалёнными, – ничего определённого сказать о характере разбегания не получается. В этом хитрость мироздания, предрасполагающая к заморочкам! Судить о характере оказывается возможным только по динамике отношения скорости к удалению. Как это отношение, найденное для менее далёкой звезды, меняется при переходе ко всё более далёким.

Если оно остаётся тем же, то есть демонстрирует постоянство, значит разбег равномерный. Равномерно, то есть, разбегаются от вас галактики, получившие когда-то (в один прекрасный момент!) относительно вас разные скорости – каждая свою, и до сих пор их удерживающие. Это картина Сэлье. Возможная в качестве одного из вариантов, не противоречащих логике. С тем, что другой непротиворечащий вариант здесь, упорно не замечавшийся физиками, заключается в следующем: галактики отдаляются от нас с увеличивающимся ускорением! Что мы уже подробно и разобрали – несколько выше, в середине этого нашего космологического разговора. А всего 11 – 12 страниц выше – дополнительно разобрали ещё и в цифрах, высчитывая суперхаббловские постоянные.

Если же отношение уменьшается, то объяснительная – к движению галактик – зарисовка Сэлье логикой уже не пропускается, даже в скромном качестве всего лишь одного из возможных вариантов. И по-любому вынуждены оказываемся говорить об ускоренной от нас отдаляемости галактик. По причине ли действия тёмной энергии, или сказываемости пресловутого скалярного вакуумного поля, или чёртик из табакерки выскакивает и на галактики дует, – не важно, лишь бы ускорение давало, а уж динамика заявленного нами отношения это ускорение ущучит. (Прошу прощения у читателя за юмор, но очень уж досаждают апелляции ко всем этим "тёмным энергиям", когда знаешь настоящую причину: ускоренность разбега галактик – дериват прибываемости нового вакуумного пространства между ними. Прямая имманента мат. вселенской пространственной разбухаемости.)

Ну и, в-третьих, если отношение увеличивается, значит разбег замедляющийся. Проходит с отрицательным ускорением, то есть, – в противность второму случаю, где ускорение положительное. Этот третий случай долго обыгрывался в отталкиваемости от стягивающего – во вселенском масштабе – действия наличных масс. Космологическую постоянную отменили, найдя – с подачи Сэлье – галактики разбегающимися из-за первовзрыва, но ведь разбег-то по Сэлье инерционный, и если наложить на него самостягиваемость всей наличной вселенской мат. массы (разнесённые элементы которой всегда и везде продолжают тянуть друг друга – в силу закона всемирного тяготения), то и получится картинка замедляющегося инерционного разбега. Не понимали тут слишком простого: Большой Взрыв не закончился, а исправно продолжается, выражаясь в возникаемости в мат. вселенной всё нового и нового вакуумного пространства, и разбег оттого галактик не инерционный – от давно закончившегося толчка в лице того Взрыва, – а постоянно провоцируемый, чем и способен (начиная с критически большого масштаба, так как масштаб прибавляет ему выраженности) перекрывать самостягиваемость огульной вселенской массы.

Впрочем, этот третий случай – случай притормаживающегося разлёта галактик – не лишён-таки значенья и для нас, с нашей новорелятивистской теорией как провозгласителем ускоряющегося разлёта. Прибытия пространства в масштабе всей мат. вселенной ничто, разумеется, перечеркнуть не сможет – в конечном его эффекте, то есть сказываться галактическим ускорением оно по-любому будет – ежели иметь в виду именно всю мат. вселенскую наполнительность, но в какой-то локали (на каком-то – достаточно большом! – участке мат. вселенской суперсферы) какая-нибудь стягивающая галактики причина, дополнительная к основной, может перекрывать разгоняющее действие на них взрывной вселенской расширительности, и если мы, с Землёй, окажемся в центре такой локали, то наши хабблы вплоть до какого-то весомого удаления окрест смогут наблюдать как раз замедляющийся отход галактик.

На моделирующей цифровой конкретике покажем сомневающимся правоту наговоренного нами. Пусть от нас стартуют три тела. Первое со скоростью 2 м/сек, второе – 4 м/сек, третье – 6 м/сек. И всё происходит в духе Сэлье, то есть от старта тела скоростей не меняют, так что расходятся от нас равномерно. Посмотреть нам на них через 3 сек, так первое окажется от нас на расстоянии $S = vt = 2 \text{ м/сек} \cdot 3 \text{ сек} = 6 \text{ м}$, второе – 12 м, и третье – 18 м. Пусть в этот момент на тела одинаково начала действовать некая ускоряющая причина. Придающая каждому в направлении его движения ускорение $a = 0,2 \text{ м/сек}^2$. Посмотрим на тела ещё через 3 сек. Каждое из них, как равноускоренно движущееся, пройдёт дополнительный путь $S = at^2/2 = 0,2 \cdot 3^2/2 = 0,9 \text{ м}$. Этот путь дополняет те, которые тела проходят в порядке своей равномерной двигаемости с полученными на старте скоростями: вторые 6 м – первое, вторые 12 м – второе, и вторые 18 м – третье. В итоге, общий путь для первого будет $6 + 6 + 0,9 = 12,9 \text{ м}$, для второго – $12 + 12 + 0,9 = 24,9 \text{ м}$, для третьего – $18 + 18 + 0,9 = 36,9 \text{ м}$. Скорости же у каждого из тел прибавится $\Delta v = at = 0,2 \text{ м/сек}^2 \cdot 3 \text{ сек} = 0,6 \text{ м/сек}$. Отчего первое будет иметь скорость $V_1 = 2 + 0,6 = 2,6 \text{ м/сек}$, второе – $V_2 = 4 + 0,6 = 4,6 \text{ м/сек}$, и третье – $V_3 = 6 + 0,6 = 6,6 \text{ м/сек}$. Соответственно "индивидуальные постоянные Хаббла" для тел (на которые мы смотрим через 6 сек после старта, не забывать!) будут такими: $H_1 = 2,6 \text{ м/сек} : 12,9 \text{ м} = 0,202 \text{ сек}^{-1}$, $H_2 = 4,6 \text{ м/сек} : 24,9 \text{ м} = 0,185 \text{ сек}^{-1}$, и $H_3 = 6,6 \text{ м/сек} : 36,9 \text{ м} = 0,179 \text{ сек}^{-1}$. То есть уменьшающимися – как мы и обещали! – у тел по мере роста их от нас удалённости. Подобное уже нам показывал анализ полупараболы – как графика соотносимости скорости с пройденным путём у равноускоренно движущегося тела.

А если бы тела вторые 3 сек не ускорялись, продолжая убежать от нас равномерно? Тогда "индивидуальные постоянные Хаббла" их были бы: $H_1 = 2 \text{ м/сек} : 12 \text{ м} = 1/6 \text{ сек}^{-1}$, $H_2 = 4 \text{ м/сек} : 24 \text{ м} = 1/6 \text{ сек}^{-1}$, и $H_3 = 6 \text{ м/сек} : 36 \text{ м} = 1/6 \text{ сек}^{-1} = 0,167 \text{ сек}^{-1}$. То есть – одинаковая у всех "индивидуальная постоянная Хаббла", как то и должно быть по картине, нарисованной Сэлье в объяснение хаббловых наблюдений.

Ну и – равнозамедляемость тел вторые три секунды. С тем же ускорением в $0,2 \text{ м/сек}^2$. На момент времени 6 сек картина в этом случае будет следующая. Скорости всех трёх тел уменьшатся на уже найденную нами $\Delta v = 0,6 \text{ м/сек}$, и будут $V_1 = 2 - 0,6 = 1,4 \text{ м/сек}$ у первого, $V_2 = 4 - 0,6 = 3,4 \text{ м/сек}$ у второго, и $V_3 = 6 - 0,6 = 5,4 \text{ м/сек}$ у третьего. Пройденные телами пути тоже уменьшатся – на величину в 0,9 м. И будут $S_1 = 12 - 0,9 = 11,1 \text{ м}$ у первого, $S_2 = 24 - 0,9 = 23,1 \text{ м}$ у второго, и $S_3 = 36 - 0,9 = 35,1 \text{ м}$ у третьего. Что даёт "индивидуальные постоянные Хаббла": $H_1 = 1,4 \text{ м/сек} : 11,1 \text{ м} = 0,126 \text{ сек}^{-1}$ для первого тела, $H_2 = 3,4 \text{ м/сек} : 23,1 \text{ м} = 0,147 \text{ сек}^{-1}$ для второго, и $H_3 = 5,4 \text{ м/сек} : 35,1 \text{ м} = 0,154 \text{ сек}^{-1}$ для третьего. То есть увеличивающиеся по мере рассмотрения всё более далёких тел, как то мы и заявляли.

А закончилось ускорение после шести секунд, что тогда будет? Вернётся ли картина разбега к прописанной Сэлье? Посмотрим и это! Разобрав картину по прошествии девяти секунд. На трёх последних из них – тела шли опять без ускорения. После шести секунд, как помним, скорости их были: $V_1 = 2,6$ м/сек, $V_2 = 4,6$ м/сек и $V_3 = 6,6$ м/сек. А пройденные пути, соответственно, были 12,9 м, 24,9 м и 36,9 м. Между шестой и девятой секундами первое тело проходит путь $\Delta S_1 = 2,6$ м/сек \times 3 сек = 7,8 м, второе – $\Delta S_2 = 4,6 \times 3 = 13,8$ м, и третье – $\Delta S_3 = 6,6 \times 3 = 19,8$ м. В итоге, $S_1 = 12,9$ м + 7,8 м = 20,7 м, $S_2 = 24,9 + 13,8 = 38,7$ м, и $S_3 = 36,9 + 19,8 = 56,7$ м. Ну а скорости тел через 9 сек те же, что и через 6 сек. Что даёт $H_1 = 2,6$ м/сек : 20,7 м = 0,145 сек⁻¹, $H_2 = 4,6 : 38,7 = 0,119$ сек⁻¹, и $H_3 = 6,6 : 56,7 = 0,116$ сек⁻¹. Как видим, "индивидуальные постоянные Хаббла" наших трёх тел на момент девяти секунд всё же не совпадают! Хотя и показывают большее схождение, чем на моменте шести секунд – сразу после ускорения. Отчего напрашивается разобраться, что будет на момент двенадцати секунд: станет ли схождение ещё бóльшим? Как подсчитывать, читатель уже знает, так что сразу даю посчитанные результаты: для первого тела получается $H_1 = 0,091$ сек⁻¹, для второго – $H_2 = 0,088$ сек⁻¹, и для третьего – $H_3 = 0,086$ сек⁻¹. Так что да, схождение увеличивается. Это и понятно: скорости – как числители – не растут, а пройденные пути – как знаменатели – всё увеличиваются, но ведь чем больше знаменатель, тем меньше он, так сказать, склонен отличать 2,6 м/сек от 2 м/сек, 4,6 от 4 и 6,6 от 6, при числителях же 2, 4, и 6 дроби равны.

В общем, схождение "индивидуальных постоянных Хаббла" тел после прекращения ускорения увеличивается – с ходом времени, но уравниваются эти их "постоянные" лишь в бесконечном временном пределе. Откуда вывод: если вещественные объекты, наполняющие мат. вселенную, хоть однажды все равно испытали какое-то ускорение, то никогда потом, наблюдая за распределением их скоростей в зависимости от дальности, не сможем отдифференцировать: то ли, действительно, это они когда-то испытали ускорение, то ли испытывают его теперь – только что на некую ступень меньшее того возможного былого. Или даже и большее, но ещё мало действовавшее! Или меньшее на целых две таких ступени, зато имевшееся и тогда когда-то, и теперь имеющееся (то есть, не прерывавшееся до сих пор).

Вот такой аналоговый цифровой анализ! Крайне сомневаюсь, что его проводили в 1998 году – что Шмидт, что Перлмуттер, независимо один от другого обнаружившие тогда "неправильную" звезду, и сразу оттого заговорившие об ускоренном разбеге галактик. Чтоб провести такой анализ, мозги должны быть "повёрнуты" в русле нашей новорелятивистской теории. А тогда, в конце девяностых, скорей всего сработала наивная логика. Звезда с некой большой скоростью удаляемости оказалась дальше, чем ей полагается быть по Хабблу? Ну, значит, что-то её дополнительно относило вперёд, да и вся недол-

га! И коль скоро такая дополнительная относимость – дополнительна к инерционной относимости, то она – нарушение равномерности отбега звезды в пользу ускоренности, откуда вам и ускоренное разбегание вселенской материи – как факт, ежели такое описанное происходит не с одной этой пронаблюдавшейся сверхновой. Вот и всё, мол. А что "дополнительный относ вперед" заодно и скорости звезде прибавляет, а не только удаления, и, тем самым, заговорить об ускоренном разбеге возможно лишь на базе гораздо более составных и системных соображений, – это как-то не воспринималось тогда (да не воспринимается и до сих пор!). И не забывать также, что будь такой "более системный" анализ тогда произведён – как это мы только что сделали чуть выше, то всё равно – это ж был бы выход к ускоренности разбега в исходимости из трактовки Сэлье, а она – неверная. Отчего то, к чему на базе неё ты вышел, не имеет права называться верным! Даже если случайно и верно. Ну, в силу тех или иных причин совпало с верным.

В общем, у Перлмуттера и Шмидта – как самочинных теоретиков – всё вышло так, как это иногда бывает: ткнул пальцем в небо, и попал в нужную точку! А мне тут слегка обидно: к правильному пониманию вселенской расширительности, из которого в конечном счёте вытекают все эти ускорительности, я пришёл ещё в 1985 году. Представляю реакцию, если б заговорить тогда о таком! Единицы бы разгневались, десятки посмеялись, а большинство бы просто не восприняли. Коль неоднозначно и дёргано воспринимается ещё даже и теперь тот намёк на всеобщее ускорение, какой дают экспериментальные (ну, наблюдённые) факты от Шмидта и Перлмуттера с их сотрудниками.

Но можно понять "находящихся в зрительном зале". Ведь Шмидт – Перлмуттер предъявили им действительно только намёк! Знай "зрительный зал" нашу новорелятивистскую теорию, которая просто-таки требует от галактик перлмуттеровского удаления устойчиво уже не укладываться в действующую хабблову закономерность, то вовсе не намёком представлялось бы наблюдение галактики, вместе со входящей в неё сверхновой "не так" от нас удаляющейся. А чем? А начавшейся подтверждаемостью! А без того, да если строго брать, то что получается? Единичная галактика выбилась из закономерности? Так исключения только подтверждают правило, – вполне, то есть, должно думать пока, что галактика отклонилась по индивидуальной причине. Расширение же круга таких галактик – вопрос весьма проблемный. Поскольку сверхновые – не такое уж частое событие. Тем более, когда речь о сверхновых лишь определённого типа. Даже если иметь в виду множество галактик – сколько их там удаётся наблюдателю за ночь отсканировать на предмет появления сверхновой. Отчего расширенная – после Шмидта – Перлмуттера – наблюдённая база до сих пор предстаёт недостаточной – в глазах многих.

Ладно, резюмируем. До сих пор не допирают две вещи: что разбег галактик – лишь следствие расширения Вселенной, а не само расширение, и что ус-

корение галактик в том их разбеге – не постоянно (а тем больше друг к другу у двух пробно взятых, чем больше они разнесены).

То есть что? Расширение мат. вселенной – это, строго говоря, лишь прибытие пространства – само по себе, – а разбег галактик – уже только его дериват.

И по инерции – от первовзрыва – не галактики разлетаются (как думалось, по крайней мере, до 1998 года), а это пространство прибывает по "инерции" от некоего изначального "толчка". Что у галактик оборачивается ускóренным разлетанием (а вовсе не равномерным, как было бы, разлетайся они по инерции). Причём не просто ускоренным, а увеличивающееся ускоренным. Откуда и большесть значения ускоренья у всякого тела по отношению к вам – при большести его удаления от вас. Правда, по мере старения мат. вселенной такая увеличивающесть всё меньше. То есть, по мере смены эпох тело, относимое от вас вселенной на некое пробное (то есть всегда берущееся одним и тем же) расстояние, оказывается при всё меньшем значеньи ускорения по отношению к вам.

Прирост ускорения по-любому должен уменьшаться, если только приход нового пространства – в мат. вселенную – не увеличивается. Ну, то есть, если уменьшается или остаётся прежним, то в обоих случаях прирост ускорения галактик в разбеге окажется уменьшающимся. Потому что из-за нового пространства неуклонно увеличиваются размеры мат. вселенской "пространственной суперсферы", и прежний приход пространства (не говоря уже о возможном меньшем!) относительно меньше её увеличивает, ту суперсферу, – всё более относительно меньше, по мере времени, – а это автоматически и оказывается уменьшением прироста ускорения у галактик.

Но самó ускорение разбега мат. тел наличествовало с самого начала, и будет наличествовать до самого конца. Ибо сам прирост пространства вызывает такое ускорение, а правильное даже сказать – оборачивается им для нас, чисто по факту своему им оказываясь. И лишь конец прироста – как мат. вселенский конец? – единственно способен положить конец такому ускорению.

То есть расклад такой: до тех пор, пока у пространства будет вообще прибывание, будет и ускорение разбега у вещественно-материальных объектов вселенной, в порядке вводной отстоящих друг от друга достаточно, чтоб разбег тот вообще возникал как таковой. Всё так, поскольку даже и замедляющееся прибывание – тоже прибывание, и, значит, от ускорения в разбеге, коим оно из-за этого "тоже" оборачивается у тел, последние спасти не может. Для возникновения ускорения необходимо и достаточно прибывания как такового, вне зависимости от его вида.

Может прибегнуть к цифровому аналогизированию тот, кто сомневается, что по мере мат. вселенского старения одно и то же удаление (от нас) звезды оборачивается всё меньшей её скоростью удаляемости (как и всё меньшим

обычным ускорением – в смысле того, что вызывало бы равнопеременный разбег, – а также всё меньшими суперускорением – в смысле суперускорения первой степени, суперускорением второй степени, суперускорением третьей степени, и т. д.).

Проанализируем на всякий случай и мы. Коль со всё более поздней эпохой ускорение возрастает всё более вяло, то это вообще значит, что разносящиеся тела всё менее выражено подвергнуты взаимоотноственному ускорению. Ну, ускорению друг по отношению к другу. Ибо в сумме, по мере разноса, такового ускорения тогда меньше набирается как принципа! Ну, то есть, если в каждую эпоху брать тела в положении, когда ускорение их взаимоотноотбегания равняется m м/сек², и разнос их далее проследивать до набора ими дополнительных n метров разнесённости, в первом приближении считая, что на таком участке разноса тела движутся равнопеременно, то вынуждены оказываемся находить, что в более раннюю эпоху взаимоотноотносительное ускорение у тел на том участке было $(m + k)$ м/сек², а в более позднюю – $(m + p)$ м/сек², при $p < k$. А коли так, то далее просто. Рассмотрим разбегаемость тел на дополнительные 10 м. В раннюю эпоху ускорение a – как поставляющее телам такой метраж дополнительной разнесённости – берём 2 м/сек², и из формулы пути при постоянном ускорении – $S = at^2/2$ – находим время прохода метража $t = (2S/a)^{1/2} = (2 \times 10/2)^{1/2} = 3,16$ сек. В позднюю же эпоху ускорение берём оговорено меньшим – пусть 1 м/сек², и получаем $t = (2 \times 10/1)^{1/2} = 4,5$ сек. Ну и, значит, в раннюю эпоху относительная скорость тел в крайней точке метража возрасла на $\Delta v = at = 2 \times 3,16 = 6,32$ м/сек, а в позднюю на $\Delta v = 1 \text{ м/сек}^2 \times 4,5 \text{ сек} = 4,5$ м/сек. То есть возрасла меньше, и поскольку любой берущийся метр в любой уже наличной разнесённости тел набирался ими – как дополнительность – на таких же условиях (ну, с такой вот описанной разницей относительно смежной эпохи), то вывод тот, что на одной и той же взаиморазнесённости тела в более поздние эпохи имеют в целом меньшие скорости взаимоотноотдалённости.

И проделанное можно повторить и во втором приближении. Им будет считаемоть, что бóльшая – в позднейшую эпоху – вялость прироста ускорения в разбеге – это меньшесть суперускорения a_{sup} как некой постоянной при наборе телами стандартно-дополнительного метража в свою разнесённость. Отчего на крайнюю точку метража и будет приходиться меньший прирост простого ускорения a (ну того, что измеряется в м/сек²). Считаемоть он по формуле $\Delta a = a_{sup}t$, где t – время добавления телами стандартного метража в общую свою разнесённость. Найти это время можно из формулы пути, проходящим телом при постоянном суперускорении: $S = a_{sup} t^3/4$. Путём таким, как ясно, у нас выступает стандартный метраж. Можно снова в его лице взять 10 м. А суперускорение a_{sup} для ранней эпохи – пусть 2 м/сек³ (коль ускорение в предыдущей цифровой прикидке брали 2 м/сек²). Для поздней же эпохи – 1 м/сек³. Всё, можно подставлять это в производную формулу $t = (4S/a_{sup})^{1/3}$. Получаем

для ранней эпохи $t_1 = (4 \times 10/2)^{1/3} = 20^{1/3} = 2,71$ сек, а для поздней – $t_2 = (4 \times 10/1)^{1/3} = 40^{1/3} = 3,42$ сек. Ну и соответственно $\Delta a_1 = 2 \text{ м/сек}^3 \times 2,71 \text{ сек} = 5,42 \text{ м/сек}^2$, $\Delta a_2 = 1 \text{ м/сек}^3 \times 3,42 \text{ сек} = 3,42 \text{ м/сек}^2$.

Что ж, $5,42 > 3,42$, то есть и ускорение в более поздние эпохи на пробном от нас расстоянии у звёзд будет меньшим, не только скорость удаляемости. Как можно то же продемонстрировать и для суперускорения – используя формулу $S = a_{sup2} t^4/8$ как очередную частность общей формулы возрастаемости межгалактических расстояний (имеется в виду $S = a_{sup(n-1)} \cdot t^{(n+1)}/2^n$, при $n \rightarrow \infty$, где n – натуральное число). Предлагаю проделать это самим читателям.

Что же до выхода пространства – в наш мир, то возможные варианты – тривиальны: увеличивается, постоянен, уменьшается. Всех трёх мы уже сколько-нибудь касались.

Что до второго, то такое или по "инерции", ничем не затрагиваемой (имеется в виду "инерция" пространства от первопричины его выхода), или в порядке создавшегося – касательно акта выхода – равновесия сил.

Третий же – это либо по упомянутой "инерции", но подмешано затрудняющее её воздействие (таким тормозом может быть даже и сам по себе выход пространства, имманентно выступая какой-то турбулентностью), либо воздействия подобного нет, но выход изначально требовал какого-то наводящего усилия (сказать обтекаемой – какой-то специальной наводимости), и наводимость эта реализуется по-затухающей (то есть выход пространства аналогичен здесь пассивному выдоху человека, когда воздух выходит лишь старанием растянутых вдохом межрёберных связок, а растянутость та по мере его выхода сходит на нет – из-за уменьшаемости выходом объёма грудной клетки). И ещё третьё "либо" здесь: "специальная наводимость" та реализуется вполне устойчиво, что касается её самой по себе, но действует сторонний противофактор, несколько её по величине перекрывающий (то есть равновесие сил – касательно акта выхода пространства – сдвинуто не в пользу выхода).

Ну и первый вариант (или сказать – случай) – когда этакое равновесие сил сдвинуто как раз в пользу выхода пространства. Вряд ли он реализован в мироздании.

И напоследок повторимся в базовых посылках – для чёткости. В порядке первой – логика простая. Появление всё нового вакуумного пространства между телами – это для них есть ускоренный отход друг от друга, а чем дальше они друг от друга, тем больший участок вселенной поставляет то новое пространство меж ними, и, значит, сравнительно больше его появляется там за пробное время. Оттого и получается, что чем больше тела уже разнесены, тем с бóльшим ускорением они разносятся далее. Что и открыл (ну, пронаблюдал) в своё время Хаббл.

Последнее мы сказали уже в качестве второй посылки! Ведь и в самом деле, посмотрим. Согласно Хабблу, всё дальше отстоящие от нас галактики из-за

каждого лишнего мегапарсека в том отстоянии являют всё то же увеличение своей скорости убегания от нас. А именно – на 90 км/сек. Но дальше отстоящая галактика очередной мегапарсек удалённости приобретает за меньшее время – ведь скорость-то её больше. А значит, за меньшее – на столько же – время приобретает и увеличение скорости – на упомянутую константную величину. Чем и получается, что скорость удаления галактики увеличивается на одно и то же значение всё быстрее – по мере её удалённости. А это и есть ход её с бóльшим ускорением при большей удалённости!

И третья посылка: ускоренное разбегание галактик – не ускоренное расширение вселенной. Материальная вселенная увеличивается появляемостью всё нового вакуумного пространства в ней, а уж этот суперпроцесс оборачивается ускоренным разбеганием галактик, критически далеко отстоящих друг от друга. Тем более ускоренным, чем далее они разнесены. И может протекать даже и замедляющаяся – ускорения разбега у галактик это не отнимает. А всего лишь уменьшает его прирост у них, который они имеют по мере взаимоудалённости.

Итак, **ускоренный разбег галактик, неправомочно называемый ускоренным расширением вселенной, открыт фактически был Хабблом, а вовсе не Шмидтом и Перлмуттером.** Просто Сэлье всем впарил неверную трактовку хаббловых наблюдений, на многие десятки лет нечаянно перекрывшую саму возможность датия иных трактовок. Почему так случилось – пусть разбирается история науки с науковедением. Нам же важно, что стоит попытаться их давать, эти иные трактовки, как неизбежно выходишь к пониманию: наличка постоянной Хаббла – как обобщённое астронаблюдение! – означает непрерывный и ускоренный уход галактик друг от друга.

Но как же тогда Шмидт с Перлмуттером? С ними-то как быть? Так ведь известно, что минус на минус – даёт плюс, то же и здесь: ошибка, помноженная на ошибку, оказалась истиной! Приложившись к наивняку Сэлье, теоретизационный наивняк Шмидта – Перлмуттера дал правильную заявку: ускорение! И в силу выхода на неё таким путём – она, заявка эта, держит всех до сей поры в растерянности. Которую наш текст наконец снимает.

Но ладно с дописками космологического блока. Вернёмся к световому конусу. Спеша разобраться с тем смыслом, который придаётся факту его существования для природы, мы не всё сказали о нём самом.

Ежели без "мировых линий" свободно распространяющихся световых сигналов, межсобытийных "интервалов" и прочих костыльных наворотов СТО, то понятие светового конуса можно ввести на базе заявки, что выражение "световой конус" – упрощённое. Надо бы говорить о световом суперконусе. Ведь это "конус" в четырёхмерном пространстве-времени Минковского.

Точнее, то псевдочетырёхмерное пространство – ежели брать фактически, без прикрас (подобной той, как младшего лейтенанта порой из вежливости называют лейтенантом), – но всё-таки оно не трёхмерно. Так что поиметь представление о виде "конуса" можно только на геометрической аналогии. Равномерно расширяющийся круг, ежели его – равномерно же – перемещать по линии перпендикуляра к его плоскости, выписывает в пространстве конус (ежели начинал расширяться с точки). Ну, есть такое понятие – стереометрические фигуры заполнения, и движение подобного круга заполняет как раз конус как такую фигуру. Так и свет: загорелась в какой-либо точке пространства лампочка, так он одинаково и равномерно распространяется от неё во все стороны, тем выполняя некую – всё большую – сферу, и вот если последнюю – в её приросте – начать равномерно двигать по четвёртому перпендикуляру (речь о зрительно невообразимой линии, перпендикулярной к каждой из трёх декартовых координат), то она и выпишет конус – только что уже четырёхмерный. Таковому равномерному сверхпространственному движению световой сферы, равномерно же расширяющейся в пространстве, в пространстве-времени Минковского эквивалентен ход времени (который, как всем известно, равномерен). Мол, "движение во времени" расширяющейся в пространстве светосферы как раз и разворачивает её в "конус". Еврей, а значит подсознательный прагматик, Минковский, так сказать, опространствил время – удобства ради, а попал в точку! Потому что светосфера, обычнопространственно расширяющаяся от точечного источника света, самым натуральным образом движется – уже как целое! – ещё и по четвёртой миромере, а ни в каком не во времени. Двигается так вместе со всем прочим, наполняющим физический мир. (Это понятно: прирастая эфиром, вселенский супершар увеличивается, то есть растёт его радиус, а поверхность – в лице мат. Вселенной – отодвигается от центра. Вот эта отодвигаемость её – каждой своей точкой по одному из бесчисленных проведённых радиусов – и оказывается для точки движением по четвёртой миромере.) Приблизиться к таким понятиям Минковского заставило стремление сделать пользуемость СТО удобной, хотя, конечно, сделал он только пол-шага – не сумел до конца "послать время" (просто СТО этого не позволяла, а он на неё ориентировался).

Мир же, похоже, как целое способен наличествовать только в динамике. Есть она у мирового целого – он существует, не становится её у него – он перестаёт существовать. Сказать конкретнее, существует он, если как целое увеличивается либо уменьшается, но не иначе. И эту его увеличиваемость или уменьшаемость мы и воспринимаем как время. Пресловутый "бег" последнего – как раз психоотражаемость наша себе прямо не замечаемой той предельной миродинамики.

Кто ещё не понял: физическое пространство ведь непрерывно и равномерно (ну, в смысле, с равномерным замедлением) прибывает, являя расширяемость трёхмерной вселенской составляющей, и вопрос, что это значит? Для ответа надо сообразить, чем выступает движение тебя как физического объекта. Это оставляемость твоя за собой всё больше пространства! Ну или сказать – появляемость его за тобой, всё далее и далее дополнительного. Но если ты одиночный объект в космосе, то вокруг тебя и появляется ведь дополнительное пространство – со всех сторон одинаково. Означая, надо полагать, что ты движешься в некоем невообразимом себе направлении. Что где-то аналогично движению в направлении вообразимом, но задом к нему. Так что ты его перспективу не видишь, а постоянно видишь только результат своей эксплуатации его: появляемость пред тобой всё новой и новой мировой шири (не забывать: зад твой тогда – лицевая твоя сторона, а из-за движения новая пространственность появляется сзади, то есть тебе, получается, в лицо). Так и тут: направление, в коем движешься, вообразить (а значит, и заметить!) не можешь, то есть вроде как повернут к нему задом получаешься, хоть и вертишь во все стороны света головой, – вот пространство и "бьёт в тебя" со всех этих сторон. Со всех вообразимых сторон являет тебе дополнительную свою перспективу (в отличие от случая, когда задом наперёд двигался по одному из вообразимых направлений: тогда являло только с одной стороны – в которую оказывалось повернутым лицо).

В общем, материальная Вселенная во всех местах "без отдыха" прирастает для нас пространством, а мы, в соответствие тому, непрестанно как бы движемся по той скрытой как бы линии, в исходящести из которой она им прирастает. Пишу "как бы", поскольку та линия для нас, ежели строго, задаёт квазинаправление, движение наше по которому тоже лучше понимать лишь как квазидвижение (то есть, оно ещё вопрос, возможно ли двигаться, в обычном смысле слова, по квазинаправлению, или то способно быть, соответственно, лишь "что-то вроде движения").

В силу сказанного – оно что? Да Вселенная, в первом приближении, мыслится как четырёхмерный эфирный шар, симметрично увеличивающийся – непрерывно и равномерно. Увеличивающийся так из-за появляемости эфира из точки его центра. И возмущающийся в своём предельно тонком внешнем слое – из-за той своей увеличиваемости (обычное "дрожание крайней плотью", характерное для разбухающей капли!). Так что тот внешний возмущённый слой – что-то вроде плёнки, покрывающей остальной эфир супершара. В том смысле, что нечто более выраженное, чем остальной наполнитель супершара. "Плёнка" эта непрерывно увеличивается как суперплощадь – из-за разбухаемости супершара, то есть можно сказать – непрестанно растягивается, не теряя, однако, той своей толщины, которую имеет на основе четвёртой миромеры. Не теряя

по причине того, что "толщина" та и так уже минимальна из возможных. То бишь просто терять ей больше нечего, той "толщине"! Чем получается, что "плёнка" непрерывно ещё и удаляется от точки центра супершара – равно как и целое, и любой отдельно взятой своей частью. То есть двигается в четвёртой миромере, каждым микроучастком своим уходя от центра супершара по его радиусу – как надставляющемуся отрезку некой суперлинии. Которая для нас, людей, тем самым есть квазилиния – из-за принципиальной пока невообразимости этакое "супер". Вот так.

И спрашивается, что всем этим ты имеешь, находясь в пределах такой "плёнки"? Ну, для нас она – беспредельное вакуум-пространство, в котором барахтаемся, и пространство, стало быть, непрерывно прибывающее окрест – симметрично относительно нас и равномерно. Плюс, в прямой незаметности того себе, вместе с вакуум-пространством (как "плёнкой", тебя увлекающей с собою!) движемся в четвёртой миромере: по квазилинии, соединяющей нас с центром Вселенной, и от того центра (а не к нему). И обязаны, вообще-то, держать это за квазидвижение – в силу принципиальной отсутственности прямой своей его замечаемости в качестве движения. То есть, по как бы линии, соединяющей тебя с центром Вселенной, как бы удаляешься от того центра. В смысле, удаляющемся как бы движешься. Это происходит с нами, это происходит и со всем прочим, что находится в вакуум-пространстве. Например, со светом. С ним как той пресловутой расширяющейся сферой от точечного источника. Вот тут-то и "собака зарыта"! Это по трём воображимым базовым направлениям свет рекордсмен по скорости, а по этому, четвёртому и непосредственно не воображаемому, он как все. То есть, не имея исключительности, может быть и хуже некоторых. Нас с вами, например! Мы ведь люди, а не какой-то там свет, и можем подтолкнуть себя по сакраментальному направлению (используя свою сознательность – в отличие от света, который её не имеет). Это мы подводим, сколько такое сейчас возможно, физнаучную подоплёку под такие штучки-дрючки, как телекинез. Или телепатия – в качестве принципиально не запрещённого контакта через невозмущённый эфир, как бы там его, контакт такой, исторически не прозывали! То контакт, который по тому, что может быть названо эквивалентом скорости, никак уже не увязан со скоростью света. То есть, это камень в огород Эйнштейна. Распространяемость света – от точечного его источника во все стороны обычного пространства – это ведь лишь расширяемость основания светового суперконуса (как категории из ОТО). В "плоскости" того основания – свет действительно над нами царь по скорости, но СТО фактически не рассматривает его перемещаемости по высоте "конуса". Как и перемещаемости по ней прочих физических объектов. Отмахивается понятием мировой линии светового сигнала. Навроде как биологи от адекватного поведения животных, непонятно от чего у них берущегося, отма-

живаются понятием инстинкта. А свет, меж тем, перемещается по той высоте, только что "хитро" – квазиперпендикулярно своему ходу в вакуум-пространстве, куда бы в последнем ни направлялся.

Не все "камни" мы бросили и в Минковского. Он непременно до конца "послал" бы время, ежели б заметил свою невольную "передёргиваемость". От точечного источника световая сфера расширяется в пространстве ведь из-за времени! Не "беги" время, свет "стоял бы на месте", нисколько не разворачиваясь в обычнопространственную сферу. Так? Разворачивая, стало быть, его в такую сферу, время тем как фактор теоретизационно тратится, и потому не имеет далее теоретического права "разворачивать" его во что бы то ни было ещё. В "конус", например. Логическая ошибка Минковского позволила ему в дальнейшем сделать правильный ход! (Ну, в смысле, начало такого хода, – и то хлеб.) Подобное много раз случалось в науке. Время, в настоящем смысле слова (то есть читай: длительность), разворачивает свет и в самом деле только в обычнопространственную сферу, а в суперконус ту растущую сферу превращает явление, стоящее за нашим недовосприимчивым психофантомом, который называем временем. Минковский же от времени формально отвернулся, математически объединив его с пространством в один блок и сим фактически "опространствив", – тем как раз и вышел на означенное явление, стоящее за временем как фантомом. Но из-за формальности отворачиваемости (чисто математическая отвернувшись, так сказать!) – вышел лишь "за глаза", то бишь не называя его, то явление, и не понимая фактически, что оно имеет место, – но всё-таки вышел. Мы называем за него: это явление движения света – вместе со всем сущим – по четвёртой миромере, пристраивающейся к вакуум-пространству как направление, перпендикулярное каждому из тех трёх взаимоперпендикулярных направлений, что его, вакуум-пространство, для нас задают.

Итак. Время, с его непонятным "бегом" (не понятно куда, откуда и что "бежит"), есть наша иллюзия в порядке недовосприимчивости. Существующая на месте полноценной восприимчивости удаляемости вакуум-пространства (вместе с нами! в смысле, с увлекаемостью им нас!) от центра четырёхмерного шара Вселенной по его радиусу. Если говорить о Вселенной в первом устройчском приближении.

Ещё раз, чтоб не было кривотолков. Вакуум-пространство двигается двояко: в себе самом – порождая гравитационные и хаббловские эффекты, и как целое – по "четвёртой декартовой" координате, с тем, что такое движение его мы называем идущим временем.

Длительность же – внутренняя компонента владеющего нами огульного ощущения времени. И только что наговоренное провоцирует, так сказать, специально адаптировать понятие длительности к понятию пространства. Адаптируем. В порядке чего заявка: "конструкция" мира такова, что пространство

не может просто наличествовать. Существовать пространству, это либо появляться – всё новому и новому, вдобавок к старому (то есть – разрастаться как целому), либо исчезать – во всё новых "порциях" (то есть схлопываться как целому). И вот происходящее того или другого с ним – для нас длительность мира.

Ещё пройдемся чётче по вопросу мерности. А то в своём месте изложили мы его как-то слишком уж диффузно. Итак, похоже что пространство, как и длительность, дериват эфирозмутительности. То есть направление по четвёртой миромере, в котором лежит невозмущённый эфир, суть квазипространственное направление! Или сказать – пространственное квазинаправление. Это трудно понять, поскольку "направление" и "пространство" – для нас сизмальства синонимы. Ну, в смысле, подсознательно крепко стоим на том, что только в пространстве может быть какое-либо направление. Тем пресловутое "четвёртое принципиальное направление" неизбежно предстаёт ещё одним, дополнительным, направлением в пространстве, тогда как любая – свыше трёх – миромера как направление – не одно и то же с пространственным направлением. Вообще-то.

Итак, протяжённость и длительность – дериват возмущения эфира. Отчего последний для нас – лишь квазипротяжён (в своём наличии невозмущённым). И добавим, что наши протяжённость и длительность – это, соответственно, имеемость размеров и существования. А помимо существования, для нас возможно просто бытие, в качестве понятия способное определиться как существование без длительности, откуда существование – как понятие – есть бытие во времени.

Тогда что? Тогда, значит, и направление на центр Вселенной – как оговаривавшийся в тексте "четвёртый перпендикуляр" – наличествует не в порядке пространственной меры. Во всяком случае, не в порядке физической пространственной. То есть, наличествует в порядке нефизической пространственной меры, как минимум будь сказано. А вообще, так может и круче: наличествует в виде квазипространственной меры. Ну или – в виде пространственной квазимеры. Подобное статус-кво мы обычно отражали тем, что употребляли обтекаемое понятие "миромера".

Итак, физическое пространство имеет три меры. Сказать иначе, имеет мерность равную трём. Это его "брэнд"! А невозмутившийся эфир – вне протяжённости и длительности.

Вопрос же, почему мерность физического пространства равна именно трём, имеет на наш взгляд тот лишь относительный ответ, что треугольник – фигура жёсткая (читай: самоподдерживающаяся). Вот поэтому!

Что ещё тут, в этих самых общих вопросах? А вот что: эфир – допространственное состояние материи, подобно как физический вакуум – довещественное её состояние.

Адаптировать понятие эфира к современным категориям физической науки, так он – некое огульное квазиполе, с парадоксальными (потому что взаимоисключающими!) свойствами. Ну, взаимопротиворечащими, по крайней мере, – ежели выразаться поосторожней.

Хотелось бы также дать второе решение сакраментального вопроса: почему вещественно-материальные массы затрудняют возмущение эфира в вакуум-пространство, тем в своей округе уменьшая представленность подобного рода эфирозвозмущённости? Второе решение то, что попросту забирают на себя поползновения эфира возмутиться! Прибытие эфира во вселенский супершар, им выполненный, обязано выливаться в его, эфира, возмущёнку на квазиповерхности того супершара, одако без прорегламентированности, в какую именно. И там где имеется уже (на той квазиповерхности) вихревая возмущёнка в лице вещества, произведённая ранее случавшимся эфироприбытием, нововозмущёнке естественней реализоваться в довозмущаемости вихрей (как того, что уже есть и потому притягивает к себе!), а не в возмущаемости "с нуля" в новое вакуум-пространство (дополнительное, то бишь, к тому что уже есть). Или пусть не в довозмущаемости вихрей – в более крупные (либо как-нибудь иначе более выраженные) вихри, так хоть в довозмущаемости вакуум-пространства в вещество. Когда довихревая фаза возмущённости переходит у эфира в фазу вихревую. Ну, прогрессирует до неё. Так что первым или вторым образом, но обязательна нововозмутиться у эфира тратится, и тем её, так сказать, не остаётся там на квазиявление пространствоприрастательности. Ну, меньше остаётся.

Здесь, как везде в природе, всё идёт по пути наименьшего сопротивления. Нововозмущаемость эфира, обязанная возникнуть, "охотней" возникает добавками к уже имеющимся эфирозвозмущённостям, нежели "самостийными" – с нуля! – очагами. Подобно как перенасыщенный раствор, обязанный кристаллизаться, кристаллизуется в центрах кристаллизации, игнорируя для этого дела участки между ними.

Итак, невозмущённому эфиру как бы легче (ну, логичней – согласно своей "внутренней логике", а потому естественней) иметь дело с уже возмущившимся собой, когда он дополнительно – в этой уже имеющейся своей возмущёнке – возмущается, нежели на предмет той дополнительной возмущаемости иметь дело с полностью невозмущённым собой.

Прекрасно, но что из наговоренного тогда следует? А довольно "крутые" вещи! Вселенская эфироразбухательность перманентно выливается в увеличиваемость масс уже наличных вещественно-материальных образований, помимо выливаемости в мат. вселенскую пространстворазбухательность. Помимо, и даже в чём-то вопреки! Вот оно как. А уж увеличиваемость масс – она двояко: либо через повышение плотности наличных вещественных образований (это то и будет бóльшая завихряемость уже существующих эфировихрей), либо через "вливание изнутри" в те образования дополнительных масс их вещества (а то и не их даже, а другого, только что не большего по плотности за ихнее). Последнее – реализация как раз довозмущаемости вакуумной стадии возмущённости эфира (ну, довозмущаемость той стадии до вещественной стадии его возмущённости).

В русле сказанного понятно, например, почему так долго умудряется гореть звезда. Я о том, что пусть полуофициально, но давно уже стоит у физиков вопрос: способны ли характерные водородные запасы звёзд миллиарды лет поддерживать термоядерную реакцию? Вполне может стать, что жизнь солнц была б на порядки короче, не подпитывайся они материально от вселенской эфирной разбухательности.

Оно как напрашивается всё видеть? Автоматически устанавливается динамическое равновесие – у каждой звезды на своём индивидуальном массном уровне. За единицу времени звезда тогда приобретает массы столько же, сколько теряет её – за ту же единицу. Как помним, приобретают звёзды дополнительную массу за счёт недоприбытия пространства – окрест каждой из них, – теряют же её путём всяческой своей излучаемости. В таком динамически-равновесном режиме звезда, похоже, единственно и может просуществовать миллиарды лет. А то наивно полагать, что сложишь из топлива костёр, подожжёшь, и он сам-де примется ограничивать своё горение, да ещё так эффективно, что именно на миллиарды лет его затянет. Оно конечно, в больших кострах, порождающих соответственно большую "плотность" горения, вообще-то может – автоматически! – появляться сила, отталкивающая ещё не горящее топливо от уже горящего, но вряд ли на такие именно большие сроки сможет она всё затянуть! Поскольку изначально горение костра – процесс с положительной обратной связью: количество загорающегося топлива пропорционально количеству загоревшегося. Чем больше вовлеклось в горение, тем больше в него вовлекается далее, и на таких условиях запасы по нарастающей норовят иссякнуть...

Хочется упомянуть тут и другого подобного "пасынка науки". Ненаходящую отклика у "серьёзных учёных" заявку, что Земля – как планета – непрерывно увеличивается в своих размерах. Я слышал об этом утверждении ещё студентом. Что ж, новоэфирная теория вполне способна это поддержать,

впервые внятно объяснив, – коль в принципе не запрещает нововозмущаемости эфира оборачиваться изнутренним вещественным приростом у планетных тел. Тогда Пангея – как факт в общем-то доказанный, – была не единым (и единственным!) материком Земли, а попросту к ней сводилась вся земная поверхность на момент отвердевшеи Земли своим внешним слоем. Продолжая увеличиваться, земной вещественный шар с того момента не мог уже "топить в магме" следы такого своего "неблаговидного поведения" (как успешно делал это раньше). Существовавшую на тот момент его поверхность рвало – поскольку твёрдою уже была! – на куски и разносило последние друг от друга – в порядке становящеи поверхности шара большей со становящестью бóльшим самого шара. А между кусками (которые теперь континенты) затвердевала магма, давая нынешнее океаническое дно. Естественно, между кусками слой отвердевшей магмы не успевал нарасти до толщины самих кусков – тут бы успеть покрыть эту новоприбывающую поверхность хоть тонкой твёрдой корочкой, – вот и наблюдаем факт втрое меньшей толщины земной коры под океанами, сравнительно с материковой.

Но это я чисто вскользь. Эти вопросы, как и многие прочие возможные вопросы самой внешней "оболочки" новоэфирной теории, оставляю читателям.

Резюмируем. О чём была речь? О механизме затруднёнки мат. телами возмущаемости эфира в вакуум-пространство. По изначальному теорварианту такого механизма у нас что? Дескать, эфировозмущённости конкурируют, в этом и причина! Что ж, можно считать, но тогда обязательно надо добавлять следующее: вещественные массы "отталкивают" от себя начальную возмущаемость эфира, и тем не дают ей реализоваться настолько, сколько она возле них "хотела", так вот чтобы реализованность оказывалась в целом такой, какой требуется (а это всецело определяется "площадью" суперповерхности вселенского "шара": стал он больше, на определённую величину должна становиться больше и она, автоматически тем требуя оформленности этой большести в вакуум-пространственную возмущённость эфира, коль скоро задаёт собой величину оболочки "шара", как раз "состоящей" из вакуум-пространства), "оболочка" вынуждена добирать себе площади за счёт мест, от вещественных масс удалённых.

А что до разбираемого второго теорварианта, то здесь существенно следующее. О вещественно-материальных массах можно говорить как о концентраторах эфироналичия. Возмущаясь некой своей частью всё больше, эфир являет там увеличение выраженности своего присутствия. А это требует средств. Ну, в смысле, может происходить лишь за счёт чего-то, а не просто вам так. Другими словами, раскрутка "участков" внешнего "слоя" эфира (а заодно и поддержание их раскрученными) поглощает часть силы, "вдувающей"

эфир во вселенский супершар. Точно как свою часть поглощает ещё и субраскрутка того внешнего слоя – в остальной его "площади". Посредством которой эфир оказывается вакуум-пространством. Ну и удерживаемость вакуум-пространства наличным – тоже поглощает. Из чего ясно, что чем больше "площадь" внешнего слоя, тем больше суммарная поглощаемость. А это означает, что "оболочка" вселенского супершара аналогична резиновой оболочке детского надувного шарика: чем больше последний надуть, тем она у него неподатливей (так что у малышей хватает силы надуть лишь до ограниченных размеров). По мере прибывания эфира супершар Вселенной увеличивается, соответственно растущая вакуум-пространственная оболочка его – являет собой всё бóльшую общую эфировозмущённость, всё больше придерживающую прибытие, и когда её свойство придерживать по силе сравнивается с причиной, побуждающей эфир появляться в супершаре, "наддув" последнего останавливается.

И не забывать о вещественных массах. Рассеянные по мат. Вселенной вещественные массы – как локальные вихрения эфира – в совокупности своей тоже органически притормаживают разбухание эфирного супершара Вселенной, скрыто оказывая некое – через общевселенскую динамику реализующееся – давление на эфирную выбухаемость. Другими словами, благодаря таким массам – как элементам оболочки эфирного супершара, – оболочка та фактически сдавливает супершар, сим квазисдавлением притормаживая его увеличение.

Кроме того, как говорят в народе – деньги тянутся к деньгам. Богатому гораздо легче стать ещё богаче, нежели бедняку разбогатеть. Так и у нас: деньги к деньгам, а эфировозмущёнка к эфировозмущёнке! В том смысле, что где она уже есть, её становится ещё больше – вместо возникаемости там, где её вообще ещё нет. И добавим, что при том всё должна б работать положительная обратная связь. В самом деле, чем массивней мат. тело, тем больше дополнительной его массы возникает за единицу времени, делая общую массу его большей, а значит – ещё больше дополнительной массы притягивающей за ту же временную единицу, – и так по нарастающей, виток за витком. А это означает, что на конечных стадиях своего "раздува" мат. Вселенная перетяжеляется вещественной материей, и последняя, скорей всего, выходит на первые роли в торможении того "раздува".

Наконец, для пользы дела повторимся по ряду знаковых моментов – из наговоренного. И по возможности – в новых смыслоформах. Для дополнительной пользы дела.

Так, мат. тело – как полновозмущённый участок эфира – не даёт свободному эфиру того участка и участков, прилежащих к нему, субвозмущаться в физический вакуум. А корректней сказать, не даёт того свободному эфиру,

приуроченному к означенным участкам. Приуроченному к участку, что в лице самого тела, не даёт больше, приуроченному к прилежащим участкам – не даёт поменьше, но всё-таки тоже не даёт. Вот так.

Ну и пространство, само по себе если брать его, вовсе не прибывает, а это просто эфир как целое и далее – как то он когда-то начал! – возмущается в пространство, что и оборачивается нам прибытием последнего в каждой своей свободной точке как бы ниоткуда (читай: со стороны условной – четвёртой пространственной – меры, проходящей через эту точку).

Что ещё в нашей общей массе наговорок? Да стоит дать такой полезный смыслоперекрёст: если время, как мы то и делали, называть субъективным феноменом, то автоматически к тому оно оказывается объективным квазифеноменом! Или даже – объективным псевдофеноменом? Где "квази" или даже "псевдо" – плата для времени как понятия за связь с объективным статусом.

Стоит также подчеркнуть, что взять равномерное и прямолинейное движение тела, так тело такое понятийно проходит как ламинарная вращательность эфира в состоянии ламинарной же своей поступательной перемещательности.

Ну, а мат. тело в свободном пространстве? То есть стилизация, когда берётся только оно и безбрежное окрестное пространство, непрерывно прибывающее из-за вселенской разбухательности? Тогда – из-за экранности того тела той разбухательности – окрест него перманентно наличествует эфировозмущённость. Представляющая собой сферический квазипоток пространства (со всех возможных сторон равно взаимодействующий с тем телом). То есть здесь эфировозмущённость в ипостаси пространственной возмущённости. А конкретнее – той турбулентности пространства, какая обычно производится переменным движением мат. тела по нему. Ну, эфировихря в лице мат. тела, да по пространству как первичной возмущённости эфира. Тут-то и хитрость: у тела ведь из нашей стилизации никакого ускоренного или замедленного движения как раз нет! Просто оно – одинаково перемененно движется сразу во все стороны света (розеткой расходящиеся из его центра), а потому в результате – не движется перемененно ни в одну из них (инерционное движение – в любую из сторон – у него может быть: оно тут не считается). Итак, перманентно квазиустремляется сразу во все стороны, что оказывается фактическим существованием чего-то вроде охватного (ну, сферического) давленья на него: тело постоянно стремится войти в самое себя, образно будь сказано, а потому само на себя со всех сторон и давит. Ну, вроде как давит.

Плюс напоминаем о, так сказать, веществепоподобности "старого эфира". Наш "новый эфир" свободен от этого – неявного физикам девятнадцатого-

двадцатого веков – изъясна, потому органически и способен выступить объяснительным замесом буквально ко всему в современной науке физики.

9. Ну что ж, вроде как "за всё про всё" разобъяснили. Гравитация, инертность, масса, плотность, пространство и время, – и всё это с единых – подчёркиваю! – позиций. Что было? Некая совокупь опытов и наблюдений релятивистской тематики, наработанная обществом к рубежу 20-го и 21-го веков. Вот объяснить эти опыты и наблюдения именно как такую совокупь, непротиворечиво увязав в их результатах, – **такая ставилась задача, которая и привела к новорелятивистике как обобщающей теории.** А совокупь следующая: опыт Физо, опыт Майкельсона – Морли, опыт с катанием синхронизированных часов на самолётах с опытом разноса их по высоте над уровнем моря, определение времени жизни элементарных частиц одного вида на разных по отношению к нам скоростях, обнаружение и замер смещаемости светолучей – к Солнцу при проходе мимо него, и смещаемости перигелиев планет – по мере прохода времени, и наконец наблюдаемые факты ускоренной падаемости тел на землю и большего красного смещения спектра у более далёких галактик.

Увязать непротиворечиво и более гладко, чем есть, эти наработки физиков! Прodelать такое позволяла прежде прочего соображённость, что вакуумное пространство есть полноправный элемент материального мира. Полноправный материальный объект, только что дезординарный. С прилагающимся к тому рассмотрением, что это для мира значит. Чем фактически в нём оборачивается – вместо болтаемости в теории каким-то там чисто номинальным присутствием.

Осталось приложить руку математикам. Подбирать вводные – в опоре на сказанное нами, и описывать всё по формулам механики вихрей. Это мог бы сделать и я, но математика, собственно, лишь вид семантики, а зачем мне эта специфическая семантика, ежели у меня в распоряжении семантика "великого и могучего" русского языка – из "живых" языков самого близкого к легендарному санскриту.

Есть тут на чём "погреть руки" и представителям квантовой механики – в порядке анализа переходов элементарных частиц друг в друга, а также "растворимости" их в вакууме и "конденсированности" из него обратно. То анализ, коим квантовая механика подустала уже заниматься, и снять эту "усталость" могут наши представления, что все те переходы есть взаимозаменность возмущённостей некой квазисреды: возмущённостей её с одним характером – на возмущённостях с другим, а также возмущённостей на недовозмущённостях, и недовозмущённостей – на возмущённостях. В самом общем смысле наконец ясно, что происходит в лице всей этой свистопляски элементарных частиц друг с другом и с физическим вакуумом, а то ведь до сей поры приходилось блуждать без общего ориентира.

Плюс и физика твёрдого тела должна теперь преуспеть больше – по крайней мере, где связана с квантовой статистикой. Должна, коль скоро материальное макротело внове видится как мириады взаимоподсоединившихся микроэфироворотов, вплоть до случаев надставляемостей одних над другими (ну, включаемости одним вихрем в себя другого – в качестве своего ядра). "Засучив рукава", можно начать всячески моделировать этакую вихренадставляемость, что прежде прочего и должно дать эффект.

Для примера тут даже продемонстрируем кой-чего. Электрон – по идее своей зыбкая микровихревая эфировозмущённость. Из-за элементарной малости своих – как микроэфировихря – размеров. Соответственно и существование электрона – это перманентно-сменные появляемость его "из вакуума" и исчезающест в нём. Мерцающее существование, так сказать. А уж динамика такой его репоявляемости организована в волновую функцию. Ну, тенденция его появляемости после распадов – описывается именно этой функцией. Только в этом смысле он волна! Вот какая подоплёка у "волн вероятности" (ну, волн де Бройля) в порядке выступаемости ими движения элементарных частиц типа электрона.

Но это – в относительно свободном вакууме. А близ атомного ядра? Ну, по приобретении электроном некой характерной близости – зыбкость его как эфировозмущённости скачком становится большей, на целую ступень. Мне так представляется! Ещё бы нет, ведь как мат. тело в своём районе затрудняет появление пространству (придерживая возмущаемость в него эфира), так и в электронный вихрь, будучи атомным ядром, не должно оно давать эфиру как следует возмущаться. Отсюда и дополнительная электронова нестойкость рядом с ядром, должна бы выражаться в уменьшаемости частоты движенья электрона как волны де Бройля. Ну и, соответственно, чем ближе к ядру электронный уровень, тем меньше там у электронов такая частота.

Итак, не "волна вероятности", а невидимая волна эфировозмущаемости, – вот что есть фактически. Волна возмущения эфира до вихревой фазы! И достаточно сближаясь, атомные ядра начинают взаимодействовать с окрестной эфировозмущаемостью как функциональное целое, соответственно как такое целое соотносясь и с электроновой – как эфироворота – зыбкостью, которую совместно же усилиют, ежели электрон критически приблизится. Вот вам и статус-кво, что у них появился общий электрон, у ядер этих! Имеющаяся исчезающест-появляющест электрона охватывает их не по отдельности, а в качестве некого целого. Вот какая подоплёка у понимаемости нынешней квантовой механикой электрона "размазанным" вокруг критически сблизившихся (чтоб мочь составить молекулу!) атомных ядер. Как понимаемости, на которой замешана вся нынешняя объяснительность химических взаимодействий.

Но вопрос: почему электрон, движущийся в пространстве с определённой скоростью, по пространству "размазан", согласно принципу неопределённости,

а макротело – нет, то бишь выписывает чёткую траекторию? Тоже теперь понятно! Как волна де Бройля частоту вещественная частица (в своём движении) имеет тем бóльшую, чем больше её масса и скорость, так? Большинство же такой частоты в конечном счёте значит, что соответственно большее число раз – за единицу времени – частица исчезает в вакууме и возникает из него снова. Вот и получается, что макротела, имея массы на порядки большие за электронову, соответственно на порядки чаще исчезают-возникают, нежели он: так часто, что, как говорится, не успеют исчезнуть как возникают вновь! То есть реализуется своеобразный стробоскопический эффект. Как статичные картинки, прерывисто сменяющиеся в окошке 24 раза за секунду, оборачиваются для вас в том окошке "ожившей" картинкой, так и слишком частое исчезновение макротела оборачивается его фактической неисчезаемостью. Дающей возможность нам непрерывно проследивать его траекторию.

Или взять смущающее физиков прохождение электрона сразу через два отверстия – в мишени, которую электронами бомбардируют. Я об явлении дифракции электрона, среди прочих явлений заставляющем видеть его движение волной (мол, интерференционную картину за мишенью с отверстиями дают только волны!). Наша теория и тут убирает смущающую парадоксальность. Никакая электрон в своём движении не волна, будьте спокойны, – но как вещественное тело – он эфироворот, причём эфироворот элементарной малости: малость такая и позволяет ему с двумя достаточно близкими точечными отверстиями в мишени взаимодействовать как с одним. Ну, проходить сквозь оба сразу – словно сквозь одно! Тем порождая смущающую физиков интерференционную картину на фотопластинке за мишенью. Подобного прохода можно добиться и у поступательно перемещающегося водоворота, на его пути погрузив в воду доску с двумя вертикальными прорезями, отстоящими друг от друга не более диаметра водоворота. Это хорошая модель: при некоей критически-большой ширине щелей водоворот сквозь доску проходит!

Но ладно, это я всё, повторяю, выдал в порядке поощряющего примера. А дальше апологетам квантовой механики предлагаю заботиться о себе самим – следуя этому намеченному для них руслу. Только вот добавлю, что это расширяемость Вселенной "гоняет" электроны вокруг атомных ядер, в конечном счёте. Именно она, поскольку она – причина всего в материальном мире, и стало быть, причина в том числе и этого.

И наконец проблема кровно необходимого – на современный взгляд – объединения теории гравитации с квантовой механикой. О нём мне лично много приходилось читать в научно-популярной литературе последнего времени. Просвета тут авторы пока не видят. Меж тем, наша теория как раз собой и являет подобное объединение! Ну, стартовый – самый общий – этап оного! Создавалась вовсе не в поисках его, потому, наверное, его собою и явила.

А что до бытовой преломляемости наших новорелятивистских представлений, то так и напрашивается вспомнить магдебургские полушария, неизгладимо впечатлившие средневекового германского обывателя. Две металлические полусферы, с притёртыми одна к одной краями, объединяли в сферу, из которой затем откачивали воздух. И четвёрки лошадей не хватало, чтоб после того те полусферы растянуть. Но любой мог подойти, открыть вентиль, впустить в полый шар воздух, и легко разъять полушария своими руками. Убеждаясь в силе давленья на них "невесомого" воздуха. Вот касательно вакуум-пространства мы теперь – как те средневековые магдебуржцы касательно воздуха. Последний из "невесомого" вдруг предстал сдавливающим океаном вещественной материи. А вакуум-пространство вдруг предстаёт сдавливающим океаном материи невещественной. Пусть не так сдавливающей, как вещественная, говорим только о квазисдавливании, но тем не менее...

Вакуумное пространство, в котором рассредоточены планеты и звёзды, не ничтожная пустота, не ничто, а именно так (ну, высказанным образом) давящее нечто. И барахтаемся в этом нечто, как те мухи в киселе. До сих пор не допирая, что именно барахтаемся! Вовсю завязнув. Свойство инертности у всякого вещественно-материального объекта – как раз сказываемость такой его завязшести.

Итак, думали кругом пустота, а на деле – завязши в той "пустоте" по уши. Вот уж действительно, природа не терпит пустоты! Кто-то из средневековых физиков, кажется Торричелли, выдвинул такой принцип, – в ответ на факт бесцеремонной занимаемости воздухом свободного от него пространства. Знал бы тогда сей ушлый макаронник, насколько природа той пустоты "не терпит"! Настолько, что **в природе нет пустоты вообще**. С чем нас и поздравляю.

Поздравления действительно не лишни, принципиальное отсутствие в природе пустоты обещает "сказку сделать былью". Ведь если вакуум-пространство не пустота, а нечто, в мирозданьи делающееся, то мы сами можем его делать – вслед за мирозданьем. Я о генераторе пространства! Так пока условно назовём устройство, способное возмущать эфир до субвихревого состояния. Предстающего нам окружающим нас вакуумом. Поместить такой генератор за спину – производить там дополнительное пространство, и вы начнёте свободно падать в заднее-переднем направлении (с неким ускорением, тем большим, чем мощнее генератор). То есть всё будет так, будто впереди вас выросла некая планета, и вас к себе притягивает, заставляя иметь ускорение свободного падения по направлению к её поверхности. А выключи генератор, мгновенно остановишься. Ну, просто перестанешь так вот – описанным образом – свободно падать: это и будет такой остановкой, не потребовавшей затормаживающих перегрузок. Другими словами, с подобным генератором у вас в кармане безынерционное движение: в какой угодно бок, с каким угодно ускорением и без малейших перегрузок, подразумевая мгновенную переключае-

мость со стороны на сторону. Сколько мне доводилось читать, именно так и летают НЛО. Имеют, наверно, такой генератор?

Что же до техники возмущения эфира, то у нас уже есть задатки. Радиоволны ведь – волновое возмущение эфира, и мы умеем их генерировать. С помощью колебательного контура, коим оснащён любой радиопередатчик.

Сказать точнее, колеблется виртуальный студень вакуумного пространства – по квазигранице своей с невозмущённым эфиром. Этакую-то волну вот уже сто лет и прозываем радиоволною. И от колебательного контура, как её генератора, всего пол-шага до, так сказать, вихревательного контура. Этак условно называем тех. устройство, способное доводить вакуум-пространство до состояния вихрей. С тем, что эти получающиеся вихри (и не назвать ли их радиовихрями?!) предстают нам некими вещественными квазиобразованиями. Ну или чем-то вроде квазивещества, как минимум. И не распадайся порции такого "вещества" мгновенно, то есть имей они осязаемое время жизни, как всё в ажуре: генерируй такую в дюзе космолетной, и успеешь от неё оттолкнуться. А там от следующих за ней, и так далее. То есть не надо брать с собой ракетное топливо, достаточно иметь бортовой энергоисточник (в лице, например, ядерного реактора – типа как на подводных лодках).

Есть у меня и природный кандидат на звание радиовихря. Это шаровая молния. Так называемая! Наблюдаются подобные "молнии" как правило после гроз, так ведь и радиоволны грозы испускают в самом широком диапазоне (недаром первые радиоприёмники называли грозоответчиками, – отвечать-то им тогда больше не было на что – по причине отсутствия радиопередатчиков). Далее, радиоволна свободно проходит через стекло, но и о шаровых молниях известно, что проникают в комнаты через герметичные окна, не повредив стекла (в отличие от обычной молнии: лист бумаги, помещённый меж полюсами статозлектрического генератора, оказывается пробит по приведению того генератора в действие, – дырочки от микромолний учителя физики нам ещё в школе показывают). Ну и всё такое в том же духе. И прошу не покупать здесь на факт светящегося шара (под коим, собственно, и понимают шаровую молнию). Этот светящийся шар – лишь сопутное явление. Ну, если уж радиоволны имеют свойство разогревать вещественные предметы, то радиовихрю такое должно быть свойственно и подавно. Он и разогревает, в смысле что окружающий воздух, да так сильно, что ионизирует, – тем и возникает тот видимый плазмод, в который радиовихрь обычно "упакован". Такого бы не было, наблюдай мы радиовихри в вакууме. Хотя и там не исключают какого-нибудь сопутного им свечения. А что до плазмоида, то он обычно ещё и вращательно перетекающий в самом себе. Что понятно: плазма способна взаимодействовать с магнитным полем, вот и вовлекается радиовихрем во вращение.

Однако всё это – несколько в сторону от генерации самого пространства. Генерация последнего – первовозмущение эфира, в отличие от генерации ра-

диоволн или создания подобия вещества энерговодействием на физический вакуум. Два последних случая – лишь довозмущения первично уже возмущённого эфира, а вот как его именно что первично возмутить? Тут не обойтись, мне думается, без прямого воздействия на четвёртую миромеру, непривычного пока нам. На четвёртую миромеру как то, что предстаёт нам пока предельно неспецифически – в виде феномена времени.

И остаётся ещё наметить один важный возможный подход. Ежели вещество встроено в вакуум, а не просто болтается "в пустоте", и изменением состояния движения в нём меняет эту встроенность (что есть смена им своей первоначальной массы), то напрашивается и обратное – воздействием на встроенность вещества менять её характер, тем приводя то вещество (в его организованности в предмет) к новому состоянию движения. К новому такому состоянию как соответствию новому характеру встроенности.

То есть что? Как одиночное тело в вакуумном пространстве обладаем лишь одним – инертностью. Вот на последнюю и опираемся – в прямом и переносном смысле слова. Подступив к ней и начав её увеличивать или уменьшать – через спецконтакт с прилежащим вакуумом, – в качестве приложения получаем свою телесную ускоряемость или замедляемость, соответственно.

То есть устройство, непосредственно способное менять вашу инертность, претендует на роль безопорного движителя, годного для полной пустоты. Пустоты в смысле отсутствия какого бы то ни было вещества, от которого бы вы могли бы оттолкнуться.

Итак, воздействие на саму смычку мат. тела с вакуумом, – вот что предлагается. Микроэфировихри, составляющие тело, при его движении постоянно через себя пропускают вакуум. Как бы перекачивают его сквозь себя, это и оказывается означенной смычкой. И характер её сменяем, надо только приложиться непосредственно к вращаемости вихрей, тем заставляя их вращаться быстрее или медленнее. Сумеешь заставить вращаться быстрее – в качестве сопутного эффекта получишь поступательную – в пространстве – ускорившись тела, теми микровихрями составленного, а сумеешь добиться более медленного вращения, так это оборачивается поступательной замедлившестью тела. Большой его поступательной медлительностью как новым состоянием движения.

А в конкретике? Ну, если выразаться в созвучном эпохе ключе, то просто есть в природе некое поле – до конца не ясной пока фактуры и с тем свойством, что когда напряжённость его вокруг мат. тела достигает некой критической величины, тело то начинает менять состояние своего движения в пространстве, столбя этот процесс последовательным изменением своей массы. Вот такое поле и призываем научиться создавать вокруг выбранных тел.

10. Теперь вы наконец в курсе, какую видится современная физика эфирно продвинутой человеческой субъектности!

Данная книга, собственно, не физическая. (Напоминаю, что подразумевается моя книга "Введение в психотехнику", физический раздел из которой издан отдельной книгой. Последнюю вы и держите в руках. – Прим. автора.) А потому обрисовано нами всё только в общих чертах. В надежде, что физики подхватят и доразовьют. Наше дело виделось лишь в датию физической механике толчка (так и просится добавить, что под зад, – слишком он у ней отвис за последнее столетие – со времён творческой активности Эйнштейна).

Вдобавок к несомненно физической направленности книги, ещё и сам я, собственно, не физик. Посему в тексте возможны ляпы – пожалуйста, признаю. Настаивается на одном только – на общем значении наговоренного. Ну, на некой его общей сумме. Никакие отдельные ляпы сумму эту для физики не перечёркивают. Вот и всё.

А что до математики, то я немного "передёрнул". Формулы, раз по теме начавшись, развиваются далее по своей внутренней логике, тем где-то уже ведя их употребившего. Этим свойством – вести пользователя математическая семантика обладает на ступень выраженной семантик прочих. Оттого-то математизация теорий всегда высоко котировалась – с чисто прагматической точки зрения, как видим.

11. "Жизнь это драма, драма идей!" – воскликнул однажды Эйнштейн. Как гений, он хотя бы подспудно чувствовал, что борьба идей теоретической физики есть неявная (и драматическая!) борьба жизненных позиций, фактически являющихся нашими психопозициями. Ведь если психоподход айсберг, то мироустроенческие идеи – его надводная часть! Из-за чего наука физика, как борьба таковых идей, от самого своего начала незаметно выступала застрельщиком в борьбе непривычных психофизических методик людей – с привычными. Или даже сказать – в борьбе непривычного с привычным (так сказать, традиционным и неправильным!) в психофизическом поведении людей. То внутреннее людское поведение, поведение людей в самих себе! А точнее, эзотерическая часть последнего. Поведение, посредством которого человек, в конечном счёте, являет себе физический мир таким, каким являет! Так что, ещё бы тут не иметь места драме: победа неправильного психофизического поведения очень многим для человека чревата, раз уж поведение такое завязано на физику бытия. Косой замес психики на физику мира – вот в чём оказаться постоянно рискуем! Плюс это драма, окончательно реализующаяся "под водой", а оттого получающая особливый накал. Ведь присаживающееся вмешиваться в неё сознанием – мало можешь, для этого надо в себя "нырять".

Итак, борьба идей, и в первую очередь идей мироустроенческих, это надводная часть "айсберга" человеческой борьбы на стезе психофизики. Верхний пласт такой борьбы. Освобождаемость за счёт своей ментальности от иллюзий

восприятия! Судите сами: Солнце видится вращающимся вокруг неподвижной земной тверди, и требуется Коля Коперник, чтоб допереть и доложить "благодарному человечеству", что всё до известной степени наоборот. Или вот: для имения телом постоянной скорости виделась необходимость приложенности к нему некой постоянной же толкающей силы, и потребовался Галилей, чтоб "разуть глаза" людям и здесь: мат. тело движется без изменений, если его ничего не задерживает. Продолжите далее список сами, а мы лишь отметим, что пришло время взяться за само время в этом поступательном ментальном процессе. На само время как понятие "разуть глаза"! Да и на пространство заодно. Что мы и пытались сделать по мере сил.

Являемость физики на самом деле психофизикой – то неогнбаемая для человека и скрытая от него являемость. Из скрытости её вытекает, что человеческий прогресс в целом затруднён. Из самого же факта её наличия вытекает, что чем считаешь жизнь и себя в ней, тем она и ты в известном смысле и выступаете. И если считаешь неправильно, то некой физической неправильностью и оказываешься – так или иначе, вместе со своею жизнью. Чем не драма?! А проистекает – в конечном счёте – именно от идей.

Так что: король умер – да здравствует король! Физика как физика умерла – да здравствует физика как психофизика! "Чистая" физика как наука кончилась, тем родившись физикой, в которую официально замешано человеческое психоустройство (мы к тому, что в "чистую" физику оно тоже было замешано – неофициально, из-за неофициальности той не давая в ней должного эффекта, должного теоретического эффекта фактом своего присутствия).

май 2005 г

Научное издание

ТКАЧЁВ Виктор Григорьевич

**РЕЛЯТИВИСТСКАЯ МЕХАНИКА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД ПО-СТАРОМУ**

В авторской редакции

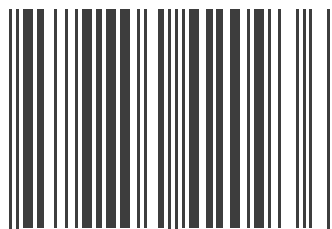
Технический редактор *Гавриленко В.Г.*

Подписано в печать 11.11.2008. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная
Гарнитура Roman. Печать цифровая Усл.печ.л. 19,2 Уч.изд.л. 19,5
Тираж 100 экз. Заказ № 662.

ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0056831 от 01.04.2004.
220072 Минск Сурганова 1, корп. 2. Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66.

Отпечатано на настольно-издательской системе XEROX
в ИООО «Право и экономика»

ISBN 978-985-442-608-2

9 789854 426082